

ОЧЕРК СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

ОПЕЧАТКИ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Надо</i>
9	12 сверху	признаки общности территории экономической жизни.	признак общности экономической жизни.
22	5	логический	логический,

Шахматов, Очерк соврем. русск. литерат. языка. Зак. 183.

С вводной статьей проф. С. И. БЕРНШТЕЙНА

АКАДЕМИК А. А. ШАХМАТОВ

ОЧЕРК
СОВРЕМЕННОГО
РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА

Издание четвертое

С ввОДНОЙ СТАТЬЕЙ ПРОФ. С. И. БЕРНШТЕЙНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
НАРКОМПРОСА РСФСР
МОСКВА
1941

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Четвертое издание «Очерка современного русского литературного языка» перепечатано с третьего, выпущенного под ред. акад. С. П. Обнорского в 1936 году.

В настоящее издание внесены следующие изменения:

1) Переработана и расширена вводная статья проф. С. И. Бернштейна.
2) В текст «Очерка» (на стр. 100 и 103) вставлены две таблицы гласных и согласных звуков московского наречия. (Таблицы взяты из литографированного «Курса истории русского языка» акад. А. А. Шахматова, ч. I, изд. 2-е, СЛБ 1910—1911.)

3) В конце книги даны три приложения:

а) статья акад. А. А. Шахматова «Русский язык, его особенности. Вопрос об образовании наречий. Очерк основных моментов развития литературного языка». (Статья перепечатана из «Истории русской литературы до XIX века» под ред. А. Е. Грузинского, т. I, 1916, стр. 39—63.)

б) Введение к I выпуску «Синтаксиса русского языка» акад. А. А. Шахматова (Л. 1925, стр. 1—31).

в) Введение ко II выпуску «Синтаксиса» (Л. 1927, стр. 1—15).

Перечисленные статьи помещены здесь с целью дать в одной книге необходимые для студентов труды акад. А. А. Шахматова по современному русскому литературному языку.

Текст «Очерка» перед сдачей в печать был заново сверен по указаниям проф. С. И. Бернштейна.

А. А. ШАХМАТОВ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА.

І. Биографические сведения.

Научная деятельность академика Алексея Александровича Шахматова (1864—1920) представляет собой одну из самых блестящих глав истории русской филологии. Две особенности в первую очередь характеризуют Шахматова как ученого: редкая для его эпохи широта тематики и, в то же время, яркая целеустремленность всей его сорокалетней научной деятельности, в конечном счете направленной к разрешению единой основной проблемы. Он создал ряд основополагающих трудов по истории и диалектологии русского языка, по современному русскому языку, по изучению русских летописей, по сравнительной грамматике славянских языков, по исторической этнографии Восточной Европы. Но тематическое ядро этой много-сторонней исследовательской работы на протяжении всей жизни Шахматова остается неизменным: это — проблема возникновения и становления русского народа и его культуры в отражении языка и письменности¹.

¹ Основные труды А. А. Шахматова, в которых содержатся последние результаты и обобщения его исследований:

а) по истории русского языка в связи с диалектологией, сравнительной грамматикой славянских языков и древнейшей историей славянского и русского племени: «Курс истории русского языка» (Литогр.; ч. I, изд. 2-е, СПб 1910—1911; ч. II, изд. 2-е, СПб 1911—1912; ч. III, СПб 1909—1910; Учпедгизом готовится новое издание III части, содержащей историю склонения); «Очерк древнейшего периода истории русского языка» (Пг. 1915) составляет вып. 11-й «Энциклопедии славянской филологии», издававшейся Отделением русского языка и словесности Академии наук; «Введение в курс истории русского языка», ч. I (Пг. 1916); «Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка» (в коллективном труде «Украинский народ в его прошлом и настоящем», т. II, Пг. 1916); «Русский язык, его особенности. Вопрос об образовании наречий. Очерк основных моментов развития литературного языка» (в коллективном труде «История русской литературы до XIX в.», под редакцией А. Е. Грузинского, т. I, М. 1916; перепечатано, в качестве приложения, в настоящем издании); «Древнейшие судьбы русского племени» (Пг. 1919);

б) по современному русскому литературному языку: «Очерк современного русского литературного языка» (курс, читанный в СПб Университете в 1911/12 и 1912/13 уч. годах; литогр. изд. — СПб 1913; 1-е печатное изд. — Лг. 1925; 2-е — М. 1930; 3-е — М. 1936; настоящее 4-е — М. 1941); «Синтаксис русского языка» (посмертно: вып. I — Л. 1925; вып. II — Л. 1927; Учпедгиз

Необычайно рано, уже в десятилетнем возрасте, наметил он с полной определенностью основную тему своих научных изысканий и не изменял ей ни на час в последующие сорок шесть лет своей жизни. Истоком его научного развития послужил зародившийся еще в детстве интерес к древнейшей эпохе русской истории, к проблеме происхождения русского народа и возникновения русской государственности. Очень быстро он усмотрел связь между этими вопросами и сравнительным языкознанием, открывающим путь к использованию языка в качестве исторического источника. Интерес к истории языка становится у него доминирующим. Он приступает к систематическим занятиям по языкознанию под руководством виднейших лингвистов; среди его руководителей — московские профессора В. Ф. Миллер, Ф. Е. Корш и, главным образом, Ф. Ф. Фортунатов — первый в русской науке представитель «младogramматического» направления, крупнейший специалист по сравнительной грамматике и основатель «москoвской», или «сравнительно-исторической» школы русского языкознания, конкурировавшей с «казанской», «психологической» школой И. А. Бодуэна де-Куртене. Шахматов становится ближайшим учеником Фортунатова. Методология Фортунатова наложила яркую печать на труды Шахматова по исторической грамматике русского языка и по сравнительной грамматике славянских языков и была им преодолена только в последних работах, посвященных современному русскому языку.

Первые научные выступления Шахматова относятся еще к гимназической поре его жизни. Гимназистом VI класса, в 1881 году, он вступает в переписку с И. В. Ягичем — авторитетнейшим славистом, петербургским академиком и редактором издававшегося в Берлине журнала «Archiv für slavische Philologie». В том же году он печатает в V томе этого журнала результаты своих наблюдений над языком древнерусских памятников; в VI томе (1882) появляется вторая его работа в этой области, а в VII томе (1883) — его рецензия на магистерскую диссертацию А. И. Соболевского, на защите которой в Московском университете он выступил неофициальным оппонентом.

В 1883 г. Шахматов поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Еще студентом он напечатал первый из своих основных трудов — «Исследование о языке Новгородских грамот XIII и XIV века» (1886) и в 1887 г., по окончании университета, был оставлен при кафедре русского языка и словесности. В 1890 г. он закончил магистерские экзамены и, получив звание приват-доцента, приступил к чтению курса истории русского языка, однако по истечении семестра прекратил преподавательскую деятельность и возобновил ее только через 18 лет в качестве

зом подготовлено 2-е издание; введения к I и ко II выпускам перепечатаны в качестве приложения в настоящем издании);

в) по изучению русских летописей: «Разыскания о древнейших русских летописных сводах» (СПб 1908); «Повесть временных лет», т. I (Пг. 1916); «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.» (посмертно: М. 1938); «Повесть временных лет и ее источники» (посмертно: «Труды Отдела древнерусской литературы», Академия наук СССР, т. IV, Лг. 1940).

профессора Петербургского университета (1908—1920). В 1894 г. он защитил в Московском университете диссертацию «Исследования в области русской фонетики» и получил докторскую степень, минуя степень магистра. В том же году избран адъюнктом Академии наук, а в 1897 г. — академиком.

Избрание в Академию расширило круг деятельности Шахматова, включив в него организационные задачи, число которых непрерывно возрастало и которые тем не менее не отвлекали его от интенсивной исследовательской работы. Сюда относится редактирование «Словаря русского языка» (с 1894 г.), «Известий Отделения русского языка и словесности Академии наук» (с 1896 г.), «Материалов для изучения великорусских говоров» (с 1896 г.), ряда томов «Полного собрания русских летописей» и других изданий Археографической Комиссии и Отделения этнографии Русского Географического Общества, заведование I отделением академической библиотеки, председательство в Отделении русского языка и словесности Академии наук (с 1906 г.), организация диалектологических исследований, составление программы для собирания особенностей русских говоров и многое другое. Особо следует упомянуть о роли Шахматова в реформе орфографии: он принимал ближайшее участие в работах Орфографической комиссии и подкомиссии при Академии наук (1904 и 1910—1912) и защищал реформу в печати¹; 11 мая 1917 г. под его председательством в Академии наук состоялось совещание, окончательно установившее пункты введённой реформы. Эта кипучая и неутомимая деятельность, исследовательская, организационная и преподавательская, сделала Шахматова центральной фигурой русской филологии и организатором научной разработки русского языка на протяжении четверти столетия (1895—1920); результаты его исследований частью включились в науку в качестве прочного ее достояния, методологического и вещественного, частью послужили и продолжают служить объектом критики и мощным импульсом для дальнейших научных изысканий².

¹ См. его полемическую статью «*Audiat et altera pars*» в газете «Русь» от 10 мая 1904 г.; в основной части перепечатана в книжке В. И. Чернышова «Упрощение русского правописания» (по 3-му изд., Тверь 1913, стр. 61—65).

² Биографии, характеристике личности и оценке научного наследия Шахматова посвящены следующие книги, статьи и страницы: «Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук», т. XXV, 1920 (Иг. 1922); «А. А. Шахматов» (вып. VIII серии «Очерки по истории знаний», изд. Академии наук СССР, Л. 1930); записка акад. А. Ф. Бычкова «Об ученых трудах доктора русского языка и словесности А. А. Шахматова» («Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 63, СПб 1897, стр. XX—XXIV: Приложение I к «Извлечениям из протоколов заседаний Отделения русского языка и словесности за 1894 г.»; В. В. Виноградов, А. А. Шахматов (Иг. 1922); Б. М. Ляпунов, Памяти акад. А. А. Шахматова (Обзор его лингвистических трудов) («Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук», т. XXVIII, 1923; т. XXIX, 1924); Е. Ф. Карский, Очерк научной разработки истории русского языка в пределах СССР (Лг. 1926, «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР», т. 101, № 1, стр. 77—87); Е. А. Масальская, Повесть о брате моем А. А. Шахматове, ч. I (М. 1929); В. В. Виноградов, Современный русский язык, вып. 1-й (М. 1939, стр. 69—96); и мн. др. В первых двух из указанных изданий помещены краткая автобиография и полный перечень трудов Шахматова, а во втором из них — также и библиография о Шахматове.

II. Методология лингвистических исследований.

1. К тому времени, когда Шахматов начинал свою исследовательскую деятельность, в европейском языкознании обозначились два различных направления интересов, в основе которых лежало (правда, не всегда осознанное) различие концепций языка.

Одна часть лингвистов замыкалась в области сравнительной грамматики и либо отрицала, либо игнорировала (если не в принципе, то на деле) проблему связи языка с социальным коллективом (племенем, народом) — носителем языка. Типичными представителями этого направления явились лингвисты «младogramматической школы», выступившие сомкнутым строем незадолго до появления первых работ Шахматова («Morphologische Untersuchungen» Бругмана и Остхофа в 1878 г., «Prinzipien der Sprachgeschichte» Пауля в 1880 г.). Их точка зрения по данному вопросу разделялась и другими исследователями, стоявшими в оппозиции к ним во многих других отношениях. С наибольшей яркостью сформулирован этот взгляд как раз одним из их противников, Ф. де-Соссюром, в заключительной фразе его «Курса общей лингвистики»: «единственным и истинным объектом лингвистики является язык, рассматриваемый в самом себе и для себя»¹.

Такое направление исследования предполагает взгляд на язык как на некую обособленную сферу явлений, допускающую изучение в отрыве от других областей социальной жизни. Этот принцип стоит в прямом противоречии с замечанием Маркса и Энгельса: «Ни мысль, ни язык не образуют сами по себе особого царства; они суть только проявления действительной жизни»².

Противоположное направление представляли Якоб Гримм, Пикте, Ген, Фик, Шрадер, капитальный труд которого «Sprachvergleichung und Urgeschichte» («Сравнительное языкознание и первобытная история») вышел первым изданием в 1883 г. Принципиальную и яркую формулировку этого взгляда дал Якоб Гримм: «Я хотел не только строить дома, но и жить в них, — писал он в предисловии к «Истории немецкого языка»; — мне представлялась заслуживающей внимания попытка... извлечь пользу для истории из исследования языка»³. В первой половине 80-х годов этим методом исторического исследования воспользовался Фридрих Энгельс в своем труде «Франкский диалект»⁴.

Учитель Шахматова Фортунатов не отвергал этого принципа и не высказывал взглядов, подобных приведенной мысли де-Соссюра; наоборот, он отмечал, «что изменения, которые происходят в составе общества, сопровождаются и в языке соответствующими изменениями»⁵, но, сосредоточившись на проблемах сравнительной

¹ Ф. де-Соссюр, Курс общей лингвистики. Перевод с франц. А. М. Сухотина под ред. Р. И. Шор, М. 1933, стр. 207. Это — посмертный труд де-Соссюра, вышедший первым изданием в 1916 г.

² Маркс и Энгельс, Немецкая идеология, Партиздат, 1934, стр. 435.

³ J. Grimm, Geschichte der deutschen Sprache, Leipzig 1848, стр. XIII.

⁴ Опубликован впервые (на немецком и русском языках) Партиздатом ЦК ВКП(б) в 1935 г.

⁵ Ф. Ф. Фортунатов, Сравнительное языковедение (Общий курс). Лекции, читанные в 1901/02 ак. году. Литогр., М. 1902, стр. 5.

грамматики, он не имел случая применить этот принцип в своей исследовательской практике.

Второе течение было представлено в русском языкознании учеными, с которыми Шахматов не приходил в личное соприкосновение, — акад. И. И. Срезневским, жившим в Петербурге и умершим в 1880 г., когда Шахматову было 16 лет, и акад. Ф. И. Буслаевым, московским профессором, уже в 60-х годах сменившим занятия русским языком на изучение древней русской литературы, устной народной словесности и древнерусского искусства.

Замечательно, что Шахматов, испытавший сильнейшее методологическое влияние со стороны Фортунатова, во многом разделявший вместе с ним взгляды «младограмматиков», в кардинальном вопросе о взаимоотношении истории языка и истории общества последовал не за ним, а за Срезневским и Буслаевым. Особенно сильное впечатление произвел на него ранний труд Буслаева «О преподавании отечественного языка» (1844), ярко отразивший научные устремления Якоба Гримма. В речи, посвященной памяти Буслаева, Шахматов дал высокую оценку и тому этому труду, в котором «перед нами действительно раскрывается широкая картина исторического развития русского народа»¹.

Основной методологический принцип Шахматова, обусловивший также и тематический размах его исследований, утверждает неразрывную связь между «историей языка» и «историей его носителя, народа»². «В своих лингвистических построениях, в своей работе над восстановлением языка прошлых эпох, — пишет он, — историк языка должен искать постоянную опору в истории изучаемого им народа. Жизнь языка протекает параллельно и согласно с другими явлениями из жизни народной... Историк языка в праве отождествлять открытое им явление с соответствующим явлением народной жизни. Факт, наблюдаемый в области языка, оказывается непрерываемым показателем соответствующего ему факта в жизни народа»³.

Такой выбор был для Шахматова естественным, если не единственно возможным: к языкознанию он пришел от истории; история языка была для него лишь частью общей проблемы исторических судеб русского народа и в известной мере орудием изучения этой проблемы. При помощи усвоенных им от Фортунатова виртуозных приемов сравнительной грамматики он реконструирует незасвидетельствованный письменными памятниками «общерусский»

¹ «Четыре речи о Ф. И. Буслаеве, читанные в заседании Отдела Коменского 21 января 1898 г. А. И. Соболевским, А. А. Шахматовым, И. Н. Ждановым и В. А. Воскресенским», СПб 1898, стр. 10—11. Сжатую, но яркую характеристику Буслаева как лингвиста Шахматов дал также в «Курсе истории русского языка», ч. I, изд. 2-е, стр. 398—399.

² «Введение в курс истории русского языка», стр. 9.

³ «Курс истории русского языка», ч. I, стр. 11 и 13. Ср. И. И. Срезневский, Мысли об истории русского языка и других славянских наречий (1849), изд. 2-е, СПб 1887, стр. 3: «История языка, нераздельная с историей народа, должна входить в народную науку, как ее необходимая часть»; стр. 103: «Каждое слово для историка есть свидетель, памятник, факт жизни народа».

и далее — «общеславянский праязык»; на основании как языковых данных, так и сведений, почерпнутых у греческих, римских, арабских историков и географов, наконец — из Несторовой летописи, подвергая перекрестному допросу языковые и литературные источники, он исследует вместе с тем древнейшие судьбы носителей этих языков — «общеславянского» и «общерусского пранарода». Он пытается локализовать общеславянскую и общерусскую прародину, установить пути миграции пранародов, их этнографическое окружение, хронологию их распада, процесс образования наций и их племенной состав. «Фактами из жизни народной» он проверяет «факты из жизни языка» и, с другой стороны, «фактами из жизни языка» пользуется для заключений о «фактах жизни народной, почему-либо не засвидетельствованных, оставшихся не отмеченными»¹. Если диалектальные различия в языке служат для него отражением исконных племенных различий в этническом составе нации — различий, во многих случаях затуманенных позднейшими смешениями и объединениями, то, с другой стороны, от засвидетельствованных историческими источниками племенных различий он делает заключения о стершихся впоследствии различиях диалектальных; из данных о соседстве, схождении и связях племен он вполне обоснованно заключает о схождении и взаимовлиянии диалектов². Он исследует влияние на язык таких исторических фактов, как образование Киевского государства, татарское нашествие и возвышение Москвы³.

Принцип изучения истории языка в тесной связи с историей народа советская наука должна оценить как одну из положительных особенностей методологии Шахматова.

2. Движущие силы социального процесса, которые Шахматов учитывает в восстановлении прошлого народов, — это, главным образом, колонизационные движения, насильственные переселения под влиянием вторжений иноземцев, экономические и культурные связи между племенами и народами, оборонительные и наступательные объединения племен и, особенно, государственные объединения, образование и перемещение культурных, административных и политических центров⁴. Экономические процессы фигурируют у него в качестве импульсов к колонизационным движениям, вторжениям и объединениям племен⁵. Наряду с ними он ставит «наци-

¹ «Курс истории русского языка», ч. I, стр. 12—13.

² Иллюстрации применения этого метода Шахматов приводит в «Курсе», ч. I, стр. 12—14.

³ Ярче всего выступает у Шахматова представление о характере связи между историей народа и историей языка во «Введении в курс истории русского языка» и в статье «Русский язык, его особенности...», перепечатанной в этой книге. См. также введение к «Очерку древнейшего периода истории русского языка» и «Курс истории русского языка», ч. I, стр. 11—30, 207—209. Менее отчетливое отражение этих взглядов — в вводной главе к «Очерку современного русского литературного языка».

⁴ См. «Курс истории русского языка», ч. I, стр. 11—12; введение к «Очерку древнейшего периода истории русского языка»; «Введение в курс истории русского языка»; «Русский язык, его особенности».

⁵ Ср. «Очерк древнейшего периода истории русского языка», введение, стр. XXI, XXVI; «Введение в курс истории русского языка», стр. 66; «Русский язык, его особенности».

ональное» и «религиозное самосознание»¹. На вопрос о взаимоотношении всех этих факторов мы не найдем у Шахматова ясного ответа. С одной стороны, он рассматривает идеологические факторы как производные: упомянутое укрепление «национального, в особенности же религиозного самосознания» приводится как следствие татарского нашествия. Еще более определенный характер носит указание, что «во всякие времена и при всяких условиях» «культура проникает во всякую страну через ее городские и торговые центры. Купцы, горожане, правящие классы являются ее распространителями»². А с другой стороны, он утверждает, что «надия определяется общим языком и общими культурными и политическими учреждениями»³, упуская признаки общности территории экономической жизни. Таким образом, общая концепция социального развития остается у Шахматова эклектической.

Шахматов уделяет известное внимание социальному расслоению языка. Так, в Киеве XI в. он различает (хотя и предположительно) «язык господствующих классов» и «язык образованных классов» (духовенства), причем тот и другой отличаются от говоров сельского населения Киевской земли⁴. Реформу церковного языка, связанную с так называемым «вторым южнославянским влиянием» в XIV—XVI веках, он объясняет как результат борьбы социальных групп за руководящую роль в жизни русского народа⁵. Однако термины «класс», «господствующие классы» в трудах Шахматова не должны вводить в заблуждение: в его употреблении они лишены строго очерченного содержания и во всяком случае не связаны с признаком отношения к средствам производства; под классом Шахматов разумеет всякую общественную группу, выделенную по любому признаку. Искать у него понимания классовой природы феодального и капиталистического общества было бы бесполезно.

3. Лингвист и историк одновременно, Шахматов трактует и «народ» и «праязык» как исторические величины, которые путем реконструкции могут быть описаны во всей конкретности их бывшего существования. Ему было чуждо ограничительное толкование понятия праязыка в качестве методологической абстракции — толкование, с начала 70-х годов доминирующее в западноевропейской лингвистике (Шухарт; младограмматики: И. Шмидт, Дельбрюк, Пауль и др.) и представленное в русской науке И. А. Бодуэном-де-Куртене. Эта скептическая концепция, единственно приемлемая при современном состоянии наших знаний, четко сформулирована, между прочим,

¹ «Очерк современного русского литературного языка», стр. 64. Ср. «Курс истории русского языка», ч. I, стр. 207; «Очерк древнейшего периода истории русского языка», введение, стр. XLVII.

² «Введение в курс истории русского языка», стр. 79.

³ «Очерк древнейшего периода истории русского языка», введение, стр. XLVII. Ср. определение понятия «народ» в статье Шахматова «Русский язык», напечатанной в «Энциклопедическом словаре», изд. Брокгауз-Ефрон, т. XXVIII, СПб 1899 (стр. 564): «известные племена и народности, объединенные общностью нравов, верований, преданий и. . . языка».

⁴ «Введение в курс истории русского языка», стр. 80—83.

⁵ «Курс истории русского языка», ч. I, стр. 205—206.

виднейшим представителем современной сравнительной грамматики индоевропейских языков Мейе. «Единственная реальность, с которой она (сравнительная грамматика) имеет дело, — пишет он, — это соответствия между засвидетельствованными языками. Соответствия предполагают общую основу, но об этой общей основе можно составить себе представление только путем гипотез и притом таких гипотез, которые проверить нельзя; поэтому только одни соответствия и составляют объект науки. Путем сравнения невозможно восстановить исчезнувший язык... Однако для краткости выражения позволительно обозначать одним знаком каждый определенный ряд соответствия звуков»¹. Индоевропейский праязык в его понимании есть не более как «система соответствий»².

Еще определеннее высказан взгляд на праязык как на научную фикцию в принадлежащей Дельбрюку оценке праязычных форм как «формул, выражающих преходящие взгляды ученых на объем и характер языкового материала, унаследованного отдельными языками из праязыка»³.

Само собой разумеется, что сказанное здесь об индоевропейском праязыке в равной мере относится и к другим праязыкам, не оставившим письменных памятников и восстанавливаемым путем сравнения родственных языков.

Подобные формулировки явно противоположны взглядам Шахматова. Он стоит гораздо ближе к концепции Шлейхера, виднейшего представителя предшествующего периода развития лингвистики (умер в 1868 г.) — ученого, построившего «родословное древо» индоевропейских языков, утверждавшего, что индоевропейский праязык «сделался нам известен с некоторою точностью»⁴, и даже написавшего, хоть и в шутку, басню на этом языке⁵.

«Сравнительно-историческое изучение славянских языков...», — пишет в том же духе Шахматов, — приводит исследователя к точным и неопровержимым заключениям относительно звукового и морфологического строя общеславянского праязыка; но полное восстановление этого языка не может быть достигнуто без сравнительно исторического изучения родственных общеславянскому праязыку языков, составивших некогда вместе с ним одну общую индоевропейскую семью»⁶.

Недаром острит по адресу Шахматова А. И. Соболевский: «Как будто общеславянский праязык нечто вроде говора Саратовского

¹ А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Перевод Д. Кудрявского, переработанный и дополненный по седьмому французскому изданию А. М. Сухотинным, под редакцией Р. И. Шор, М.—Л. 1938, стр. 73—74.

² Там же, стр. 418.

³ В. Delbrück, Einleitung in das Studium der indogermanischen Sprachen, 4. Aufl., Leipzig 1904, стр. 124.

⁴ А. Шлейхер, Теория Дарвина в применении к науке о языке, СПб 1864 (перевод с немецкого), стр. 7.

⁵ Синтезирующий труд Schleicher'a «Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen» (Weimar 1861) Шахматов, по совету В. Ф. Миллера, штудировал уже в 15-летнем возрасте; см. его автобиографию, перепечатанную из «Материалов для биографического словаря действ. членов Академии наук» (ч. II, Пг. 1917) в XXV томе «Известий Отделения русского языка и словесности Академии наук», стр. 4.

⁶ «Курс истории русского языка», ч. I, стр. 334—335.

уезда, который г. Шахматов ежедневно слышит, и все эти ъ, я, ie могут быть наблюдаемы всяким, кому вздумается посетить Саратовский уезд»¹.

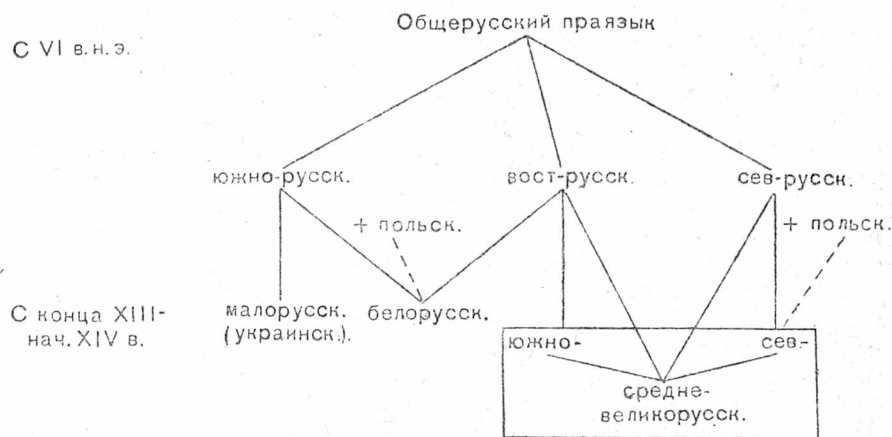
Метод реконструкции сводится у Шахматова примерно к следующей схеме. Если живые или засвидетельствованные письменными памятниками языки а, б, с, d, e, f обнаруживают ряд общих явлений, отличающих их от других языков, то эти языки родственны, т. е. являются продолжателями одного и того же праязыка М. Если, далее, языки а, б, с обнаруживают ряд дополнительных сходств, отличающих их от языков d, e, f, то это свидетельствует о более близкой степени их родства, т. е. о том, что в течение известного периода времени они составляли единый язык N, выделившийся из праязыка М и выработавший ряд признаков, сохранившихся в его продолжателях а, б, с; стало быть, эти языки выделены из праязыка М при посредстве промежуточного праязыка N; таким же образом может обнаружиться между языками d, e, f ряд дополнительных сходств, вынуждающих допустить известную эпоху их единства в форме промежуточного праязыка Р. Так как «факт, наблюдаемый в области языка, оказывается непререкаемым показателем соответствующего ему факта в жизни народа», то филляция языков и праязыков соответствует филляция народов и пранародов, возникающая в результате колонизационных движений. Поправки и уточнения в схему последовательного разветвления того или иного праязыка и пранарода вносит хронологизация появления признаков, обособляющих отдельные ветви (на основании внутренней связи этих языковых явлений и датировки древнейших письменных памятников), далее — данные исторических источников о взаимном расположении и миграции народов и племен, гипотезы по тому же вопросу, опирающиеся на взаимное расположение народов, языков и говоров в более позднее время, наконец — сведения о месте наисания памятников, обнаруживающих те или иные языковые особенности. Совокупность этих данных позволяет различить среди сходных признаков группы языков те, которые развились в каждом из этих языков самостоятельно, уже в пору их раздельного существования, и те, которые восходят к древнейшей эпохе и служат доказательством былого единства этих языков.

Так создается для каждого из живых или засвидетельствованных письменными памятниками языков многоступенчатая схема его происхождения и родственных связей с другими языками. Шахматов постоянно возражал против попыток возводить тот или иной живой славянский язык непосредственно к общеславянскому праязыку или хотя бы сопоставлять его непосредственно с общеславянским², минуя

¹ А. И. Соболевский, Рецензия на диссертацию Шахматова «Исследования в области русской фонетики», напечатанная в «Журнале Министерства народного просвещения», 1894, апрель, стр. 424.

² См., например, статьи: «До питання про початок української мови» (в журнале «Україна», 1914, I), посвященную разбору книги St. von Smal-Stockyi und Th. Gartner «Grammatik der ruthenischen (ukrainischen) Sprache»; «Заметки по истории звуков лужицких языков» («Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XXI, 1916, кн. 2), посвященные разбору книги Л. В. Щербы «Восточно-лужицкое наречие»; «Русский язык, его особенности», стр. 39, 45—46.

длинную цепь промежуточных праязыков¹. Сказанное можно плюстрировать следующей, составленной на основании выводов Шахматова² схемой последовательного распада общерусского (восточнославянского) праязыка (и, соответственно, общерусского пранарода, в результате его расселения и расплеменения), после его выделения из южнославянского праязыка (общего для южных и впоследствии отделившихся от них восточных славян), образовавшегося в результате обособления от общеславянского праязыка западнославянской ветви³:

Конечно, реконструкции переселений, относящихся к доисторическим и древнейшим историческим эпохам, равно как и реконструкции праязыков, являются всецело гипотетическими (ср. приведенные выше суждения Мейе и Дельбрюка), и Шахматов построил ряд широких и смелых исторических гипотез, всегда необычайно остроумных, но постоянно требовавших пересмотра и под влиянием постоянной критики и, еще чаще, по почину самого автора⁴.

Любопытно отметить, что достижения Шахматова в разработке летописей в значительной мере зависели от того, что к литературным памятникам он приложил тот же прием сравнительного изучения и реконструкции, которым пользовался в своих лингвистических исследованиях. Составляя ряд позднейших летописных

¹ Изложение принципов сравнительно-исторического метода в той модификации, которую сообщил ему Шахматов, см. в его статье «Русский язык, его особенности», стр. 229—231.

² «Введение в курс истории русского языка».

³ Знаком + и пунктирной чертой обозначаю в схеме смешения с другими славянскими языками.

⁴ Обзор и критику историко-этнографических построений Шахматова можно найти в работах П. А. Бузюка («Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XXIII, кн. 2), В. А. Пархоменко (там же, т. XXV), Н. М. Петровского (там же), Lehr-Splawiński'oro («Rocznik Slawistyczny», т. IX, кн. I), Meillet («Revue des Études Slaves», т. I, кн. 1—2) и др.

сводов и выделяя их общие элементы, он восстанавливал более ранние, не дошедшие до нас своды и создавал их «родословное древо»¹, точно так же, как из сопоставления живых и засвидетельствованных памятниками славянских языков он выводил общеславянский праязык, устанавливая степени родства между его потомками. Конечно, и эти историко-литературные реконструкции содержат много гипотетического, но по самому характеру объекта исследования гипотезы в этой области допускают более прочное обоснование и легче доступны проверке.

В своих реконструкциях Шахматов широко пользовался объяснениями языковых образований на основе смешения — этнического смешения племен, с одной стороны, и восприятия одним языком особенностей другого языка в результате непосредственного соприкосновения носителей этих языков или культурного влияния при посредстве письменности, с другой. Как показывает приведенная схема, белорусский язык он объясняет как продукт смешения части «южнорусского» племени, ассимилировавшей себе ляхские (западнославянские, прапольские) элементы, с частью племени «восточнорусского», также смешавшейся с ляхским населением; «великорусский» язык — как продукт смешения другой части «восточнорусского» племени с племенем «севернорусским», опять-таки испытанным польское влияние; «средневеликорусские говоры» — как продукт смешения сперва «восточнорусского» и «севернорусского», затем «северновеликорусского» и «южновеликорусского» населения. В языке Киева XI в., как было уже отмечено выше, Шахматов различает «язык господствующих классов» и «язык образованных классов»; при этом он характеризует первый как результат смешения «нескольких русских живых говоров», а второй — как «древнеболгарский язык, прошедший через живую русскую среду... и ассимилировавшийся живому русскому языку...»; наконец, современный русский литературный язык представляет собой древнеболгарскую основу, подвергшуюся обрусению сперва в Киеве, а затем в Москве².

Характерно, однако, что все смешения, которые Шахматов устанавливает более или менее уверенно, происходят только между родственными, чаще всего — близко родственными языками. Здесь можно видеть отражение намеченной Фортунатовым теории схождения близких между собой языков, т. е. языков, имеющих «в недалеком прошлом общую историю»³. Шахматов не отвергал возможности влияния между неродственными языками, но пользовался такими гипотезами только для объяснения отдельных фонетических особенностей того или иного языка. Так, он допускает, что смешение согласных *ш* и *ч* в севернорусском наречии возникло под влиянием соседних

¹ Такие схемы филиации летописных сводов, построенные самим Шахматовым по типу приведенной выше схемы филиации общерусского праязыка, помещены в недавно опубликованном труде Шахматова «Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв.».

² «Очерк современного русского литературного языка», стр. 60—70; подробнее см. ниже, в главе IV.

³ Фортунатов, Сравнительное языковедение. Лекции, читанные в 1901/02 ак. г., стр. 83. Шахматов развивает аналогичные соображения («Курс истории русского языка», ч. I, стр. 11—12).

языков — западнофинских или, скорее, польского¹. Он сочувственно цитирует высказанное Бодуэном-де-Куртенэ предположение о том, что мазураканье (замена шипящих согласных свистящими) в восточных говорах польского языка могло возникнуть в результате финского влияния². Он роняет беглое замечание о том, что русский язык мог «изменить первоначальный музыкально-эспираторный характер ударения на эспираторный под влиянием инородцев»³. Но гораздо чаще между неродственными или отдаленно-родственными языками он допускал только лексические заимствования⁴.

4. Главным источником для восстановления истории языка Шахматов считал данные современных говоров. Показаниям памятников он отводил второстепенное место. И здесь опять обнаруживается единство и неуклонная последовательность его метода. «Подобно тому как сравнительное изучение славянских языков, — пишет он в критическом отзыве об «Исторической грамматике чешского языка» Гебауера, — приводит к восстановлению языка общеславянского... точно так же изучение современных чешских говоров дает нам представление о звуковом и формальном составе общечешского или пращешского языка»⁵.

«Я употребляю все старание, чтобы доказать вам, — внушал он своим слушателям, — что изучению памятников должно предшествовать изучение живого языка, что в основание всяких научно-лингвистических построений должны быть положены факты живого языка и что факты языка письменного могут быть рассматриваемы только как дополнительный материал, освещающий и подтверждающий тот процесс, который определяется сопоставлением данных, извлекаемых из живых наречий. Ставлю себе задачей доказать вам это для того, чтобы предостеречь вас от серьезных ошибок и неминуемых заблуждений, связанных с недостаточно критическим отношением к письменным памятникам»⁶.

Недоверие к написаниям памятников — в частности, памятников древнерусского языка — Шахматов обосновывал целым рядом доводов. Он указывал на относительно позднюю их дату, не позволяющую непосредственно восстанавливать по ним предшествующие эпохи языка, на иноземное происхождение русского письма, на недостаточное отражение в письменности разнообразия говоров, на

¹ «Введение в курс истории русского языка», стр. 55—56.

² Там же, стр. 56.

³ «Курс истории русского языка», ч. I, стр. 98.

⁴ См. его исследования «К вопросу о финско-кельтских и финско-славянских отношениях» («Известия Академии наук», 1911, №№ 9—10) и «Zu den ältesten slavisch-keltischen Beziehungen» («Archiv für slavische Philologie», т. XXXIII, 1912, перевод на русский язык, под редакцией проф. Е. Ф. Будде, в «Ученых записках Казанского университета», 1912, кн. 8). Гораздо смелее в допущении отдаленных смещений был постоянный оппонент Шахматова акад. А. И. Соболевский: ср. его гипотезу о славянском пранароде и праязыке как результате схождения славянобалтийского пранарода с одним из скифских (иранских) племен («Русско-скифские этюды» в «Известиях Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XXVII, 1922, стр. 331—332).

⁵ «Отчет о присуждении премий проф. Котляревского в 1898 г.», СПб 1899, стр. 37.

⁶ «Курс истории русского языка», ч. I, стр. 10; ср. там же, стр. 8—10, 108—109.

искусственность книжного языка, наконец — на самостоятельный путь развития письма, «дающий основание для целого ряда графических явлений, ничего общего с явлениями языка не имеющих»¹.

Многие из перечисленных доводов против чрезмерного доверия к письму (конечно, без применения к специфическим условиям истории русского письма) были впервые выдвинуты младограмматиками², которые настойчиво указывали на важность изучения живых диалектов. Тем не менее трудно было бы назвать лингвиста, который не только в теории, но и в своей исследовательской практике проявлял бы к графике памятников столь критическое отношение, так последовательно различал в историческом материале букву и звук, как это делал Шахматов. Он пристально изучал орфографические традиции в древнерусской письменности, устанавливал особенности отдельных школ письма, прослеживал миграцию орфографических приемов из отдельных районов славянского юга в южную Русь, из южной Руси на русский запад и север, выяснял графические признаки для определения места составления и переноски отдельных памятников; он постулировал искусственное книжное произношение, возникавшее на почве иноземного происхождения русского письма, и только из сопоставления написаний с данными диалектов современного языка выводил заключения о произношении прежних эпох³.

Его критика орфографии памятников представляет собой прочное методологическое завоевание, предохраняющее историческую грамматику русского языка от множества ошибок на почве доверия к письменному выражению звуков.

5. Настойчиво выдвигая тесную связь между историей языка и историей народа, Шахматов не мог не сознавать с полной отчетливостью принадлежности языка к области социальной. Поэтому мы должны поставить вопрос о том, как он представлял себе социальную природу языка. Ответ, который дает Шахматов на этот вопрос, гласит: «Реальное бытие имеет язык каждого индивидуума; язык села, города, области, народа оказывается известною научною фикцией, ибо он слагается из фактов языка входящих в состав тех или иных территориальных или племенных единиц индивидуумов»⁴.

Это учение о фиктивности национального и племенного языка свойственно почти всей буржуазной лингвистике последнего десятилетия. С ним мы встречаемся и у младограмматиков⁵ и у их противников — например, у Боуэна-де-Куртена⁶.

¹ «Курс истории русского языка», ч. I, стр. 182—184.

² См., например, XXI главу книги Ра и Гя «Prinzipien der Sprachgeschichte».

³ Чрезвычайно показательны в этом отношении исследование Шахматова «Несколько заметок об языке псковских памятников XIV—XV в.» (Журнал Министерства народного просвещения, 1909, июль.) О применявшихся Шахматовым методах критики написаний см. статью В. В. Виноградова в XXV томе «Известий Отделения русского языка и словесности Академии наук».

⁴ «Очерк современного русского литературного языка», стр. 9.

⁵ См. Н. Ра и Гя, Prinzipien der Sprachgeschichte, 4. Aufl., Halle 1909, стр. 37—38.

⁶ См., например, его «Введение в языковедение», изд. 5-е, литогр., 1917, стр. 41: «Конечно, так называемый русский язык представляет из себя чистейшую фикцию... Существуют... одни только индивидуальные языки... Племенной же или национальный язык представляет из себя средний вывод из известного количества индивидуальных языков».

Совершенно очевидна связь этого учения с механистической концепцией, согласно которой общество представляет собой простой конгломерат индивидов, а социальные явления рассматриваются как функции суммы индивидуальных сознаний. Если последовательно применить эту примитивно-эмпирическую точку зрения к области языка, то мы придем не к индивидуальным языкам, а к отдельным, разобленным актам речевой деятельности индивида. Подведение их под понятие индивидуального языка явится такой же абстракцией, как и построение понятия языка национального. Таким образом, с указанной точки зрения фиктивным окажется всякое понятие языка, кто бы ни являлся его носителем — народ, племя или индивид. У исследователя, для которого в центре внимания стоит понятие народа, такое понимание языка вырастает в непреодолимое внутреннее противоречие.

Между тем эта концепция влечет за собой определенные методологические следствия. Если единственной лингвистической реальностью является язык индивида, то он служит и единственным возможным объектом лингвистического исследования. И Шахматов не останавливается перед этим выводом. Во вступительных замечаниях к «Очерку современного русского литературного языка» он пишет: «Я сосредоточил свое внимание на фактах, известных мне из непосредственного наблюдения, т. е. прежде всего из собственного моего словоупотребления», и отмечает, что «такое самоограничение может представить известный интерес с точки зрения методологических требований». В обоснование этого утверждения приводится цитированное выше соображение о фиктивности национальных и вообще коллективных языков. Пусть действительные (повидимому, неосознанные) мотивы, убеждающие Шахматова в правомерности такого самоограничения, лежат в совершенно иной плоскости и сводятся к убеждению, что он, автор, является достаточно типичным представителем современного русского литературного языка; та мотивировка, которой он, сам того не замечая, маскирует это вполне законное обоснование, ярко изобличает несостоятельность разделяемой им теории.

Эта индивидуалистическая концепция находит выражение и в других высказываниях Шахматова. Так, он подробно излагает психологистическую (несколько, впрочем, не оригинальную) теорию языковых и, в частности, звуковых изменений¹. В «Очерке современного русского литературного языка», определяя значения падежей, он доходит до совершенно невразумительных формулировок: «Винительный падеж в отношении к действию, выраженному глаголом, принимают те имена, на представления о которых это действие переходит непосредственно... Творительный падеж имени означает, что действие совершается при помощи представления об этом имени, что это представление — орудие действия», и т. п.².

Самая механичность замены в этих определениях понятий предметов объективного мира понятиями представлений об этих предметах, сочетание реального действия с представлением как его объектом или

¹ «Курс истории русского языка», ч. I, стр. 76—107; ср. «Очерк современного русского литературного языка», стр. 107—108.

² «Очерк», стр. 122.

орудием указывает на то, что эта фразеология служит для мыслей Шахматова лишь заимствованной извне и плохо пригнанной оболочкой. Неудивительно, что, выдвигая подобные положения в теоретических рассуждениях и формулировках, он не пользовался ими в своей исследовательской практике. Характерно в этом отношении его возращение против методологии бодуэновской («психологической») школы (впрочем, истолкованной Шахматовым неправильно): «Вполне соглашаясь с необходимостью определить две категории изменений и чередований фонем, — пишет он, — а именно категорию, обусловленную действующими в настоящее время факторами, с одной стороны, и категорию, обусловленную факторами, действовавшими в прошедшее время, с другой, я думаю, что рискованно искать основания для такого определения в наличности или отсутствии представления о таких чередованиях в сознании говорящих ... Мне кажется, что необходимо искать прежде всего объективных данных при утверждении, что та или иная ассоциация фонем имеет действительно место в представлении говорящих; такие данные можно, например, видеть в подчинении новых слов (заимствованных) в их звуковых изменениях тем звуковым нормам, которые господствуют в ряде однородных в звуковом отношении старых слов ...»¹. И этому объективному методу он следует в том самом «Очерке современного русского литературного языка»², который, как было сейчас показано, изобилует теоретическими высказываниями в противоположном направлении. В последнем своем труде, в «Синтаксисе», он и в теории в значительной степени освобождается от индивидуалистической концепции языка. Его эволюция находит наглядное выражение в тех определениях значений надежей, которые он дает в «Синтаксисе»: «Винительный падеж объекта показывает, что последний испытал на себе действие глагольного признака во всем своем объеме, без всякого ограничения»; «... между прочим, творительный падеж означает орудие, при посредстве которого обнаруживается действие»³.

6. Лингвистические работы Шахматова в огромном большинстве посвящены истории языка. Виднейший представитель «сравнительно-исторической школы» русского языкознания, он твердо держался исходного принципа, сформулированного вслед за западноевропейскими младограмматиками⁴ основателем школы Фортунатовым: «Предметом языковедения является человеческий язык в его истории ... Языковедение, имеющее предметом изучения человеческий язык в его истории, может быть, следовательно, определяемо иначе как история человеческого языка»⁵.

Шахматов не раз высказывал аналогичные суждения. В «Очерке современного русского литературного языка», на первой же странице, он развивает ту же мысль: «... всякое объяснительное изложение фактов языка равносильно историческому их изображению, ибо факты

¹ «Заметки по истории звуков лужицких языков» («Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XXI, 1916, кн. 2), стр. 243.

² См. стр. 108: о произношении заимствованных слов.

³ «Синтаксис русского языка», вып. I, стр. 320, 336.

⁴ См. Paul, Prinzipien der Sprachgeschichte, стр. 20—21.

⁵ Фортунатов, Сравнительное языковедение. Лекции, читанные в 1901/02 ак. г., стр. 4.

современного языка в их взаимоотношении могут быть поняты только в историческом освещении, ведущем при этом не только в ближайшее прошлое, но углубляющемся и в самые отдаленные эпохи жизни языка», и т. д.¹.

Если оставить в стороне некоторые детали, то возражать против этих формулировок не приходится. Не подлежит сомнению, что язык, как и всякое социальное явление, должен изучаться исторически, и ни на минуту исследователь не должен забывать, что объект его изучения является продуктом исторического развития и продолжает непрерывно изменяться во времени. И все же в результатах своих историзм Шахматова вызывает серьезные возражения и позволяет говорить о незакономерном сужении задач лингвистики. Нигде (кроме незаконченного, посмертно изданного «Синтаксиса») язык определенной эпохи не выступает у него достаточно отчетливо как определенный этап на пути исторического развития, как исторически обусловленная и содержащая зародыши дальнейших изменений система одновременно действующих социальных норм, определяющих процесс общения между членами данного общества². Принципиально Шахматов не отрицает ни необходимости, ни научности «описательного изложения», которое он противопоставляет «объяснительному»; он только выставляет вполне обоснованное требование, чтобы «описательное изложение» опиралось «и на данные, добытые историей языка». Но из этого требования он делает слишком широкие методологические выводы. Не ограничиваясь объяснением пережиточных явлений и колебаний в языковой практике, свидетельствующих о происходящих в языке исторических процессах, он пытается — по крайней мере, в ряде случаев — заменить выяснение живой связи между разновременными возникшими и сосуществующими фактами языка выяснением их происхождения. Так, излагая систему современного русского склонения, он различает «исконные», т. е. свойственные индоевропейскому праязыку, основы на *-o* и *-jo*, на *-й*, на *-ї*, на *-ї̄*, на *-ā* и *-jā*, в русском языке, а частью и в исторически предшествовавших ему языках, давно изменившиеся, смешавшиеся и перегруппировавшиеся³.

¹ Более ранние высказывания Шахматова в том же духе см. в лекции «К вопросу об историческом преподавании русского языка в средних учебных заведениях» («Труды Первого съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях», СПб 1904, стр. 408).

² В этом направлении много сделали два современных Шахматову лингвиста — И. А. Бодуэн-де-Куртенэ и Ф. де-Соссюр. См. у Бодуэн-де-Куртенэ различие живых и исторических чередований (иначе — «дивергенций» и «корреляций») в «Некоторых отделах «сравнительной грамматики» словенских языков» («Русский филологический вестник», 1881, т. V), в книгах «Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen» (Strassburg 1895) и «Введение в языковедение» и в ряде других работ; у де-Соссюра («Курс общей лингвистики») — различие «синхронической» и «диахронической» лингвистики. Однако оба эти построения носят индивидуалистический характер, а второе из них, кроме того, обнаруживает разрыв между «синхронией» и «диахронией».

Шахматов соглашался с принципиальной необходимостью различать две намеченные Бодуэном категории фонетических чередований (см. приведенную выше выдержку из «Заметок по истории звуков лужицких языков»), но не сделал из этого методологического положения обобщающих выводов.

³ Принципиальное обоснование этого методологического приема см. в «Очерке», стр. 123.

Только в самом последнем труде Шахматова, в «Синтаксисе русского языка», обнаруживается стремление принципиально разграничить историческую и «описательную» точку зрения и определить методологические принципы «описательной» грамматики¹.

Нельзя, однако, не отметить, что историзм Шахматова, даже оставаясь гипертрофированным, отличался такими положительными свойствами, которые редко встречаются в лингвистической литературе: целый ряд исторических изменений в той или иной области языка он проследил в их всестороннем воздействии на языковой механизм. Так, он детально рассмотрел влияние падения глухих гласных на систему склонения². Аналогичную работу он проделал по отношению к падению двойственного числа³. Подобные исследования, продуктивность которых не поддается учету, не имели прецедентов в разработке истории русского языка.

III. Понятие русского языка.

Термином «русский язык» в словоупотреблении Шахматова, как и всей современной ему лингвистики, покрываются три разных понятия, и многозначность этого термина служит симптомом внутренней противоречивости той концепции, которая породила такое словоупотребление.

Под русским языком Шахматов разумеет, во-первых, восточнославянскую группу языков, т. е. языки русский, украинский и белорусский (в рассматриваемой терминологии — «великорусский», «малорусский» и «белорусский») в их совокупности⁴. Во-вторых, русский язык — это один из трех восточнославянских языков — «великорусский язык»⁵. И, наконец, в-третьих, — это «культурный язык великорусского племени, получивший значение языка государственного»⁶.

В связи с многозначностью термина «русский язык» наблюдается у Шахматова неустойчивость в употреблении терминов «язык» и «наречие»: он говорит то о «великорусском» (или «русском»), «малорусском» (или «украинском») и «белорусском языках», то о «великорусском», «малорусском» и «белорусском наречиях».

Крайняя сбивчивость в разграничении понятий «язык» и «диалект» («наречие») характерна для всей буржуазной лингвистики. Уже у Шлейхера находим замечание, что «ни один лингвист не был в состоянии дать удовлетворительное определение языка в противоположность к диалекту», и это представляется ему «очень понятным»⁷. Мы уже видели, каким путем сравнительная грамматика устанавливает родство языков. Непосредственно связано с этим методом поло-

¹ См. ниже, главу V.

² «Курс истории русского языка», ч. III, стр. 307—313.

³ Там же, стр. 314—333.

⁴ «Введение в курс истории русского языка», стр. 12.

⁵ «Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка» в коллективном труде «Украинский народ в его прошлом и настоящем», т. II, Изд. 1916, стр. 664.

⁶ «Введение в курс истории русского языка», стр. 17.

⁷ Шлейхер, Теория Дарвина в применении к науке о языке, стр. 9.

жение, получившее наиболее яркую формулировку у Мейе: «Два языка, представляющие в своих грамматических формах, в своем синтаксисе и лексике целый ряд определенных соответствий, являются в действительности одним языком»¹. Развивая этот взгляд, Шахматов указывает, что различие между терминами «язык», «наречие», «говор», «вполне относительное... Русский язык, как и русский народ, можно назвать славянским наречьем, славянским племенем, имея в виду, что этот народ и его язык входили некогда в состав того предполагаемого целого, которое впоследствии распалось на отдельные, дожившие до настоящего времени славянские племена и наречия»². Неудивительно, что «русский», «украинский» и «белорусский» языки обращаются у Шахматова в «великорусское», «малорусское» и «белорусское» наречия, как только он рассматривает их со стороны их происхождения и родства. Однако последовательно провести эту двойственную терминологию, строго разграничивая употребление обоих терминов, не представляется возможным³. Достаточно указать, что в статье Шахматова «Русский язык, его особенности» с каждым из прилагательных «белорусский», «малорусский», «южновеликорусский» и «северновеликорусский» сочетается то существительное «язык», то существительное «наречие», и наряду с этими «отдельными русскими языками» выступают «славянские языки» (в их числе и русский), называемые иначе «славянскими наречиями».

«Общеславянская семья языков, — пишет Шахматов, — выделила из себя единый... язык восточнославянский (позже получивший название русского); ... великорусский, белорусский и малорусский языки выделились уже из этого восточнославянского праязыка, а не непосредственно из праязыка общеславянского»⁴. Так как «трем главным русским наречиям (имеются в виду три указанных языка. — С. Б.)... соответствует деление русского племени на три отрасли — великорусскую, белорусскую и малорусскую»⁵, то «русский язык в научном употреблении этого термина» определяется как совокупность тех наречий и говоров, которыми как в настоящее время, так и в предшествующие эпохи пользовались, в качестве материнского, родного языка, русские племена... Каждый представитель русского племени, будь то великорус или белорус, или малорус (украинец), может назвать свой родной язык русским: он русский по его происхождению и в силу этого своего происхождения останется русским, каким бы изменениям ни подвергся с течением времени»⁶.

¹ Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, стр. 50.

² «Русский язык» («Энциклопедический словарь», изд. Брокгауз-Ефрон, т. XXVIII, стр. 564; ср. «Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка», стр. 665. Аналогичное рассуждение у Фортунатова («Сравнительное языковедение. Лекции, читанные в 1901/02 ак. г.», стр. 77—78).

³ Это удалось Фортунатову в абстрактно-методологическом рассуждении («Сравнительное языковедение. Лекции, читанные в 1901/02 ак. г.», стр. 72), но в применении к конкретным историческим образованиям такое словопользование неизбежно приводит к путанице.

⁴ «Введение в курс истории русского языка», стр. 12.

⁵ Там же, стр. 8—9.

⁶ Там же, стр. 7.

Это заключение, столь похожее на парадокс, представится вполне логичным, если учесть, что термин «русский» применен здесь в его родовом значении, в качестве синонима термина «восточнославянский».

Шахматов подчеркивает, что только «с точки зрения своего доисторического прошлого малорусский язык должен быть признан наречием русского языка», а «с точки зрения своего исторически засвидетельствованного прошлого» и «своего настоящего положения» он «должен быть рассматриваем как нечто отдельное от других восточнославянских языков, ибо мы не располагаем никакими указаниями на то, чтобы язык малорусов переживал теперь какие-нибудь общие с другими русскими языками явления в области звуков, форм, словообразования»¹.

Строго разграничивая, таким образом, эпоху доисторическую и эпоху историческую, Шахматов тем самым решительно отмежевывается от тех лингвистов, которые, подобно А. И. Соболевскому, утверждали единство «русского языка» по отношению к настоящему времени². Но вместе с тем он впадает в ошибку, связывая единство языка в современном обществе с племенным единством, опираясь на генетические взаимоотношения трех языков для определения их взаимоотношений в настоящем. Во всех приведенных выше высказываниях Шахматова язык рассматривается как достояние племени, и это относится даже к литературному языку. «Индивидуальные языки..., которые составляют главный объект наблюдения лингвиста..., — пишет Шахматов³, — нельзя оторвать от той или иной этнографической обстановки... Напротив, культурные языки стремятся перейти за этнографические пределы». И тем не менее «культурные языки», в его понимании, принадлежат также племени. «В отношении к индивидуальным русским языкам, — продолжает он, — мы... будем пользоваться этнографическими терминами: великорусский, малорусский и белорусский», а термины «русский» и «украинский язык» он прикрепляет к «культурным языкам» «великорусского» и «малорусского племени»⁴. Для эпохи капитализма, характеризующейся не племенными, а развитыми национальными союзами, это явный анахронизм, антиисторическая проекция гипотезы об «исконных» отношениях на современные взаимоотношения народов и языков — проекция, в конечном счете опирающаяся на убеждение в сохранении созданных «искони» социальных факторов на вечные времена. В понятии «народа» Шахматов смешивает племя и нацию, этнографическую категорию с категорией исторической

¹ «Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка», стр. 664—665.

² См. А. И. Соболевский, Лекции по истории русского языка, изд. 4-е, М. 1907, стр. 2.

³ Здесь надо вспомнить рассмотренные выше соображения Шахматова о фиктивности общих и реальности индивидуальных языков.

⁴ «Введение в курс истории русского языка», стр. 17. Содержащееся в этих замечаниях противопоставление «индивидуальных языков» языкам «культурного языка»; об этом свидетельствует предпринятый Шахматовым опыт описания русского литературного (т. е. того же «культурного») языка по данным одного из «индивидуальных языков» (см. выше, стр. 16).

(см. возражения И. В. Сталина Отто Бауэру¹), и впадает в противоречие, определяя национальный язык по этническому признаку; он не замечает, что понятие «народа» не одинаково в различных общественно-экономических формациях, потому что не различает и самих формаций. Формально логический не-диалектический историзм и здесь привел Шахматова к ошибочным заключениям. Этот историзм внушил ему мысль об относительности различия между «языком» и «наречием» и обратил для него вопрос о фактах — о реальных отличиях нации от племени, а с тем вместе — и об отличиях языка от наречия — в вопрос о терминах. Между тем в политической обстановке царской России, в атмосфере официального великодержавного шовинизма и угнетения национальностей, вопрос этот был далеко не безразличен. Жонглируя разными значениями термина «русский язык», царское правительство, не углубляясь в различия между концепциями Соболевского и Шахматова, рассматривало украинский и белорусский языки как «наречия» русского («великорусского») и черпало в этом сбивчивом и многозначном словоупотреблении «научные» основания для подавления украинской и белорусской культуры. Правда, на Шахматова представители официальной идеологии не ссылались: они оценивали его позицию как «украинофильство»². Им было известно, что именно Шахматов выступил с уничтожающей критикой «галицко-волыньской» теории А. И. Соболевского, который, возрождая гипотезу, выдвинутую в середине 50-х годов историком М. П. Погодиным³, пытался доказать, что исконное население Киевщины было великорусским, что украинцы первоначально занимали Галицию и Волинь и колонизировали Поднепровье не ранее XVI века⁴. «Мы должны отвергнуть самым решительным образом мысль о том, что Киевщина была в древности населена не предками современных малорусов, а предками современных представителей других русских народностей, — возражал Соболевскому Шахматов. — Искать в X—XI в. у Днепра великорусов представляется совершенно бесполезным, ибо великорусская народность происхождения нового»⁵. Шахматов приветствовал стремление украинской интеллигенции

¹ И. В. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, М. 1934, стр. 9.

² См. статью Л. Волкова «Два академика» (о Шахматове и Корше) в черносотенной газете «Московские ведомости» от 8 мая 1915 г.

³ М. П. Погодин, Записка о древнем языке Русском («Исторические чтения о языке и словесности в заседаниях II Отделения Академии наук», 1856 и 1857 гг., СПб 1857; то же в «Известиях II Отделения Академии наук», т. V, 1856, в «Москвитянине», 1856, № 2, и в «Исследованиях, замечаниях и лекциях» М. П. Погодина, т. VII, М. 1857).

⁴ А. И. Соболевский, Очерки из истории русского языка, ч. I, Киев 1884, стр. 67—69. Шахматов в своей диссертации «Исследования в области русской фонетики» (1893) принимал эту гипотезу (см. стр. 114, 132) — правда, с существенными оговорками. Позже он не только отказался от нее, но и подверг ее исчерпывающей критике: см. его статьи «К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей» («Журнал Министерства народного просвещения», 1899, апрель, стр. 24—25 и др.), «Русский язык» («Энциклопедический словарь», изд. Брокгауз—Ефрон, т. XXVIII) и наиболее подробно — в «Кратком очерке истории малорусского (украинского) языка», стр. 687—688.

⁵ «Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка», стр. 688.

заговорить с народом на родном его языке; он высказывал убеждение, что, раз возродившись, украинский литературный язык не может заглухнуть¹. Он принимал ближайшее участие в составлении записки Академии наук «Об отмене стеснений малорусского печатного слова»² и плана украинской энциклопедии³. Он сотрудничал в украинских журналах и научных сборниках; две его работы написаны на украинском языке.

Так противоречива была позиция Шахматова в вопросе о единстве русского языка. Он сам не мог не замечать этих противоречий и пытался примирить их, «решительно предостерегая... от каких-либо практических выводов из... научного положения... об исконном единстве русских племен и языков»⁴, указывая, что право украинского языка на «самостоятельное развитие» и «законность его употребления в литературе и публицистике» не нуждается в отрицании этого единства⁵, и подобными оговорками избобличая несостоятельность своих теоретических рассуждений.

IV. Вопрос о происхождении русского литературного языка.

1. К тому времени, когда Шахматов выступил с изложением своей концепции происхождения русского литературного языка, многое в этом вопросе оставалось неясным и вызывало разноречивые суждения в научной литературе. Трудami предшествующих исследователей твердо установлено было только то, что древнерусская литература, вплоть до реформы Ломоносова, создавалась на языке, представлявшем собой смешение русского народного языка с родственным ему древнеболгарским языком церковных книг («старославянским языком»); что соотношение русских и болгарских элементов в различных памятниках древнерусской письменности колеблется в зависимости от жанра произведения и от степени образованности автора, а отчасти — и переписчика; что, кроме письменности на этом смешанном языке («церковнославянском языке русского извода»), существовала в древней Руси также и письменность на чисто русском языке и, наконец, что болгарские элементы русского литературного языка постепенно вытеснялись и продолжают вытесняться элементами русского народного языка. Все остальное было спорным⁶.

¹ «Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка», стр. 705.

² Напечатана дважды Академией наук — в 1905 и 1910 гг.

³ Вышла в 1914—1916 гг. под заглавием «Украинский народ в его прошлом и настоящем».

⁴ «Введение в курс истории русского языка», стр. 17.

⁵ Там же, стр. 11—12.

⁶ К разногласиям, схематически излагаемым в дальнейших абзацах, см. следующие сочинения: И. И. Срезневский, Обзорение научных трудов А. Х. Востокова (вступительная статья к «Филологическим наблюдениям» А. Х. Востокова, СПб 1865, стр. XVIII—XIX); А. Х. Востоков, Рассуждение о славянском языке (в той же книге); М. А. Максимович, Собрание сочинений, т. III, Киев 1880: «Песнь о Полку Игореве» (1835, стр. 557—558), «История древней русской словесности» (1839, стр. 432—433, 440—443, 446—449), «Начатки русской филологии» (1845, стр. 69—70), «Филологические письма к М. П. Погодину» (1856, стр. 225, 227, 233 и др.); К. С. Акса-

Прежде всего, не решенным оставался вопрос об основе смешения в древнерусском литературном языке: одни исследователи полагали, что этот язык представлял русскую основу со старославянским наслоением (Срезневский); другие, напротив, утверждали, что этот язык был старославянским в своей основе, которая пропизывалась русскими элементами (Максимович, К. С. Аксаков, Соболевский).

Одни исследователи полагали, что церковнославянский язык в древней Руси применялся только в письменности (К. С. Аксаков); другие — что он служил также и разговорным языком грамотных людей, чем облегчался и ускорялся процесс его руссификации (Максимович).

Не выясненным оставался вопрос об объеме применения в письменности чисто русского языка: одни исследователи утверждали, что на чисто русском языке писались в древней Руси только деловые бумаги и законы (К. С. Аксаков, Соболевский); другие более или менее чистым русским языком считали и язык литературных произведений определенных жанров — например, язык летописей и «Слова о полку Игореве» (Каченовский, Карамзин, Востоков, Сухомлинов).

По-разному решался вопрос о времени возникновения двуязычия в русской письменности: одни исследователи утверждали, что различие между чисто русской и церковнославянской письменностью обнаружилось с самого начала, т. е. с X века (Каченовский, Карамзин, Востоков, Ягич, Соболевский); другие — что двуязычие в русской письменности возникло только в XIII—XIV веках (К. С. Аксаков, Срезневский).

Наконец, различным образом освещался характер развития русского литературного языка в направлении усиления его русских элементов: одни исследователи усматривали в нем более или менее последовательную эволюцию (Максимович, Срезневский); другие — резкий скачок, революционную смену церковнославянской основы русской, осуществившуюся в деятельности Ломоносова (К. С. Аксаков).

Шахматов излагал вопрос о происхождении русского литературного языка в целом ряде своих трудов¹. Чрезвычайно требовательный

ков, Ломоносов в истории русской литературы и русского языка (1846, Полное собрание сочинений К. С. Аксакова, т. II, М. 1875); И. И. Срезневский, Мысли об истории русского языка и других славянских наречий (1849), СПб 1887; И. И. Срезневский, Статьи о древних русских летописях (1853—1866), СПб 1903, стр. 47, 124—125, 130—131; М. И. Сухомлинов, О языковедении в древней России (1854), «Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 85, СПб 1908, стр. 425—434; И. В. Ягич, Критические заметки по истории русского языка, СПб 1889, стр. 3—4; А. И. Соболевский, Русский литературный язык («Труды Первого съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях», СПб 1904); А. И. Соболевский, Ломоносов в истории русского языка, СПб 1911; о разработке вопроса в первой четверти XIX века см. С. К. Булич, Очерк истории языковедения в России, т. I, СПб 1904, стр. 749—802.

¹ Подробно — в 1-й части «Курса истории русского языка», во вступительной главе к «Очерку современного русского литературного языка» и в статье «Русский язык, его особенности...», более бегло — во «Введении в курс истории русского языка» и во введении к «Очерку древнейшего периода истории русского языка».

к самому себе, склонный многократно пересматривать и исправлять свои суждения, по этому вопросу он высказывался с полной категоричностью и дал устойчивую концепцию, в которую не вносил почти никаких изменений и поправок. Шахматов не оставил без ответа ни одного вопроса, выдвинутого в этой области его предшественниками, и в этом смысле его концепция представляет собой творческий синтез разработки вопроса на протяжении всего XIX века. Взаимно дополняя друг друга, его высказывания воссоздают, в определенном освещении, величественный и полный напряженной динамики процесс становления общенационального русского литературного языка.

2. С полной категоричностью, решительнее, чем кто бы то ни было из его предшественников, Шахматов возводит современный русский литературный язык к церковнославянскому, как к первоисточнику. И с той же категоричностью он говорит о совершившемся в процессе исторического развития преобразовании древнеболгарского языка в русский литературный язык. «Как увидим ниже, по своему происхождению русский литературный язык — это перенесенный на русскую почву церковнославянский (по происхождению своему древнеболгарский) язык, в течение веков сближавшийся с живым народным языком и постепенно утративший и утрачивающий свое иноземное обличье»¹. Так начинает Шахматов очерк развития русского литературного языка. А заканчивает его следующим выводом: «Таким образом, в настоящее время наш литературный язык должно признать одним из великорусских наречий (московским наречием), обнаруживающим в своем составе, во-первых, свою первоначальную природу (церковнославянизмы), во-вторых, свои древнейшие судьбы на Руси (южнорусизмы, украинизмы)»².

Шахматов примыкает к тем исследователям, которые рассматривают современный русский литературный язык как результат постепенного развития из первоначальной основы: «Книжный язык XI века, — пишет он, — это непосредственный родоначальник нашего современного великорусского книжного языка»³. Но при этом он подчеркивает, что основа эта — иноязычная: русский литературный язык «содержит в себе еще и теперь наполовину слова, формы, обороты древнеболгарской книжной речи»⁴. «Язык образованных классов древней Руси был по происхождению своему церковным, постепенно обрусевшим, а не наоборот русскою живою речью, подвергнутою церковному влиянию», — утверждает Шахматов⁵. Однако, заимствовав в начале X века из Болгарии письменность — и притом «не только письменность, но и церковный язык, ставший языком и духовного и светского образованного общества»⁶, «Киевская Русь, — по словам Шахматова, — ... уже в XI веке... претворила древнеболгарский язык в свой национальный..., в русский литературный

¹ «Очерк», стр. 60.

² Там же, стр. 70.

³ «Очерк древнейшего периода», введение, стр. XXXIX.

⁴ Там же; ср. «Очерк», стр. 62, 90.

⁵ «Курс», ч. I, стр. 199—200; ср. там же, стр. 209, и «Очерк», стр. 62.

⁶ «Курс», ч. I, стр. 200.

язык»¹. И язык этот на Руси был, по его убеждению, не только письменным, но и разговорным: «на этом языке... говорили... все... лица, прошедшие школы, основывавшиеся на Руси в XI веке»². Результатом такого широкого употребления заимствованного языка, который, вследствие «демократического строя древнерусского общества», стал «собственностью всенародною»³, явилась его «неудержимая ассимиляция народному языку... с первых же лет его существования на русской почве»⁴. Необходимой предпосылкой такой ассимиляции была, конечно, близость древнеболгарского языка к древнерусскому, возможность его понимания для русских людей без помощи «иноземного учительства»⁵. Таким образом, древнерусский письменный язык был языком смешанным, языком, в котором на первых порах русизмы «уживались рядом с формами церковнославянскими, не вытесняя их»⁶.

Наряду с письменностью на этом смешанном языке существовала в древней Руси и письменность на языке чисто русском: «в XIII веке, — констатирует Шахматов, — имеем ряд грамот, где с трудом отыскивается редкий болгаризм, где речь совершенно народная»⁷. Это двуязычие в русской письменности он не склонен считать явлением изначальным; вначале была создана только почва для раздвоения «жизненного пути церковного языка»: «начало дифференциации положено в тот самый момент, как церковный язык употребили для удовлетворения житейских интересов» (т. е. уже с первых шагов русской письменности⁸, но «лишь спустя долгое время наступает заметная и отчетливая дифференциация между письменностью церковной и гражданской, светской и духовной»⁹. Однако в письме к немецкому исследователю «Русской Правды», историку права проф. Гётцу (1912) Шахматов вынужден признать чисто русский язык в этом памятнике, восходящем, по его предположению, к «весьма ранней» эпохе, «когда только еще начиналась письменность»¹⁰.

Известное колебание в датировке начала двуязычия в древнерусской письменности — единственная неясность в концепции Шахматова. Но к какому бы моменту ни относить возникновение письменности на русском народном языке — к XIII веку или к XI, — сферу ее применения Шахматов ограничивает документами утилитарного характера: это письменный «деловой язык», который он

¹ «Русский язык, его особенности», стр. 236.

² «Введение в курс», стр. 82; ср. «Курс», ч. I, стр. 198.

³ «Курс», ч. I, стр. 198.

⁴ «Очерк», стр. 61; ср. «Русский язык, его особенности», стр. 236, и «Курс», ч. I, стр. 198—199.

⁵ «Очерк», стр. 61; ср. «Курс», ч. I, стр. 201.

⁶ «Курс», ч. I, стр. 195.

⁷ Там же, стр. 201.

⁸ Ср. ссылку Шахматова на древнеболгарский язык договора Олега с греками 911 г. в качестве опорной точки для датировки начала русской письменности: «Введение в курс», стр. 81.

⁹ «Курс», ч. I, стр. 194—195.

¹⁰ См. L. K. Goetz, Das Russische Recht, Bd. IV, Stuttgart 1913, S. 64, Note. Цитировано по книге Е. Ф. Карского «Русская Правда по древнейшему списку», Л. 1930, стр. 20, сноска 1-я.

противопоставляет «литературному»¹; а «все, что сколько-нибудь возвышалось над уровнем повседневной жизни с ее практическими потребностями», писалось, по его мнению, на «книжном языке, церковнославянском по своему происхождению»².

Следствием дифференциации церковного языка явилось постепенное превращение его, наряду со светским литературным языком и с языком деловым, в особый стиль или жанр русского языка, «в одну из разновидностей русской речи»³. Это право церковной речи на обособление от русского народного языка, «гордыня, с которой она вступила на русскую почву», «недобровольность» «ее ассимиляции русскому языку», ее проявившаяся в XIV—XVI веках жажда получить «обновление» и «очищение» «извне», из Болгарии и Сербии, в связи с «чаяниями русского духовенства, ... понимавшего, что почва ускользает из-под его ног под напором светского своего соперника — литературного языка, воплотившего в себя язык церковный», временная, хоть и мнимая победа «церковного пуризма», наконец, самая «связь светского образования с духовным» — все это с течением времени стало ощущаться как помеха для свободного развития русского литературного языка — языка общества, «бессознательно готовившегося к великой реформе Петра»⁴. Эти реформы и, в частности, введение гражданской азбуки⁵, «оторвав литературный язык от церковного»⁶, «проложили путь к освобождению от церковнославянского ига»⁷. «Благодаря Ломоносову, книжному языку узаконивается единственный путь развития и совершенствования — это следование за языком разговорным, слияние с ним»⁸, впрочем, осуществившееся только в XIX веке⁹.

В целом, развитие русского литературного языка на протяжении тысячелетия выступает в освещении Шахматова как последовательный процесс демократизации и национализации. Временами прямолинейность этого движения нарушалась — в XIV—XVI веках так называемым «вторым югославянским влиянием»¹⁰, в XVII веке — влиянием югозападным, украинско-польским¹¹. Но все эти нарушения последовательности носят временный характер и уступают давлению всепобеждающей «народной стихии».

3. Некоторые из высказываний Шахматова по вопросу о происхождении русского литературного языка требуют более или менее существенных оговорок.

¹ Ср. в «Очерке», стр. 60: «... принимая функцию делового или литературного языка...».

² «Очерк», стр. 68.

³ «Курс», ч. I, стр. 201.

⁴ Там же стр. 203—206.

⁵ «Русский язык, его особенности», стр. 244.

⁶ «Курс», ч. I, стр. 209.

⁷ «Русский язык, его особенности», стр. 244.

⁸ «Очерк», стр. 69.

⁹ Там же, стр. 62.

¹⁰ «Курс», ч. I, стр. 203—206; «Русский язык, его особенности», стр. 242—243.

¹¹ «Курс», ч. I, стр. 206—209; «Русский язык, его особенности», стр. 243—244.

Неточной следует признать приведенную выше характеристику ассимиляции древнеболгарского языка русскому народному языку в X—XI веках, как претворения древнеболгарского языка в русский «национальный» язык. Для того чтобы язык стал национальным, необходимо, чтобы социальный коллектив, которому этот язык принадлежит, составлял нацию. «Нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи поднимающегося капитализма», — отмечает товарищ Сталин¹. По тем же соображениям Ленин относит возникновение «национальных связей в собственном смысле слова» только к «новому периоду русской истории, примерно с XVII века»². Таким образом, говорить о русском «национальном» языке по отношению к XI веку — значит впадать в анахронизм. Верным остается лишь то, что единство литературного языка, создавшееся у русских племен уже в XI веке, послужило «могущественным орудием внутреннего единения между всеми русскими племенами»³ и впоследствии сыграло существенную роль в образовании русской нации⁴. Уже по отношению к периоду распада Киевского государства Шахматов отмечает, что «новый политический уклад покоится всецело на племенных отношениях, на этнографических началах»⁵. Следовательно, и в Киевскую эпоху русские племена не составляли той «устойчивой общности людей», которой, по определению товарища Сталина, является нация⁶. Здесь вновь обнаруживается у Шахматова смещение «исторически сложившейся категории» с «категорией этнографической», которое нам уже пришлось отметить в предыдущей главе⁷.

Известную неудовлетворенность вызывает та форма, в которую облек Шахматов в «Курсе истории русского языка» традиционное противопоставление роли латыни в средневековой Западной Европе и церковнославянского языка в древней Руси: «Древняя Русь не избежала того самого явления, которое было пережито на Западе всеми народностями, — пишет он: — свои чувства и думы пришлось выражать не на родном, а на иноземном языке»⁸. Слишком диссоциирует эта фраза по своему тону с настойчивыми указаниями Шахматова на краткость периода, в течение которого заимствованный из Болгарии язык ощущался русскими людьми как «иноземный»: период этот продолжался не более столетия, и всего лишь «два — три поколения» испытывали это неудобство⁹. Ведь уже в XI веке, по словам Шахматова, русские «образованные люди в своих беседах

¹ И. В. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, М. 1934, стр. 10.

² В. И. Ленин, Что такое «друзья народа», Соч., изд. 3-е, т. I, стр. 74.

³ «Русский язык, его особенности», стр. 237.

⁴ Об единстве языка как существенном признаке нации см. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 5, 6; о связи единства литературного языка с национальным объединением см. Ленин, О праве наций на самоопределение, Соч., изд. 3-е, т. XVII, стр. 428.

⁵ «Русский язык, его особенности», стр. 240.

⁶ Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 4, 6.

⁷ См. выше, стр. 21—22.

⁸ «Курс», ч. I, стр. 200—201.

⁹ Там же, стр. 198—199.

и писаниях... не могли... отличить родного от заимствованного: так близко стало им это заимствованное»¹.

4. Церковнославянские элементы в современном русском языке Шахматов устанавливает почти исключительно по фонетическим признакам. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть рубрики, на которые расчленяется в «Очерке современного русского литературного языка» глава «Церковнославянские элементы»: здесь находим «сочетания *ор, ер, ол, ел*», «группу *жд* на месте *ж*», «гласную *е*, не перешедшую в *о*» и т. д. (см. рубрики 1—9). Но и в тех случаях, где критерий церковнославянского происхождения формулируется морфологически или лексикологически, в большинстве случаев выступает у Шахматова (а в иных случаях — угадывается) фонетическое обоснование: ср. содержание рубрик, озаглавленных «Формы прилагательных в род. ед., в им.-вин. мн. и др.» (рубрика 10-я), «Элементы церковнославянского словообразования» (рубрика 11-я), «Церковнославянская лексика» (рубрика 12-я).

Нельзя не согласиться, что именно фонетические критерии различия церковнославянских и русских элементов в составе современного русского литературного языка являются наиболее бесспорными: именно фонетические различия между русским языком и церковнославянским, наряду с различиями в грамматических окончаниях, выяснены наукой с наибольшей полнотой. Шахматов не только отразил это положение в своей исследовательской методике, но и сформулировал его теоретически: «при теперешнем состоянии науки... — утверждал он, — инославянские элементы, ... входящие в состав нашего письменного языка, ... с полной уверенностью ... обнаруживаются их звуковой оболочкой»². Пользуясь фонетическими критериями, он значительно расширил наши знания о церковнославянских элементах в современном русском литературном языке, извлекая из его словарного и формального материала максимум того, что способен дать применяемый им метод³. Перечень получился чрезвычайно богатый, чрезвычайно систематичный, но заведомо не исчерпывающий. И Шахматов вполне отдавал себе отчет в недостаточности фонетического критерия: он указывал, что «исследователи словарного состава нашего письменного языка, руководствуясь не только внешними звуковыми признаками, установят со временем все те элементы, которые искони были чужды русскому языку и заимствованы им из древнеболгарского»⁴. «Сколько ... могло перейти (из церковнославянского языка в русский) таких слов, по звуковой стороне которых нельзя догадаться об их церковном происхождении, ... сколько ... церковных слов, некогда ... обычных в живой речи образованных классов, могло в течение ... веков утратиться», — замечает он⁵.

В 1-й главе «Очерка» разбросаны намеки на те критерии, которые должны быть привлечены при дальнейшей разработке вопроса: сопоставление тех или иных элементов русского литературного языка

¹ «Русский язык, его особенности», стр. 236; ср. «Очерк», стр. 61.

² «Русский язык, его особенности», стр. 242.

³ См. 1-ю главу «Очерка».

⁴ «Русский язык, его особенности», стр. 241.

⁵ «Курс», ч. I, стр. 199.

с соответствующими явлениями в русских народных говорах¹ и в других славянских языках², и далее — «значение и культурная история слов»³. Не укрылось от внимания Шахматова и явление скрещения «в одной форме и русского и церковнославянского элемента»⁴. Однако более или менее обстоятельно (и то — пока преимущественно лишь с методологической стороны) этот вопрос был разработан учениками Шахматова С. П. Обнорским и В. В. Виноградовым. С. П. Обнорский развил намеченный Шахматовым метод сопоставления литературного языка и народных говоров с точки зрения словообразовательных элементов: отсутствие тех или иных суффиксов в диалектальной лексике служит доводом в пользу их церковнославянского происхождения⁵. В. В. Виноградов, исходя из отмеченного Шахматовым явления сочетания в одном слове русских и церковнославянских элементов, подверг анализу понятие «церковнославянизма» и установил ряд признаков семантических, присоединив к ним фразеологический критерий⁶.

Вне связи с трудами Шахматова разрабатывали проблему церковнославянских элементов в русском языке акад. А. И. Соболевский и акад. В. М. Истрин. Они имели в виду языковой материал древнерусской переводной литературы и, следовательно, косвенным образом, — освещение вопроса о происхождении русского литературного языка.

«Своеобразие литературного языка обусловлено не столько его фонетико-морфологической базой, сколько особенностями его лексики, семантики и синтаксиса», — справедливо замечает В. В. Виноградов⁷. При наличии строгих соответствий между звуками и звукосочетаниями, а также и между грамматическими формами древнерусского и древнеболгарского языков, древнерусский книжник — писатель или переписчик — мог свободно пользоваться как русскими, так и болгарскими вариантами, либо вовсе не делая между ними различия, либо рассматривая их как варианты стилистические в пределах русского литературного языка. Фонетическая и грамматическая близость между обоими языками вынуждает задуматься о критериях для выяснения наличия или отсутствия более глубокого болгарского (и вообще южнославянского) влияния в том или ином древнерусском памятнике. Такие критерии найдем в области словаря (включая и словообразование) и фразеологии: наличие или отсутствие, обилие или скудость в древнерусском памятнике таких слов, суффиксов, приставок, которые за пределами закономерных фонетических и морфологических соответствий характерны для южнославянских памятников и южнославянских народных говоров и фольклора и, напротив, не свойственны памятникам древнерусского делового языка, русским народным говорам и русскому фольк-

¹ См. в «Очерке», стр. 88, замечания о причастиях на *-вший* и о формах *умнейший*, *умнеющий* и т. п.

² Там же, стр. 87, замечание о суффиксе *-тель*.

³ Там же, стр. 90.

⁴ Там же, стр. 88, 90.

⁵ С. П. Обнорский, К истории словообразования в русском литературном языке (сборник «Русская речь», нов. серия, I, Пг. 1927).

⁶ В. В. Виноградов, К истории лексики русского литературного языка (в том же сборнике).

⁷ Там же, стр. 90.

лору, может служить достаточно твердой опорой для установления наличия или отсутствия, а в случае наличия — также и степени, южнославянского влияния на язык древнерусского памятника, и тут уже решался бы вопрос не о поверхностном влиянии, не о внешней отделке языка, а о наличии или отсутствии более глубокого проникновения элементов иноземного языка в языковую практику русского книжника: наличие указанных южнославянских элементов свидетельствовало бы не о механическом переводе полногласных сочетаний в неполногласные и т. п., а об основательном знании болгарского (или сербского) языка. Именно такой метод применялся акад. Соболевским и акад. Истриным для определения места возникновения, редактирования и переписки древнерусских переводных памятников (или, по крайней мере, национальности переводчика, редактора, переписчиков)¹; такой метод следует применять и для определения русского или церковнославянского характера языка памятников оригинальных. Аналогичным образом необходимо использовать и фразеологию, учитывая, однако, что во многих случаях древнерусский книжник мог черпать в южнославянской письменности целые цитаты, не вполне осмысливая их языковую структуру². В этой области сделано мало; акад. В. М. Истрин справедливо замечает, что «история русского литературного языка в словарном отношении до сих пор не только не разработана, но ее не имеется даже и в зачатках»³. Только сравнительное лексико-фразеологическое обследование в указанных направлениях материала древнерусских памятников даст надежный базис для решения вопроса о природе древнерусского литературного языка.

5. Изложенные соображения и данные из литературы предмета подтверждают мысль Шахматова о недостаточности применяемого им по преимуществу фонетического метода для решения вопроса о происхождении русского литературного языка; но они не затрагивают сущности того понимания этого исторического процесса, которое нашло столь яркое выражение в его трудах. В самые последние годы этой концепции было противопоставлено другое построение. Акад. С. П. Обнорский, на основании изучения языка древнейшего списка «Русской Правды» (Синодальный список, 1282 г.), пришел к следующим заключениям: «культура русского письменного слова существовала уже в X—XI веках»⁴; «русский литературный язык старшей формации

¹ См. акад. А. И. Соболевский, *Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии*, СПб 1910 («Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. 83, № 3); VIII. Особенности русских переводов до-монгольского периода (см. особенно стр. 164); акад. В. М. Истрин, *Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе*, т. II, Пг. 1922, стр. 220—250, 268—275, 289—309; т. III того же труда, Л. 1930, введение; ср. также акад. П. А. Лавров, *Георгий Амартол* в издании В. М. Истрина («Slavia», т. IV, 1925—1926).

² В литературе существует ряд опытов сравнительного изучения лексики и фразеологии «Слова о полку Игореве» — в трудах Е. В. Барсова, А. Смирнова, В. Ф. Миллера, А. А. Потебни, в более позднее время — В. Н. Петрова.

³ Истрин, *Хроника Георгия Амартола*, т. II, стр. 246; ср. стр. 270—271, а также его же «Очерк истории древнерусской литературы», Пг. 1922, стр. 78.

⁴ С. П. Обнорский, *Русская Правда, как памятник русского литературного языка* («Известия Академии наук СССР», Отделение общественных наук, 1934, № 10), стр. 774

был чужд каких бы то ни было воздействий болгарско-византийской культуры», но испытывал влияние культуры германской и западно-славянской¹; «первоначально взрожденный на севере», в Новгороде², этот литературный язык — язык «в собственном смысле русский во всем своем остове» — лишь впоследствии подвергся «сильному воздействию южной, болгарско-византийской культуры»; «оболгарение русского литературного языка следует представлять как длительный процесс, шедший с веками *crescendo*»³. В позднейшей своей работе акад. Обнорский обнаруживает тот же «русский облик», свойственный «нашему единому литературному языку старейшей формации» и, соответственно, «почти полное отсутствие ассимиляции его с элементами книжной, болгарской стихии» в «Слове о полку Игореве»⁴.

Эта гипотеза прямо противоположна всей системе взглядов Шахматова на происхождение русской культуры. Ведь Шахматов утверждал, что болгары сообщили нам не только «язык церкви и духовного просвещения», «ставший языком и духовного и светского образованного общества», но, в качестве «наших естественных посредников в деле усвоения византийской цивилизации», — также и «светскую образованность, и блага материальной культуры»⁵. Он присоединился к выводам акад. В. Ф. Миллера о связи русского былинного эпоса с эпосом византийским, через посредство Болгарии, и о том, что «образцами для творца «Слова о полку Игореве» служили византийские произведения, воспринявшие болгарскую окраску»⁶. Он убедительно доказывал, что «христианство пришло в Киев из Болгарии, а не непосредственно из Византии, как утверждает «Несколько временных

¹ В доказательство германского влияния на язык «Русской Правды» акад. Обнорский ссылается на «относительно густой слой в числе заимствованных элементов именно слов германского происхождения», о влиянии западнославянского замечает, что говорить о нем по отношению к языку «Русской Правды» «по существу исторической обстановки... не приходится, так как под ним следует разуметь лишь общие тенденции, отразившиеся от еще более ранних эпох» (стр. 774 указанной статьи). О западноевропейском влиянии на древнерусский литературный язык см. акад. Н. К. Никольский, *Повесть временных лет*, как источник для истории начального периода русской письменности и культуры («Сборник по русскому языку и словесности» Академии наук СССР, т. II, вып. 1), Л. 1930 (главным образом 1-я глава), акад. П. А. Лавров, *Георгий Амартол* в издании В. М. Истрина (журнал «Slavia», т. IV, 1925—1926, вып. 3 и 4), акад. В. М. Истрин, *Хроника Георгия Амартола* в древнем славяно-русском переводе (возражения Лаврову во введении к III тому) и его же отзыв об упомянутом труде акад. Никольского (в журнале «Byzantinoslavica», тт. III—IV, 1931—1932).

² Ср. противоположное утверждение у Шахматова, в работе «Несколько заметок об языке псковских памятников XIV—XV в.в.» («Журнал Министерства народного просвещения», 1909, июль), стр. 166: «книжное просвещение двигалось у нас с юга на север, а не обратно».

³ С. П. Обнорский, *Русская Правда*, стр. 776.

⁴ Акад. С. П. Обнорский, «Слово о полку Игореве как памятник русского литературного языка» («Русский язык в школе», 1939 г., № 4), стр. 17—18.

⁵ «Русский язык, его особенности», стр. 233; ср. «Курс», ч. I, стр. 200.

⁶ Некролог В. Ф. Миллера («Известия Академии наук», 1914, № 2), стр. 75—76, 84; ср. «Введение в курс», стр. 82. О языке «Слова о полку Игореве» Шахматов, как и некоторые другие лингвисты (например, акад. Соболевский), не высказывался и языковым материалом «Слова» не пользовался (за исключением двух примеров в «Синтаксисе русского языка», § 192): вероятно, он

лет»¹. На фоне этой системы взглядов, славянская азбука, составленная на основе греческого алфавита применительно к звуковой системе древнеболгарского языка, уже сама по себе является не только символом, но и веским фактом византийско-болгарского влияния на русскую письменность². «Русская Правда» с точки зрения Шахматова — памятник русской письменности, но не русского литературного языка; существовавшие же в древней Руси деловой письменности на чистом русском языке давно общепризнано и подтверждается также и Шахматовым — в частности, на примере «Русской Правды». Если акад. Обнорский констатирует в языке этого памятника «близость к разговорной стихии речи, понятную для языка, начинающего свое собственно литературное развитие»³, то Шахматов высказал предположение еще более решительное — догадку, что здесь «письменная передача закрепила готовый, обработанный устный текст»⁴; но запись устного текста, с его точки зрения, не может без дальнейших доказательств служить образцом литературного языка⁵. Если акад. Обнорский объясняет смешение в языке «Слова» русских и церковнославянских элементов как позднейшую болгаризацию текста «под руками позднейших переписчиков-корректоров»⁶, то у Шахматова найдем предположение, противоречащее такому объяснению: вслед за Срезневским⁷, он высказывает мысль, что до XIV века русские и церковнославянские формы употреблялись в русской письменности безразлично.

С точки зрения той методологии исследования вопроса о происхождении русского литературного языка, которая была намечена выше, в обеих работах акад. Обнорского слишком много внимания уделено критериям фонетическим («полногласная лексика», «лексика с *ж*» на месте церковнославянского *жд* и т. п.) и морфологическим и слишком мало внимания собственно словарным признакам, не говоря уже о фразеологических⁸. Бесспорная ценность этих работ состоит в том, что гипотеза

считал этот памятник, сохранившийся только в заведомо неисправной копии конца XVIII века и в заведомо неисправном печатном издании 1800 г., слишком ненадежным источником для истории языка, особенно же — для исторической фонетики и морфологии, которые интересовали его по преимуществу.

¹ «Введение в курс», стр. 81; подробнее — в исследовании «Корсунская легенда о крещении Владимира» («Сборник статей, посвященных В. И. Ламанскому», ч. II, СПб 1908).

² Ср. соображения в этом направлении у акад. Л. А. Булаховского, Исторический комментарий к литературному русскому языку, изд. 2-е, Киев 1939, стр. 8, сноска 2-я.

³ С. П. Обнорский, Русская Правда, стр. 774.

⁴ Цитированное выше письмо Шахматова к проф. Гётцу (от 5/18 декабря 1912 г.).

⁵ См. выше, в § 2 этой главы. Меткие замечания по этому вопросу см. у К. С. Аксакова, «Домоносов...», Полное собрание сочинений К. С. Аксакова, т. II, стр. 201 и сноска на стр. 292.

⁶ С. П. Обнорский, Слово о полку Игореве, стр. 17.

⁷ Срезневский, Мысли об истории русского языка, стр. 27.

⁸ Впрочем, в этих работах находим в отношении словаря и словообразования указания на «русский характер» подчинительных и сочинительных союзов, на широкое применение глагольной приставки *вы-* (на месте церковнославянской *из-*) и (в «Русской Правде») глагольного суффикса *-ыва-*, на отсутствие сложных слов с приставкой *без-* (в том же памятнике) и на малочисленность абстрактных существительных со специфическими церковнославянскими суффиксами («Русская Правда», стр. 766, 771—772; «Слово о полку Игореве», замечания на стр. 15—18).

тезу о русской основе древнерусского литературного языка, выдвигавшуюся старшими исследователями (Катковым, Срезневским) в более или менее абстрактной постановке¹, они переносят на почву конкретного изучения языка памятников. Однако, нельзя упускать из виду, что теория акад. Обнорского опирается пока только на два памятника. Между тем мы располагаем и другими произведениями русских авторов XI—XIII веков, и притом такими, которые дошли до нас в ранних списках, предшествующих эпохе второго южнославянского влияния и, следовательно, свободных от позднейшей болгаризации². Уже присоединение к «Русской Правде» «Слова о полку Игореве» вынудило акад. Обнорского внести поправку в первоначальную характеристику «древнейшего типа русского литературного языка»³. Не исключена возможность, что обследование других памятников, и прежде всего обследование лексико-фразеологическое на широкой сравнительной основе, приведет к необходимости дальнейших поправок, может быть — даже к замене постулированного акад. Обнорским хронологического различия между чисто русским литературным языком древнейшей эпохи и позднейшим «оболгаренным» языком представлением о различии одновременно развивавшихся жанров литературы и стилей языка. Тогда концепция, которую представлял Шахматов, — концепция безраздельного господства в древнерусской литературе более или менее русифицированного иноземного языка — была бы ограничена, но не устранена целиком. А пока гипотезе Шахматова противопоставлена гипотеза диаметрально противоположная, не менее правдоподобная, но неспособная ее опровергнуть без дальнейшего обоснования.

V. Грамматическая система.

1. В области истории русского языка Шахматов уделял наибольшее внимание фонетике и, во вторую очередь, развитию грамматических форм. В современном литературном языке, которому он посвятил по преимуществу четыре последних года жизни (1916—1920), его привлекала прежде всего задача описания живой грамматической системы.

Современному русскому литературному языку посвящены два труда Шахматова — «Очерк», выходящий ныне 4-м изданием, и «Син-

¹ См. замечания М. Н. Каткова в рассуждении «Об элементах и формах славяно-русского языка» (М. 1845), стр. 216—217, и утверждения Срезневского, что язык «Повести временных лет» — не «Славянско-церковный, смешанный с Русским», а «Русский, смешанный с церковным» («Статьи о древних русских летописях», стр. 130), и что это был язык, «который Русские, наши предки, могли назвать своим родным» (там же, стр. 47).

² Главнейшие из них — это Житие Феодосия Печерского и Сказание о Борисе и Глебе в Успенском сборнике XII века.

³ На основании изучения языка Синодального списка «Русской Правды» акад. Обнорский предположил, что «русский язык старшей поры... уже не знал аористических форм, которые в нем были утрачены еще ранее по причине функционального их совпадения с перфектом» («Русская Правда», стр. 764); после обследования языка «Слова о полку Игореве» он отказался от этого предположения и заключил, что аорист и имперфект «были нормальными формами старого нашего литературного языка» («Слово о полку Игореве», стр. 14).

такис русского языка». Оба эти труда связаны с преподавательской деятельностью автора. Шахматов имел обыкновение заранее писать все читавшиеся им курсы. «Очерк» воспроизводит курс, прочитанный в Петербургском университете в 1911/12 и 1912/13 учебных годах; «Синтаксис» представляет собой рукопись последнего университетского курса Шахматова (1919/20 уч. г.), прерванного смертью почти на полуслове; в состав этой рукописи вошли, повидимому, и материалы непосредственно предшествовавших ему курсов 1916—1919 гг.¹

Курс 1911—1913 гг. не уложился деликом в отведенные ему часы. Он содержал обширное введение, посвященное вопросу о происхождении и составе современного русского литературного языка, фонетику и морфологию. Синтаксис не входил в его задачи. Но и в области морфологии обстоятельно освещены только имя существительное и глагол, причем словообразование даже в этих разделах затрагивается лишь попутно. Прилагательное, местоимение и числительное изложены в форме беглого обзора; неизменяемые части речи вовсе отсутствуют. Таким образом, «Очерк» носит несколько фрагментарный характер. Впоследствии, за год до смерти, Шахматов приступил к составлению нового университетского учебника по современному литературному языку, включив в него и синтаксис, но был отвлечен от этой работы составлением развернутого курса синтаксиса²; в связи с этим он отклонил предложение Государственного издательства напечатать «Очерк» с литографированного издания, без переработки.

В этой главе будут рассмотрены в их последовательном развитии, на основании опубликованных трудов, лекций и устных высказываний Шахматова, главнейшие особенности его учения о звуковом и грамматическом строе современного русского литературного языка.

2. Учение о звуковом составе и «звуковых законах» современного русского литературного языка в первый раз было изложено Шахматовым кратко в курсе истории русского языка в 1908/09 учебном году. В «Очерке» изложение этого раздела отличается систематичностью и полнотой³.

В классификации звуков Шахматов следует известному труду Сиверса⁴, который, в свою очередь, опирается на фонетические концепции английских ученых Белла и Сунта. Построенная по принципам этих лингвистов система гласных чрезвычайно сложна и запутана различием гласных «напряженных» и «ненапряженных»; у Шахматова это различие, нечеткое по существу, осложнено

¹ О составе и состоянии рукописи см. заметку «От редактора» в 1-м выпуске «Синтаксиса», стр. 435—437.

² См. «Синтаксис», вып. I, стр. 435, заметка «От редактора», со сноской, и вып. II, стр. 195, заметка «Деление грамматики»; ср. выдержки из письма Шахматова к акад. Ляпунову от 12 августа 1919 г. («Известия Отделения русского языка и словесности Росс. Акад. наук», т. XXIX, стр. 103—104).

³ Иллюстрацией к изложению фонетики в «Очерке» могла бы служить составленная Шахматовым фонетическая транскрипция русского литературного текста, напечатанная в книге О. Брока «Очерк физиологии славянской речи» («Энциклопедия славянской филологии», вып. 5, СПб 1910, стр. 257—258), если бы она не содержала значительного числа опечаток или описок.

⁴ E. Sievers, Grundzüge der Phonetik, 5. Aufl., Leipzig 1901. Шахматов ссылается на этот труд в «Курсе», ч. I, изд. 2-е, стр. 34.

отожествлением с различиями гласных «закрытых» («узких») и «открытых» («широких»), к чему, впрочем, подает повод и сам Сунт¹. Подлинное различие между напряженностью и ненапряженностью гласных в русском языке (т. е. напряженностью или ненапряженностью всего произносительного аппарата при их производстве) определяется в первую очередь ударностью или безударностью; различие же по напряженности (притом только в отношении органов полости рта) между «закрытыми» (более напряженными) и «открытыми» (менее напряженными) гласными обнаруживается лишь при равенстве условий ударения и настолько микроскопично, что воспринимается говорящими в другой плоскости — как различие в степени раскрытия рта (что и отмечается терминами «закрытые» и «открытые гласные») или в степени подъема (изгиба) языка по направлению к нёбу (что выражается терминами «узкие» и «широкие гласные», иначе — «гласные высокого» и «низкого подъема»). Шахматов не различает этих двух источников «напряженности» и, в результате, получает для русского литературного языка 22 гласных, не считая редуцированных.

Загроможденность этого описания иечислением множества мелких оттенков, сопоставленных в качестве равноправных величин, лишний раз доказывает, что единственным целесообразным методом изучения фонетической системы того или иного языка является метод фонологический, опирающийся на различие, с одной стороны, фонем, как комплексов произносительно-слуховых признаков, непосредственно служащих для дифференцирования слов, и, с другой стороны, вариантов фонем, как более конкретных произносительно-слуховых образований в определенных комбинаторных условиях. Однако ставить Шахматову в вину отсутствие в его фонетике фонологического принципа было бы несправедливо: мы и до сих пор не располагаем сколько-нибудь обстоятельным фонологическим изложением русской фонетики; вместе с тем, теория фонемы в ту пору, когда Шахматов читал свой курс, как и в продолжение последующих 10—12 лет, существовала только в индивидуалистической интерпретации творца этой теории Бодуэна-де-Куртенэ и его школы; между тем Шахматов, в известном противоречии со свойственными ему общими взглядами на язык, в область фонетики индивидуализма не допускал: об этом свидетельствует, между прочим, цитированное выше его возражение против метода бодуэновской школы в связи с вопросом о чередованиях.

Рассматривая современный русский литературный язык как московское наречие, Шахматов, естественно, описывает, в качестве литературного, произношение Москвы. Единство этой орфоэпической системы расшатывалось уже давно, однако до революции произношение московской интеллигенции и московской сцены, в то время еще более или менее единообразное, могло играть роль идеальной нормы. В связи с глубокими социальными сдвигами нашей эпохи, эта норма пала. Сейчас в области произношения приходится говорить не столько о нормах, сколько о более или менее явственных тенденциях пере-

¹ «Курс», ч. I, стр. 39; «Очерк», стр. 98. Критику отождествления «напряженных» и «ненапряженных» гласных с «закрытыми» (или «узкими») и «открытыми» (или «широкими») см. у Sievers'a, назв. соч., §§ 257—258, и у O. Jespersen'a, Lehrbuch der Phonetik, 2. Aufl., Leipzig—Berlin 1913, SS. 145—146.

стройки¹. Тем не менее, главы «Очерка», посвященные «звуковым законам» русского литературного языка (VII—X), представляют значительную ценность: с одной стороны, они содержат чрезвычайно точную, полную и в то же время сжатую характеристику коренного московского произношения, от которого нам и сейчас приходится отталкиваться при наблюдениях над нарождающимися нормами и при описании орфоэпических изменений, происходящих в наши дни; с другой стороны, учитывая варианты литературного произношения, «индивидуальное», «искусственное» и «книжное» произношение, Шахматов в ряде случаев отметил такие звуковые явления, которые в наше время становятся преобладающими.

3. Грамматические принципы Шахматова развивались и видоизменялись на протяжении последних десяти лет его жизни и научной деятельности.

В ту пору в русской науке были актуальны два грамматических учения — построение одного из замечательнейших русских лингвистов, харьковского профессора Потебни, опубликовавшего в 1874 году свой капитальный труд «Из записок по русской грамматике»², и построение учителя Шахматова, Фортунатова, читавшего в Московском университете курс сравнительного языковедения с 1875/76 по 1901/02 учебный год (стало быть, и в те годы, когда слушал его лекции Шахматов)³. Вне того или иного отношения к этим двум учениям немыслимо было для русского лингвиста строить грамматическую систему — с такой яркостью и полнотой воплотила каждая из них два противоположных, взаимно исключающих течения в разработке грамматики⁴. Так обстоит дело тридцать лет назад, так обстоит оно и сейчас — с той разницей, что современным русским лингвистам приходится считаться, кроме учений Фортунатова и Потебни, с двумя позднейшими грамматическими системами — с системой Шахматова и другой, созданной его современником, Пешковским.

¹ См. по этому вопросу серию статей проф. Л. В. Щербы, проф. Р. И. Аванесова и автора этой статьи в журналах «Говорит СССР», 1936, №№ 1, 3 и 6, и «Русский язык в школе», 1936, № 5, 1937, № 3.

² В журнале «Филологические записки» за 1874 г. (ч. I) и в «Записках Харьковского университета» за 1874 г. (ч. II); 2-е, исправленное и дополненное издание обеих частей, Харьков 1888. III часть вышла уже после смерти автора (1891), Харьков 1899.

³ Этот курс многократно перерабатывался Фортунатовым и переиздавался под его наблюдением литографским способом (см. составленный Шахматовым некролог, посвященный памяти Фортунатова, в «Отчете о деятельности Отделения русск. яз. и словесн. Академии наук за 1914 год», стр. 14—15). Последнее законченное издание: «Сравнительное языковедение, лекции орл. проф. Ф. Ф. Фортунатова, читанные в 1899/900 г.». Позже вышло «Сравнительное языковедение (общий курс), лекции заслуж. проф. Ф. Ф. Фортунатова, читанные в 1901/02 г.»; это издание осталось незаключенным.

⁴ Сравнительную характеристику учений Потебни и Фортунатова см. в моей вступительной статье к 6-му изданию книги А. М. Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении» (М. 1938); более обстоятельный анализ обоих построений, равно как и учения Шахматова, однако без обзора теории словосочетания и предложения, — в книге В. Ф. Виноградова «Современный русский язык», вып. I, М. 1938. О грамматическом учении Потебни в целом см. его же статью «А. А. Потебни» в журнале «Русский язык в школе», 1938, № 5—6.

Уже первые высказывания Шахматова по теоретическим вопросам грамматики — его рассуждения о грамматической форме слова и о частях речи в курсе истории русского языка 1909/10 г. — обнаруживают, наряду с известной зависимостью от взглядов Фортунатова, определенные отклонения от его системы, стремление преодолеть характерный для нее разрыв между содержаниями мысли и их языковой формой. Подобно Фортунатову, Шахматов в этот период делит части речи прежде всего на «изменяемые» и «неизменяемые»¹; подобно Фортунатову, он утверждает, что «грамматическая форма слова определяется или присутствием в ней окончания, или отсутствием его»²; вслед за Фортунатовым, он находит в языке «ряд слов, не выделяющих из себя формальных значений»³. Совокупность этих формулировок не оставляет сомнения в том, что Шахматов на этом первом этапе, не повторяя Фортунатовского определения формы слова как «способности отдельных слов выделять из себя для сознания говорящих формальную и основную принадлежность слова»⁴, тем не менее опирается на него.

Но в то же время, с чрезмерной прямолинейностью развивая положения Потебни, он утверждает, что «формальное значение слова познается только по связи одних слов с другими»⁵ и, уже вне зависимости от обоих названных авторитетов, что «формальные значения слов», иначе «категории», зависят прежде всего от реальных значений, связанных с теми или иными словами, — «от тех трех главных категорий реальных значений, которые возникают в уме говорящего»⁶. Эти три главные категории реальных значений определяются как представления о предметах, представления о качествах, свойствах предметов и представления о действиях, состояниях предметов⁷. Трем основным категориям реальных значений слов подчинены формальные значения, возникающие вследствие того, что изменяемые части речи вступают во взаимные отношения в предложении⁸. Таковы формальные значения падежа и числа в существительных, падежа, числа, рода и степени в прилагательных, лица, числа, времени, наклонения, залога и вида в глаголах⁹. Таким образом, Шахматов решительно отказывается от Фортунатовского различения «грамматических классов слов», опирающихся на наличие в них тех или иных «форм», и «классов неграмматических, основыв-

¹ «Курс истории русского языка», ч. III, стр. 6.

² Там же, стр. 10.

³ Там же, стр. 6.

⁴ Фортунатов, Сравнительное языковедение, 1901/02, стр. 203—204.

⁵ «Курс истории русского языка», ч. III, стр. 4. Ср. Потебня, Из записок по русской грамматике, ч. I—II, изд. 2-е, стр. 36: «Нет формы, присутствие и функции которой узнавалось бы иначе, как по смыслу, т. е. по связи с другими словами и формами в речи и языке». Приведенная формулировка Шахматова, в отличие от ее первоисточника, недостаточно гибка, для того чтобы объяснить, почему формальные значения числа в существительном, значения времени, наклонения и вида в глаголе.

⁶ «Курс истории русского языка», ч. III, стр. 5.

⁷ Там же, стр. 5.

⁸ Там же, стр. 6.

⁹ Там же, стр. 6—9.

вающихся на классах значений слов»¹: для него, как и для Поттебни, «форма» есть функция «значения»².

Этот несколько схематичный набросок грамматической системы обнаруживает противоречивые тенденции, борьба которых послужила импульсом к ее дальнейшему плодотворному развитию.

4. В «Очерке современного русского литературного языка» Шахматов излагает систему склонения, спряжения и вообще словоизменения — излагает чрезвычайно систематично и, в отношении существительного и глагола, со значительной полнотой. Подробно он выясняет — на основании собственного употребления, как заметил во вступительных замечаниях к курсу, — условия образования формы родит. и местн. пад. ед. ч. на -у в существительных мужского склонения, им. пад. мн. ч. на -а́ и -ья в том же склонении, место ударения в формах склонения и спряжения. На основных понятиях грамматики он в этом курсе не останавливается и не дает даже определений изучаемых частей речи. Тем не менее «Очерк» представляет значительную ценность и с точки зрения методологии грамматики. Развивая программу, намеченную в курсе истории русского языка, Шахматов устанавливает здесь грамматические «категории» в пределах имени существительного и глагола; наряду с общеизвестными категориями рода, числа, падежа, одушевленности и неодушевленности, «умалительности, уничижительности и увеличительности», он выявляет в существительном категории «лица и не-лица», «отвлеченности и конкретности», «единичности и множественности» (не совпадающую с категорией «числа»), «сбирательности», «вещественности». Ценной является здесь уже самая идея выяснения скрытых в словах формальных значений. Еще более интересен метод, которым он пользуется для обнаружения этих категорий: во всех этих случаях основанием для констатирования формального значения именно как формального, грамматического, служат для него те или иные морфологические или синтаксические особенности, подмечаемые с изумительной тонкостью. Блестящей иллюстрацией этого метода может служить анализ категории «лица и не-лица»³, которой в «Синтаксисе» соответствует более адекватная языковым данным категория «лица мужского полу»⁴.

Подобным же образом, хотя несколько менее систематично (ср. параграф, озаглавленный «Прочие значения глагольных основ») и с меньшей самостоятельностью, разработаны категории, свойственные глаголу⁵. В более совершенной и более самостоятельной

¹ Фортунатов, Сравнительное языковедение, 1901/02, стр. 240—241.

² Ср. Поттебня, Из записок по русской грамматике, ч. I—II, изд. 2-е, стр. 29: «Грамматическая форма есть элемент значения слова и однородна с его вещественным значением».

³ «Очерк», стр. 128—129.

⁴ «Синтаксис», § 511.

⁵ Учение Шахматова о категориях глагола, изложенное в «Очерке», обнаруживает значительное влияние трудов Ульянова и Фортунатова: см. Г. К. Ульянов, Значения глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. II: Основы, обозначающие различия по видам, Варшава 1895; Ф. Ф. Фортунатов, Разбор названного сочинения Ульянова (напечатан в «Отчете о приговоре Ломоносовской премии в 1895 году», помещенном в «Сборнике

форме представлено учение о категориях глагола в «Синтаксисе». Да и в целом изложении системы грамматических категорий в «Очерке» — только предварительный набросок того учения, которое Шахматов развил во втором выпуске своего последнего, незаконченного труда.

5. В «Синтаксисе» Шахматов подошел вплотную к основным проблемам грамматики — к проблеме грамматической классификации слов, к проблеме предложения и, наконец, к проблеме построения системы грамматики.

В набросках вступления к начатому учебнику по современному литературному языку Шахматов намечает рациональный план изложения курса. «В языке, — пишет он, — бытие получили сначала предложения; позже путем расчленения предложений, основанного на взаимном их сопоставлении и влиянии, из них выделились словосочетания и слова для самостоятельного (хотя весьма ограниченного и случайного) бытия и употребления (обычно же слова и словосочетания обретаются в составе предложения)»¹. Отсюда он заключает, что «учение о языке могло бы, начинаясь с синтаксиса предложения, переходить последовательно к синтаксису словосочетаний, синтаксису частей речи, учению о грамматических формах, учению о звуках, учению о словообразовании и учению о словарном составе. Первые три дисциплины объединяются термином — синтаксис, за ними следует морфология, далее фонетика, учение о словообразовании и лексикология»².

Мысль о том, что изложение учения о языке целесообразно начинать с предложения, не раз высказывалась в литературе. В 40-х годах, по методическим соображениям, настаивал на таком порядке изложения Буслаев³. В 1902—1908 гг. ту же мысль выдвигал в ряде статей о преподавании русского языка в средней школе Д. Н. Овсяннико-Куликовский⁴. Независимо от задач преподавания, ставил вопрос о целесообразности такого плана изложения Вильгельм Вундт⁵. Однако никто, кажется, такого плана не осуществил. Отступил перед ним и Шахматов: к приведенным соображениям он присоединил оговорку, что в своем очерке будет следовать обычному порядку (фонетика, морфология, синтаксис; остальные два отдела в учебник вообще не включались), и только последний свой университетский курс (1919/20 уч. г.), объявленный под тем же названием, что и курс, читавшийся в 1911/12 и 1912/13 уч. гг. — «Очерк современного русского литературного языка», — начал с синтаксиса.

Отдел. русск. яз. и словесн. Ак. наук», т. 64, № 11, СПб 1897); его же «О залогах русского глагола» («Изв. Отд. русск. яз. и словесн. Ак. наук», т. IV, 1899, кн. 4, и «Сборн. Отд. русск. яз. и словесн. Ак. наук», т. 77, № 1, СПб 1899, стр. 34—39).

¹ «Синтаксис», вып. I, стр. 423; ср. вып. II, стр. 195.

² Там же, ч. II, стр. 195.

³ Ф. Буслаев, О преподавании отечественного языка, по 2-му изд. (М. 1867), стр. 7, 81.

⁴ Подробное изложение статей Овсяннико-Куликовского см. в книге Н. С. Державина «Основы методики преподавания русского языка и литературы в средней школе», Пг. 1917, стр. 239—245 (особенно стр. 244).

⁵ W. Wundt, Völkerpsychologie, I Bd.; Die Sprache, 2. Aufl., 2. Teil, Leipzig 1904, S. 235, Note,

Значение термина «морфология» в словоупотреблении Шахматова колеблется. В цитированных набросках он выделяет «словообразование» в особый раздел языкознания¹ и, следовательно, ограничивает «морфологию» учением о словоизменении; так и в некоторых других местах². Но отмечая, что «части речи могут различаться морфологически», он поясняет: «т. е. слова, относящиеся к одной части речи, могут отличаться или самым своим строением (т. е. словообразовательными элементами. — С. Б.), или способностью изменяться по грамматическим категориям от слов, относящихся к другим частям речи»³.

Синтаксис Шахматов определяет как «часть грамматики, которая рассматривает способы обнаружения мысли в слове»⁴. Здесь он следует Потебне и его ученику Овсянко-Куликовскому. Потебня противопоставляла «этимологию» (термин «морфология» в его время не был в ходу) «синтаксису» как «создание форм» их «употреблению»⁵ или как «историческую точку зрения» «описательной»⁶ и «синтаксис» характеризовал как «момент истории языка»⁷. Овсянко-Куликовский определял синтаксис как «часть грамматики, занимающуюся изучением употребления слов и их сочетаний в процессах речи — мысли»⁸.

Неудивительно, что при столь широком определении синтаксиса «вне области синтаксиса остаются» в системе Шахматова «только те элементы языка, которые потеряли свою непреходящую связь с предложением, которые хотя и обнаруживаются в предложении, но могут быть отвлечены от него, не завися ни в своей форме, ни в своем значении от окружающих слов. Эти элементы рассматриваются частью в других частях грамматики (фонетике, морфологии, словообразовании), частью в тех отделах учения о языке, которые посвящены слову, отвлеченному от предложения (лексикология, семасиология)»⁹. С точки зрения Шахматова, всякая грамматическая форма, рассматриваемая со стороны значения, есть форма синтаксическая. В этом он совпадает с Потебней, который утверждал, что «синтаксические отношения формы всегда согласны с нею самою»¹⁰. В беседах Шахматов высказывал мысль, что в морфологии следует сохранить только материальную часть словоизменения и рассматривать ее как подсобную дисциплину синтаксиса.

6. Итак, изложение синтаксиса Шахматов начинает учением о предложении. Предложение, согласно его определению, есть «единица речи, воспринимаемая говорящими и слушающими как грамматическое целое и служащая для словесного выражения единицы

¹ «Синтаксис», вып. I, стр. 423; вып. II, стр. 193.

² См., например, «Синтаксис», § 516.

³ Там же, § 489.

⁴ «Синтаксис», вып. I, стр. 423.

⁵ Потебня, Из записок по русской грамматике, ч. I—II, стр. 46.

⁶ Там же, стр. 38.

⁷ Там же, стр. 39.

⁸ Д. Н. Овсянко-Куликовский, Синтаксис русского языка, изд. 2-е, СПб 1912, стр. 1.

⁹ «Синтаксис», ч. I, стр. 423.

¹⁰ Потебня, Из записок по русской грамматике, ч. I—II, стр. 41.

мышления». Далее Шахматов выясняет генезис предложения в сознании говорящего и социальное назначение соответствующего психического акта. «Психологической основой предложения, — пишет он, — является сочетание представлений в том особом акте мышления, который имеет целью сообщение другим людям состоявшегося в мышлении сочетания представлений». Этот психический акт Шахматов называет «коммуникацией» или, как он иначе выражался в лекциях, «психологическим сообщением»¹.

Три признака характеризуют осуществляющееся в коммуникации сочетание представлений. 1) Это всегда сочетание двух представлений, простых или сложных. 2) Это сочетание представлений произвольное, «умышленное»². 3) Эта связь между представлениями есть связь предикативная, т. е. вообще определяющая, в частности зависимая, причинная, генетическая»³.

Уже из сказанного ясно, что коммуникация есть акт близкий к психологическому суждению, и дальнейший ее анализ подтверждает это наблюдение. Тем не менее Шахматов предпочитает воспользоваться новым термином — для того, чтобы охватить любые типы предикативного сочетания представлений: он, с полным основанием, указывает, что предложения вопросительные, повелительные и выражающие желания не подходят под понятие суждения, т. е. утверждения или отрицания чего-либо о чем-либо⁴. Самый термин Шахматов заимствовал, как он указывает, у шведского лингвиста Сведелиуса⁵. Однако в этот заимствованный термин он вложил новое содержание. Правда, и Сведелиус рассматривает элементы языка со стороны значений, но термин «коммуникация» он применяет равно и к психическому субстрату единицы речи и к его внешнему выражению. Шахматову же требовался термин для обозначения определенного психического образования в отличие от материальной данности. Подобно тому как Бодуэн-де-Куртене в свое время заимствовал у французских лингвистов термин «фонема», чтобы обозначить им психическое образование, составляющее субстрат физически существующего «звука речи», — Шахматов придал термину «коммуникация» психологическое значение, противопоставив этому понятию осуществляемое в произносимой и слышимой речи «предложение»⁶. В «коммуникации» Сведелиуса Шахматова привлекал, между прочим, телеологический момент: тезис о социальном назначении языка служил одним из краеугольных камней его лингвистического мировоззрения.

¹ См. «Синтаксис», § 1. Отдельные элементы этих определений (кроме признака социально-телеологического) восходят к В. Delbrück'у (*Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen*, 1. Teil, Strassburg 1893, S. 75) и Х. Зигварту (*Логика*, перевод И. А. Давыдова, т. I, СПб 1908, стр. 23—24).

² Шахматов неоднократно упоминает о «движении воли» как необходимом условии коммуникации, но нигде не развивает этого положения. Обстоятельно пишет об этом Wundt (*Die Sprache*, II, S. 244—245).

³ «Синтаксис», § 2.

⁴ Там же, § 1, сноска; § 2.

⁵ Там же, § 1, сноска. См. С. Svedelius, *L'analyse du langage appliquée à la langue française*, Upsala 1897.

⁶ Ср. аналогичное противопоставление «предложения» «суждению» у Зигварта («Логика», I, стр. 23).

Термин «сочетание представлений» в составе определения коммуникации восходит к Паулю¹ и Вундту², но Шахматов придает ему несколько иное значение. Подобно Зютерлину³, он имеет в виду не акт связывания, соединения двух первоначально независимых друг от друга представлений, как Пауль, и, тем паче, не акт выделения из совокупного представлений двух его компонентов, как Вундт, а всего только факт предикативного объединения двух представлений. Он полагает, что коммуникация, а с ней и предложение, может возникать как путем требуемого учением Вундта расчленения «совокупного представления», так и путем соединения представлений, согласно теории Пауля. Но он сознательно уклоняется от трактовки этого вопроса в составе своих определений. Генетический характер определений предложения, данных Паулем и Вундтом, он считает с точки зрения языкознания методологической ошибкой; они определяют, по его мнению, не предложение и не непосредственный его психический субстрат, а отдаленно предшествующие его образованию психические процессы. Шахматов не отрицает, что начальным моментом коммуникации служит, наряду с «движением воли, направленной к сообщению...», разложение «сложных, расплывчатых образов» (что, впрочем, не вполне совпадает с мыслью Вундта, который имеет в виду единое совокупное представление, расчленение которого приводит к образованию предложения); но этот процесс протекает во внутренней речи, а начинается даже за ее пределами, в «глубочайших недрах человеческой психики»⁴; лингвисту же надлежит изучать не эти психологические проблемы, а «обнаруженные мышления в слове — иначе, в совокупности внешних знаков, воспроизводимых органами речи и воспринимаемых слухом»⁵.

Служа выражением коммуникации, предложение в то же время является не копией ее, а скорее отражением. «По существу не может быть противоречия между природой предложения и коммуникации, — пишет Шахматов, — но конечно не в отношениях материальной природы первого к психической природе второй, а в отношениях смысла, значения предложения и психологической природы коммуникации»⁶. «Мы постоянно встречаемся с несоответствием языковых форм предложения психологической коммуникации; но несоответствие не тождественно с противоречием; положительному и последовательно проведенному требованию грамматики не может противоречить психическая природа соответствующих грамматическим формам представлений»⁷.

Несоответствие между предложением и коммуникацией может обнаружиться прежде всего с точки зрения состава. Коммуникация всегда двучленна; всегда она является как сочетание двух представлений — независимого, господствующего — субъекта — и зависимого,

¹ H. Paul, Prinzipien der Sprachgeschichte, 4. Aufl., Halle 1909, S. 121.

² W. Wundt, Die Sprache, II, S. 239 ff., 245.

³ H. Sütterlin, Das Wesen der sprachlichen Gebilde, Heidelberg 1902, S. 245.

⁴ «Синтаксис», § 3.

⁵ «Синтаксис», вып. I, стр. 423.

⁶ «Синтаксис», § 10.

⁷ Там же, § 5.

подчиненного — предиката¹; между тем, в предложении оба члена коммуникации могут быть выражены либо одним, либо двумя словесными комплексами. Потому при необходимой двучленности коммуникации приходится различать предложения «двусоставные», в которых два члена коммуникации находят соответственное выражение в двух «составах» предложения, и «односоставные», в которых оба члена коммуникации выражаются в предложении одним словесным составом. Каждый «состав» предложения представляет собою грамматическое единство, т. е. слово или словосочетание, выражающее одно сложное нерасчлененное представление и, в случае словосочетания, внешне объединенное грамматическим тяготением его элементов к одному господствующему слову (например: «растущая на дворе зеленая трава»). По общему правилу, главное слово грамматического единства, выражающего предикат, т. е. зависимый член коммуникации, грамматически подчинено главному слову единства, выражающего господствующий ее член — субъект; таким образом, оба состава двусоставного предложения становятся в иерархические отношения².

Приняв, в согласии с господствующими учениями психологии мышления, точку зрения необходимой двучленности всякой коммуникации, Шахматов тем самым отвергает представленный в литературе Миклошичем³ и Марти⁴ взгляд на безличные предложения как на образования психологически одночленные (выражения «бессубъектных суждений», в формулировке Миклошича). Вместе с Зигвартом⁵ он полагает, что в единственном словесном члене односоставного предложения — в его звуковом составе и в интонации — находят выражение оба члена коммуникации — субъект — представление известной субстанции или признака — и предикат — представление о наличии данной субстанции или признака⁶.

Рассматривая безличные предложения как одночленные словесные выражения двучленных психических образований, Шахматов следует, главным образом, Зигварту и Дитриху⁷. Вместе с тем он становится в резкую оппозицию Паулю, который, расходясь с господствующим взглядом, утверждает, что «всякое предложение состоит по крайней мере из двух элементов», безличные предложения трактует как неполные предложения, и подлежащим предложения «Klagen, nichts als Klagen, Bittschriften, nichts als Bittschriften» считает письма, которые говорящий держит в руках⁸. Шахматов, вслед за Дельбрюком⁹, реши-

¹ «Синтаксис», §§ 5, 10.

² Там же, §§ 12, 13.

³ F. Miklosich, *Subjektlose Sätze*, 2. Aufl., Wien 1883, S. 25.

⁴ A. Marty, *Ueber subjektlose Sätze* («Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie»), Bdl. 8, 18, 19.

⁵ Ch. Sigwart, *Die Impersonalien*, Freiburg 1888, SS. 75—77, 63 ff., 68 ff.; X. Зигварт, *Логика*, т. I, стр. 72—73.

⁶ «Синтаксис», §§ 12, 36, 77.

⁷ O. Dittrich, *Die Probleme der Sprachpsychologie*, Leipzig 1913, SS. 88, 70—72. Ср. также Wundt, *Die Sprache*, II, SS. 224—226; J. Rozwadowski, *Wortbildung und Wortbedeutung*, Heidelberg 1904, SS. 67ff., 81.

⁸ Paul, *Prinzipien der Sprachgeschichte*, SS. 124, 132, 129.

⁹ B. Delbrück, *Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen*, 1. Teil, S. 75.

тельно возражал против внесения в определение членов предложения внешнего по отношению к языку элемента.

Говоря о субъекте и предикате коммуникации, Шахматов подчеркивает несовпадение этих понятий с установленными Георгом фон-дер-Габеленцем¹ и заимствованными у него Паулем², Фортунатовым³ и рядом других лингвистов понятиями «психологического подлежащего и сказуемого». Психологическое подлежащее и сказуемое суть не что иное, как первое и второе по порядку возникновения в сознании и по психической вескости представления. Вместе с Вундтом⁴ и Богородицким⁵, Шахматов решительно отвергает плодотворность этих понятий для языкознания. Следуя Зигварту⁶, он утверждает что субъект и предикат в предикативном сочетании представлений, в отличие от психологического подлежащего и сказуемого, становятся в определенные иерархические отношения не в зависимости от настроения говорящего, а в силу своей природы. Так, при сочетании представления субстанции с представлением признака — активного или пассивного — первое всегда будет субъектом, второе — предикатом. И потому в Фортунатовском примере «Птица летит» субъектом коммуникации будет всегда «птица», — как бы говорящий ни переставлял слова и как бы ни распределял ударения⁷. Такая концепция сближает коммуникацию с логическим суждением.

В двусоставных предложениях Шахматов различает два главных члена — подлежащее и сказуемое. Подлежащим он называет грамматически господствующее слово независимого состава (выражающего субъект коммуникации), сказуемым — грамматически господствующее слово зависимого состава (выражающего предикат коммуникации). В односоставных же предложениях — только один главный член⁸. Грамматическая природа главных членов положена в основу дальнейшей классификации предложений. При этом, господствующее положение слова в грамматическом единстве, подобно господствующему положению субъекта в коммуникации, определяется природой выраженного в слове представления. Так, существительное в независимой форме (им. пад.) в составе грамматического единства занимает господствующее положение по отношению к прилагательному и глаголу, прилагательное и глагол — по отношению к наречию⁹. Как будет показано далее, части речи определяются в системе Шахматова по

¹ G. von der Gabelentz, Ideen zu einer vergleichenden Syntax («Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft», Bd. 6, 1868, S. 378; Die Sprachwissenschaft, 2. Aufl., Leipzig 1901, SS. 369—370.

² Paul, Prinzipien der Sprachgeschichte, S. 124—125.

³ Фортунатов, Сравнительное языковедение, 1899/1900, стр. 178—179; О преподавании грамматики русского языка в средней школе («Труды Первого съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях», СПб 1904), стр. 390—394.

⁴ Wundt, Die Sprache, II, SS. 267—269.

⁵ В. А. Богородицкий, Общий курс русской грамматики, изд. 4-е, Казань 1913, стр. 282—283, сноска (по 5-му изд. М.—Л. 1933; стр. 201—202, сноска).

⁶ Зигварт, Логика, т. I, стр. 434.

⁷ «Синтаксис», § 6.

⁸ Там же, § 12.

⁹ Там же, §§ 5, 12

семасиологическим признакам, и потому приведенные утверждения устанавливают иерархию слов сообразно характеру выражаемых ими классов представлений.

Предложение образует «грамматическое целое»¹. Связь между его членами — словами, установление между ними отношений грамматического господства и подчинения осуществляется при помощи согласования (т. е. уподобления) формы одного слова форме другого или при помощи установления между формами отношений обусловленности формы одного слова формой другого, далее — порядком слов, ослаблением или изменением значения отдельных слов (например, в формах вспомогательного глагола) и, наконец, интонацией (в обширном смысле)². Основным условием образования предложения, при наличии которого в роли предложений могут выступать отдельные слова или словосочетания, является «законченность мысли и законченность словесного выражения». «Законченность мысли предполагает наличность... сочетавшихся предикативно субъекта и предиката, а законченность словесного выражения требует особой интонации», которая служит «непрерывным объединяющим началом предложения»³.

На последнем из указанных условий предложения стоит несколько остановиться. Шахматов утверждал, что огромное большинство синтактистов — между прочими Вундт и, особенно, Фортунатов — исходят из представления не о реальном предложении, а об его письменном изображении. «Борьба против смещения письма с языком, которую с такой настойчивостью вел Боуэн-де-Куртенэ в области фонетики, — говорил он, — должна быть распространена и на синтаксис». Сам он неуклонно держался этого принципа. Из предшественников, которые могли оказать на него влияние в этом направлении, следует назвать Дельбрюка⁴, Дитриха⁵, Сведелиуса⁶, а в русской литературе — Пешковского⁷. У Дитриха Шахматов мог почерпнуть мысль о том, что интонационный (у Дитриха — «модуляционный») признак является существенным для предложения; что именно интонацией отличается предложение — «грамматическое целое» — от простого грамматического единства. В одной из своих лекций он заметил, что словосочетания, которые пишутся на вывесках и в заглавиях, не могут считаться предложениями, потому что их содержание не составляет коммуникации; они не рассчитаны на произнесение, и потому не содержат интонации; это — условные письменные обозначения, которые не встречаются в живой речи и являются такими же «эквивалентами предложения», как шары на пожарной каланче. Вместе с Розвадов-

¹ «Синтаксис», § 12.

² Там же, §§ 13—17.

³ Там же, §§ 13, 18.

⁴ Delbrück, Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen, 3. Teil, Strassburg 1900, S. 4.

⁵ O. Dittrich, Die sprachwissenschaftliche Definition der Begriffe «Satz» und «Syntax» («Philosophische Studien», Bd. XIX, 1902); Die Probleme der Sprachpsychologie.

⁶ Svedelius, L'analyse du langage appliquée à la langue française.

⁷ А. М. Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, М. 1914.

ским¹, Дельбрюком², Пешковским³, в интонации он видел формальный признак предложений типа «NN — воспитанник корпуса» — предложений, которые Фортунатов рассматривал как «неграмматические» («грамматически нерасчлененные») ⁴. Далее, эмпфаза, т. е. динамический акцент, в безглагольных односоставных предложениях типа «Мороз» или «Морозно» вызывает представление о настоящем времени и о личности выраженной словом субстанции или признака ⁵. В неполных предложениях типа «Мысль достойная государственного человека» эмпфаза вызывает представление об опущенном подлежащем. Усиленное ударение на определении указывает на особый — атрибутивно-предикативный — характер связи между представлениями реальных значений определяемого и определения; например, «Красных лент мы не видели» ⁶. Напротив, неударяемость или слабоударяемость слова указывает на его принадлежность к служебным или незначительным частям речи ⁷.

После этого перечня способов образования предложения станет понятен намечавшийся Шахматовым план «Синтаксиса»: I. Учение о предложении. Виды предложений и главные их члены. II. Учение о словосочетаниях и второстепенных членах предложения. III. Учение о частях речи. IV. Учение о сочетании предложений. V. Учение об интонации предложений. VI. Порядок слов в предложении. VII. Значение предложений и перечень синтаксических категорий» ⁸. Из этих семи разделов он успел написать только первые три, причем значительная часть учения о частях речи изложена начерно, а предшествующие разделы также не подвергнуты окончательной обработке.

7. В «Синтаксисе» Шахматов развертывает учение о грамматических категориях и о частях речи, предварительные наброски которого он сделал в III части «Курса истории русского языка» и в «Очерке современного русского литературного языка».

Здесь находим прежде всего определение «грамматической категории», иначе — «грамматического понятия» или «грамматического значения», противоположаемого «реальному значению слова» ⁹. «Грамматическим понятием, — пишет он, — называем те сопутствующие основным значения, которые в данном языке находят себе морфологическое или синтаксическое выражение... Сопутствующими основным значениями являются представления об отношении того или иного реального значения к другому реальному значению, мыслимому в отвлечении; например, отношение к лицу, к полу, к одушевленности или неодушевленности, ко времени, к качеству, к бытию или налич-

¹ Rozwadowski, Wortbildung und Wortbedeutung, S. 79.

² V. Delbrück, Grundfragen der Sprachforschung, Strassburg 1901, S. 149.

³ Пешковский, Синтаксис в школе (в журнале-сборнике «Наука и школа», № 1, Харьков 1915), стр. 51—52; позже перепечатано в «Сборнике статей» Пешковского (Л. 1925), где см. стр. 96.

⁴ Фортунатов, О преподавании грамматики русского языка в средней школе, стр. 395.

⁵ «Синтаксис», §§ 43, 229.

⁶ Там же, § 393.

⁷ Там же, § 16.

⁸ «Синтаксис», вып. I, стр. 423.

⁹ «Синтаксис», § 497.

ности, к числу, к волеизъявлению и т. д.». «Грамматической формой» Шахматов называет «морфологическое обнаружение грамматического понятия»¹.

На базе грамматической категории Шахматов возводит систему частей речи. «Частью речи» называются «те группы слов, которые образуются отношениями основных значений слов к сопутствующим этим значениям грамматическим понятиям»².

В поисках определения отдельных частей речи Шахматов исходит из убеждения, что «части речи представляются точно определенными и строго разграниченными между собой категориями; смешать одну часть речи с другой невозможно; усомниться, какая именно перед нами часть речи, также вообще не приходится»³. Следовательно, языковым образованиям, известным под именем частей речи, соответствуют строго определенные сопутствующие представления. «Главная задача той части синтаксиса, которая рассматривает части речи, состоит в том, чтобы выяснить наличность и природу в грамматических формах сопутствующих значений», — говорил Шахматов в своих лекциях. По этому признаку он получает такие определения частей речи. — «Существительное означает ту часть речи, которая вызывает представление о сочетании основного знаменательного представления с грамматическими категориями числа, рода, надежда, а также субъективной оценки» (увеличительности, уменьшительности, ласкательности, пренебрежительности и т. п.). «Глагол означает ту часть речи, которая вызывает представление о сочетании основного знаменательного представления с грамматическими категориями лица, времени, залога, наклонения, вида». «Прилагательное означает ту часть речи, которая, означая знаменательное представление, мыслится неизменно в сочетании с существительным (заимствуя от него или от соответствующего ему представления грамматические категории числа, рода, надежда... причем прилагательные качественные могут вызывать представление о степенях сравнения). И так далее»⁴.

Вместе с тем Шахматов указывает, что, наряду с приведенными «синтаксическими» основаниями различения частей речи, «имеются и более глубокие основания для такого различения — основания семасиологические: различению частей речи соответствует различная природа наших представлений»⁵. И он приводит, ссылаясь на Вундта и Зигварта, уже использованную им в «Курсе истории русского языка» классификацию представлений, присоединяя к представлениям о субстанциях, о качествах-свойствах (пассивных признаках) и о действиях-состояниях (активных признаках) — еще один класс (заимствованный из тех же источников) — представления об отношениях⁶. Опираясь на эту классификацию представлений, Шахматов выводит новый ряд определений частей речи. Так, существительное определяется как «часть речи, соответствующая, во-первых, предста-

¹ «Синтаксис», § 499.

² Там же.

³ Там же, § 491.

⁴ Там же, § 490.

⁵ Там же, § 493.

⁶ Там же, § 493; ср. § 4; «Курс», ч. III, стр. 5.

влению о субстанции, во-вторых — представлению о качестве-свойстве или действии-состоянии, мыслимых вне сочетания с носителями или производителями их»¹. Различая, далее, представления о субстанции как представления самостоятельные и представления о признаках и отношениях как зависимые, Шахматов прибавляет: «существительное это часть речи, которая в своей независимой грамматической форме соответствует независимому представлению, а в зависимой форме соответствует независимому по существу своему представлению, ставшему однако зависимым в данных речью условиях. Все остальные части речи (кроме местоимения-существительного) по самому существу своему соответствуют зависимым представлениям»². «Всякое независимое представление является в форме существительного или субстантивированного имени»³.

Шахматов останавливается на «процессах перехода одной части речи в другую»⁴. Так, существительные обращаются в наречия — адвербиализуются, или в местоимения — прономинализуются, или в междометия. Адвербиализацию претерпевают, например, существительные «грех», «страх» в примерах из «Горе от ума»: «Над старостью смеяться грех», «И весело мне страх...»; примеры прономинализации существительных «люди», «человек», «женщина» находим в сочетаниях «человек 20 разных людей» (Толстой), «NN — прекрасный человек», «Марья Ивановна — замечательная женщина» (ср. франц. и немецк. неопределенно-личные местоимения *on* и *man* из существительных *homme*, *Mann*); обращение существительного в междометие находим в таких возгласах, как «Господи!» и т. п.⁵.

Исходной точкой для классификации частей речи должны служить «грамматические формы» слов — «морфологические обнаружения грамматических понятий». Но это — только исходная точка: «между словом и принадлежностью его к той или другой части речи нет обязательной необходимости в данной форме слова»⁶. Поэтому Шахматов решительно отвергает так называемый «морфологический» принцип классификации частей речи — по признаку способности слов к тому или другому роду морфологических изменений, — принцип, на котором строил грамматическую классификацию слов Фортунатов. «Морфологический принцип деления частей речи не может выдержать критики», — пишет Шахматов⁷. «Существительное отличается от других частей речи тем, что вызывает представление о сочетании основного представления с грамматическими категориями числа, рода, падежа; это не означает того, что существительное отличается от других частей речи тем, что изменяется по числам, родам, падежам; существительное «пальто» в русском литературном языке не склоняется, но оно вызывает представление о единственном или множественном числе, а также о падежах, как видно из того, что мы

¹ «Синтаксис», § 493.

² Там же, § 494.

³ Там же, § 493.

⁴ Там же, § 492.

⁵ Ср. там же, §§ 519, 579, 591.

⁶ Там же, § 492.

⁷ Там же, § 492.

говорим «мое пальто», «зимнее пальто», «он вырос из этого пальто»¹. Против «морфологической классификации» говорят и неизменяемые прилагательные, как «особь» в сочетании «особь статья», диалектальное «нолон» в сочетании «нолон изба народу»². Наконец, возможность перехода одной части речи в другую без изменения формы — субстантивация прилагательных, адвербиализация существительных и т. п. явления, — также не мирится с «морфологическим» основанием классификации³.

В каком же отношении стоят эти взгляды на грамматическую форму и на грамматическую классификацию к тем, которые Шахматов излагал в своем первом наброске грамматической системы — в цитированной выше лекции по курсу истории русского языка?

Мы видим, что в своей новой концепции Шахматов сохранил убеждение в том, что формальные значения слов стоят в зависимости от значений реальных, и в то же время устранил суженное Фортунатовское определение формы слова. Строго говоря, понятие слов, лишенных формы, с точки зрения «Синтаксиса» Шахматова, может быть сохранено: ведь не всякому слову свойственно «морфологическое обнаружение грамматического понятия»; есть немало слов, в которых формальное значение обнаруживается только синтаксически. Но это потенциальное сходство новых формулировок Шахматова с концепцией Фортунатова является чисто внешним и возникает в результате терминологического различия «грамматической категории» и «грамматической формы»; в действительности же Шахматов пришел к противоположному взгляду: слово может быть лишено звукового выражения грамматического значения, но не самого этого значения; слово может не иметь реального значения — таковы «служебные части речи», как предлог и союз, — но без грамматического значения, вне грамматической категории слово невозможно⁴. Таким образом, в период «Синтаксиса» Шахматов уже не мог бы повторить своего прежнего утверждения о «словах, не выделяющих из себя формальных значений». Он следует Потембе, который утверждал, что мысль не всегда нуждается в звуке «для распознавания формы»: в иных случаях она пользуется «более тонким средством, именно знанием места, которое занимает слово в целом, будет ли это целое речью, или схемой форм»⁵. Шахматов отступает от Потемби только в терминологии: Потемба находит, что понятие формы исчерпывается значением⁶ и от «формы» отличает ее «внешний знак»⁷, а Шахматов именно этот «внешний знак» называет «формой», сохраняя для значения формы термины «категория».

Положив в основу учения о частях речи понятие грамматической категории и различив «грамматическую категорию» и «грамматическую форму», Шахматов углубил методику грамматического исследова-

¹ «Синтаксис», § 491.

² Там же, § 396.

³ Там же, § 492.

⁴ Там же, §§ 493, 497.

⁵ Потемба, Из записок по русской грамматике, т. I — II, стр. 58.

⁶ Там же, стр. 52: «Грамматическая форма... есть значение, а не звук».

⁷ Там же, стр. 55.

дования, которую он применял уже в «Очерке». Отправной точкой исследования, — говорил он в лекциях по синтаксису, — должен служить материал, почерпаемый из физически осуществляемой и воспринимаемой внешней речи. От звукового обнаружения мысли исследователь восходит к значениям. Так, наличие в языке формы повелительного наклонения позволяет заключить о существовании в данном языке категории повелительности. Но, с другой стороны, может оказаться, что эта категория находит выражение и в других формах — в других звуковых обнаружениях, например, в форме инфинитива, произнесенной с соответствующей интонацией. Поэтому, установив при помощи формы известное значение, категорию, исследователь должен проделать обратный путь — и с точки зрения найденной категории вновь пересмотреть весь материал внешних обнаружений мысли в языке. В результате получится двойная система соответствий: 1) форма повелительного наклонения выражает грамматические категории повелительности, условности и т. д.; 2) категория повелительности выражается в форме повелительного наклонения, в форме инфинитива с определенной интонацией и т. д. Таким образом, отправляясь от слов — от внешних знаков значений, — синтактист должен прийти к грамматическим категориям, а затем, обнаружив в сознании говорящих наличие определенных категорий, определенные психические образования, вернуться к периферии — и установить систему соответствий между грамматическими категориями и внешне различными знаками их обнаружения. И только в этой второй системе синтаксис отвечает своей подлинной задаче — быть учением «о способах обнаружения мышления в слове». «Перечень синтаксических категорий», по замыслу Шахматова, должен был увенчать здание «Синтаксиса»¹.

Подводя итог учению Шахматова о грамматической категории, грамматической форме и частях речи, констатируем, что его классификация построена на семаспологической основе. Таким образом, в этом существенном вопросе учение Шахматова резко расходится с системой Фортунатова и сближается с системой Потебни.

8. Классификацию частей речи и классификацию членов предложения Шахматов построил на разных основаниях — одну на основе свойственных отдельным словам «сопутствующих представлений», другую на основе выражаемых в предложении отношений между представлениями. Это позволило ему освободить свою систему от традиционной ошибки синтактистов — от восходящего к античной грамматике взгляда на глагол как на необходимый элемент всякого предложения. Невозможность предложения без глагола категорически утверждал Потебня², вообще обнаруживавший стремление подчинить классификацию частей речи классификации членов предложения. Овсянко-Куликовский, разделяя этот взгляд, утверждал, что в предложениях типа «Мороз!» существительное «оглаголено»³. Шахматов старался освободиться от этого предрассудка, и его

¹ «Синтаксис», вып. I, стр. 423.

² Потебня, Из записок по русской грамматике, т. I—II, стр. 77—78, 80—81, 110.

³ Овсянко-Куликовский, Синтаксис русского языка, стр. 52—53.

классификации давали ему полную возможность избежать подобных натяжек. Недаром во всех современных синтаксических системах — у Потебни, Овсянко-Куликовского, Фортунатова, Пешковского, у Дельбрюка, Пауля и Вундта — он слышал незаслуженный «дифирамб глаголу»¹.

Однако провести вполне последовательно принцип освобождения понятия предложения от ярма глагольности Шахматов все же не решился. Так, предложения типа «Теперь мороз» (в отличие от «Мороз»), «Вот вам софа» (в отличие от «Вот софа») он признает неполными: в них опущен глагол, потому что обстоятельство «теперь» в первом примере, дополнение «вам» во втором не могут относиться к существительному². «Правда, мы не подберем глагола, который выразил бы эту связь», — замечает Шахматов по поводу последнего примера — и тем не менее оставляет в силе свое решение задачи. Между тем это замечание почти буквально совпадает с комментарием Овсянко-Куликовского к подобным примерам: «здесь глагол присутствует как форма, как грамматическая идея или категория глагольности, и отсутствует в смысле определенного, точно обозначенного лексического значения». Сочетание наречия, обозначающего время, с существительным создает столь же полный смысл, как и существительное без этого наречия. Дательный падеж существительного (конечно, также и личного местоимения) может и без помощи глагола выражать значение лица, к которому стоит в определенном отношении какой-либо предмет. Концепция Шахматова (которая в этом случае совпадает с традиционной) преувеличивает действительную степень централизованности предложения: в действительности слова и формы в известных случаях способны выражать взаимоотношения обозначаемых ими понятий (или, если угодно, представлений) путем непосредственного сопоставления в составе предложения, и едва ли можно признать обоснованным примысление слов, якобы опущенных и подразумеваемых и в то же время неуловимых, не поддающихся восстановлению.

Известная непоследовательность в разграничении принципов классификации членов предложения и частей речи обнаруживается у Шахматова и в нечетком определении, которым открывается второй выпуск его труда: «Слово в его отношении к предложению или вообще к речи определяется в грамматике как часть речи»³. Казалось бы, что слово в его отношении к предложению должно определяться как член предложения. В системе Шахматова это не одно и то же. Неудивительно, что на эту формулировку впоследствии сослался Пешковский для подкрепления тезиса, прямо противоположного всей концепции Шахматова, — для доказательства ненужности двойной классификации слов — как членов предложения и как частей речи⁴. Повидному,

¹ Ср. «Синтаксис», § 191. Разбор традиционной концепции см. в моей вступительной статье к 6-му изданию книги Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении», стр. 31—34.

² «Синтаксис», §§ 27, 39.

³ «Синтаксис», § 489.

⁴ Пешковский, О грамматическом разборе («Русский язык и литература в средней школе», 1934, № 3), стр. 9.

Шахматов смешал здесь слова как лексемы, требующие сопоставления в словаре, в качестве изолированных из контекста языковых величин, и слова, мобилизованные в связной речи; если воспользоваться терминологией де-Соссюра, — наблюдаем здесь смешение «ассоциативных связей» с «синтагматическими»¹.

9. В качестве одной из общих особенностей лингвистической методологии Шахматова мы отметили известную гипертрофию историзма, не раз приводившую его к перенесению на современный язык условий его развития в прежние эпохи. В «Синтаксисе» Шахматов в значительной мере освобождается от подобных ошибок. «При определении синтаксических явлений и категорий, — пишет он, — нет необходимости справляться всякий раз с вопросом об их происхождении; они должны быть прежде всего определены с точки зрения современного их употребления и значения». И, став на эту точку зрения, он отвергает понимание безличных предложений как неполных, независимо от гипотез об их природе в древние эпохи индоевропейских языков². «Синтаксические отношения познаются вообще на основании данных в языке отношений, а не исторических соображений», — замечает он в другом месте. И на этом основании рассматривает предложение «Я хожу» как двусоставное, несмотря на то, что исторически оно восходит к односоставному предложению «Хожу»³.

Но, с другой стороны, анализируя учение Вундта о предложении как продукте расчленения совокупного представления, он выдвигает в пользу этой теории рабочую гипотезу о том, что предложение типа «Корова пасется» восходит исторически к прототипу «Пасущаяся корова», и отвергает ее как лишнюю твердой почвы⁴. Между тем даже в том случае, если бы эта гипотеза оказалась обоснованной, она не могла бы служить доводом в пользу учения Вундта, так же как ее несостоятельность не может служить доводом против этого учения: Вундт говорит не о происхождении современного предложения из того или иного древнего прототипа, не об исторической трансформации языкового мышления, а о процессах, происходящих в сознании современного человека (или вообще человека, пользующегося языком определенной структуры).

Таким образом, надо признать, что преодолеть до конца свойственную «сравнительно-исторической школе» порочную концепцию историзма Шахматову не удалось.

10. Другая методологическая особенность предшествующих «Синтаксису» грамматических рассуждений Шахматова — психологистический индивидуализм. Выше мы показали, к каким неудачным утверждениям приводила его эта концепция в «Очерке современного русского литературного языка». И там же мы убедились в том, что в «Синтаксисе» эти утверждения заменены другими, освобожденными от своего основного порока. Конечно, синтаксис Шахматова есть синтаксис психологистический. Об этом свидетельствуют прежде всего

¹ Де-Соссюр, Курс общей лингвистики, стр. 121—124.

² «Синтаксис», § 78.

³ Там же, § 163.

⁴ Там же, § 160.

основные его определения — определения предложения и его главных членов. Но психологизм в построении Шахматова принимает особую форму, в значительной мере нейтрализующую яд индивидуализма.

Шахматов твердо стоял на той точке зрения, что язык представляет собой систему психических окаменелостей — шаблонов, в которых застыли психические процессы. Он часто цитировал слова Пауля: «Грамматическая категория есть оцененная категория психологическая»¹. Но моменту «оцененности» он придавал гораздо больший вес, чем сам автор этой формулы. Всякая грамматическая категория восходит к психическому процессу; но как явление языковое она представлялась ему застывшим продуктом этого процесса, говоря словами Гумбольдта — *ἔργον*, а не *ἐνέργεια*. Грамматические категории и типы предложений, в понимании Шахматова, — это шаблоны, выработанные человеческой мыслью в целях языкового общения. И мысль, — представлялось ему, — в процессе внутренней речи неуклонно подводится под эти шаблоны, ассоциируется с ними как с внешними знаками, и только с этим грамматическим штампом получает словесное выражение. Он любил подчеркивать принудительный и объективный, внешний характер языка по отношению к индивидуальной психике. Задачу синтаксиса он видел в составлении возможного полного каталога этих психических окаменелостей и классификации их по генетическому признаку — застывших в них психических процессов. А борьбу между мыслью и навязываемыми ей языковыми шаблонами он исключал из поля зрения лингвиста: «Это, — говорил он, — чтение в сердцах»; эти процессы подлежат изучению при помощи методов индивидуальной психологии, а не языкознания. Изучая предложение, он рассматривал его психический субстрат как сочетание представлений, понимаемое не в процессе его аналитического или синтетического образования, а как наличный в сознании результат, предшествующая история которого для лингвиста интересна, но по существу безразлична².

Таким образом, синтаксический психологизм Шахматова существенно отличается от психологизма тех лингвистов, которые изучают психические процессы, порождающие речь и сопутствующие ей, «синтаксирование», по выражению Дитриха («Syntaxierung»): Шахматов, подобно Потемне, рассматривает психические явления лишь в их объективных результатах, как субстрат грамматических форм; он изучает выработанные языком шаблоны и определяет отразившиеся в них психические образования только в целях классификации. В его синтаксической системе не прослеживаются языковые процессы, — в ней лишь классифицируются элементы языка.

Это классификационное задание отразилось и на плане его «Синтаксиса», и на методе исследования, и на характере изложения. «Синтаксис» должен был закончиться «перечнем синтаксических категорий». Полнота этого перечня обеспечивалась двойным путем синтаксического исследования. Систематичность изложения поддер-

¹ Paul, Prinzipien der Sprachgeschichte, S. 263. Цитировано Шахматовым в «Синтаксисе», § 7.

² Ср. замечания Шахматова об иррациональности психологической природы коммуникации («Синтаксис», § 10).

живалась строгой дихотомией понятий и терминов: с одной стороны — ряд психических образований — коммуникация, субъект и предикат, грамматическая категория; с другой — способы их обнаружения средствами языка — предложение, подлежащее и сказуемое, грамматическая форма. И в то же время — обилие новых терминов, часто искусственных и трудно различимых: например, деление неполных предложений на «недостаточные», «нарушенные» и «дефектные», различение определений «атрибутивно-предикативных» и «предикативно-атрибутивных» и т. п.; стремление ни одного примера не оставить вне соответствующей клетки, как бы ни была сложна и промежуточна его природа, — стремление, вступавшее в противоречие с исключительно тонкими наблюдениями над переходом слов из одной части речи в другую; и не раз оно приводило к помещению одного и того же примера или явления в различные клетки. Живо чувствуя динамику языковой системы и отразив ее в многочисленных наблюдениях, Шахматов в то же время стремился заключить ее в жесткие рамки статической рубрикации. Эта статичность классификаций служила для него опорой в борьбе с индивидуалистической концепцией языка, которую, несмотря на ряд срывов, ему удалось в конечном счете преодолеть.

11. Значение грамматической системы Шахматова для нашей эпохи велико и многообразно. Несмотря на ее незавершенность, она остается величественным памятником труда одного из самых талантливых представителей науки о русском языке. «Очерк» и «Синтаксис» Шахматова содержат огромное количество тонких и точных наблюдений над русским литературным языком. Вместе с тем внимательный читатель почерпнет из этих книг ценнейшие указания по методике грамматического исследования. Еще более значительную ценность представляет «Синтаксис» Шахматова с точки зрения методологической. Тезис Шахматова об обусловленности формальных значений вещественными, в связи с трактовкой предложения как достоверного отражения «коммуникации», недоступной познанию вне этого отражения, утверждает, с одной стороны, диалектическое единство языка и мышления, с другой — понимание языка как отражение объективной действительности. Сочетанием этих двух принципов обеспечивается особое значение грамматических трудов Шахматова для советского языкознания,

А. А. ШАХМАТОВ

О Ч Е Р К
С О В Р Е М Е Н Н О Г О Р У С С К О Г О
Л И Т Е Р А Т У Р Н О Г О Я З Ы К А

Предметом наших занятий будет обозрение звуков и форм современного нам русского литературного языка, т. е. того самого языка, который образованные русские люди употребляют и в разговорной и в письменной своей речи. Для удобства изложения, а также во избежание обширных подготовительных работ, я сосредоточу свое внимание на фактах, известных мне из непосредственного наблюдения, т. е. прежде всего из собственного моего словоупотребления. Такое самоограничение может представить и известный интерес с точки зрения методологических требований; реальное бытие имеет язык каждого индивидуума; язык села, города, области, народа оказывается известною научною фикцией, ибо он слагается из фактов языка, входящих в состав тех или иных территориальных или племенных единиц индивидуумов; между тем число этих индивидуумов представляется неопределенным, подчеркивающее изучение их языка невозможным. Впрочем, я не считаю себя обязанным ограничивать себя фактами индивидуального моего языка; буду приводить и другие известные мне из наблюдения данные, но всякий раз отмечу, чужды ли эти данные моему произношению или словоупотреблению или нет. Изложение сообщаемых мною фактов будет почти исключительно описательным. Описательному изложению противопоставляется объяснительное, а всякое объяснительное изложение фактов языка равносильно историческому их изображению, ибо факты современного языка в их взаимоотношении могут быть поняты только в историческом освещении, ведущем при этом не только в ближайшее прошлое, но углубляющемся и в самые отдаленные эпохи жизни языка; историческое объяснение большей части явлений современного русского языка не может ограничиваться данными, представляемыми письменными памятниками с XI в., оно должно пользоваться фактами старших эпох, восстанавливаемыми путем сравнительного изучения русских наречий, и даже еще более отдаленными данными, извлекаемыми как из сравнения между собою славянских наречий, так и из сопоставления фактов славянских языков с фактами других индоевропейских языков. Так, например, современное русское ударение, его колебания в пределах тех или иных грамматических категорий, а также в говоре отдельных индивидуумов, может быть объяснено только путем сравнительно-исторического изучения ударений славянских и прочих индоевропейских языков. Описательное изложение фактов языка дает полезный и необходимый материал для объяснительного исторического их изложения; оно по самой задаче своей охватывает факты языка шире и полнее, чем то изложение, которое с самого начала ставит себе целью выяснить обобщающие моменты в исследуемых явлениях и потому оставляет в тени

единичные, не поддающиеся обобщению и объяснению факты. Но для того чтобы быть научным, описательное изложение всякого языка должно опираться и на данные, добытые историей языка; без этого описание будет односторонним и случайным; оно может не заметить тесной связи между тем или другими явлениями современного языка и не обобщит того, что должно быть обобщаемо в виду указаний истории; поэтому считаю необходимым внести и в свое описание некоторый исторический элемент, а именно хотя бы простое сопоставление фактов современного языка с фактами старших эпох, которые оказываются иногда засвидетельствованными даже находящимися во вседневном распоряжении нашем фактами нашего правописания, до сих пор сохранившего свой исторический характер.

Равным образом мне необходимо предпослать моему изложению несколько общих указаний на происхождение и историю нашего литературного языка; не выяснив входящих в состав его элементов, я рисковал бы запутать свое описание, затемнить его, между тем как прямая цель моя осветить явления современного литературного языка в их целом путем подробного их описания.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА¹.

Русский литературный язык представляет явление глубокого культурно-исторического интереса. Едва ли какой другой язык в мире может быть сопоставлен с русским в том сложном историческом процессе, который он пережил. Как увидим ниже, по своему происхождению русский литературный язык — это перенесенный на русскую почву церковнославянский (по происхождению своему древнеболгарский) язык, в течение веков сближавшийся с живым народным языком и постепенно утративший и утрачивающий свое иноземное обличье. Употребление в качестве письменного языка чуждого, не народного языка видим в разных местах и в различные эпохи жизни человечества; укажем хотя бы на средневековую Европу, письменным языком которой как в романских, так и во всех германских странах была латынь; но эта латынь, бывшая и разговорным языком в известных слоях образованного общества и в духовенстве, хотя и обогащалась, искажаясь вместе с тем так называемыми варваризмами, не могла преобразиться в чуждый язык воспринявшей ее страны; вследствие этого в результате процесса индивидуализации общеевропейской культуры в различных местностях средневековой Европы на место латыни выступают постепенно, и притом в сравнительно недавнее время, местные, туземные языки; принимая функцию делового или литературного языка, эти языки пропитываются влиянием своего предшественника — латыни, накладывающей свою печать не только на словоупотребление, но и на словообразование и даже словоизменение, но в основании своем эти языки народные. Другой процесс лежит в основании образования романских языков: вульгарная латынь усваивалась народными массами (преимущественно кельтами) и выте-

¹ Обозначение настоящей вводной главы отсутствует в рукописи. (Р е д.)

сняла их, исконно им свойственный, язык. С церковнославянским языком в России дело обстояло иначе. По своей близости к русскому он никогда не был так чужд народу, как была чужда особенно германцам латынь; веледствие этого с первых же лет своего существования на русской почве он стал неудержимо ассимилироваться народному языку, ибо говорившие на нем русские люди не могли разграничить в своей речи ни свое произношение, ни свое словоупотребление и словоизменение от усвоенного ими церковного языка. Так, например, с большою уверенностью можно утверждать, что носовые звуки древнеболгарские систематически произносились на Руси как неносовые (*y, a, ъ*), ибо нет почти церковнославянских текстов, переписанных русскими людьми, где было бы хоть сколько-нибудь выдержано употребление юсов¹. Равным образом чуждые русскому языку слоговые *p* и *л* (изображавшиеся в древнеболгарских памятниках как *pъ, ъь, аз, ъь*, где — говорю о древнейших — *z* и *ь* могли обозначать неслоговые звуки, следовавшие за слоговыми плавными) передавались в русском произношении или соответствующими русскими звуками *зр, ър, зал*, или искусственными сочетаниями, содержащими, однако, русские элементы *зръ, ърь, залз* (церковнослав. *мазва, павъз, гъздаз, върка* передавались или соответствующими русскими словами *мазва, павъз, гъздаз, върка*, или искусственным произношением: *мзавъ, пзавъз, гъздаз, въръка*). То же скажем о передаче церковнославянского *ѣ*, звучавшего в древнеболгарском как *й*: русские люди заменяли его или своим звуком, дифтонгом *йе* (изображавшимся поэтому на письме буквой *ѣ*), или другим своим звуком, звуком *е*, более близким к древнеболгарскому *й* (церковнослав. *колѣбати, срѣда* передавалось или через *колѣбати, срѣда*, или, что наступало почти необходимо при отсутствии тождественного по звуку своего слова, через *колебати, среда*). Памятники XI в., т. е. первого столетия по принятии Русью христианства, доказывают, что уже тогда произношение церковнославянского языка обрусело: утратило чуждый русскому слуху характер; русские люди обращались, следовательно, уже тогда с церковнославянским языком как со своим достоянием, не считаясь с его болгарским происхождением, не прибегая к иноземному учительству для его усвоения и понимания. Можно было бы думать, что церковнославянский язык дошел до русских только путем книжным и усваивался ими только из книг; но некоторые данные свидетельствуют, что первыми нашими учителями были живые носители болгарского языка, сами болгары (ср. сделанные выше замечания относительно передачи древнеболгарских *й*, а также слоговых *p, л*); однако это первоначальное учительство не возобновлялось в первые века русской письменности: Болгария не переставала снабжать нас книгами, но учителей мы оттуда не выписывали, довольствуясь тою школою русских попов и дьяконов, которая, по свидетельству летописи, была создана еще при Владимире Святом². Впоследствии, но уже гораздо позже, наступили иные условия, при которых Русь, и не только Юго-западная, но также и Северо-восточная, стала

¹ Так уже в Остромировом ев. 1055—1056 гг. пишется: глаголюще вместо глаголюще, игемонъ вм. игемоноу, змнѣ вин. мн. вместо змнѣа, и т. д.

² Ср. под 988 годом: (Владимир) «поглавѣз нача поминати Ѹ нарочитое члди дѣти, и длагачи нача на Ѹченъе книжное».

принимать к себе и выходцев из болгарских земель, которые стали ее просветителями и духовными руководителями; им удалось в сильной степени обновить южнославянские элементы в книжном русском языке, уже значительно приблизившемся к народному; обновление шло через посредство церковного языка, на котором прежде всего отразилась новая южнославянская струя. Видоизмененный таким образом книжный язык должен был вновь проделать то, что в старший период уже было в значительной степени достигнуто в смысле приближения к живому языку народному. Обновление церковнославянского языка на Руси и новый фазис в развитии русского книжного языка наступили, однако, не раньше конца XIV в., когда главные центры просвещения, как и самая митрополичья кафедра, оказались уже перенесенными из Юго-западной Руси в Северо-восточную. Не могу проследить здесь ту сложную борьбу, которую повели народные элементы для овладения книжным языком, для вторжения в ставшую запретною область духовного просвещения и церковного учительства; создание делового, приказного языка, наиболее доступного влиянию языка окружающей среды, в сильной степени облегчило победу идеи о слиянии книжного языка с народным. Но окончательное торжество этой идеи увидел только XVIII в., осуществилась же она только в XIX; наш книжный язык приблизился к народному весьма значительно, сохранив, однако, и до сих пор свой южнославянский остов. Церковнославянские элементы, которыми пропитан этот язык, не могут быть рассматриваемы как элементы наносные, как заимствования, напротив, это остатки того общего церковнославянского основания, в которое постепенно пробивали себе путь, вытесняя некие элементы, русские слова, русские формы и звуки.

Если искать сравнения истории образования русского книжного языка с историей образования других книжных языков, то ближайшую аналогию найдем, как кажется, в истории английского языка: она представляет постепенное проникновение французского, франко-романского основания, перенесенного с континента норманскими завоевателями Англии, элементами народными — англосаксонскими.

Таким образом, первой и существенной задачей при анализе современного русского литературного языка, из языка книжного превратившегося в разговорный язык как образованных классов, так и приобщающихся к образованию народных масс, является определить церковнославянские элементы, сохранившиеся в этом языке. Эти элементы в настоящее время окружены русской стихией. Но, как указано, русская стихия пробивалась в книжный язык постепенно и неравномерно: прежде всего в книжный язык, уже в XI в. бывший разговорным языком духовенства и книжно-образованных классов (вспомним, например, язык, на котором Владимир Мономах написал свое поучение и свою летопись, приложенную к поучению), вторглись элементы южнорусские, украинские, ибо Киев — центр тогдашней образованности — находился в южнорусской, украинской этнографической среде. Эти древнейшие русские элементы с течением времени стерлись, уступив место другим в Руси Северо-восточной, но некоторые из них устояли и до нашего времени: мы увидим ниже, что произношение *бох* — *бога* (с фрикативным *γ*, чуждым и древнеболгарскому и северно-

русскому языку, от которого московское наречие заимствовало свой консонантизм) ведет нас к той южнорусской среде, где впервые укрепил свое существование наш церковнославянский язык, причем представляется вероятным, что звук γ заменил мгновенное z вообще во всех словах в русском произношении церковнославянских слов. Таким образом, второй задачей, нам предстоящей, будет определение тех южнорусских (украинских) элементов, которые сохранились в нашем книжном языке при переходе его из Киева в новые центры Руси Северо-восточной.

Перенос церковного управления, переход руководства в области духовной от Киева сначала во Владимир, а потом в Москву, почти совпал по времени с великим и сложным процессом, совершавшимся в бассейне Оки и верхнего течения Волги. Здесь столкнулись два больших русских племени: одно из них, севернорусское, проникло сюда в результате колонизационного движения с запада и северо-запада; повидимому, оно застало здесь не одних финнов (Мерю), но также и славянские поселения, более или менее прочно осевшие по левому берегу верхнего и среднего течения Оки и по верхнему течению Волги; поселения эти принадлежали ляхскому племени, направившему сильную колонизационную струю в северное Поднепровье еще в то время, когда все русское племя сидело южнее в среднем, частью южном, Поднепровье и в Поднестровье; превосходившие ляхов своей культурой, питавшиеся великим путем из варяг в греки, севернорусы покорили их себе и утвердились по крайней мере в верхнем Поволжье, проникая, однако, и в приокские области; вероятно, поволжские и приокские ляхи были бы с течением времени все вообще ассимилированы севернорусами, если бы с юга, из Рязани, не пошло встречное движение другого русского племени — восточнорусского. Восточнорусы, как можно предполагать, главным образом в виду наличности многочисленных данных, свидетельствующих о значительных русских поселениях на берегу Дона и Азовского моря в период IX—XI вв., попали на Оку в результате движения своего к северу, к которому их вынудили события, разыгравшиеся в X—XI веке в южной России: здесь, в особенности в восточной ее части, произошла смена властителей, хозяев: место культурных, мирно настроенных к покоренным племенам хазар заняли сначала печенеги, воспользовавшиеся теми тяжкими ударами, которые нанес хазарам киевский князь Святослав, а потом могущественные половцы. Земледельческое и культурное население из донских и приазовских степей потянулось в более безопасные местности к северу по Дону и его притокам. Широкой волной нахлынули восточнорусы, которых в Киеве называли вятичами, и на северо-запад и на северо-восток, в местности, уже захваченные другими русскими племенами (южнорусами и севернорусами). На северо-востоке произошла встреча восточнорусов с севернорусами. Ряд культурно-исторических причин, среди которых видное значение принадлежит и государственному началу, заложенному еще в Южной Руси, но проникшему отсюда и во все земли, занятые русским племенем, ряд причин служит объяснением, почему встретившиеся в Поволжье и Поочье севернорусы и восточнорусы были вынуждены к мирному сожительству. Татарское нашествие, отодви-

нувшее на задний план племенные интересы, местные раздоры и укрепившее как в населении, так и в правящих классах национальное, в особенности же религиозное самосознание, послужило одним из наиболее могущественных факторов при организации и развитии того сожителства, в которое вступили севернорусы и восточнорусы. Следуя инстинктивным стремлениям народных масс, князя Северо-восточной Руси начинают собирание земель. Благоприятное географическое положение Москвы на самой границе севернорусского и восточнорусского племени, на пути из Юго-западной Руси во Владимир, выдвигает ее значение среди других уделов семейства Всеволода Юрьевича, первого собирателя русских земель северо-востока (вспомним его походы на Рязань и удачную политику в отношении к Новгороду). Москва с XIV в. становится не только наиболее видным политическим центром, но также и средоточием церковной жизни, следовательно, и духовно-просветительных интересов. Здесь вокруг великого князя, с одной стороны, митрополита — с другой, группируются книжные и образованные люди: церковнославянский язык находит себе в Москве новый базис и новое поприще для своего развития; новая среда благоприятствует и тому обновлению, которое внесли в конце XIV в. в язык церкви прибывшие в Северо-восточную Русь болгарские и сербские выходцы; редкий слой образованного общества не может оказаться помехой новой южнославянской струе, задержать ее успех и развитие. Но уберечься от влияния все нарастающей этнографической среды церковнославянскому языку в его новом облике можно было только не надолго; в самом непродолжительном времени он наводняется народными элементами, нашедшими себе надежного союзника в деловом, приказном языке, облакающемся естественно в письменную форму и вырастающем именно в ней и благодаря ей. Спрашивается, какой же именно этнографической среде принадлежали те элементы, которые легли в основание приказного языка и пробилась в книжный церковнославянский язык? Несомненно, что мы имеем перед собой прежде всего и главным образом влияние языка самого города Москвы. Действительно, и между современным языком образованных классов и языком московского простолюдинства, в особенности в области произношения, различие незначительно. Но совершенно ясно, что жители больших центров, в особенности при их возникновении, при начале их роста, не могут представлять устойчивой и вполне определенной этнографической единицы; большие центры возникают именно вследствие сосредоточения разноместных по происхождению, разнообразных по составу этнографических элементов, объединяющихся новыми возникшими в этих центрах торговыми, культурными, политическими интересами. Все эти элементы приносят в привлекающий их к себе центр свой язык, свое наречие; только продолжительное сожителство может повести за собой сближение жителей на почве общего языка, создавшегося в результате смешения, продолжительного и последовательного, различных говоров и наречий. Создается так называемая *колум*, язык, обнимающий сначала ограниченную территорию большого города, но распространяющийся с течением времени на широкое пространство области и даже государства по мере роста культурного и политического влияния

этого центра. Распространение *хоуѣ* происходит при этом через единицы, однородные с теми, в которых она сама возникла, т. е. не через села и деревни, а через города и значительные местечки; местные говоры сельского населения могут сохранять свое древнее обличье в ближайшем соседстве города, создавшего *хоуѣ*, а между тем *хоуѣ* проникает в отдаленные города и торговые центры, связанные между собою единством культурных или политических интересов. Жители Москвы при начале ее роста принадлежали к разным русским племенам: возможно, что, кроме севернорусов и восточнорусов, здесь были даже южнорусы, в лице дружинников князей, боярской челяди, торговцев и духовенства; но южнорусы потонули в массе севернорусского и восточнорусского населения, постоянно и неудержимо приливавшего из ближайших к Москве, соседних с нею, местностей; на юге и западе от нее в непосредственном соседстве с городом начинались восточнорусские поселения, на севере и востоке — севернорусские. Ни в XIV, ни в XV в. Москва не могла еще выработать своего языка, создать *хоуѣ*; в Москве одни говорили по-севернорусски, другие по-восточнорусски, одни окали, другие акали, причем высшие классы употребляли, как кажется, севернорусское наречие: это видно из московских памятников: большинство их в XIV столетии не обнаруживает восточнорусских черт; объясняется такое явление тем, что московская культурная жизнь преемственно была связана с севернорусскими центрами; боярство, духовенство, дьяки потянулись в Москву из Владимира, Ростова, Суздаля, Переяславля и других старших городов Северо-восточной Руси. Между тем чернь в значительнейшей части была восточнорусская, что можно заключать из того, что восточнорусы по сравнению с севернорусами были менее устойчивым, менее оседлым населением; восточнорусы в великом смятении доставали себе земли и места жительства, в то время когда севернорусы в постепенном колониационном своем движении прочно осели в Поволжье и Пooчье. Возможно, что влияние восточнорусской среды на севернорусское население Москвы сказалось очень рано; между прочим именно этому влиянию естественно приписать отсутствие смещения *ч* и *ц* в древнейших московских памятниках; смещение *ч* и *ц*, мне кажется, было чертой общей всему севернорусскому наречию; но она легче, чем всякие другие диалектические особенности, устраняется при встрече севернорусских говоров с другими; этим объясняется то значительное число местностей в севернорусской территории, где смещение *ч* и *ц* неизвестно; по большей части — это торговые селения или селения, лежащие на трактах, иногда уже в настоящее время оставленных, запущенных; общение с принятым населением, шедшим снизу с южнорусами, восточнорусами, москвичами, имело следствием утрату диалектической черты, самой по себе неустойчивой, ибо рядом со смещением *ч* и *ц* севернорусские говоры представляли замену *ч* и *ц* одним общим звуком (шенелявым *ц*), или допускали полное вытеснение *ч* через *ц*, а также обратное. Любопытным примером утраты смещения *ч* и *ц* в севернорусских говорах могут служить архангельские и холмогорские говоры; памятники XV и XVI вв. свидетельствуют о том, что в то время смещение их было им не чуждо; отсутствие смещения в настоящее время легче всего объяснить влиянием

московского говора, распространявшегося в течение веков по тракту, соединявшему Архангельск с великорусскою столицей. Позже этого частичного влияния одного из говоров, принадлежавших московским жителям, на другой произошло слияние обоих говоров в одно стройное целое. Исследователь московской *говори* лишен возможности, анализируя это целое в звуковом отношении наречие, определить, который из двух встретившихся в Москве русских говоров лежит в основании его и который внес в это основание свои наносные особенности, — так тесно срослись оба говора, так прочна создавшаяся амальгама. Выясняется, однако, что в московском наречии вокализм, система гласных, по преимуществу восточнорусский, между тем как консонантизм, система согласных, по преимуществу севернорусский. Действительно, в московском наречии находим звук *г* мгновенный, свойственный севернорусам, между тем как восточнорусы заменили его через *г* фрикативное; в окончании род. ед. по-севернорусски¹ является *-во* (*-ово*), между тем как в восточнорусском *-го* (*-ого*); *т* в окончании 3-го лица ед. и мн. твердо, между тем в восточнорусском оно мягко; *в* в конце слога, в противоположность большинству восточнорусских говоров (за исключением, однако, рязанских), не произносится как *у* и подвергается переходу в *ф* в конце слова и перед глухими согласными, что также обычно большинству севернорусских говоров. Зато гласные *а*, *о*, *е* в неударяемых слогах подвержены тем же изменениям, что в восточнорусском: они обращаются в гласные неполного образования, задние или передние (вместо *а*, *о* после твердых согласных звук заднего ряда, который условно передадим буквою *а*, вместо *а*, *о* после мягких согласных, а также вместо *е* — звук переднего ряда, который условно передадим буквою *е*), причем в слоге, непосредственно предшествующем ударению, *а* переходит в *а* полного образования, как в рязанских и прочих восточнорусских говорах: *глава́*, *главу́*, *старики́*, *старуха́*, *саро́ка*, а *е* изменяется в звук *э* (звук среднего ряда полного образования) или в *и*: *веси́на*, *се́ло*, *ре́ка*, *плеса́т*, *веси́ла* или *веси́на*, *си́ло*, *ри́ка*, *плеса́т*, *веси́ла*; на месте конечного неударяемого *ь*, как в большинстве восточнорусских говоров, является *и*, под влиянием грамматической аналогии (со стороны ударяемых окончаний) заменяемое через *е*: *в города́х*, *ф поля́х* и *в городе́х*, *ф поле́х*. Приведенные данные, противоположение вокализма консонантизму, наводят на мысль, что осто́в и основание московского наречия могут быть признаны севернорусскими; московский вокализм стоит в прямой связи с ударением и определяемым последним складом речи; можно думать, что ударение и распределение экспираторной (выдыхательной) силы в произношении заимствованы московским наречием от восточнорусов; подобное влияние ударения одного говора на другой — явление часто повторяющееся; не выходя из пределов севернорусского наречия, можно указать ряд говоров Владимирской и Ярославской губерний, заимствовавших ударение и распределение экспираторной силы в речи из московского наречия. Результатами такого заимствования является и заметное изменение в вокализме, прибли-

¹ В рукописи, очевидно, описочно — «по-северновеликорусски» вм. «по-севернорусски». (Р е д.)

жающемся к вокализму акающих говоров; так, вместо *о, а, е* в слогах не предударных оказываются гласные неполного образования *а, е*, причем *а* и *е* в конечном открытом (неударяемом) слоге склонны к переходу в *а* полного образования (ср. произношение *старика́, старонá, стóрану, дóбрава, слино́ва* в подобных говорах). Возможно поэтому, что и московский вокализм, ослабление гласных *а, о, е* в слогах неударяемых, замена гласной *а* через *а* в слоге предударном было последствием проникшей в севернорусский говор восточнорусской системы ударения и распределения экспираторной силы. Короче, находим основание утверждать, что в основании московского наречия лежит севернорусский говор и что он подвергся влиянию восточнорусского говора, встретившегося с ним в Москве. Думаю, что такое предположение подтверждается и характерными для Москвы особенностями аканья: ни в одном восточнорусском говоре не выдерживается так стройно противоположение в слоге предударном гласных *а, о* после твердых согласных (на месте их в Москве гласная *а* полного образования) и тех же гласных после мягких согласных (на месте их гласные *е* или *і* полного образования); не доказывает ли это, что севернорусский говор, лежащий в основании московского, превратил *а* и *о* после мягких согласных в *е*, подобно многим другим севернорусским говорам, где слова *село, сестра, плясат', запятáя* произносятся как *се́ло, се́стра, плесáт', запятáя* в противоположность господствующему в севернорусском произношению: *се́ло, се́стра, плесáт', запятáя*. Переход *о, а* в *е* после мягких согласных явился в результате не экспираторного ослабления неударяемой гласной, а в результате влияния на нее палатальной согласной, влияния, которому в севернорусских говорах подвергается и ударяемая гласная, в особенности стоящая между двумя палатальными согласными: ср. распространенное на севере произношение как *зеть, мечик, валеть, кричить*. Наше предположение согласуется и с тем, как мы представляем себе зарождение *коту́* в Москве. В этом новом центре верховодили сначала севернорусы, выходцы из культурных центров, городов Северо-восточной Руси, заселенных севернорусами; но эти более культурные элементы должны были неминуемо подвергнуться влиянию народных масс, говоривших по-восточнорусски. Бывши по происхождению своему севернорусским говором и оставаясь таковым, московское наречие с течением времени восприняло существенные черты восточнорусского вокализма. Высказанное предположение находит себе подтверждение еще в некоторых позднейших явлениях в истории московского наречия. Язык Москвы XVIII в., насколько он нам известен из литературных произведений и из грамматических указаний, в сравнительной степени прилагательных употреблял окончание *-ле, ял*, свойственное севернорусским говорам: *скоряе, белле, умляе* (ср. такое произношение, напр., в современных ярославских говорах); но в XIX в. это окончание вытеснено окончанием *-ей (-ьей)*; это объясняется тем, что восточнорусские говоры совсем не знают окончания *-ле*; их растущее влияние устранило из московского наречия чуждую им черту.

В заключение сделанного мною отступления относительно московского наречия, его состава и происхождения отмечу, что оно оказывается одним из наиболее видных и определенных результатов того

этнографического явления, которое характеризуется понятием великорусский (великорусское племя, великорусская культура, великорусское государство); сложное явление это было результатом совместного действия двух этнографических факторов и двух культур — севернорусской и восточнорусской. Оба соответствующие племена, продолжая различаться на окраинах, в центре сблизилась между собой и составили одно целое; из этого центра распространились ассимилирующие влияния, приведшие между прочим к тому, что севернорусская и восточнорусская языковые территории составили части одной общей языковой территории — великорусской; в области грамматических форм в особенности, но также и в области звуков, оказываются на пространстве всей этой территории общие явления, доказывающие общность диалектической жизни. Таким образом, в наше время представлению о старых исконных диалектических группах севернорусской и восточнорусской противопоставляется представление о группах южновеликорусской и северновеликорусской.

Московское наречие — это наречие великорусское *par excellence*, его нельзя причислить ни к южновеликорусским, ни к северновеликорусским говорам; это наречие великорусское *par excellence* между прочим и потому, что в сущности оно и послужило, если не началом и не причиной, то главным выражением того слияния в одно великорусское целое, которое стало уделом восточнорусов и севернорусов в их языке. Московское наречие не единственное великорусское наречие; таких наречий много в той широкой полосе переходных говоров, которая образовалась между северновеликорусским и южновеликорусским наречием; их много и в тех местах, куда направлялась Московским государством колонизация (напр. в среднем Поволжье); но ни одно из них не получило того выдающегося общевеликорусского, а затем и общерусского значения, какое выпало на долю наречия города Москвы.

Значение это зависело прежде всего от значения самой Москвы; образовавшимся в нем наречием стали говорить правящие классы, мелкое служебное сословие, ратные люди, получавшие вследствие политического положения Москвы влияние во всей вообще великорусской земле. Но значение московского наречия увеличилось еще и оттого, что в Москве нашел себе почву и тот книжный, церковнославянский по своему происхождению, язык, о судьбах которого мы говорили выше. Им говорили духовенство и книжные люди, на нем писалось все, что сколько-нибудь возвышалось над уровнем повседневной жизни с ее практическими потребностями. Развитие просвещения в таком центре, как Москва, стало насущно необходимым; а между тем каждый шаг в направлении к такому развитию вел неминуемо за собой приобщение к книжному языку все более широких общественных кругов; а это имело последствием демократизацию книжного языка, проникновение в него живых народных элементов. Московское наречие стало источником жизни для книжного языка и с течением времени всосалось в весь чужеземный его организм, подчинив его звуки и формы своим законам, обогатив его непрерывным притоком новых образований слов, синтаксических оборотов, почерпаемых из самой гущи народной жизни. Московское наречие превратило книжный язык церковнославянский в близкое к себе, в существе тожде-

ственное наречие; но наречие это, в силу своего исторического прошлого, на которое наложило неизгладимые следы греко-византийская культура через посредство производной культуры — древнеболгарской, было богаче самого московского наречия, ибо заключало в себе, кроме элементов этого самого наречия, и крепкий остов языка церковнославянского. Богатство книжного языка в соединении с жизненностью, сообщенною ему московским наречием, обеспечило ему перевес не только в книжном употреблении, где он сохранил безраздельное владычество, но и в живом употреблении в качестве разговорной речи образованных классов. Сначала образованные классы говорили московским наречием, уснащенным теми или другими заимствованиями из книжного языка, но, когда книжный язык проникся сам живыми народными элементами, образованным классам не трудно было перейти к употреблению в живой речи самого книжного языка, который таким путем демократизировался и обрусевал еще более. Впрочем, различие между книжным языком и разговорным устранено было окончательно еще не скоро: усвоив себе книжный язык как разговорный, образованные классы этим самым не внесли еще единства между обоими языками; до тех пор, пока в образованные классы не проникло сознание, что писать можно на том самом языке, которым говорят, книжный язык продолжал свою отдельную жизнь, питаясь в своей искусственности и архаичности или подражанием старым образцам, или следованием авторитету учебников, построенных на произвольных обобщениях и случайном материале. В XVII в. книжный язык уклоняется в сторону под влиянием нахлынувших в Москву представителей юго-западной образованности; возможно, что и на разговорном языке образованных классов отразились в свое время те или другие новшества, проникшие в книжный язык. Только в XVIII в. благодаря Ломоносову книжному языку узаконивается единственный путь развития и совершенствования — это следование за языком разговорным, слияние с ним, такое слияние укрепляло авторитетность и устойчивость самому разговорному языку, который, приобретя права книжного языка, облекаясь в письменную форму для выражения высоких мыслей и чувств, этим самым ограждался от подражания языку просторечия и отмежевывался от него. Старый книжный язык замер в отвергнутых и устаревших формах; его признают одно время подходящим для употребления в «высоком штиле»; но просвещение, все более демократизируясь, с одной стороны, все более отходя, с другой стороны, от церкви и церковного руководства, приведет скоро к пренебрежению этим высоким штилем, а это будет равносильно угасанию и смерти того книжного языка, который отделился от другого, менее искусственного, более жизненного языка, усвоенного образованными классами в качестве разговорного.

Из предыдущего видно, что наш современный литературный язык, разговорный язык образованных классов, — по происхождению своему древнеболгарский язык, пересаженный в Россию в качестве церковного языка. На Руси, сначала на юге, в Киеве, потом на северо-востоке, в Москве, он подвергся обрусению, проникся живыми народными элементами и в сильной степени приблизился благодаря этому к наречиям города Москвы; это обстоятельство сделало возможным и необ-

ходимым усвоение образованными классами книжного языка в качестве разговорного, что, в свою очередь, повело, во-первых, к еще большему приближению книжного языка к московскому наречию, во-вторых, к полному вытеснению разговорным языком тех остатков книжной речи, которые держались благодаря искусственному отделению литературного стиля от стиля разговорной речи. Таким образом, в настоящее время наш литературный язык должно признать одним из великорусских наречий (московским наречием), обнаруживающим в своем составе, во-первых, свою первоначальную природу (церковнославянизмы), во-вторых, свои древнейшие судьбы на Руси (южноруссизмы, украинизмы). Следовательно, определив и выделив из нашего литературного языка те и другие элементы, основные (церковнославянизмы) и наносные (украинизмы), мы можем сосредоточить свое исследование на том современном его облике, который определяем как великорусский.

ГЛАВА I.

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ.

Заманчивою представлялась бы возможность определить в церковнославянских элементах, сохранившихся в нашем литературном языке, те разные слои, которые, казалось бы, они должны обнаруживать. Из предыдущего видно, что южнославянское влияние возобновилось на Руси в конце XIV в., захватывая и XV в.; оно шло не только посредством выходцев из Болгарии и Сербии, занявших на Руси видное положение в качестве церковных и литературных деятелей, но и путем влияния Афона, где русские люди встречались с южными славянами, где переписывались русскими монахами и богомольцами сербские и болгарские церковнославянские памятники. Таким образом, в церковнославянских элементах нашего литературного языка надо различать по крайней мере два слоя: древнейший, основной, восходящий к XI в., и позднейший, проникавший к нам не раньше конца XIV в. Разумеется, более детальное исследование могло бы обнаружить еще несколько промежуточных и последующих наслоений, ибо болгарские рукописи приехали к нам и в XII и в XIII в., отражая на себе различные школы письма и языка, возникавшие и в Восточной и в Западной Болгарии, а связь русской письменности с южнославянской не прекращалась и в XVI и в XVII столетиях, но пока мы имеем слишком мало подготовительных работ, для того чтобы разобраться во всех этих наслоениях. Скажу больше: я не сумел бы даже разграничить оба указанные выше слоя и не нахожу под руками данных для определения того, какие церковнославянизмы надо признать древнейшими, какие новейшими. Впрочем, некоторые соображения могут быть высказаны на основании наблюдений над памятниками.

Мы знаем, например, что церковнославянское жд очень рано уступило место русскому произношению с жс, и это в противоположность устойчивому сохранению церковнославянского щ, сравнительно редко уступавшего свое место русскому ч. Имеем возможность указать на несколько памятников XII в., где жд систематически заменяется через ж. Напр. в стихирарях XII в., писанных в Новгороде, можно указать

такие, которые почти систематически заменяют жд через ж и лишь редко имеют ч вм. церковного щ. Очевидно, жс проникло в церковнославянский язык на Руси так же, как в него проникло произношение у и а вместо юсов: юсы были чужды русскому произношению, и так же чуждо было сочетание жсд: его избегли, произнося вместо него жс; гораздо реже и единичнее оно произносилось как русское сочетание ждс с диалектическими его изменениями¹. Между тем в современном литературном языке жд в качестве церковнославянизма держится чрезвычайно устойчиво, захватывая обширные категории грамматических образований и господствуя во многих словах (см. ниже). В виду этого позволительно отнести произношение с жд на счет позднейшего церковнославянского слоя. Сходные соображения, но с меньшею определенностью, могут быть высказаны и по отношению к некоторым другим категориям церковнославянских элементов (напр. к категории, обнаруживающей звук о на месте подлежавшего выпадению з). Тем не менее, я не решаюсь разграничить в дальнейшем изложении древнейший и новейший слои церковнославянских элементов.

Определить все эти элементы дело сложное и едва ли достижимое иначе, как путем тщательного исследования истории церковнославянского языка в русских памятниках. Но некоторые элементы выделяются без труда как противоречащие звуковым особенностям русского языка; выделение их весьма поучительно, ибо оно обнаруживает на неопровержимых данных тот густой слой церковнославянских элементов, который сохранился в нашем литературном языке до сих пор, несмотря на всю его демократизацию и многовековое влияние на него языка русского. Устанавливаю теперь несколько категорий бесспорных церковнославянских элементов.

1. Сочетания *ор, ер, ол, ел*².

Сочетания *ор, ер, ол, ел* общеславянского праязыка изменились в общерусском праязыке в сочетания *оро, ере, оло, еле* (но после *жс, ш, ч* на месте *ел* не *оло*, а *ело*, точнее *ѡло*); в древнеболгарском те же сочетания изменились в *ра, рѣ, ла, лѣ* (но после *ж, ш, ч* на месте *ел* диалектически при *лѣ* также *ла*). Если поэтому мы вместо ожидаемых русских сочетаний *оро, ере, оло (ело)* или рядом с ними найдем в тех или иных словах сочетания *ра, рѣ (ре), ла, лѣ (ле)*, то с уверенностью признаем такие слова остатками церковнославянского основания нашего литературного языка, церковнославянизмами. Не трудно привести десятки подобных слов: их много среди существительных и среди глаголов и даже среди неизменяемых частей речи; с представлениями об этих словах частью связываются понятия, чуждые житейской обыденности; это или книжные понятия, или церковные, или отвлеченные; ясно, что отсутствие соответствующего русского народного слова было причиной сохранения в нашем языке всех этих слов; иногда соответствующее русское слово нашло, но значение его иное (большую частью оно более реально, чем книжное, церковнославянское слово), и это

¹ На это указывают написания как прежде в южнорусских памятниках.

² Обозначения подразделений данной главы отсутствуют в рукописи. (Р е л.)

служило основанием к сохранению чужеземного собрата. В нижеследующем списке приведена значительнейшая часть слов, церковнославянское происхождение которых доказывается отмеченным фонетическим признаком. Располагаю эти слова по извлекаемым из них корням и указываю соответствующие русские образования.

благ — (русск. **болог-**: ср. название местности *Бологое*): *благий, блаженство, блажить, поблажка, ублажать* и др. (диалект. *благо* в значении «плохо», вероятно, также церковного происхождения; для переноса значения ср. *блажить, блажи́й*);

бран — (русск. **борон-**: *оборона, оборонять*): *брань, бранить, возбранять*;

бразд — (русск. **борозд-**: *борозда*): *бразды* правления;

брег — (русск. **берег-**: *берег, бережистый*): *безбрежный*;

брег — (русск. **берег-**: *берегу, бережливый*): *пренебрегать, небрежный*;

брем — (русск. **берем-**: *беремя, беременный*): *бремя, обременять*;

влаг — (русск. **волог-**): *влага, влажный*;

влад — (русск. **волод-**: древнее *володѣчь, волость*): *владыка, власть, владѣть, совладать, власть, властный, область, властвовать*;

влак — (русск. **волок-**: *оболочка, обл. оболочка*): *облако, влачить*;

влас — (русск. **волос-**: *волос, волосяной*): *власяница*;

влек — (русск. **волок-**: *волоку, проволока*): *облекать, развлекать, увлекать*;

враг — (русск. **ворог-**: *ворог, ворожить, ворожею* Ипат. 1336): *враг, вражеский, вражда*;

врат — (русск. **ворот-**: *ворота*): *врата царские* (в церкви), *привратник*;

врат — (русск. **ворот-**: *приворот, переворот, ворочать*): *превратный, совратить, отбратить, возврат, разврат* и т. д.;

врач (ц.-слав. *врачь*);

вред — (русск. **веред-**: *вѣред*): *вред, вредный, повредить*;

врем — (русск. **верем-**: древнерусск. *веремѣ*): *время, временный, повременить*;

глав — (русск. **голов-**: *голова, заголовок, головной*): *глава* в книге, *глава* предприятия; *главенство, заглавие, главный*;

град — (русск. **город-**: *город, городской, горожане*): *градоначальник, градоправитель, гражданин, ограда, ограждать, преграда, награда*;

глас — (русск. **голос-**: *голос, голосистый, голосовой, безголосный*): *возглас, гласный, согласие, огласить, приглашать*;

драг — (русск. **дорог-**: *дорогой*): *драгоценный*;

древ — (русск. **дерев-**: *дерево, деревянный, псдеревно*): *древесный, древопосаждение*;

жреб — (русск. **жереб-**: *жеребей, жеребѣвка*): *жеребий*;

драв — (русск. **дороз-**: *здоров* из *здоровъ*): *здравый* (из *сдравый*), *здравие, здравствовать, здравствуй*;

злат — (русск. **золот-**: *золото*): *златоструй, златокованный, златолюбие*;

зрак — (русск. **зороз-**: *близорукий* вместо *близозоркий*, древнее *прозорочный*): *зрачок, призрак, прозрачный, невзрачный*;

крат — *множократно, кратный*;

крат — (русск. **корот-**: *короткий, коротать, укоротить*): *краткий, сокращать, кратчайший, прекратить*;

мраз — (русск. **мороз-**: *изморозь, мороз*): *мразь*;

млад — (русск. **молод-**: *молодой, молодец*): *младенец*;

мрак — (русск. **морок-**: *обморок, морочить*): *мрак, омрачать*;

млек — (русск. **молок-**: *молоко, молочный*): *млечный путь, млечопитающие*;

прав — (русск. **поров-**: *поров, поровить, припоровляться*): *прав, правственный, правиться*;

прац (русск. **порочь-**: *пороки*): *праца*;

плен — (русск. **полон-**: *полон, заполонить*): *плен, пленить*;

празд — (русск. **порозд-**: *порожский из *пороздъний*): *праздний, праздник, празднество, упражнять*;

плам — (русск. **полом-**: *поломя, полымя*): *пламя, пламенный, воспламенить*;

прах — (русск. **порох-**: *порох, порошинка*): *в пух и прах, прах родителей, идет прахом*;

пре — (русск. **пере-**: *перестать, переять, пересилить*): *предать, преелик, преступить, преступник, превращать, определять, преобразиться, пренебрегать, превозносить, престол, претерпеть, преграда; сюда же пре- как частица усиления: прекрасный, прелестный, пренеприятный, превыше (в русском языке церковное пре- заменялось через при-, как видно из некоторых памятников XI—XII вв., позднее диалектически на северо-западе и в Пскове через про-: прольгчиша; ср. Каринский, Язык Пскова, стр. 136)*;

пред — (русск. **перед-**: *перед, передок, передний, древнее переже*): *пред, предок, прежде, диалект. и простонар. преже, допреже; предводитель, председатель, предназначать, преддверие, предвкушать, предназначение, предопределение, представление, предотвратить, предупредить*;

прек — (русск. **перек-**: *поперек, переить*): *прекословие, прекосердие, вопреки*;

прет — : *запрет, запрещать*;

смрад — (русск. **смород-**: др. сморолз): *смрад*;

срам — (русск. **сором-**: др. соромз, соромжланвий): *срам, срамить*;

сред — (русск. **серед-**: *середа, середина, середка*): *среда, средний, средостение*;

слад — (русск. **солод-**: *солодкий корень, солод*): *сладкий, сладость, сласть*;

стран — (русск. **сторон-**: *сторона, сторонний*): *страна, страный, страница*;

страж — (русск. **сторож-**: *сторож, сторожить*): *стража, стражник*;

треб — (русск. **тереб-**: др. перетеребъючь): *треба, потреба, непотребный, требовать, употребить*;

трезв — (русск. **терезв-, тверез-**: ср. *черезви Вопр. Кирика*): *трезвый*;

хлад — (русск. **холод-**: *холод, холодный*): *охладить, прохлада*;

храбр — (русск. **хоробр-**: диалект и др. хоробрый): *храбрый*;

хран — (русск. **хорон-**: *хоронить, похоронь*): *охрана, сохраняный, созхранять*;

член — (русск. *челон-: др. чЕЛОНИЗ): член, расчленить, членный;
 чред — (русск. черед-: черед, очередь): урезать, урезание;
 чрев — (русск. черев-: черёва); чревоугодник, чревоуцатель;
 чрез — (русск. через-: через): чрез, чрезмерно, чрезвычайно;
 шлем — (русск. шелом-: др. ШЕЛОМИЗ): шлем.

В этот список не включены слова, не употребительные теперь в разговорной речи, но едва ли чуждые ей в XVIII в., как напр., *хлад*, *брег*, *чрево*, *страж*, *град*, *глас*, *злато*, *зрак*, *млад*, *мраз*, *древо* и т. п.

Значительное число приведенных выше слов потеряло книжный характер и охотно употребляется в просторечии, напр. *здравствуй*, *прав* и *идрав*, *мразь*, *время*, *вред*, *брань*, *враг*, *срам* и *страм*, *сладкий*; не говорю уже о тех словах, которые выражают понятия, ставшие достоянием просторечия в силу культурных условий, как *стригуца*, *глава*, *треба*, *член*, *праздник*, *среда*, *здравие*, *гласный*, *владыка* и т. п.

Отмечу употребление церковнославянских слов в сложениях, как *млекопитающие*, *древонасаждение*, *чревоугодник*, *драгоценный*, *средостение*, *златолюбие*; такие сложения возникали в книжном языке по образцу древнего церковного языка, сковавшего ряд сложений под влиянием греческого.

Сочетаниям с *e* в приведенных словах соответствуют в древнеболгарском сочетания с *ѣ*: *врѣмѣ*, *врѣдѣ*, *прѣждѣ*, *прѣдѣ*, *чрѣзѣ*, *срѣдѣ*, *шлѣмѣ*, *члѣнѣ* и т. д. Как указано выше, болгарское *ѣ* (= *ä*) в южнорусском церковнославянском произношении передавалось не через *ѣ* (ибо *ѣ* в русских словах произносилось как *ie*), а через *e*. Замечательно, что наше правописание сохранило *e*, восходящее в этих словах к памятникам XI—XII в. (ср. в них, например, написания *срѣда*, *врѣмѣ*, *млеко*, *влекоу*, *шлѣмѣ* и т. п.).

Исключение составляет слово *плнь*¹. Не указывает ли это на то, что *плнь* не принадлежит к древним заимствованиям, что оно вошло в русский язык в позднейшую эпоху (XIV—XV вв.)?

2. Сочетания *ра*, *ла* в начале слова.

Сочетания общеславянского праязыка *ор*, *ол* в начале слова при одних условиях перешли в *ро*, *ло* в общерусском праязыке, в *го*, *ю* в западославянских языках, в *га*, *ла* в южнославянских, следовательно, и в древнеболгарском языке (при других условиях во всех славянских языках находим *га*, *ла*, получившиеся, очевидно, еще в общеславянскую эпоху). Итак, в ряде слов русским сочетаниям *ро*, *ло* в начале слова соответствуют церковнославянские *ра*, *ла*. Слова нашего литературного языка, имеющие *ра*, *ла* в начале вместо ожидаемых и известных в русском, частью только диалектически, *ро*, *ло*, должны быть признаны остатками церковнославянского языка:

раб, *раба*, *работать* (ср. древнерусск. *рѣба*, севернорусск. *робота*, *роботать*, украинское *робити*),

расту, *возраст*, *растение*, *растительность* (ср. русск. *рост*, *рос*, *вырос*, *поросль*),

¹ Это слово до реформы орфографии 1918 г., действительно, писалось с ятем в корне, в то время как в аналогичной группе прочих древнеболгаризмов обычны были написания с *e* (*время*, *древо*, *прежде*, *влеку* и под.). (Р е д.)

раз-, рас-, напр. в *рѣзум, распятие, расчищать, разубеждать, распределять, развлекать, разврат, разбранить, расчленишь, разглашать, расторгать, растерзать* и т. п. (ср. русск. *роз-, рос-*: *рѣзвѣзъ, рѣспись, рѣзвальни, рѣсчерк, украин. розривати, рѣзум, розсѣха, розчиляти, розщѣб, севернор. розбить, рознять*), *разный, разлица, различие, разномыслие* (ср. русск. *рѣзно, рѣзница, рознь, рѣрознь*).

ладья (в книжном выражении: *углая ладья*, также фигура в шахматной игре (*ладья*)) (ср. древнерусск. *лодыа, совр. лодка*).

Конечно, а в письменном *расту* можно объяснить и следствием аканья, ср. при этом *рос*, но вероятнее, что здесь сохранилось старое правописание, свидетельствующее о старом (церковнославянском) произношении.

3. Группа *жд* вместо *ж*.

Общеславянское сочетание *dj* еще в общеславянском языке подверглось изменению, благодаря ассимиляции *d* следующему *j*: из *dj* получилось *ǰǰ* (*ǰ* означает мягкий звук *дж*): отсюда в общерусском праязыке *ǰ* (*ж* мягкое), в западославянских языках *z* и *dz*, в древнеболгарском *жд*. Общерусскому праязыку сочетание *жд* не было совсем известно; в позднейшем языке *жд* является в результате изменения группы *жъд* вследствие выпадения в ней *ь*, ср. совр. *ждать* из *ждати*, древнерусск. *кождо* из *къждо*. Почти все слова, где в современном литературном языке является сочетание *жд*, могут быть признаны остатками церковнославянского языка; при многих из них имеются исконно русские слова с звуком *ж*. Эти церковнославянские слова и образования распадаются на две группы:

а) группа отдельных слов, б) образования многокр. вида глаголов на *-ать* и причастия страд. залога на *-и*, при них существительные отглагольные на *-ение*.

Из отдельных слов отметим:

вождь (кор. *вод-*: *водитъ*, древнерусск. *вожь*), *жажда, жажду* (кор. *жад-*: *жадный*, древнерусск. *жажа*), *невежда* (кор. *вед-*, ср. совр. *невежа*), *между* предл. (кор. *мед-*, древнерусск. *межю, межн*, ср. *межа, межесумок, смежный*), *междоимие* (т. е. *interjectio*), *одежда* (кор. *дѣд-*, древнее и совр. *одежа, одѣжа*), *надежда* (кор. *дѣд-*, ср. *надѣжный*, имя *Надѣжка, обнадѣжить*), *рождество* (кор. *род-*, ср. др. и совр. *рожество, рождественский*), *тождество* (ср. древнеболг. *тожде: тоже*, ср. совр. *едва ли*, впрочем, не искусственное *тожество*), *нужда* (кор. *нуд-*, ср. *нудить*, др. и совр. *нужа, нужный*), *градации* (кор. *град-*, р. *город-*, ср. совр. *горожанин*), *прежде* (кор. *пред-*, русск. *перед-*, ср. древн. и совр. *преже* и *перезе*), *стражду* (кор. *страд-*: *страдать*), *чуждый* (кор. *чуд-*, ср. *чужой, чужестранный*).

Глагольные формы и отглагольные существительные. Формы на *-ать*, 1-е лицо ед. *-аю*: *убеждать, побуждать, уговждать, награвждать, повреждать, учреждать, охлаждать, услаждать, порождать, затруднять, понуждать, прохладяться, ограждать, предупредить, побуждать, рождать, препровождать, сопровождать, расуждать*.

Формы причастий на *-ен*: *принужден, побужден, награжден, поврежден* и т. д.

Отглагольные существительные на *-ение*: *рождение, охлаждение, учреждение, понуждение, предупреждение* и т. д.

Как указано было выше, можно с вероятностью отнести церковнославянские слова с *жд* и, следовательно, в числе их и глагольные образования, нами рассмотренные, к заимствованиям позднейшей эпохи, ибо уже в древнейших памятниках видим указание на то, что церковное *жд* произносилось как *ж* (в некоторых памятниках, как сказано, замена *жд* через *ж* проведена систематически). В виду этого слова, как *надежа, рожество, невежа*, можно признать за церковнославянизмы, в которых чуждое *жд* заменено было в древнейшие эпохи через *ж*; быть может, то же можно сказать о слове *тожество* при позднее заимствованном *тожество*, а также и об образованиях на *-ать*, как *провождать, расплосаться, простужать, сеужать*, если признать и их или часть их за церковнославянизмы. — Замечательно, что в 1-м л. наст. неизвестно *-жду* (ср. ниже *-жу*); очевидно, оно заменено русским *-жу*: *предупрежу, поврежу, улажусь*; исключение составляют отмеченные выше: *стражду, жажду*.

4. Африката *ц* вместо *ч*.

Общеславянское сочетание *tj* еще в общеславянском праязыке изменилось в *čč* (*č* означает звук *ч*); в ту же группу изменилось сочетание *kt* перед гласными переднего ряда (*ь, i, e*); в общерусском праязыке *čč* изменилось в *ч*, в западославянских языках в *с*, в древнеболгарском в *шт*. В древнерусском произношении церковнославянского языка *шт* передавалось как *šč*, т. е. ближайшим звуковым сочетанием, восходящим к общеславянскому *šč* из *sk* перед гласными переднего ряда и из *stj*; общеслав. *šč* в древнеболгарском перешло в *шт*, напр. *тръшнште, шшгъ, коштина, пошштъ*. Слова современного литер. языка, в которых находим *ц* (произносится в московском наречии и большинством говорящих литературным языком как *šč*) вместо ожидаемого по этимологии (по происхождению из *tj* или из *kt*) *ч*, должны быть признаны остатками церковнославянского языка. Такое *ц* находим в трех категориях случаев: а) в отдельных словах, б) в некоторых глагольных образованиях: многократные глаголы на *-ать*, 1-е лицо ед. и причастия страдательные от глаголов на *-ать* и *-ить*, в) в причастиях настоящего времени, частью получивших значение прилагательных.

Отдельные слова: *мощь* (из **могъ*, русск. *мочь*), *помощь* (русск. *помочь*), *вещь* (ср. чешск. *věs*), *пещера* (др. русск. *печера, Печерский монастырь*), *праща* (русск. **пороца*), *общество* (из *объщество*, русск. **объчьство*, откуда *общество, ашество, опчество*, ср. *оптом* из (**обьтъзмь*), *овощь, овощной* (русск. *обочь, овочь*), денно и *пощно, излущный*. Церковнославянизмом признаем и слово *товарищ*¹.

Глагольные формы. Многократные на *-ать*: *возвращать, укрощать, запрещать, сокращать, освещать, освящать, сообщать, поглощать*.

¹ Ниже, на стр. 90, автор рассматривает слово *товарищ* как русское.
(Ред.)

1-е лицо наст. и причастия страдательные от глаголов на *-ать* и *-ить*¹: *клевету, возвращу, запрещу, сокращу, укрошу, сообщу, освящу, овещу; возвращен, освящен* и т. д.

Причастия наст. вр.: *сущий, несущий, носящий, крадущий, кидающий, бросающий, светлящийся, горящий, поющий, стареющий* и т. д. Прилагательные: *завидующий, блестящий, палящий, настоящий*. Ср. еще слова, как *существо, могущество*.

Относительно причастий можно с уверенностью сказать, что они продержались в книжном языке с самого водворения его на Русь; в русском языке причастия были утрачены еще в очень отдаленную эпоху, как склоняемые слова, заменяясь формами деепричастия на *-ще, -щи, -а* (что вздад^{ше}, ид^{щи}, нег^а, како мог^а). Причастия же склоняемые получили значение прилагательных: *горящий, могущий, падающий, сыпучий, летучий, горящий, ходящий, сидящий, лежащий, певущий, ви-сящий*. Церковнославянские причастия на *-ущий* проникли и в народную речь, где опять получили значение прилагательных: ср. формы на *-ющий* для обозначения превосходной степени прилагательных: *богатеющий, большеющий* (также в литер. языке), *умнеющий*. Любопытно народное *-ащий, -ущий* вместо *-ащийся, -ающийся*, напр. *не бывающая кукла, вертящая игрушка*.

5. Гласная *e*, не перешедшая в *o*.

Еще в общерусском языке общеслав. звук *e* в положении перед твердой согласной изменился в *ö*, откуда далее в севернорусском и восточнорусском *o*. В восточнорусском *o* такого происхождения, как вообще всякое *o*, сохраняло свой звук только под ударением (см. об этом выше). Поэтому и в московском наречии и в современном литературном языке найдем на месте этимологического (общеславянского) *e* под ударением перед твердой согласной *o*: ср. *нёс, вёсла, сёстры, плётка, стерёк* (стерег), *рёф* (реф), *подерёвно* и т. д. Равным образом перешел не в *e*, а в *ö*, откуда далее *o*, звук *e* перед твердой согласной, ср. моск. и литер. *мёртвый, вёрсту, дёрн, нёс, нёстрый, назём* (род. назьму), *опёнки* (из онызкы от слова пень), *попённо, подённо, тёмный* и т. д.

Тот же звук *o* находим после исконно мягких согласных *ш, ж, ч, щ*, *щ* под ударением перед твердой согласной на месте первоначальных *e* и *ь*: *шоку, шюлка, шорох, сам-шост, облицовка, концов, чорт, чорный, жорнов, жолтый, чолн*. Древнеболгарскому языку было неизвестно изменение *e* в *ö* после согласных исконно мягких, а возникшее еще в общеславянскую эпоху *ö* из *e* после согласных исконно мягких изменилось, повидимому, в *e*. Поэтому в целом ряде слов, где по-русски являлось *ö*, откуда и *o*, в церковнославянском держалось *e*. Значительное число слов литературного нашего языка, имеющих под ударением перед твердой согласной *e*, должно быть возведено к церковнославянскому языку. Из числа слов с *e* перед твердой согласной не относятся сюда слова с *e* перед отвердевшей согласной (напр. перед твердым *ц*: *купец*, твердым *р*: *серп*), а также с *e*, восходящим к общерусскому *ь* (*мелкой* из *мѣлкън*). Остальные слова с большею или

¹ В рукописи: от глаголов на *-ить*. (Р е д.)

меньшею уверенностью могут быть признаны остатками церковно-славянского языка.

Слова с ударным *e* перед твердой согласной, восходящие к церковнославянскому языку, могут быть рассмотрены в двух категориях. К первой относятся слова с *e* перед исконно твердой согласной; ко второй слова с *e* перед отвердевшею согласною.

Слова с *e* перед исконно твердою согласною по самому значению своему обнаруживают свое церковное происхождение: *небо* (ср. диалект. *нёбо* в значении неба, а также *нёбо* во рту), *щедр*, *пещера* (русской формой была *печора), *предмет* (кор. мет-: метать), *отместка* (с *e* из *ь*: мыть), *жезл*, *нёкло*, *крест* (с *e* из *ь*, ср. диалект. *крѣст*, *хрѣст*, литературн. *крѣстный* отец, при *крестный* ход), *хребет* (с *e* из *ь*: хръбѣтъ, ср. диалект. *хребѣтъ*), *перст* (с *e* из *ь*: прѣрътъ, заменившее церковнослав. прѣрътъ, ср. диалект. *пѣрътъ*, литер. *напѣръсток*), *скѣверна* (из *ивѣрна* на месте церковнослав. *ивѣрна*), *жѣртва* (из *жрътва* на месте церковнослав. *жрътва*), *мѣрзкий*, *мѣрзость*, *дѣрзкий*, *дѣрзость*, *развѣрстый*. Из последних слов видно, что церковнославянское (правильнее русско-церковнославянское) *ь* заменилось с течением времени русским *e*, причем это русское *e* уже не подлежало изменению в *ѳ* потому именно, что звук *ѳ* был чужд церковнославянскому языку; объяснять *e* из южнорусского языка (где *e* после исконно мягких согласных звучит как *э*) нельзя потому, что после исконно мягких *п* здесь находим *о*, между тем *жѣртва*, не *жѳртва*. — Повидимому, сюда же относится *исчѣз*; по-русски это звучало бы *исчоз*; старослав. иштѣзжати при иштѣзати (с *a* на месте *ѣ*). Как долго держалось церковное *e* в некоторых словах, не чуждых и живому языку, видно из случаев, как: был как бѣсъ, потек как *песъ*. Посл. XVII в. (Симонн, 82).

Слова с *e* перед отвердевшею согласною. Различаем две категории. В первой отвердевание произошло в результате влияния на мягкую согласную (смягчившуюся перед *ь*, впоследствии выпавшим) следующей твердой; так отвердели, напр., губные и зубные перед твердым *п* после выпадения между ними и *п* звука *ь*; что *ь* смягчало в общерусском праязыке предшествующие согласные в подобном положении, видно из того, что напр. слова *бѣздна*, *дѣшевный* стали звучать в древнем украинском *бѣздана*, *дѣшевный* с *ѣ (дифтонгом *ie*) из удлинившегося *e* перед слогом с выпавшим из него *ь*. Ср. написания *бѣздна*, *дошѣвный* и т. п. в украинск. памятниках, начиная с XII в. В севернорусском и восточнорусском, где не было удлинения *о* и *e* при тех условиях, которые вызывали их удлинение в украинском, получилось *бѣз'на*, *душев'ный* с мягкими *з*, *в* и с напряженным *e* перед ними. Но вскоре во всех русских наречиях зубные и губные в положении перед твердыми зубными отвердели; в украинском *бѣз'на*, *душѣв'ный* продолжали звучать с *ь* и после отвердения *з* и *в*; но в севернорусском и восточнорусском, где звук *e* напряженное сохранялся только перед *нѣбными*, смягченными согласными, он переходил в *e* ненапряженное перед отвердевшею согласною, а ненапряженное *e* изменялось затем в *ѳ* и далее в *о*, в силу того, что вообще звук *e* не был известен перед твердыми согласными. Таким образом, мы ожидали бы в севернорусском и восточнорусском, а, следовательно, и в московском наречии *бѣзна, *душовный; ср. *дѣшовнои* в московских договорных 1428 г. № 43,

1440 г. № 60 и др., а также наши литер. *тёмный, нёбный, крёстный, поёмный, слёзный, подгёмный, колёсный, почётный, счётный*, диалект. стар. в лешовнихъ лесахъ Дв. гр. XV в. № 92 (вм. лѣшовнихъ), *служобныхъ* в моск. догов. ок. 1465 № 92, 1433 № 50, царовна Псковск. 2-я лет. XV в. (вместо *царёвна*), совр. вытегорск. *царёвна*, петрозав. *королёвна*. Объяснять *о* в подобных производных словах влиянием звука *о* в словах коренных (как *подгём, нёбо, полёт*) невероятно, в виду того, что в *тёмный, душовный, служобный* возможно только фонетическое объяснение *о* из *е*. Если же мы в современном литературном языке находим в ряде слов в таком именно положении *е*, а не *о*, то все или почти все подобные слова должны быть признаны церковнославянскими. В церковном произношении, как указано, *ѵ*, откуда *о*, было вообще неизвестно; поэтому в подобных словах перед отвердевшею согласною произносилось *е* ненапряженное, ср. этот звук и на месте исконного *е* перед твердою согласною (*небо*) и на месте исконного *ь* в таком же положении (*вред*). Поэтому признаю церковнославянскими словами следующие: *душевный, учебный, лечебный, служебный, ежедневный, всудневный, царевна* (ср. церковнослав. происхождение слова *царь*), *подгёмный, бѣздна, полёзный* (ниже укажу на церковнославянское происхождение слова *польза*), *любёзный, телёсный, неёсный, древёсный, лестный, прелёстный* (ср. церковнослав. приставку *пре*), *честный* (ср. диалект. *чосный, бесчосно*), *крёстный, тцётный*. Равным образом влиянием книжного, церковнославянского произношения объясняется *е* в *турёмный, королёвна* (ср. *царевна*). Равным образом отвердело *и* перед следующим твердым *и*, превратив предшествующее *е* в *о* в севернорусских и восточнорусских говорах: ср. *подённый, двухсажонный* (от *сажень*), *казённый*. Поэтому церковнославянскими словами признаем: *современный* (при обрусевшем *совремённый*), *обыкновенный*, равным образом причастия страдательные, как *согбённый, благословённый, вдолновённый, надмённый* (только после губных); сюда же слова *вселённая, брённый*.

Во второй категории, где *е* находим перед отвердевшею согласною, отвердение произошло в более позднюю эпоху вследствие общего отвердения той или иной согласной. Перед согласными, отвердевшими сравнительно поздно, находим *е* (ненапряженное вместо напряженного) не изменившимся в *о* (ср. *е* в *купец*, диалект. литер. *сем, первый*); но перед согласными, отвердевшими раньше, *е* напряженное через посредство *е* ненапряженного переходит в *о*; такой случай имел место, напр., перед отвердевшими *ж* и *ш*, ср. совр. произношение литерат.: *лѣжа, Серѣжа, серѣжка, грабѣж, кутѣж, надѣж, свербѣж, застѣжка, головѣшка, кормѣжка, одѣжка* (по *одѣжке* протягивай ножки), диалект. и простонародн. *одѣжа, берѣжый*. Поэтому слова, где в литер. наречии перед *ж* является *е*, а не *о* (*ѵ*), должны быть признаны церковнославянскими: *надѣж, мятѣж*, также *смежый*. Неясно, как понять *в перемѣжку*; не сказалось ли здесь влияние корня *меш-ать* (*в перемешку*). В слове *прилѣжный* *е* может восходить к церковнославянскому *ь*, ср. *прилѣжны* в Остр. ев.; во всяком случае — это слово церковнославянское. Известное и в литературном произношении *головѣшка*, равным образом *мерѣжка* (род кружевного визания) едва ли не заимствованы из таких говоров, где *ж* и *ш* отвердели позже и потому не перешли в *о*.

6. Начальное *ю* вместо *у*.

В общерусском праязыке начальное сочетание *ју*, *іу* превратилось в *у*; общесл. *іунъ*, *іуноша*, *іуха*, *іуѣ* (ср. старослав. юнъ, юноша, юха, юѣ) изменились в *унъ*, *уноша*, *уха*, *уѣ*, ср. в памятниках XI в.: оуѣнъ, оуѣѣ, оуѣноша; также современное *уха*; что касается украинск. *юха*, то *ю* здесь новое, вызванное общим стремлением украинск. языка к придыхательному приступу в начале слова. В виду этого совр. литер. *юный*, *юноша*, *юг*, *южный* должно признать церковнославянскими словами. Равным образом на месте общеславянского *јо* (старослав. ѣ) в начале слова ожидаем в русском языке не *ю*, а *у*; поэтому признаем церковнослав. словом *союз*, конечно, и *юдоль*.

7. Твердое *з* (из *г*) вместо мягкого.

В общеславянском праязыке звуки *к*, *г*, *х* при известных условиях, а именно, как предположено проф. Бодуэн-де-Куртенэ, перед ударяемым слогом, переходили в *ц*, *з*, *с*, если им предшествовали гласные переднего ряда (*ь*, *і*, *е* носовое); эти согласные восходят непосредственно к средненёбным смягченным *к*, *г*, *х*, заменившим задненёбные *к*, *г*, *х* под ассимилирующим действием предшествующей гласной. Разумеется, эти *ц*, *з*, *с* были в общеслав. языке мягкими; они сохранили свою мягкость и в общерусском праязыке; позже диалектически отвердело *ц*: *овца* вместо *овця* (а это из *овьца*, восходящего к *овька*); но *з* и *с* сохраняют свою мягкость, как и мягкие *с*, *з* другого происхождения, напр. великор. *сила*, *сѣла*, *зѣрна*, *зимний*, *зябну*. Ср. *с* мягкое из первоначального *х* в совр. *весь*, *вьсею* (восходит к *вь'ь* из *вь'хъ*), *з* мягкое из первоначального *г* в совр. *князь* (восходит к *кнзз'ь* из *кнзгъ*). Между тем в древнеболгарском диалектически *ц*, *з*, *с* отвердели очень рано, ср. написания, как *вьзвѣзъ*, *вьзъ*, *кнзззѣѣ*, *пользъ*, *намнзгнзѣ* в древнеболгарских памятниках. Поэтому, если в современном литер. языке найдем твердое *з*, а не мягкое, на месте общеславянского мягкого *з* из *г*, то такое твердое *з* свидетельствует о церковнославянском происхождении соответствующего слова. Итак, церковнославянскими признаем слова: *польза* (мы ожидали бы *пользя*, ср. подобное произношение в русских говорах, ср. *на пользю*, ср. также *пельзя*, *льзя*), *непритязательный* (по-русски было бы *непритязательный*), *состязательный* (ср. корень *тл-*: *тлгаться*, *тлжба*), *осязать* (корень *сл-*: *послгать*, *послгуть*).

8. Гласные *о*, *е* на месте слабых *ъ*, *ь*.

В общеславянском языке *ъ* и *ь* были сильными в положении перед слогом с слабым *ъ* или *ь*, а также, быть может, под ударением в начальном слоге слова; в остальных положениях они были слабыми, а перед слоговыми *р* и *л*, а также за ними неслоговыми. Напр., обозначая слабые *ъ* и *ь* буквами *ъ* и *ь* подчеркнутыми, находим для общеслав.: *тъмьный*, *лъстьный*, *пъсѣ*, *пъса*, *стъкло*, *дъва*, *жъньць*, *жъньца* и т. д.; *върхъ*, *вълкъ*, *блѣха*, *дръва*, *пльвати* со слоговыми *р* и *л*. То же имело место в общерусском праязыке, но неслоговые

ѣ и ъ перед слоговыми р и л и после них стали слоговыми и притом спланными вследствие потери звуками р и л их слогового характера; вместо *врѣхъ, вѣлкѣ, гордый, мѣлва* явились *врѣхъ, вѣлкѣ, гордый, мѣлва* с неслоговыми р, л и спланными ѣ, ъ; вместо *блѣха, дръва, плѣвати, трѣвота* с слоговыми р, л явились *блѣха, дръва, плѣвати, трѣвота* с неслоговыми р, л и спланными ѣ, ъ. Наконец, сочетание согласная + ѣ (неслоговое у и слабое ъ) перешло в общерусском в сочетание согласная + вѣ (согласная в и сильное ъ), причем изменение слабого ъ в сильное стоит в связи с переходом неслоговой гласной ѣ в фрикативную согласную: *зѣбно, дѣври* перешли в *зѣвно, дѣври* с сильными ъ. Уже после распадения общерусского праязыка, не раньше второй половины XII в., исчезли из произношения (во всех вообще русских наречьях) звуки ѣ и ъ слабые, перешли в звуки полного образования, о и е, все сильные ѣ и ъ; ср. в древнерусском и современном опущение слабых ѣ и ъ, напр. в *темный, нѣс, пса, скло, два, жнецъ, женеца*, напротив, замену сильных ѣ и ъ звуками о и е в *тѣмный, нѣс, жнецъ, женеца, верх, волк, гордый, молва, блоха, дрова, плѣватъ, трѣвота, звѣно, дѣверѣй* и т. д.

Закон об опущении слабых ѣ и ъ не знает, конечно, исключений. Правда, находим в некоторых случаях замену слабых ѣ и ъ звуками о и е, но все относящиеся сюда в русских словах случаи объясняются влиянием аналогии. Случаи эти распределяются по двум категориям: к первой принадлежат такие слова, которые перенесли о и е из одних надежных форм в другие, причем в этих других они заняли место выпавших ѣ и ъ (между тем как в первых они правильно заменили старые ѣ и ъ сильными). Сюда относятся такие образования, как древнерусское *Смоленскъ(х)* вместо *Смоленскъ* (из *Смоленскѣхъ*) под влиянием *Смоленска, Смоленску*; или совр. *пришлецы* вместо и при *пришлецы* (из *пришьльцы*) под влиянием *пришелъца* (из *пришьльца*); или, напротив, совр. *жреца, жнеца, швеца, кузнеца* вместо *жерца, женеца, шевца, кузнеца* под влиянием форм им. надежа *жрецъ, жнецъ, швецъ, кузнецъ*; *доска* вместо *дска, ца* является под влиянием *дбску, дбски* с о из сильного ѣ (сильного вследствие своего положения в начальном слоге под ударением); *стѣкло* вместо *скло* под влиянием им. мн. *стѣкла*; *пестра* вместо *пстра* под влиянием *пѣстр, пѣстрый*; *правден* вместо *правден* (под влиянием *праведный*) и т. д. Равным образом *купеческий, молодецкий, греческий* явились на место *купецъ-кий, молодецъкий, грецъкий* под влиянием кратких форм *купчск, молодецск, гречск*; *старческий* вместо *старецъкий* под влиянием *старчск*; *человеческий* вместо **человецъкий* под влиянием *человечск*. *Онемичить* вместо **онемичить* новообразование под влиянием *немецъ, немецъкий*. Ко второй категории относятся случаи появления о в предлоге со перед следующим с (со вместо с под влиянием со в других случаях): *со* своего, *состряпать, состав, состориться, сослена, со света, со степи, со стены* под влиянием *сослать, созвать, со сна, со ста*.

Но в литер. языке оказывается ряд слов, которые не могут быть подведены ни под ту, ни под другую категорию, представляя звуки о, е на месте подлежащих выпадению слабых ѣ и ъ. Сюда относятся: а) слова, содержащие предлоги *со, во, воз* вместо ожидаемого после выпадения ѣ в *сѣ, вѣ, въз* звуков *с, в, въз*; б) слова, представлявшие

о, е на месте слабых ѣ, ь в некоторых суффиксах; в) слова, представляющие о, е на месте слабых ѣ, ь в корнях. Является вопрос, как понять такие о, е? Значение многих относящихся сюда слов ясно указывает на их церковнославянское происхождение. Но почему же о, е заменили ѣ, ь слабые, подлежавшие выпадению в живом русском произношении в церковнославянском языке на Русь? Памятники старославянского языка указывают, что в нем еще в XI в. произошло в некоторых его диалектах изменение сильных ѣ и ь в о и е, так — в Зогр. Таким образом, переход сильных ѣ и ь в о и е в диалектах старославянского языка произошел раньше, чем в русском. Вероятно, он имел место и в том диалекте, который был впервые перенесен на Русь при Владимире в X в. и при Ярославе в XI в. Прямым результатом этого явилось то, что при чтении церковных книг русские люди стали произносить букву ѣ как о, букву ь как е, не справляясь, конечно, с тем, сильные ли эти ѣ, ь в живом русском произношении, или слабые. Многие писцы при переписке старославянских оригиналов передавали ѣ и ь через ѣ и ь, придерживаясь и написания оригинала, руководясь и собственным русским произношением (влияние русского произношения очевидно между прочим из того, что окончание -тъ 3-го л. ед. и мн. старославянских оригиналов передается через -тъ). Но другие писцы заменяли ѣ и ь буквами о и е, основываясь именно на церковном произношении. Вот почему в памятниках XI в., переписанных на Русь, найдем нередко о и е и притом не только на месте сильных ѣ и ь, но также и на месте слабых ѣ и ь; мало вероятным представляется в особенности случаи, где о и е заменили слабые ѣ и ь, возводить к старославянским оригиналам (где вообще находим замену через о и е только сильных ѣ и ь); но еще менее возможно объяснить их из русского живого произношения, ибо, во-первых, сильные ѣ и ь перешли в о и е не раньше второй половины XII в., во-вторых, слабые ѣ и ь вообще не заменялись через о и е. Приведу примеры замены ѣ и ь сильных и слабых через о и е в церковнослав. памятниках русской редакции XI века. Стихир. 1157: вѣл, вѣзъ църкови, вѣселеноуо, докродѣтелии, вѣсѣде, вѣладьщени, вѣплодове, Юр. ев.: вѣземечъ, вѣсѣде, вѣтагочаѣѣ, Минея 1095: вѣсточнино, вѣговидече, вѣвечегъ, вѣсемирнѣа, Ж. Ф. вѣлодѣѣи, Сб. 1073: вѣлодѣѣ 172 об. Особенно интересно написание вѣповати в русских памятниках — Юр. ев. вѣповати 106 а, Усп. Мин. № 175 (18) вѣповати 116 об. 1, Ж. Ф. вѣповати, вѣпованиемъ; можно было бы ждать на основании общего закона о выпадении слабых ѣ и ь вѣповати; но это слово было, очевидно, церковнославянским; как таковое, оно произносилось в нашем церковнославянском, а потому и писалось с о; это о дошло и до нашего времени (вѣповать). Искусственным книжным произношением всякого ѣ как о и всякого ь как е объясняется смешение букв ѣ, ь и о, е, замечаемое во многих памятниках русских XII — XIV вв. В XI и в первой половине XII в. от такого полного смешения удерживало то обстоятельство, что в живом языке ѣ и ь сильные и слабые произносились отлично от о и е; но когда со второй половины XII в. сильные ѣ и ь стали произноситься как о и е, а слабые исчезли из произношения, в распоряжении писцов, приверженных к древнему правописанию, не желавших ограничить употребление букв ѣ и ь сообразно с вновь наступившими

и рожество (мы ожидали бы роштво, ср. древнерусск. рожьтво), мно-
 жество, убожество, существо, могущество, человечество, качество, ко-
 личество, купечество, молодечество, художество, вещество, отчество,
 старчество; также после других согласных, не только после ж, ч, ш:
 естество (древнерусск. кѣтво). Ср. перенесение -ество вместо -ство
 в областном богатество. Таким образом -ество узаконилось в положе-
 нии после согласных ж, ч, ш, очевидно, по удобству произношения,
 являясь в другом положении вообще в виде -ство: братство, звер-
 ство, духовенство. — Отмечу далее скрежестать.

Слова, представляющие о, е на месте слабых ж, в: вопить (ср.
 древнерусск. впити), уповать, быть может, соты.

9. Гласные ъ, и на месте напряженных ж, в.

Необходимо коснуться здесь еще нескольких заимствований,
 частью в настоящее время исчезнувших, но оставивших след на
 письме. Сюда относятся: окончание ил. ед. прилагательных на -ый, -ий.
 В общеславянском праязыке соответствующие окончания звучали
 ѡi, ѡi с напряженными ж и в и звуком i неполного образования:
 starъi, sinъi; в памятниках древнеболгарских, а потом и в древнерус-
 ских, напряженные ж и в изображались буквами zi (ы) и и: старзи,
 сини. В севернорусских и восточнорусских говорах, следовательно,
 в великорусскую эпоху напряженные ж и в перешли в о и е как в уда-
 ряемых, так и в неударяемых слогах, хотя возможно, что в восточно-
 русских, где о и е в неударяемых слогах редуцировались, они не воз-
 никали на месте напряженных ж и в неударяемых. В московском
 наречии, по происхождению севернорусском, мы должны ожидать под
 ударением: -ой, -ей, а в неударяемых слогах -ай, -ей (или -ий), при-
 чем -ай, -ей являются результатом редукции неударяемых окончаний
 -ой, -ей: ср. седой, молодой, прастой, сам третей, милай, добрай,
 третий. В церковнославянском языке окончания -ѡi, -ѡi перешли в -ый,
 -ий; те же сочетания явились в украинском наречии. Оба эти обстоя-
 тельства узаконили произношение окончаний прилагательных как -ый,
 -ий в церковном и книжном языке. Трудно сомневаться в том, что в
 книжной речи Москвы говорили некогда простый, седый, молодой,
 после г, к, х: глухий, строгий, великий, долгий. На письме -ый, -ий
 держался до сих пор, причем оказывают влияние и на произношение.
 Несомненно, что многие говорящие литер. языком произносят в
 неударяемых слогах -ый, -ий, т. е. говорят старый, добрый, а не
 старай, добрай. В этом не трудно убедиться, наблюдая произношение
 тех, кто после г, к, х употребляет окончание -ий, а не -ай; в среде
 книжно образованных людей нередко можно услышать произношение
 крепкий, великий, убогий, строгий, безухий. Такое произношение воз-
 никает под влиянием письма, но возможно, что оно держалось в лите-
 ратурной речи непрерывно.

В общеславянском праязыке ѡ и ѡ напряженные были сильными
 только в положении перед слогом с i неполного образования из jъ
 или ji, а также под ударением в начале слов; вообще же, т. е. в по-
 ложении перед слогом с гласною полного образования, они были сла-
 быми. В старославянских, а затем и в древнерусских памятниках

слабые *ѣ* и *ѣ* напряженные изображались буквами *ы* и *и*: *оумнѣтъ*, *проликнѣз*, *пѣннѣ*, *листвѣ*. С течением времени и притом в ту же эпоху, что слабые *ѣ* и *ѣ* ненапряженные, исчезли из произношения *ѣ* и *ѣ* слабые напряженные во всех наречьях русского языка (следовательно, начиная со второй половины XIII в.). Таким образом, явились сочетания согласная + *і* + гласная в живом произношении: *листвѣ*, *кост'іу*, *лод'іа бел'іо* и т. п. В украинском *і* в таком положении перешло в *ї* и затем ассимилировалось предшествующей согласной (ср. украинск. *життя* из *жит'ја*, *жит'їа*). Но в великорусском *і* держится до сих пор. В церковнославянском произношении, где, как мы видели, слабые *ѣ* и *ѣ* после выпадения их в живом языке продолжали произноситься как *о* и *е*, слабое *ѣ* (изображавшееся на письме как *и*) продолжало произноситься как *и*, следовательно, *пение*, *воскресение*, *отдание*, *поцѣю*, *печатю*, *братія*; поэтому в церковнославянском — *братія* в три слога, а в живом народном произношении *брат'іа* (писалось *кратыа*) в два слога. Такое церковное произношение объясняет нам, почему до сих пор держатся у нас написания с *-ія*, *-ію*, *-іе* — *пение*, *изображение*, *восклицание*, *келія*, *чтение* и т. п.¹ Возможно, что и в произношении некоторых образованных людей держатся двусложные окончания *-ія*, *-іе*, *-ію*; эти окончания привились и к словам, заимствованным из иностранных языков: *партия*, *привизія*, *компания*; ср. окончание *-ыя* после *ц*, напр., в *лекцыя*, *порцыя*, *конституцыя*. Произношение с *и* слоговым вызывает в некоторых производных сочетание *-ий*, а не *-ей*, которое явилось бы при коренном слове с неслоговым *і* (ср. *скамя* — *скамейка*, *ружье* — *ружьейный*, *армейский*, *компанейский*): так, находим прилагательные: *орудийный* (указывает² на четырехсложное *орудие*), *партийный*. Возможно, что церковнославянским произношением является: *сію*, *сіять*, *пьявка*, *ляло*, *влиять* (*пріяель?*), также сохранение *-ий*: *убійца*, *убійственный*, прилаг. *английский*, *италийский*, *австрийский*; *Россия*, *Марія*.

10. Формы прилагательных в род. единственного, в именительном-винительном множественного и др.

Окончанием род. ед. мужского и среднего рода прилагательных в церковнославянском языке было *-аго*, между тем как еще в общерусском языке утвердилось окончание *-ого*. Что *-аго* проникло и в разговорную речь образованных классов, можно заключить между прочим из того, как упорно держится *-аго* на письме до сих пор; теперь³ мы его пишем только в неударяемых слогах, но еще очень недавно писали: *другаго*, *втораго*, *большаго* (но произносили, конечно, *другово*, *второво*, *большово*). Быть может, указанием на *-аго* в живом произношении могут служить и некоторые фамилии, повидимому, свойственные первоначально духовной среде: *Живаго*, *Мертваго*, *Белаго*.

¹ Ломоносов различал слова на *-іе* и *-ѣ*: *зданіе*, но *копье* (*копѣ*), ср. § 155 и 156 Гр.

² До реформы орфографии 1918 года. (Р е д.)

Общеславянское носовое *ь* (*iě* носовое), являвшееся в некоторых грамматических окончаниях в основах на мягкую согласную в соответствии с окончанием *-ы* в основах на твердую согласную, в общерусском языке перешло в *ь*, ср. общую утрату гласными их носового свойства в этом языке: род. *ель, моеь, доброь, душиь, воль* и т. д. Написания с *ь* находим в русских памятниках, начиная с XI в.; *ь* держится до сих пор в украинском, где заместителя *ь*, звук *i*, находим в формах род. *души, ей* и т. д. В древнеболгарском языке носовые гласные сохранялись, сохранялось и носовое *ь*, совпав с носовым *e* в одном звуке (*а*): ср. древнеболг. доцша, къа, доврѣша. В русском произношении церковнославянского языка всякое носовое *e* передавалось звуком *a*: *святъ* произносилось *святъ, тѣло* — *тѣло*. По этому как *a* произносилось и то носовое *e*, которому в живом языке русском соответствовал звук *ь*: р. ед. *дѣша мѣта, къа, отъ дѣвица* и т. д., ср. подобные написания в памятниках. Конечно, это произношение перешло и в речь образованных классов, но с течением времени оно было вытеснено русскими (великорусскими) окончаниями на *-и, -й*: от *души, моей, доброй*. Вместо *ель, самоь, моеь*, в результате известного сложного процесса, явилось *ей, моей, самоё*, это живое произношение вытеснило искусственное, книжное произношение *ель, моея, самоя*. Дольше всего держалось *a* в *ель*; на письме оно сохраняется до сих пор¹, проникая в произношение книжно образованных людей, усваивающих себе письменное изображение и не считающихся с живым господствующим произношением. Несомненно, что таково же происхождение орфографического *я* в окончании им.-вин. мн.²; теперь по произволу теоретиков окончания *-ья, -я* употребляются в женском и среднем роде, но на самом деле *-ья, -я* в церковнославянском языке на Руси заменило и окончание им.-вин. мн. мужского рода (древнеболг. ни им., ѡя, ѡя³ вин.), и окончание им.-вин. ж. р. (древнеболг. ѡя, ѡя)³ и окончание им.-вин. с. среднего рода (*аа, ѡа*), под влиянием русской замены формы им. мн. (мужеский род) формой вин. мн., а также утраты самостоятельных окончаний во мн. числе прилагательных среднего рода; теперь орфографическое *добрыя* им.-вин. женского и среднего рода мы произносим так же, как *добрые* им.-вин. мужского рода (*добрыѣ, добрыи*).

Общеславянское сочетание *iь* в сильном положении (перед слогом с выпавшими впоследствии *ъ, ъ*) перешло, повидимому, еще в общеслав. эпоху в *i*, между тем как в слабом положении оно изменялось в *i* неполного образования: общеслав. *jaicь, jaic'e, dostoinь, moj*. В русских наречиях такое *i* полного образования под влиянием аналогии (напр. влияния окончаний *-ен, -ес'* из *ьпъ, ѡь* на окончание

¹ Т. е. в орфографической системе до реформы 1918 года. (Р е д.)

² Имеются в виду написания названных форм прилагательных (также местоимений, числительных и причастий) по старой орфографии — на *-ые, -ие* в мужеском роде, на *-ья, -я* в женском и среднем роде. Реформой орфографии 1918 г. для этих форм узаконено независимо от рода одно окончание *-ые, -ие*. (Р е д.)

³ Очевидно, имеется в виду образование от таких прилагательных, как *божи* и под. Форма вин. мн. мужеского рода и им.-вин. мн. женского рода от них действительно образуется на *-ья (кожня)*. Между тем те же формы от прилагательных типа *чъшть, чъшгн* образуется на *-а, ѡа (чъшгъ, чъшгъа)*. (Р е д.)

-in, -ic') заменялось звуком *e*, ср. диалект. великорусское, а также украинское и белорусское *яец*, *яешница*, также *трок*, *троечка*, *спокон*, р. мн. *воен*, *боен*, *боец*, им. *бок*, р. мн. *коек*, прил. *коечный*, *перешеек*, *раёк*, *паёк*, *хвоек* и т. д. Древнее *i* находим напр. в *изба* (ничья из *ѣстьба*). Там, где в современном литер. языке является в указанных суффиксах *и* (-ин, -иц), это *и* может быть объяснено как церковнославянизм: им. ед. *воин* (ср. также в род. *воина* — трехсложное вместо ожидаемого неизвестного *вѣйна*), *достоин*, *твѣичная* ипостась, *таинство*, *таинственный*, *воинство*, *воинственный*, *воинский*, *взаимный*.

11. Элементы церковнославянского словообразования.

К словообразовательным суффиксам церковнославянского происхождения относится, как кажется, *-тель*; повидимому, он вообще чужд русскому языку (ср. то же в других славянских языках: словенском, болг., сербо-хорв.), хотя, впрочем, *житель* и древнее *волостель* слова русские. С уверенностью признаем за церковнославянские слова: *предатель*, *хранитель*, *властитель*, *учредитель*, *потребитель*, *распространитель*, *упразднитель*, *пленительница*, с вероятностью: *учитель*, *мучитель*, *знаменатель*, *утешитель*, *почитатель*, *покровитель*, *носитель*, *повелитель*, *гонитель*, *расточитель*, *сеятель*, *исцелитель*, *ценитель*, *правитель*, *попечитель*, *проситель* и т. д. В морфологии доказываю, что слова *учитель*, *смотритель* (ср. мн. *учителя*, *смотрителя*) заимствованы; быть может, также и *приятель*, *приятельница*, *учительница*. Равным образом церковнославянскими признаем образования на *-тельный* (-ительный, -ательный): *страдательный*, *восхитительный*, *мучительный*, *растительный*, *поразительный*, *увлекательный*, *омерзительный*, *огласительный*, *оздравительный*; простор.: *пользительный*; существительные на *-тельность*: *расточительность*, *признательность*, *растительность*, на *-тельство*: *учительство*, *правительство*, *предательство*. — Далее церковнославянским является суффикс *-ствие*: *бедствие*, *царствие*, *содействие*, *лицедействие*, *странствие*, *путешествие*, *бесчувствие*, *соучастие*. — Русские слова с суффиксом *-ство* имеют, повидимому, ударение на нем: *родство*, *свойство*, *скотство*, *озорство*, *баловство*, *плутовство*, *хвастовство*; слова с ударением на корне можно частью признать церковнославянскими: *царство*, *свойство*, *уродство*, *богатство* (слово *богат* церковное, как видно из господствующего произношения с *γ*), *господство*, *братство*, *непотребство*, *средство*; во всяком случае церковнославянскими должны быть признаны слова на *-ество*: *качество*, *множество*, *убожество*, *человечество*, *рождество*, *естество* (о чем сказано было выше). Церковнославянскими являются образования на *-енство* (по-русски было бы. -ѣнство): *главенство* (из *главьнство*), *духовенство*, *степенство* (из *степеньство*), *отщепенство*. — Образования с *-ея* церковнославянские: *телесный*, *чѣбесный*, *словесный*, *древесный*, *телеса* (в значении полного тела), *чудеса*, *чудесный*. — Вероятно, церковнославянскими надо признать и слова на *-ѣние*, *-ѣние*: *учѣние*, *лѣчение*, *стрѣданіе*, *пѣние*, *горѣние*, *сожалѣние*, *повелѣние*, *устроѣние*, *упоѣние*, *воспитаніе*, *растѣние*, *воспалѣние*, *заграждѣние*, *освѣщеніе*, *запрѣ-*

шение, учреждение; в русском языке вместо *-ѣние, -ѣние* находим *-енѣ, -анѣ*: *спанѣ, диалект. пенѣ, введенѣ*, или еще *-анье, -енье* с ударением на предшествующем слоге: *кѣтанье, глѣженье, свѣтанье, брѣтанье*; слова, как *варѣнье, печѣнье, прощѣнье, кѣтанье, гулянье*, конечно, русские, но они не имеют уже значения отглагольных существительных, а если получают, то под влиянием книжным. — Мы говорили выше, что причастия наст. времени вообще представляются сплошь церковнославянскими образованиями, ср. форму их окончаний: *-ащій, -ущій*. Но также признаем церковнославянскими причастия страд. на *-ный*; по самой форме эти причастия обличают свое церковнославянское происхождение; древнейшие примеры причастий на *-анный, -енный* находим в церковнославянских памятниках. Русские причастные формы на *-ный* не имеют значения причастия, это прилагательные; ср. *мощный, тканый, печеный, топленый, мазанный, учоный, точоный, верченый, селяный, велный, холный, воженный, засиженный, замаранный, стиранный, писанный*. Причастия страд. производятся от глаголов совершенного вида и по церковнослав. образцу оканчиваются на *-ный*: *расписанный, размазанный, вымощенный, натопленный, отвязанный, запаханный, размозженный, утверждённый, запрещенный, учреждённый, загрязнённый, раположенный* и т. д. Разумеется, в разговорной речи, как видно из примеров, такие причастия производятся и от чисто русских слов, но, напр., *запаханный* остается таким же церковнославянизмом, как *пашущие, замороженный, как хоронящий*. И от глаголов несовершенного вида могут быть произведены причастные формы на *-ный*: *виденный, слышанный*. — Причастия на *-вший, -вший* также признаем церковнославянскими образованиями, ибо русский язык утратил склоняемое причастие нестрад. залога и заменил его деепричастием; поэтому церковнославянизмы: *видевший, шившая, пахавшие, вернувшийся, взволновавшаяся, простившая* и т. д. — Русский язык утратил также склоняемые формы степеней сравнения; в современном разговорном языке их и нет, но здесь сохранились склоняемые формы превосходной степени: *умнейший, добрейший, милейшие, любезнейшая, кратчайший, высочайший, широчайший, мельчайшие* подробности, *сильнейшие* боли — это все церковнославянизмы; *меньшой, большой* без оттенка сравнения — русские слова, но *меньший, ббльший* — церковнославянские; также *лучший*¹.

Русскими признаем только краткие формы со значением наречия или прилаг.-сказуемого: *сильней, короче, тяжеле, веселей, глубже, шире*. То обстоятельство, что *умнейший* является в народной речи формою чуждою, книжною так же, как причастия, напр. *богатеющий, стаеющий*, объясняет, почему вместо *умнейший* и т. п. употребляется в народной речи *умнеющий, богатеющий, сильнеющий* в значении, однако, очень умный, богатый, сильный без оттенка сравнения. — Слова с *вы-* — русские: *выдать, а издать* — церковнославянское, *выход, но исход, вытекать, но истекать, вымерить, но измерить*, но, конечно, среди них есть и русские: *избить, исполосовать, испачкать; вынуть, но изъять, вылить, но излить, вычислить, но исчислить*.

¹ Ложносое, § 215 Гр., признает рассудительную и превосходную степени на *-ный* славянскими: *далечайший, свѣтлѣйший, высочайший*.

12. Церковнославянская лексика.

К числу остатков церковнославянского языка в нашем разговорном и литературном языке относятся многие глагольные образования с многократным значением. Они обнаруживаются уже известными нам признаками, напр., наличием *жд* в соответствии с коренным *д* или *ц* в соответствии с *т*: *присуждать*, *убеждать*, *побуждать*, *затрагивать*, *запрещать*, *защищать*, *посещать* и т. д. (см. более подробные перечни выше). С уверенностью относим сюда и те формы, где в соответствии с коренными *к*, *г* глаголов немногочисленных является *ц*, *з*: *восклицать* при *воскликнуть*, *проицать* при *прокикнуть* (ср. русск. литер. *проникать*), *бряцать* (при *брякнуть*), *отрицать*, *порицать*, также *созержать* (ср. *к* в *зеркало* при церковнослав. *зерцало*), *ослзать*. Возможно, что русский язык имел некогда подобные образования, но он устранил в них *ц*, *з* звуками *к*, *г*, подобно как в великорусском *ц*, *з* в повел. наклонении, а также в формах склонения заменены были по аналогии звуками *к*, *г* (*неки*, *не моги*, *на пороге*, в *куске* и т. п.). В этой замене сказалось бы стремление сблизить коренную часть глагола несовершенного или многократного вида с коренной частью соответствующего глагола совершенного или многократного вида. Ср. с этим вытеснение в русском языке звуков *а* и *ь* звуками *о* и *е* в случаях, как *прилетать* вместо *прильтати*, ср. *прилететь*, *притекать*, ср. *притеку*, *отворять* при *отворить*. Впрочем, неясно, можно ли русские *отворять*, *провождать*, *рожать*, *прощать*, *опережать*, *переделывать*, *угощать*, *наклонять*, *загонять* и т. п. возводить к *отворяти*, *провождати*, *рождати* и т. д. Повидимому, глаголы на *-ати* в древнем языке перенесли ударение на коренную гласную под влиянием ударения форм настоящего времени, которые, как показывает сербский язык, еще в общеславянском праязыке имели ударение на корне, по крайней мере в формах со стяженными окончаниями (*-ашь*, *-ать*, *-амь*, *-ате*); поэтому древнерусск. *упрашашь*, *упрашамь* и отсюда *упрашати*; на это указывает ударение в *упрашивать*, *прижизиваться*, *ужаживать*, *запашивать*, *забрисывать*, *увсивать*, *прикрасивать*, *закисывать*, *высуживать*. Поэтому глаголы *поладить*, *касаться* с сохранением в них *а* признаем церковнославянскими; в русском они неизменно перешли бы в **исладивать*, **касиваться*. Различие между *родить* — *рожать* и *упросить* — *упрашивать*, следовательно, между *родити* — *рождати*, *принити* — *прашати*, сводится к тому, что в древнем языке *рождати* в настоящем времени спрягалось *рожаю*, *-аешь*, *-аешь*, а *прашати* спрягалось (*прашамь*), *прашашь*, *прашашь*, что является стяжением из *прашашашь*, *прашашашь*, ср. старослав. *имамь*, *имашаи* (любопытно ударение *имамы* в церковнославянском). Церковнославянскому языку и в древнейшие эпохи его существования были чужды образования *прашашашь*, *прашашашаи*, *прашашашь*; они заменились через *прашашю*, *прашашьши*, *прашашьтъ*. Отсюда различие русских образований, как *отворотить* — *отворашивать*, *прикрасить* — *прикрасивать* (согласно предыдущему из **прикрасашь*) и церковнославянских, как *украсить* — *украшашь*, *отвертять* — *отвращать*. В виду этого наше *провождать* едва ли не церковнославянское образование (надо было бы ожидать *провождать*, ср. *сопровождать*), ср. *провождать*, *выпровождать*; также *уро-*

жѣтъ, ср. русск. *уцраживать*, *уснащать*, ср. *уснащивать*, *вытравлять*, ср. *вытравливать*, *ссужать*, ср. *ссуживать*, *разъяснить*, ср. *проясниться*, *нарушать*, ср. *обрушиваться*.

Кроме указанных слов и форм, обличающих своею внешнею формою свое церковнославянское происхождение, можно указать еще ряд слов, самое значение которых и культурная история доказывает тоже их церковнославянское происхождение. Таковы, напр., слова *кадѣтъ*, *внезапно*, *стезя*, *образ*, *цѣрковь* (склонение *цѣрквѣм*, *цѣрквѣх* сохранило цѣрк. окончание, ср. русск. *цѣрквѣм*, древнерусск. дат. мн. *свѣкровѣмъ*), *хорѣговь*, *бѣжка*. Последние слова заимствованы из германского. Отнесем сюда же ряд греческих слов, проникших в наш язык через посредство церковнославянского: *пономарь* (из *парамонарь*), *пресвѣтер*, *монах*, *монастырь*, *кѣлія*, *архиерей*, *иерей*, *епископ*, *епитрахиль*, *епитимья*, *ѣресь*, *еретик*, *кровать*, *грамота*, *поп*, *диакон*, *дьяк*, *подьячий*.

Из предложенного обзора церковнославянизмов в современном литературном языке видно, что в словарном своем составе он по крайней мере на половину, если не больше, остался церковнославянским. Как мы видели, он пользуется церковнославянскими элементами и при грамматических образованиях от русских корней: ср. причастия на *-ущий*, *-ащий*, напр. *стережущий*, *ворочающий*, *молотлищий*, причастия на *-вишій*: *молотившій*, *стеревшій*, *говорившій*, причастия на *-нный*: *пересланный*, *укороченный*, *убережонный*, превосх. степень прилагательных *прялейшій*, *холоднейшій*, *прехорошенькій*. В подобных образованиях видим наличность в одной форме и русского и церковнославянского элемента. Еще обычнее вторжение русского элемента в исконно церковнославянское слово: ср. *перебраниваться* (подчеркиваю русские элементы), *обезвреживать*, *сотоварищ¹*, *вытрезвлять*, *человечество*, *вочеловечение*, *прегражу*, *поврежу*, *здравие* (не *содравие*).

Впрочем, в области морфологии церковные элементы могут быть обнаружены еще в некоторых окончаниях: *-а* вм. *-у* в родительном. Наши *вкуса*, *предмета*, *разговора*, со *страха*, из *гроба* и т. д. едва ли не под церковнослав. влиянием.

ГЛАВА II.

ЮЖНОРУССКОЕ ВЛИЯНИЕ.

Церковнославянский язык был перенесен в России прежде всего на южнорусскую почву в Киев. Правда, Новгород крестился одновременно с Киевом, но он в умственном, литературном отношении находился в прямой зависимости от Киева и долгое время не имел в этом отношении самостоятельного значения. Конечно, в Новгороде, как и в Смоленске и в Ростове, переписчики церковнославянских текстов вносили в них вместе с руссизмами и свои местные диалектические особенности, но не эти вольности переписчиков определяли

¹ Это слово, повидимому, включено в этот список по ошибке: на стр. 76, а также и в статье «Русский язык, его особенности», стр. 235, слово *товарищ* рассматривается как церковнославянизм. (Р е д.)

жизненные явления в церковнославянском языке на Руси. Явления эти определялись в Киеве. Если диакон Григорий, работавший в Новгороде над перенесенной евангелией для посадника Остромира, позволял себе в виде общего приема смешивать юсы с буквами *и, а, оу, ю*, систематически заменял *ѣ* через *и* в словах как *каѣвънз, прѣѣмо*, писал *ѣр, зр, зл* вместо *рѣ, рз, лз* оригинала и т. п., — это зависело от того, что подобные приемы выработались уже в Киеве, в школе киевских грамотеев. Усваивая себе церковнославянское произношение, новгородское духовенство подражало при этом киевскому, в общем не имея возможности учиться непосредственно от болгар. Если предположим, что уже в XI в. *ѣ* звучал в Смоленске как монофтонг, то возможно, что болгарское *ѣ* (= *ä*) смоляне передали бы своим звуком *ѣ*; но они передают его, как и киевляне (у которых *ѣ* был дифтонгом *ie*, далеком по звуку от *ä*), через *e*; так же передают его новгородцы, от чего зависит смешение букв *e* и *ѣ* в древнейших новгородских памятниках (между тем звуки *e* и *ѣ* продолжали различаться еще долгое время). Произношение церковнослав. языка в устах киевлян приняло ряд типических (не общерусских) особенностей южнорусского наречия. Так, звук *и*, в древнеболгарском звучавший как звонкая мгновенная согласная, систематически заменялся в киевском произношении через *γ* (*h*). Доказательства, что *и* на всей Руси в церковном языке произносилось как *γ* (*h*), у нас налицо: до сих пор некоторые священники, читая евангелие и произнося церковные молитвы, систематически произносят *и* как *γ* (*h*): *ноѣа, ѣрад, ѣробез, ѣлас, ѣолубѣ* и т. д.; еще распространеннее произношение *и* как *γ* (*h*) в окончании род. пад. местоимений и прилагательных: *тоѣо, свѣаѣо, моѣо, добраѣо, слѣпаѣо, живѣаѣо*. Считаю вероятным, что церковнославянский, ставши разговорным, сохранял такое *γ* и в северновеликорусской области, народным говорам которой в большинстве чуждо *γ* вообще, а в частности и в род. падеже (где оно заменено через *в*). Следовательно, и в Москве говорили в книжной речи: *ноѣа, ѣрубѣѣй, друѣа, ѣонитель* и т. п. Это видно, во-первых, из того, что в книжной речи (независимо от позднейшего влияния южновеликорусских элементов) долгое время держалось произношение *друѣа, враѣа, сапоѣа, ноѣа*. Ср. свидетельство Ломоносова, Востокова. В одном ответе на программу для собрания особенностей великор. говоров сообщается, что в среде духовенства до сих пор держится такое произношение.

Во-вторых, несколько слов современного литер. языка сохранили *γ* до сих пор: это слова по преимуществу церковные, вошедшие с церковным произношением и в народный язык, между прочим и в московское наречие: *боѣа*, род. *боѣа, ѣосподѣа*, а также еще слова *боѣатѣѣй* (очевидно, неизвестное в народном языке), *ѣосподѣин, блаѣа, блаѣа-роднѣѣй, блаѣа-разумнѣѣй* и т. д. В древности также произносилось *ѣосударѣа*, что видно из параллельного произношения *осударѣа*, ср. *осподѣа* при *ѣосподѣа*, очевидно, через посредство *ѣосподѣа, ѣосударѣа*. В-третьих, произношение сочетаний *ie, ии* в словах иностранных, как *ѣерманѣа, ѣенерал, ѣероѣа*, свидетельствует также о том, что *и* произносилось как *γ*; эмансипацию от такого произношения видим в устаревшем, но еще не так давно распространенном произношении *ѣенварѣа* вместо *ѣенварѣа* (январь), такое же *ѣи* являлось и в книжном,

а по происхождению южнорусском, произношении слова *kńajína*, ср. написания *княиня* в памятниках XV—XVIII вв. Отметим, что в церковном произношении *je, ji* могло являться и независимо от украин. влияния на месте правописных *je, ji* в словах греческого происхождения, в виду того, что в среднегреческом *γe, γi* произносились как *je, ji*, ср. *Егор* вместо и при *Георгий*.

Другим случаем южнорусского влияния на церковное произношение является наше простонародное *кстить, окстить, кстины*. На великорусской почве *кычичи* не могло бы перейти в *кстичи*, ибо на месте общеславянского сочетания *рѣ* после согласной в севернорусском и восточнорусском неизменно является сочетание *p +* сильное *ѣ*, а сильное *ѣ* переходило по общему правилу в *e*. Между тем в южнорусском *рѣ, лѣ, рѣ, лѣ* в слабом положении переходили также в сочетания *p, л +* сильные *ѣ, ѣ*; сильные *ѣ, ѣ* по общему правилу переходили в *ы, и* в южнорусском (ср. переход общерусского *dobrѣi*, откуда великорусское *dobroі*, в южнорусском в *dobruі*), но кроме того они имели при себе сочетания *рѣ, рѣ, лѣ, лѣ* со слабыми *ѣ, ѣ* и неслоговыми *p, л*, возникавшие под влиянием аналогии сочетаний *рѣ, рѣ, лѣ, лѣ* с сильными *ѣ, ѣ* и неслоговыми *p, л* в сильном положении. Тогда как южнорусск. при *dѣvá, kѣsta, kѣvi, slѣza* издавна существовало произношение *dѣvá, kѣsta, kѣvi, slѣza* (под влиянием *dѣvѣ, kѣvѣ, slѣzѣ, kѣstѣ*), в севернорусском и восточнорусском наречии такое параллельное произношение было неизвестно; *dѣvá, kѣsta, kѣvi, slѣza* фонетически изменились в севернорусском и восточнорусском в *drova, kѣsta, krovi, slѣza*, в украинском в *крѣста, крѣви, слиза*. Но, кроме того, в южнорусском явились неизвестные в других русских говорах *дрѣва, крѣста, крѣви, слѣза*; такое произношение засвидетельствовано и современными говорами и памятниками. Отсюда видно, что *кстить, кстины, водокѣша* могли фонетически явиться только в южнорусском. Появление их в великор. наречиях объясняется заимствованием из церковного языка, который, в свою очередь, получил их из южнорусского.

Возможно, что произношение *позволить, дозволить, вызволить* возникло в книжном языке также под влиянием южнорусского: южнорусы произносили *пойзволить — поызволить*; дальнейший пропуск *й* перед группой согласных явился уже на великорусской почве; ср. произношение *пожалуста* вместо *пожалуйста*.

ГЛАВА III.

О ЗАИМСТВОВАНИЯХ, ПРОНИКШИХ В ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК.

В этой главе я не касаюсь тех заимствований, которые вошли в литературный язык вместе с его церковнославянской основой; об этих заимствованиях из греческого языка я говорил выше; они неотделимы от церковнославянизмов. Равным образом оставляю в стороне заимствования из финских, тюркских и других языков, которые вошли в литер. наречие вместе с другими русскими элементами из живой среды окружавших его русских говоров (имею в виду также

заимствования, как *толокно, лошадь, утюг, кушак, башка, ковш, ендова, кубшин, курган, аргамак, армяк*): эти заимствования неотделимы от русских элементов с точки зрения литер. языка. Я имею в виду те заимствования, которые вошли в литер. язык, минуя и церковнославянский язык и русские наречия, и укоренившиеся впервые в языке книжном, стали фактически или потенциально достоянием великорусского языка вообще, великорусских говоров, заимствующих эти слова вместе с другими книжными элементами из литер. языка. Подобные заимствования почти все проникли в наш литер. язык вместе с культурными влияниями Западной Европы, начиная с XIV в. Сначала главным источником заимствований был греческий язык, повлиявший на наш литературный и непосредственно, благодаря оживившимся сношениям с Византией в XIV—XV в., и посредством южных славян. Вероятно, можно указать ряд греческих книжных слов, перешедших в русский церковнославянский язык и неизвестных в древнем болгарском языке: ср. *Россия, лагун* (корыто, бочка, кадь) из *λάγυνος, литавры* из **πολυταυρέα, лавр* из *λαῦρος, корман* из *κορβανάς, скриня, скринька* из *σκρίνα, σκρίνοσ, фонарь* из греч. *φανάρι*. Позже, когда мы вошли в непосредственные сношения с Западной Европой, к нам хлынуло много романских слов через посредство итальянцев, немцев, поляков; в числе их были и латинские слова. В XVII в.: *оптека, персона, майстер, магистр, гарниец* (польск. *garniec*). В XVII в. видим уже значительное число заимствований из германских языков, в особенности для выражения понятий в разных областях техники. При Петре Великом вместе с новыми, иноземными понятиями вторгаются весьма много западноевропейских слов. Поляки играли здесь, как и раньше, довольно значительную роль в смысле посредничества (напр. *музыка* несомненно от поляков, а не прямо с немецкого или французского, также *цырульник, мизерный*). С польского *писарь, лекарь* (как показывает их ударение); *опёка*; м. б., *офицёр* своим ударением во мн. свидетельствующее об *офицёр*; *мешкать, банка* (польск. *banka*) и др. Приведу несколько примеров для слов иностранного западноевропейского происхождения, существовавших уже при Петре Великом: *атака, ассимовать, ассамблея, аудитор, баланс, багнет* (польск. *bagnet*, фр. *baionette*), *базаменто* (ит. *basamento*, сплошной пьедестал), *балбер* (польск. *balbierz* из нем. *Barbier*), *бруствер* (нем. *Brustwehr*: ограда для прикрытия), *рецидив, принцип, трактир*. (См. Н. А. Смирнов, *Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху*. Спб. 1910.) В течение всего XVIII в. прилив французских и немецких слов не прекращался, причем заимствовались не только слова, необходимые для выражения новых понятий в области техники и культуры, но также и такие, которые имели при себе в русском языке равнозначные или почти равнозначные синонимы; в светском обществе явилось стремление отделиться от простонародного, избегать «подлых», т. е. обыденных, простых выражений, заменяя их более вычурными и прежде всего иноземными. Ср., напр., в конце XVIII в. слова, как *резон, консидерация, натура, воляж*. В XIX в., благодаря более национальному и вместе с тем более демократическому направлению в литературе и просвещении, дальнейшим заимствованиям в области обыденных понятий кладется предел, но зато успехи

научной и политической мысли, самостоятельные работы в относящихся сюда областях, вызывают необходимость в постоянном пополнении языка новыми заимствованиями из западноевропейских языков. Если примем во внимание научные термины в области естественно-исторических наук и прикладных знаний, то число иноземных слов, вошедших в русский язык, доступных употреблению в русской речи, окажется едва ли меньшим, в особенности в литер. речи, содержащихся в ней русских и церковнослав. элементов. Каждому из нас знакомы в известной степени эти иностранные слова, вторгшиеся в русский язык; не буду приводить для них примеров.

Таким образом, в области лексики, благодаря заимствованиям из западноевропейских языков, литер. язык наш по сравнению даже с XVII в. совершенно преобразился. Оказали ли, однако, иноземные языки влияние на другие стороны языка, на его фонетику, морфологию, словообразование, синтаксис? В области синтаксиса издавна уже отмечалось наблюдателями значительное число галлицизмов, т. е. оборотов, заимствованных из французского языка; много галлицизмов было забыто, оставлено, но некоторые сохранились до сих пор. В словообразовании отметим, напр., заимствование глагольного суффикса *-ир-* (русск. *-ировать, -ирую*), причем он присоединяется иногда уже на русской почве к иностранным корням: *агитировать, препарировать, специализироваться, пропагандировать, руссифицировать* и т. д.; отглагольные существительные на *-ация*: *руссификация, специализация, провокация, фиксация, денационализация, полонизация, германизация*. Слово *выглядеть, выгляжу, выглядит* оказывается русским переводом немецкого *aussehen, sieht aus*, причем наш глагол, несмотря на свое сложение с предлогом *вы*, сохранил значение несовершенного вида (под влиянием немецкого). Выражение *имеет быть, имеют явиться* едва ли не с польского (Овс.-Кул., стр. 117). В области морфологии едва ли может быть обнаружено иностранное влияние. Ломоносов (Гр. § 216) признает превосходные с приложением наивысшими, с польского языка взятыми: *наилутчий, наичестейший*, и говорит, что они российскому слуху неприятны. Но фонетика обогатилась и обогащается рядом новых звуков, что зависит отчасти от того, что иностранные слова произносятся многими по-иностранному. Ср., напр., появление в иностранных словах сочетаний твердая согласная с звуком *e*; произношение *тэма, профэсор* или *прафэсор* довольно обычно у представителей образованных классов. Вообще иностранное *ц* перед *и*, сохраняя свою твердость, превращает *и* в *ы*: *цырк, цыфра, порцыя, лекцыя*, но нередко услышим и сочетание *ц* твердое + *и*: *цыркуль, Цицерон*. Вместо *-ция* в словах, как *лекция, Турция*, известно и *-ија*: *лекија, Турција*. Кроме того, многие заменяют *-ция* сочетанием *т'ја, т'ија* и произносят *нат'ја* вместо *нация*, смягчая и предшествующие *т* согласные, напр. *Фран'т'ија, стан'т'ија*. Обычно сочетание *ри* после согласных: *принци, принцип*, но рядом и *ры*: *принци*. Некоторыми произносится *й* в словах как *брошйра, бйвар, бйро*. В последнем слове слышится по французскому произношению напряженное (закрытое) *о*: *бйрб*, ср. то же в *d'env*. В словах *финансы, авансом, провенансы* нередко вместо *ан* носовое *а*: *финаасы, авасом*. Двойные согласные: искусственное *аллел*.

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ.

Как ясно из предыдущего, все русские элементы нашего литер. языка должны быть признаны великорусскими, в частности московскими. Лишь кое-что перешло в него из отдаленных эпох украинское. Но широкое распространение литер. языка на всю область, занятую великорусами, вторжение путем печати, школы, администрации также и в белорусскую и украинскую области сделали наш литер. язык достоянием людей разнообразных наречных групп. Говоря литер. языком, как своим родным, уроженцы местностей более или менее отдаленных от Москвы, а в особенности те, которые научились литер. языку преимущественно из книг и из школы, не употребляя его с малолетства, сохраняют в своем произношении ряд местных областных черт. Севернорусы с трудом привыкают к аканью, произнося по-старинному *о*, где того требует этимология, на месте московского *а*: *горá, ногá, головá*. Южновеликорусы упорно сохраняют *а* в конце слов на месте этимологического *я*, хотя сравнительно легко (в виду того, что это свойственно и местным южновеликорусским говорам) отделяются от произношения *я* как фрикативной согласной: *друх, сапох*. Гораздо реже услышим в говоре образованных людей *т'* в 3-м л. ед. и мн., как южновеликорусск. черту: *идёт', шумит', сидят'*. Украинцы, говоря на литер. языке, не могут отделяться от звонких шумных согласных в конце слова (такое произношение свойственно преимущественно восточнoукраинским говорам): *суд, мёд, народ*; с трудом они избавляются от фрикативного *γ* или *h* на месте *я*: *горá (horá)*; в конце слога они произносят как *й*: *роў, кроў, останоўка*; так же, как севернорусы, не всегда поддаются аканью: *горá* (но и *γарá*); не всегда смягчают согласные перед *е*: *сэрце*. Белорусы также удерживают *γ* на месте *я*, произносят *в* в конце слога как *й*; кроме того, с трудом отделяются от твердого *р* на месте мягкого: *бура, царá, старык*; стремясь произнести в таких случаях мягкое *р*, они впадают иногда в ошибку, заменяя и исконно твердое *р* мягким: *крясный* как *ряк*; мягкие *т* и *д* они произносят с легкой ассибиляцией: *цихо, дзень* и т. д. — Об этих диалектических особенностях в речи говорящих литературным языком мы будем говорить и дальше. Нам придется упомянуть не один раз в дальнейшем изложении о тех разновидностях, которые с трудом приурочиваются к той или другой диалектической области; сюда относятся, напр., диалектическое смягчение губных перед мягкими зубными (*зем'лю, дерев'ня* вместо обычного и московского произношения *землю, деревня*), отвердение губных в конце слова: *сем, любоф, голун*; отвердение губных перед мягкими средненёбными согласными: *немки, крепкие, дефки, лафки, рюмки* (вместо обычного и моск. произношения *нем'ки, креп'кие, деф'ки, лаф'ки, рюм'ки*); отвердение *р* перед твердыми губными и задненёбными: *первый, серп, зеркало, церкофь, верх* (при моск. *пер'вый, сер'п, зер'кало, цер'кофь, вер'х*), причем нередко колебание в пределах индивидуальных гово-

ров (первый, серп, зеркало, черпать, смеркнуца, верба, но цер'коф', вер'х, четвер'к); отвердение зубных перед мягкими губными: Тверь, дверь, двинут' (вместо более обычных Т'вер', д'вер', д'винут'); смягчение задненёбных, переход их в мягкие средненёбные перед мягкими зубными: лех'че, век'сель, протек'т'я (вместо более обычных лехче, вексель, протекуья или протекуя); произношение щ как ш'ч', вместо более обычного произношения как ш'ш': веш'ч'и (а по-московски веш'ш'и) и мн. др.

ГЛАВА V.

ОБ АРХАНЧЕСКОМ И ИСКУССТВЕННОМ ПРОИЗНОШЕНИИ.

Литер. язык, как всякий вообще письменный язык, менее подвержен изменениям сравнительно с живыми народными говорами в особенности относительно, если принять во внимание, с одной стороны, подверженность литер. языка многочисленным диалектическим и иноземным влияниям, а с другой — изолированность того или иного народного говора. Традиционное произношение выдерживается строже в литер. языке, частью благодаря более строгим требованиям со стороны общественной среды, а частью благодаря влиянию школы; последнее влияние тесно связано вообще с влиянием письменного изображения звуков на их произношение. Выше мы указывали уже на такое влияние: ср. книжное и искусственное произношение: от нея, у нея. Иногда письменное изображение действует не консервативно, а напротив разрушительно: знакомясь из книг, газет, объявлений со словами жесты, атлет, русские люди читают их как жосты, атлёт (ибо же, ле можно прочесть не только как же, ле, но и как жо, лё, ср. жесткий, полет).

Влиянием традиционного произношения, частью поддержанного книжными написаниями, объясняются некоторые колебания в произношении тех или иных звуковых сочетаний в литер. языке. Так сочетания *чи* в ряде случаев произносятся как *ши*: *молошный*, *прачешная*, *скушно*, *коришневый*, *грешневый*, *подсвешник*, *копешно*, *шутешный*, *крошешный*, *горячешный*, *порядошный*, *лубошный*; но вместе с тем в ряде других случаев держится *чи*: *прочный*, *точный*, *восточный*, *замочный*, *речной*, *мелочной*, *печной*, *безупречный*, *подвешечный*, *огуречный*, *проточный*, *встречный*, *удачный*, *поперечный* и т. д. Принимая во внимание, что в церковнославянских словах держится исключительно *чи* (*млечный*, *мрачный*, *вечный*), можно думать, что вообще *чи* — это книжное, церковнославянское произношение, а *ши* — русское, народное; но *чи* привилось и к русским словам, ср. *удачный*, *дачный*, *поперечный*. В сущности оно в таких словах также искусственно, как в нередком произношении: *конечно*, *скушно*, *молочные* продукты.

В группе *сти* в разговорном языке систематически выпускается *т*; произношение *местный* вместо и при *месный* надо признать искусственным.

ЗВУКОВОЙ СОСТАВ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА.

1. Гласные.

В предыдущих главах выяснены те элементы, из которых сложился звуковой состав нашего языка. При этом выяснилось, что, если словарный состав его на половину не русский, а церковнославянский, то звуковой состав всецело русский; в наш язык не перешло вообще из церковнославянского звуков, чуждых русскому языку; со стороны фонетики церковнославянский язык обрусел очень скоро, и чуждые русскому языку звуки русские люди стали произносить по-своему: шч как *ш* (*шч*), ср. свое русское *ш*, жд как *ж*, а позже как *жд* (ср. русское *жд* в словах, как *ждать*, *каждый*), ѣ как *е*, носовые звуки как *у*, *а*, *ь*, полумягкие согласные перед гласными переднего ряда как мягкие и т. д. Таким образом, церковнославянских звуков в нашем языке нет: иноземное *ѣ*, перешедшее к нам через посредство церковного языка, нашло себе соответствие в русском *ѣ* из *ѣ* в конце слова и перед глухими согласными. Но литер. язык, как мы видели, имеет звук *ѣ* в нескольких книжных словах: оно сохранилось в нем из того периода, когда в церковнослав. языке на Руси господствовало южнорусское произношение. Прочие звуки находят себе полное соответствие в звуках московского наречия.

Перехожу к обзору этих звуков. Оставляю в стороне общие сведения о природе звуков человеческой речи, предполагая, что вы найдете их в других курсах проф. Боуэна-де-Куртенэ, Булича, Щербы. Рассмотрю отдельно гласные и согласные.

При произведении гласных звуков артикулируют следующие органы речи: нёбная занавеска, она может быть или приподнятой, опираясь о стенки гортани и преграждая таким образом воздуху доступ в носовую область, или опущенной, предоставляя при этом выдыхаемому из легких воздуху доступ как в область рта, так и носа. Приподнята занавеска при произведении гласных чистых, носовых, каковыми являются все вообще гласные русского языка; опущена при носовых гласных, которых в русском литер. языке нет; как мы видели, в индивидуальном произношении встречается носовое *а* в иностранных словах *финансы*, *авансом*.

Губы могут образовать или более или менее значительное воронкообразное округление, или более или менее значительное продольное отверстие, через которое проходит выдыхаемый воздух из полости рта. Округление губ сопровождается так называемые лабиализованные гласные: *у* (*y*), *о*, *ю*, *ю*; они складываются в продольное отверстие при произнесении гласных нелабиализованных *а*, *у* (*y*), *я*, *е*, *и* (*i*).

Нижняя челюсть может находиться при произнесении разных гласных в большем или меньшем удалении от верхней. Дальше всего это расстояние при гласной *а*, ближе при *о*, *е*, еще ближе при *и*, *и*.

Мягкое и твердое нёбо играют при произнесении гласных пассивную роль, активная же принадлежит при этом языку. Язык, в той или другой части своей опираясь на мягкое (заднее) или твердое (переднее) нёбо, видоизменяет так или иначе резонанс полости рта. При этом возможны следующие три главные положения: а) передняя часть (спинки) языка опирается о твердое (переднее) нёбо; в результате получаются гласные переднего ряда или палатальные: *ä, e, i* (нелабиализованные), *ÿ, ö* (лабиализованные); б) задняя часть (спинки) языка опирается на мягкое (заднее) нёбо; в результате получаются гласные заднего ряда или задненёбные: *a* (нелабиализованное), *o, u* (лабиализованные); в) средняя часть (спинки) языка опирается о ту часть нёба, которая находится между задним и передним нёбом, — это средненёбные гласные или гласные среднего ряда: *y* (*ы*) (нелабиализованное), *ÿ, ö* (лабиализованные). Возможны еще и другие менее резко отделенные друг от друга положения: артикуляция средней части языка о более заднюю часть нёба дает в результате гласные задне-средненёбные, артикуляция средней части языка о более переднюю часть нёба — гласные передне-средненёбные. Артикуляция языка может быть при этом более напряженной (мускулы языка более натянuty) и менее напряженной (ослабленной); при бóльшем напряжении получаются гласные напряженные: *â, ô, ê* и т. д., при меньшем напряжении — гласные ненапряженные: *a, o, e* и т. д.; иначе гласные напряженные называются закрытыми, а ненапряженные гласные открытыми. Возможно, что отличие между теми и другими гласными вызывается и другими одновременно действующими причинами, например положением нижней челюсти, которая при гласных напряженных приближается к верхней челюсти больше, чем при гласных ненапряженных.

В литер. русском языке известны следующие гласные (полного образования):

a: заднего ряда нелабиализ. ненапряженное в словах *брат, краса* (под ударением и в слоге перед ударением).

â: заднего ряда напряженное известно в литер. языке под ударением перед звуком *l* в конце слога: *дал, бал, балка, галка*, или в положении перед гласной неполного образования (*α*): *znâla, ustâla*.

o: заднего ряда лабиализ. ненапряж., напр., в словах *сон, мост, лицо, кожа* (только под ударением).

ô: заднего ряда лабиализ. напряж. известно в литер. языке под ударением перед звуком *l* в конце слога: *пол, стол, полка, шолка*, или в положении перед гласной неполного образования: *главу, парôла*.

u: заднего ряда лабиализ. ненапряж. произносится в слогах неударяемых: *душá, гульáть, сурôк*.

ÿ: заднего ряда лабиализ. напряж. в слогах ударяемых: *дÿшу, гул, слух*, а в неударяемых после *l*: *луна*. Различие между *u* и *ÿ* мне кажется менее значительным, чем различие между *o* и *ô*.

y: среднего ряда нелабиализ. ненапряж. известно в слогах неударяемых: *сырôй, сынôк, дылôт*.

ÿ: среднего ряда нелабиализ. напряж. известно в ударяемых слогах: *дым, сын, вызбу*.

ê: среднего ряда нелабиализ. ненапряж. в слогах неударяемых (на месте этимологического, правописного *e*): *сёлá, сёстра, вёду*; под ударением после твердой согласной: *тèк*¹.

â: среднего ряда нелабиализ. ненапряж. в слогах ударяемых после мягких согласных (пишется *я*): *подряд, мясо*².

ÿ: среднего ряда лабиализ. ненапряж. в слогах неударяемых после мягких согласных (пишется *у, ю*): *чудáк, сюдá, людскóй*.

ÿ: среднего ряда лабиализ. напряж. в слогах ударяемых после мягких согласных: *чудо, отовсюду, рюмка*.

ô: среднего ряда лабиализ. ненапряж. в слогах ударяемых после мягких согласных (пишется *ё*): *мёд, сётры*³.

ÿ: переднесреднего ряда под ударением между *ш, ж* и мягкой согласной: *жизнь, шить, жить*⁴.

î: переднего ряда нелабиализ. ненапряж. в неудар. слогах в начале слова и после гласных: *ила, хозяин, паинька*.

î: переднего ряда нелабиализ. напряж. в слогах удар. и неудар. после мягких согласных, а также в начале слов под ударением: *тихо, тишмя, сила, писать, и́глу*.

е: переднего ряда нелабиализ. ненапряж. в ударяемых слогах в конце слова и перед твердой согласной (*e, ъ*): *крест, мера, мне*.

ê: переднего ряда нелабиализ. напряж. в ударяемых слогах перед мягкой согласной (*e, ъ*): *день, мерить, на сене*.

â: переднего ряда нелабиализ. ненапряж. в ударяемых слогах между мягкими согласными: *пять, мячик, зять, окончание*.

ÿ: переднего ряда лабиализ. ненапряж. в неударяемых слогах между мягкими согласными: *людей, любить*⁵.

ÿ: переднего ряда лабиализ. напряж. в ударяемых слогах между мягкими согласными: *люди, любит*.

ô: переднего ряда лабиализ. ненапряж. в ударяемых слогах между мягкими согласными (*ё*): *тётя*.

Замечания о гласных полного образования. Вместо *ê* среднего ряда, которое я слышу, напр., в своем произношении, как в моск. наречии, так и в литер. языке употребляется и звук *î* (быть может, ненапряженное), напр. *видÿ, систра*. Сомневаюсь, чтобы вместо *ê* (или согласнo предыдущему, также *î*) слышалось *ê*. — Возможно, что в индивидуальном произношении *â, ÿ, ÿ, ô* произносятся как *a, u, u, o*, но я слышу различные звуки в *рад и ряд, саду и сяду, блуду и блюду, лот и лёт*; звуки *â, ÿ, ÿ, ô* представляются промежуточными между *a, u, u, o* и между *â, ü, ü, ö*. — Впрочем, мне хорошо известно, что ряд *люц* в положении между мягкими гласными не произносят правописных *я, ю, ё* как *â, ü, ü, ö*, а как *â, ÿ, ÿ, ô*, или даже как *a, u, u, o*;

¹ Согласно приводимой ниже таблице, перед мягкой согласной (на месте правописного *я*) — напряженное *ê*: *рябина*. (Ред.)

² Согласно таблице — также и перед мягкой согласной (на месте правописного *а*): *батюшка*. (Ред.)

³ Согласно таблице, перед звуком *ѣ* — напряженное *ô*: *вѣл*. (Ред.)

⁴ В таблице звук *ÿ* отсутствует. (Ред.)

⁵ Согласно таблице — также и при выпавшем *ј* (*й*): *надеюсь*. (Ред.)

Гласные звуки московского наречия¹.

	Задний ряд		Средний ряд		Передний ряд		Подъем
	Неаблазированные	â stâr'ika·	α barada·	ÿ sÿn	y syno·k	î s'î·lx	
			ê r'êb'i·nα	ë s'ëstra·	ê v'ê·r'it'	e v'e·rα	средн.
â dât		a dar		ä bä·t'üşkα		ä z'ät'	нижн.
Аблазированные	û mû·kα	u muka·	û l'ût	ù l'ùbo·f'	û l'û·d'i	ü nad'ê·üs	верхн.
	ô pòk	o rost	ô v'ôf	ò t'ò·tkα		ö t'ö·t'α	средн.
							нижн.
	напряж.	ненапряж.	напряж.	ненапряж.	напряж.	ненапряж.	

но в моем произношении явственно различные звуки в *взять* и *взят*, *люди* и *люд*, *тётя* и *тётка*. Звук *â* более открытый звук, чем *e*, чем *ä* в немецком *Bähr*; звук *û* близок к франц. *u* в *lune*, нем. *ü* в *Sünde*; звук *ö* близок к франц. *eu* в *un* (где *ö* носовое), нем. *ö* в *Löffel*. Возможно, что *ÿ* неизвестно в индивидуальном произношении, но я произношу различно три звука после *ж* (*ž*): франц. *Gil*, русск. *жизнь* и *жыр*, *жили* и *жыл*, *шили* и *шыл*.

Замечу еще, что гласные *a*, *o*, *û*, т. е. задние, в положении перед согласными мягкими (палатальными) становятся в конечной части артикуляции близкими к *â*, *ô*, *û*: *bab'i* имеет другое *a*, чем *babα*, *doë* другое *o*, чем *don* (Дон), *dûna* другое *u*, чем *dûga*. Самостоятельного обозначения оттенки таких *a*, *o*, *û* не требуют.

Кроме гласных полного образования русский язык имеет и гласные неполного образования, т. е. такие, при которых органы речи, хотя и настроены тем или другим соответственным образом, но приближаются вместе с тем, благодаря не энергичной артикуляции, к состоянию безразличия, покоя. Литер. язык имеет несколько гласных с ослабленную артикуляцией (напр. в известных случаях ослабленно произносятся гласные *i*, *u*, *y* в неударяемых слогах), но более

¹ Этой таблицы, равно как и таблицы согласных (см. стр. 103) в рукописи нет. Обе таблицы заимствованы из литографированного «Курса истории русского языка» акад. Шахматова (часть 1-я, изд. 2-е, СПб 1910/11). В таблице включены два гласных неполного образования — *â* и *α*. Точка после знака гласного звука обозначает ударение. (Р е д.)

определенно выступают следующие две гласные: 1) *а* гласная заднего ряда ненапряженная, более суженная, чем гласная *а* полного образования, причем, как увидим, различаются два оттенка — менее напряженный *а* (перед слогом с *а*): *старажá, гаваритъ*, и более напряженный *á* (перед слогом с *і, у*): *старика́, галубо́й, барышій*; 2) *е* гласная среднего ряда ненапряженная, по условиям произношения близкая к *ё*, но представляющая ослабленную артикуляцию: *v'es'e P'ica* (веселиться), *p'etačok* (пяточок).

При еще большем ослаблении артикуляции является такой гласный звук, который произносится при совершенно безразличном, спокойном положении органов речи, вследствие чего проходящий через полость рта голос не изменяется в зависимости от того или иного резонанса; обозначу этот звук буквой *л* (латинское перевернутое *v* слова *vox*): *kaz'Гоплáik*.

Гласные полного образования производятся при тесном смыкании в гортани голосовых связок; это производит трение выдыхаемого воздуха о вибрирующие связки, что и дает голос. Но, если голосовые связки смыкаются не тесно, а только приближаются более или менее одна к другой, то в результате прохождения через них воздуха получается шепот; так являются и шепотом произносимые гласные. Гласные *а, е* шепотом произносятся почти так же, как в громком разговоре; отсюда видно, что при произнесении их наступает не только ослабление артикуляции органов речи, но еще и шепотное положение голосовых связок.

Наиболее узкие гласные (*а* устье гласных определяется степенью приближения спинки языка к нёбу, почему *о, е* уже, чем *а; и, у, і* уже, чем *о, е*), т. е. *и, у, і*, при еще большем сужении (еще большем приближении спинки языка к нёбу), становятся звуками полугласными, по условиям образования близкими к согласным. В русском литер. языке известна полугласная *і*; она встречается только в неслоговом употреблении, т. е. в соединении с гласной, причем гласная может ей предшествовать или же следовать за ней. Те и другие сочетания можно назвать дифтонгами, но собственно дифтонгами (разумея именно двугласные) назовем сочетания гласной с последующим *і*, ибо в сочетаниях *і* с последующей гласной звук *і* склонен вообще утратить функцию гласной, переходя в согласную *ј*; впрочем, русский литер. язык вообще такого перехода не знает. Таким образом, находим сочетания *і* с гласными заднего и переднего ряда: *іа* (причем *а* звучит чисто, не *á*, ср. *яд* и *мясо*), *іá* (*изъял*), *іо* (*іогš*: ерш), *іó* (*іёлка*), *іи* (*znajut*: знают), *іú* (*іúнаша, ріút*), *іі* (*ііх*: их), *іе* (*іехат'*), *іё* (*іёл'і*: ели), *іä* (*іät'*: ять, название буквы), *іü* (*na iüg'i*: на юге), *іö* (*s'emioi*: семьей). Собственно дифтонги: *аі* (*даі*: дай), *оі* (*stroі*: строй), *иі* (*búinzi*: буйный), *іі* (*agud'ipzi*: орудийный), *еі* (*béi*: бей), *аі* (*čaj*: чай, *val'ai*: валяй), *иі* (*gar'ui*: горюй), *оі* (*p'et'ern'oi*: пятерней), *аі* (*dobrai*: добрый), *еі* (*vur'eі*: вышей). Кроме того русский литер. язык имеет *и, у*, известное только в дифтонгах *äu, öu* в именах собственных и заимствованных словах: *аукцион* (аукцион), *Faustava* (Фаустово), *Jauza* (Яуза), *Brounzf* (Броунов); те же дифтонги *äu, öu*, а также *üu, üu, iu*, являются в произношении тех *иц, у* которых *і* в конце слога заменяется звуком *и*: *даү, бүй*.

Звуки могут быть произносимы различно в отношении к их длительности; в частности и гласные могут быть долгими, полудолгими, краткими и полукраткими или очень краткими. В русском языке нет долгих гласных; под ударением гласные обыкновенно полудолги; такое именно впечатление они производят по сравнению с краткими гласными других языков, ср. нем. *Kochen, Knochen, waschen, Ratte, Gasse, gucken, Lippen* и русск. *косу, вашу, поасли, гусли, липа*; впрочем, перед двойной (долгой) мгновенной согласной гласная и в русском языке кратка, напр. *рагѣ ik, прощѣи*, диалект. *tr'et't'i*; они кратки и перед некоторыми группами согласных, ср. *točit* с полудолгим *o*, но *točka* с кратким, *dočer'i* с полудолгим *o*, но *dočka, płačet* с полудолгим *a*, но *zapłačka* с кратким *a* под ударением. В слоге перед ударением гласные обыкновенно кратки: *daská, p'irók, sarók, gul'át'*, а в остальных неударяемых слогах они, как кажется, вообще полукратки, причем на месте полукратких *a, o, e* являются, как мы видели, гласные неполного образования *α, ε*: *krasatá, vel'ičíná, kŭras'p'er, p'ivavár, rŭbakí, d'es'et'i*.

Звуки гласные могут быть произносимы различно в отношении к их силе; наиболее сильно произнесенная в слове гласная называется ударяемою. В русском литер. языке, как видно из предыдущего разбора, не все гласные являются под ударением, а только некоторые, а именно в ударяемых слогах неизвестны, во-первых, ненапряженные гласные *u, y, é, ú, i, ü*, во-вторых, гласные неполного образования *α, ε*; напротив, в неударяемых слогах неизвестны: напряженные гласные *á, ó, ú* (но *lŭna, lŭbok*), *ŭ ŭ, ũ, é* и ненапряженные *o, ô, ö, e, á, ä*; одинаково, и в неударяемых и в ударяемых слогах известны только: *a* (вне ударения только перед ударяемым слогом), *i*. — Впрочем, в словах слабоударяемых, а таковыми являются слова со служебным значением (союзы, наречия), а также слова, потерявшие свое реальное значение (присловья), звуки *α* и *ε* могут употребляться и под (слабым, ослабленным) ударением: *on znáčit, da brát, ty mŕl, nu tak, rad gať* (т. е. рад, говорит). Получая ударение, такое *α* переходит в *é*, напр. в слове *ték* (тэк).

2. Согласные.

Главным и существенным отличием согласных от гласных является наличность при произнесении первых разного вида шумов в полости рта, почти отсутствующих при произнесении гласных; гласные звуки являются результатом изменения голоса (т. е. трения выдыхаемого воздуха о голосовые связки) в зависимости от того или иного резонанса, обусловленного тем или иным положением языка в отношении к нёбу, к нёбной занавеске, в отношении к зеву и т. д.; согласные звуки — это те шумы, которые производит выдыхаемый воздух, упираясь о преградивший ему вполне или отчасти выход из полости рта тот или иной орган речи (язык, губы). Но так как степени заграждения бывают различные, от минимального заграждения, при котором воздух проходит совершенно свободно, до полного заграждения, при котором воздуху для своего прохождения приходится сделать взрыв преградивших ему ход органов речи, то различие между гласными и согласными оказывается относительным; согласные, при произнесении которых

воздуху предоставлено свободное, малостесненное прохождение, оказываются близкими к гласным, отличаясь от них тем, что свободная вообще струя стеснена в той или другой части полости рта; эти согласные называются плавными и носовыми; дальше отстоят от гласных те согласные, при произнесении которых для прохождения голоса оставлена узкая щель, причем трение воздуха о сомкнувшиеся органы речи производит значительный шум; эти согласные назовем шумными фрикативными, или длительными; еще дальше отстоят от гласных те согласные, при произнесении которых полость рта замыкается в той или иной части совсем, так что выдыхаемому воздуху для своего прохождения приходится взрывать соответственные соединения органов речи; этот взрыв производит тот шум, который называем согласной шумной взрывной или мгновенной. Таким образом, взрывные и фрикативные согласные объединяются общим представлением о шуме в полости рта, произведенном будь то взрывом, будь то трением. Кроме того шумные согласные, в противоположность плавным и носовым, заключают в себе не только такие согласные, при произнесении которых воздух, проходя через голосовую щель, производит голос, но также и такие, которые произносятся без участия голоса, т. е. при отсутствии соприкосновения между голосовыми связками: первые из таких шумных согласных называются звонкими, а вторые глухими. Правда, глухими могут быть также плавные и носовые, но только при наступлении особых условий, напр., в том или ином их соединении

Согласные звуки московского наречия¹.

		губные	губнозубные	зубные	альвеолярные, образуемые краем языка	альвеолярные, образуемые слизкой языка	средненёбные	задненёбные
шумные	взрывные	глухие	p	t		t'	k (k')	k
	фрикативные	глухие	f	s	š	š' s'	ž (ž')	ž
сонорные	носовые	m	n		n'			
								плавные

с глухими шумными согласными; в русском языке такие глухие плавные и носовые почти неизвестны.

¹ См. примечание на стр. 100. В таблицу не включены аффрикаты (с = ts, з = dz, č' = ts', ž' = dž'), смягченные губные и губнозубные (p', b', m', f', v') и задненёбные носовые (ŋ и ŋ'). (Р е д.)

Итак, рассмотрим сначала плавные и носовые согласные, а потом шумные.

Плавные и носовые. В русском языке известны следующие плавные *г, г', л, л'*. При произнесении *г* кончик языка прижимается к твердому нёбу настолько неплотно, что выдыхаемый воздух, достигнув до образовавшегося затвора, приводит кончик языка в дрожание, устремляясь наружу через получающееся при этом отверстие; при произнесении *г'* к твердому нёбу прижимается передняя часть спинки языка, которая под напором воздуха приходит в такое же дрожание, как кончик языка при произнесении *г*. В индивидуальном произношении встречается и такое *г*, при произнесении которого к заднему (мягкому) нёбу прижимается задняя спинка языка, приходящая в движение под напором выдыхаемого воздуха; такое задненёбное *г* можно условно изобразить буквой *р*. Наконец, известно и губное *г*, производимое при дрожании губ; этот звук употребляется при останавливании лошадей. Звук *л* получается при прохождении воздуха в одно или оба боковые отверстия, оставленные языком, своею переднею стенкою плотно прижавшимся к твердому (переднему) нёбу и касающимся пространства за верхним рядом зубов своим кончиком, а заднею своею частью опирающимся о мягкое (заднее) нёбо: *los', lan'*. Западно-европейское *l* (французское, немецкое) неизвестно литер. русскому языку: оно отличается от русского *л* тем, что язык опирается своим кончиком в переднее нёбо (а не в область за верхними зубами), оставаясь в задней своей части в нормальном, не приподнятом положении. Близко по условиям образования к европейскому *l* русское *л'*: язык опирается в переднее нёбо не своим кончиком, а переднею частью своей спинки.

Носовые *п* и *м* в полости рта преграждают воздуху свободное прохождение плотным затвором, образуемым при *п* кончиком языка, прижавшимся к луночной области, т. е. к мясистым частям, в которых сидят верхние зубы, а при *м* сближенном нижней и верхней губы; эти затворы взрываются воздухом, но отличаются *п* и *м* от соответствующих зубных и губных взрывных тем, что воздух свободно устремляется при их произнесении через носовую полость, между тем как при произнесении взрывных согласных нёбная занавеска поднята и преграждает воздуху доступ в носовую полость. В некоторых языках, напр. в немецком, известно еще задненёбное *п* (*ŋ*), при произнесении которого происходит затвор, образуемый прижатием задней спинки языка к мягкому нёбу, взрываемый затем выдыхаемой струей воздуха, одновременно устремляющейся в полость носа; быть может, именно такое *ŋ* слышится в слове *конка* в индивидуальном произношении. Мягкое *п'* отличается от *п* тем, что к твердому нёбу прижимается передняя часть спинки языка, а при произнесении мягкого *м'* точно так же прижимается к твердому нёбу передняя часть спинки языка, между тем как кончик языка опирается о заднюю часть нижнего ряда зубов.

Плавные и носовые, как видно из предложенного их описания, в существенных чертах сближаются с гласными, а именно тем, что выдыхаемая струя воздуха проходит свободно или через носовую полость (при произнесении носовых, ср. носовые гласные) или через

полость рта (при произнесении плавных); но с согласными они сливаются тем, что при произнесении их слышатся шумы, однородные с теми, которые наблюдаются при шумных согласных и производящихся или взрывом (при *m, n, ŋ*), или дрожанием кончика языка (при *ɾ*), или, наконец, трением о стенки полости рта (при *l, l̥*). Близость физиологическая к гласным объясняет, почему во многих языках плавные и носовые выступают в качестве слоговых звуков, т. е. главных звуков в слоге, между тем как обыкновенно эти функции составляют удел гласных звуков. В русском языке плавные и носовые неизвестны в качестве слоговых. С другой стороны отличие плавных и носовых от гласных объясняет возможность появления их безгласных оттенков; без голоса (т. е. без вибрации голосовых связок) нет гласных, при отсутствии звучащего голоса не может быть произведен гласный звук; напротив, шумы при произношении плавных и носовых играют такое существенное значение, что эти звуки не теряют своей природы и при отсутствии голоса, т. е. звучащей струны. Глухие *ɾ, l, n, m* встречаются вообще редко; в русском языке они появляются в конце слова после глухих согласных, ср. глухое *ɾ* в *Пётр* (откуда и *Пёт*), *рунь* (откуда и *рун', рун*), *драм* (пример проф. Богородницкого).

Шумные согласные распадается на несколько категорий, сообразно с местом неполного (при фрикативных) или полного (при взрывных) затвора органов речи. Активную артикуляцию проявляет при этом нижняя губа, язык и заднее нёбо. При полной, интенсивной вибрации голосовых связок получается звонкие шумные согласные (в громком разговоре), при слабой вибрации их шумные согласные, произносимые шепотом, а при отсутствии всякой вибрации связок получают согласные глухие. Таким образом, в каждой категории шумных, определяемой местом затвора, полного или с протоком, различаются звонкие и глухие согласные. Сообразно с активным выступлением нижней губы, языка и мягкого нёба, шумные согласные распадается на губные, язычные и так называемые фаукальные (от лат. слова *faux*: зев, ибо мягкое нёбо артикулирует о заднюю стенку зева).

Рассмотрю отдельно каждую из этих категорий.

Губные могут быть губно-губными или губно-зубными, в зависимости от того, примыкает ли нижняя губа к верхней губе или к верхнему ряду зубов. В русском литер. языке соединение обеих губ производит полный затвор: таким образом получают губно-губные звонкое *b* и глухое *p* (ср. выше носовое *m*); напротив, соединение нижней губы с верхним рядом зубов дает затвор с протоком: так получают губно-зубные звонкое *v* и глухое *f*. Рядом с твердыми *b, p, v, f* известны и мягкие: при произнесении их передняя часть спинки языка одновременно с соответственной губной артикуляцией прижимается к твердому нёбу: *bok, pas, vol, frant; bíč, řěčó, vás* (вяз), *f'ěja* (фей).

Язычные различаются по тем областям нёба, о которые оперирует язык, и по тем частям языка, которые активно артикулируют. Во-первых, это зазубные: кончик языка артикулирует о пространство, находящееся непосредственно за верхним рядом зубов; при полном затворе получают взрывные звонкое *d* и глухое *t*, при затворе

с протоком — Фрикативные звонкое *z* и глухое *s* (ср. выше носовое *n*). Во-вторых, это альвеолярные: кончик языка артикулирует об альвеолы (зубные лунки) задних зубов; при затворе с протоком получают фрикативные звонкое *ž* и глухое *š* (иначе они называются шипящими в противоположность свистящим *s* и *z*). В-третьих, это какуминальные: нижняя часть загнутого назад кончика языка артикулирует об альвеолы, — взрывные *đ*, *t*, фрикативные *ž*, *š*, встречаются только в индивидуальном произношении говорящих литер. языком. В-четвертых, это смягченные зубные: одновременно с артикуляцией, производящей альвеолярные твердые, передняя часть спинки языка прижимается к твердому нёбу, — фрикативные *ž'*, *š'*; смягченные согласные встречаются частью только в индивидуальном произношении (напр. *pašmēšnik*), частью же только в долгом виде (двойные *ž*, *š*, изображаемые буквами *жж*, *шш* и *щ*). В-шестых, средненёбные смягченные: средняя часть спинки языка прижимается к передней части среднего нёба, — взрывные *ǰ*, *k*, фрикативные *j*, *χ*¹; в русском литер. языке отсутствуют средненёбные несмягченные, при произнесении которых средняя часть спинки языка прижимается вообще к среднему нёбу, а не только к передней его части. В-седьмых, задненёбные согласные: задняя часть спинки языка артикулирует о заднее (мягкое) нёбо, — взрывные *g*, *k*, фрикативные *γ*, *χ* (ср. выше носовое *ŋ*).

Фаукальные согласные производятся взрывом полного затвора, образуемого соприкосновением мягкого нёба к задней стенке зева. Они встречаются только в соединениях с последующими *n* и *m* на месте этимологических *t*, *p* (глухие фаукальные) и *d*, *b* (звонкие фаукальные); как мы знаем, взрыв *n* происходит там же, где взрыв *t*, *d*, а взрыв *m* там же, где взрыв *p*, *b*²; в сочетаниях *tn*, *dn* и *pm*, *bm* вместо взрыва, свойственного звукам *t*, *d* и *p*, *b*, получается взрыв, преграждающий воздуху доступ в носовую область нёбной занавески (задней части мягкого нёба), прижавшейся к задней стенке зева. Ср. фаукальные согласные (обозначаю глухой звук знаком =, а звонкий знаком + над строкой) в *paŋ⁺poi*, *a⁺maŋ*, *a⁺nako*.

Кроме перечисленных простых согласных русский язык имеет несколько слитных согласных, называемых африкатами; они образуются из тесного соединения взрывной с соответствующей фрикативной, причем в результате такого соединения является несколько ослабленное произношение взрывной; сюда относятся африкаты: *c* (пишется *ц*), разлагающееся на *ts* и *ž* (пишется *дж*, напр. в фамилии *Модзалевский* или в словах, как *подзадоривать*, *подзывать*), разлагающееся на *dz*; далее: *č* (пишется *ч*), разлагающееся на *t* (очевидно не зубное, а альвеолярное) и *š*, и *č'* (пишется *дж*, например в *поджаривать*), разлагающееся на альвеолярное *d* и *ž*. Впрочем, *č* известно в литер. языке в мягком виде (*č'*) и представляет, следовательно, со-

¹ В таблице, в графе средненёбных согласных, буквы, снабженные значком смягчения (помещенные в скобках) и лишенные этого значка (вне скобок), обозначают одни и те же смягченные согласные. (Ред.)

² В рукописи по описке: «где взрыв ш». (Ред.)

единение *t* с *š*. Остальные африкаты тверды, хотя возможно, что в индивидуальном произношении с при известных условиях мягко (например в слове *b'ec't'v'ije*, *roc't'v'en'ik*). Равным образом индивидуальное произношение *žž* как *žž'* (например *požž'e*) знает мягкое *ž'* (ср. *šš* вместо обычного *šš*).

Носовые, плавные и шумные согласные могут употребляться не только в кратком, но и в долгом виде. Долгие согласные в русском литер. языке получаются или из соединения двух кратких, напр. *ka'm'eñai* вм. *ka'm'ep-ñai*, *šoga* вм. *ssoga*, *šynam*, *z'imu* (первая часть *z* твердая, а вторая смягченная), *g'elav'e*, *pa'dak'ivat'* (знак долготы можно ставить над буквой и под ней), или под влиянием аналогии: *d'er'ev'añai*, *a'lav'añai* (ср. *ka'm'eñai*, *g'em'oñai*, *sukoñai*). Кроме того, находим *ñ* в церковнославянских по происхождению причастиях страд. залога: *u'gr'ežd'oñai*, *prod'añai*. Также в иностранных словах: *kaša*, *pr'eša*, *vaña*, *t'el'egraña*. Впрочем, *l* и *l'* в иностранных словах обыкновенно упрощается: *a'l'eja*, *balast*, *il'ustracija*; произношение с двойной согласной представляется искусственным, слишком книжным.

Ряд дополнительных замечаний об употреблении в русском литер. языке гласных и согласных будет сообщен ниже при обзоре: 1) действующих в настоящее время звуковых законов, 2) некоторых пережитых московским наречием звуковых процессов в прошлом.

ГЛАВА VII.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ ЗВУКОВЫЕ ЗАКОНЫ.

Строго говоря, в языке неиндивидуальном нет активных звуковых законов. Они зарождаются в индивидуальном языке, как всякое вообще изменение в языке, передаваясь языку окружающей среды путем подражания в том случае, если эти изменения отвечают уже сложившимся в языке индивидуумов, входящих в эту среду, условиям. Среда сдерживает разрушительный процесс, вносящийся в язык каждым говорящим, решительно осуждая и отвергая всякое изменение неожиданное, не оправдываемое психологическими и физиологическими условиями, общими для всей окружающей среды, и принимая то, что естественно вытекает из этих условий. Закономерность в явлениях языка сказывается не в том активном процессе, который ведет за собой изменения в звуках и формах языка, а в том пассивном процессе, который регулирует их, вносит согласование с действующими нормами, распространяет на однородные случаи. Этот пассивный процесс принадлежит коллективной среде говорящих (составляющих семью, общину, племя, народ), между тем как активный процесс зарождается в языке отдельных индивидуумов, импонирующих среде своим социальным положением, своим умом, талантами, образованием (культурностью). Рассматривая действующие в настоящее время звуковые законы, мы имеем в виду те пассивные процессы, которые могут быть наблюдаемы, напр., при вторжении в язык того или иного элемента (иноязычного, идиоматического), не согласованного с другими сходными, однородными элементами; под действием указанных пассивных

процессов изменяются звуки вторгшегося чужеродного элемента, они заменяются звуками, согласованными с существующею и живущею в языковом представлении говорящих нормою. Так, заимствуя иностранное слово *la comète* (фр.), русский язык, в силу действующих в нем лексикологических и морфологических норм, переводит его в разряд женских слов с окончанием *a* — *kometa*; но сочетание не чуждо русскому языку, оно заменяется поэтому сочетанием *m'è*; отсюда заключаем, что в русском языке действует закон о смягчении согласных перед *e*; он так же живуч, как и в общерусском языке, когда его можно впервые наблюдать, но, разумеется, живучесть эта пассивная, а не активная; мы изменяем *kometa* в *kom'eta* в силу подражания господствующей норме; и то же имело место в общерусском языке; активный процесс имел место в общерусскую эпоху в индивидуальном языке тех или иных лиц, обобщен же он, проникнувши во все слова языка, уже в силу пассивного процесса говорящей среды. В современном языке *kom'eta* не перейдет далее в **kom'ota*, между тем как в языке старшего периода такой переход был бы необходим (ср. *P'otr* вместо *P'etr*, *S't'ora* вместо *S't'era*, *s'v'okla* вместо *s'v'ekla*, греч. *σέβηλον*); очевидно, в настоящее время уже не действует процесс, по которому некогда всякое *e* в положении после мягкой согласной и перед твердой изменялось в *o*. Слово *kom'eta* в нашем литер. языке звучит *kam'eta* в силу того, что в слоге предударном *o* изменяется у нас в *a* (ср. *vada*, *kal'eno*); изменяя *kom'eta* в *kam'eta*, мы подчинили заимствованное слово господствующей звуковой норме и заключаем отсюда, что в числе действующих в настоящее время законов находится и закон о переходе *o* в *a* в предударном слоге. Правда, мы говорим *son'et* (а не *san'et*), но сохранение здесь иностранного произношения зависит от того, что это слово не вошло в обыденную речь; оно так же мало противоречит утверждению о наличии закона, по которому предударное *o* переходит в *a*, как произношение *профэсор*, *тэма* с несмягченными *ф*, *т*. Слово *парад* (фр. *la parade*, нем. *die Parade*) мы произносим *parat* с *t* вместо конечного *d* в силу закона, по которому звонкие шумные согласные становятся глухими в конце слова: закон этот признаем действующим; говоря по-французски, мы произнесем *la limonade*, *la commode*, *la méthode*, *le club*, *P'étage*, по-русски — *l'imonat*, *kamot*, *m'etat*, *klup*, *etaš*, и это в силу действующих и в настоящее время законов. Таким образом, видим, что анализ современного языка приводит к обнаружению как звуковых законов, действующих в настоящее время, так и законов, действовавших в прошедшие эпохи.

Приведу ряд действующих в настоящее время законов, рассмотрев сначала законы, относящиеся к употреблению гласных, далее законы, относящиеся к соединению гласных и согласных, наконец, законы, относящиеся к соединению согласных между собою.

1. Гласная *y* (*ь*) не терпима в начале слова и слога и известна только после согласных.

2. Гласные *ÿ*, *ÿ́*, *ÿ̂*, *ÿ̃* известны только под ударением; в неударяемых слогах им соответствуют ненапряженные *y*, *u*, *ü*, *ü*: *düşu*, *sÿnа*, но *dušá*, *synók*.

3. Гласные *o*, *ó*, *ö* известны только под ударением: *most*, *t'ótkа*, *t'ót'a*.

4. В слоге предударном вместо о является а: mastý, gadók, lav'ít', pragrés.

5. В прочих неударяемых слогах вместо о и а является ä: mastavája, stariká, načad'ít', lóvak, slóna, prapagándz.

6. Начальное а, однако, заменяется через а: ad'inók, afs'ésá, ab'izát', astaróžnz.

7. Звук è на месте этимологического е и др. является в предударном слог; в других неударяемых слогах ему соответствует е: l'et'et', vyl'et'et', v'el'icíná.

8. Звук i напряжен в начале слова под ударением: íva, ненапряжен в неударяемом слог, например íván, ígrá. После гласной i вне ударения ненапряженно: vóin, haz'áin, но vóinst'venzi.

9. Гласные о, а под ударением становятся напряженными (ó, á) в положении перед l, стоящим в конце слога, или перед гласной неполного образования: bálka, bálavát', igólka, gólavu.

Также в положении перед ц в некоторых заимствованных именах и словах: Bráun, Fáustavz, Bróunaf.

10. Гласные заднего ряда а, о, и под ударением переходят в гласные среднего ряда после смягченных согласных, а именно в ä, ô, û: m'áta, l'ót, čúdz; они переходят в гласные переднего ряда ä, ô, û между смягченными согласными: z'ät', t'öt'a, l'ûd'i.

11. В неударяемых слогах и после мягких согласных переходит в û, а между мягкими согласными в ü: čúdák, čúd'ít'.

12. В предударном слог а и о переходят после мягких согласных в è: sélo (ср. севернорусск. s'oló), s'éstrá (ср. севернорусск. s'ostrá), česy, v'ézát', r'eták, gl'éd'i, m'és'n'ik. В прочих неударяемых слогах, не конечных в слове, а и о после мягких согласных переходят в е: p'etačok, t'éžéló, m'edanósnzi, l'edav'ítai (ср. m'od, l'od), výgl'ešet, záv'es' (завязь), ná p'et' (на пять), ná vesnu.

13. В конечных слогах неударяемые а и о после мягких согласных переходят в а там, где эти неударяемые гласные ассоциировались с ударяемыми а и о в родственных словах и образованиях: bán'a (ср. maz'n'a), vól'a (ср. s'ém'já), dobrája (ср. majá), móg'a (ср. ružjó), dobrája (ср. majó), víd'a (ср. našá), s'ém'a (ср. šem'an). Но там, где подобной ассоциации не было, вместо конечных а, о после мягких согласных найдём е: daj't'e (ср. севернор. диалект. daj't'a из daj't'ä), dab'r'ije (ср. севернорусск. диалект. dobr'ëia), m'el'če, bagače.

14. После согласных š и ž на месте а, о слышатся те же звуки, что после мягких согласных; это указывает на то, что эти звуки явились тогда, когда š и ž были еще мягки. Поэтому žená (ср. севернорусск. žoná), šel'it, šel'ún, žel'et', pšénó. Произношение žará, šarý надо признать новым, явившимся под влиянием žar, šar. Точно так же находим šelavl'if, lošet, kúšet'. В конце слова, с одной стороны, — todža, tuža (ср. ža слабоударяемое в случаях, как sastal'nými žá, krásniču ža), с другой, — úže, xúže, bol'se, kraše.

15. Звуки а, о û под ударением перед следующей мягкой согласной и перед i изменяются в конце в направлении к гласным переднего ряда: baba, но báb'i, góru, но gó'r'a, dúp, но na düb'i. Звук и не под ударением после l изменяется в своем начале в направлении к напряженной гласной: lúbok, lúna.

16. Звук *e* перед мягкими согласными и перед *i* звучит как *é* под ударением: *méga*, но *mér'it'*, *šéna*, но *na šén'i*, *l'ézu*, но *l'és*, *p'el*, но *pél'i*, ср. еще *učénije*, *andréi*, *vét'er*, *pčel'n'ik*, *s'el'skai*, *mét'it'* и т. д.

17. Сочетание *ei* произносится как *ii*: *s'in'ii*, *karov'ii*, *koz'ii*, *tr'et'ii*, *vur'ii*.

18. Звук *y* не употребляется после смягченных согласных.

19. После отвердевших (см. выше) согласных *š*, *ž*, а также после отвердевшего *s*, вместо *i* произносится *y*: *šyrokai*, *žyła*, *žyg*, *kuřicy*, *kyrcy*, *pažy*, *kožy*, *šył*. Поэтому и в иностранных словах, вошедших в обыденную речь, вместо *i* слышится *y* после *š*, *ž*, *s*: *cyrkul'*, *cygul'-n'ik*, *cyřga*, *šyřga*, *žyřga*, *šyna* и т. п. Но если за *y* в том же слове стоит мягкая согласная, оно звучит как гласная более переднего ряда (переднесреднего ряда) *y*: *žyt'*, *žyz'ń*, *dvyžyl'nai*, *šyř* и т. д.

20. Перед *i* все вообще согласные, как увидим, произносятся мягко, но, как указано, общее отвердение согласной ведет за собой переход следовавшего за нею *i* в *y* (ср. выше); равным образом, отсутствие смягчения согласной под влиянием звуковой аналогии имеет следствием переход следующего за нею *i* в *y*: такой случай наблюдается в отношении согласных предлогов, как *v*, *iz*, *s*, *nad*, *pod*, *ob*, *k*; они не смягчаются вообще по аналогии случаев, где эти предлоги стоят перед гласными заднего или среднего ряда, а также перед твердой согласной. Звук *i* после такой согласной и под ее влиянием заменяется звуком *y*. Начало этому явлению в глубокой древности, но продолжается оно до сих пор; ср. *at yvana* (вместо *ot ivana*), *vŷzbu*, *kygnatu*, *kuz'be*, *vŷgraх*, *atykony*, *abykoŷe*, *atyŷen'i*; также в сложных словах: *atygrassa*, *abyskat'*. Впрочем, после *k* слышится также *i*, а *k* заменяется иногда через *k'*: *kis'tin'e*, *kikon'e*, *kiŷen'i*. Произношение *abis'tin'e*, *abil'je*, равно и *obŷot*¹ объясняется м. б. книжным влиянием. Кажется в индивидуальном произношении допускаются при этом и сочетания твердая согласная + *i*: *ab il'jé*, *at ivana*.

21. Сходное явление имеет место в сочетаниях предлогов с начальным *e*, вообще встречающимся только в местоимении *etot*. Возможно, что *e* переходит после несмягченной согласной в *é*, *ê*, т. е. в соответствующую гласную среднего ряда: *atétava*, *sét'im*, *izétava*. Впрочем, в индивидуальном произношении слышатся и *e*, *é*: *atetava*, *sét'im*, *ketomu*.

22. Сочетания *ku*, *gy*, *ху* неизвестны в современном языке; они заменились через *ki*, *gi*, *xi* еще в древнерусских наречиях; поэтому *sat* — *sady*, *bor* — *babu*, но *katok* — *kalki*, *voda* — *vody*, но *noga* — *noŷi*. В окончании прилагательных м. р., как *strogai*, *uprugai*, *loхkai*, *vysokai*, слышится не *yi*, а *ai*. Равным образом в многократных глагольных образованиях на этимологическое *-ивать* после твердой согласной слышится, повидимому, не *y*, а *a* на месте *i*: *vyskakavat'*, *radyskavat'*, *panukavat'*, *zapugavat'*.

23. Согласные звонкие в конце слова переходят в соответствующие глухие: *sat*, *vos*, *karof*, *slaf*, *došš*, *sapok*. Произношение *sapox*, *paŷox*,

¹ Это слово попало в контекст по ошибке: по морфологической структуре оно представляет сложение из префикса *оби-* (ср. иные разновидности этого префикса — *об*, *объ*, *обь*) и корня *ход*. (Ред.)

двух в индивидуальном произношении — черта диалектическая (южно-великорусская).

24. Согласные губные в конце слова сохраняют мягкость только под влиянием мягкости губных в родственных образованиях: на z'ém (ср. на z'ém'i), krof' (kraf'i), goľur' (goľub'a). В индивидуальном произношении распространено отвердение мягких губных и в таких случаях: šem, krof, řubof, на z'ém.

25. Звукн ř, ř, с отвердели при всяком положении в слове: pats'véšnik, pats'néžn'ik, parub'ežn'ik'i, s't'eržen', řyrok, řar, cař, cēr'kař', kuz'n'ěcy, pařy, naciř.

Примечание 1. Долгие (или двойные) ř, ř сохраняют свою мягкость: vořzi, drořzi, ugařřu, sakrařřu.

Примечание 2. Мягкие ř и ř встречаются в единичных случаях в индивидуальном произношении: ub'eřiřřa. Некоторые лица произносят ř, ř последовательно перед мягкими язычными: nas'm'eřn'ik, pr'eřl'eř, z'd'eřn'iř.

26. Глухие согласные перед звонкими шумными (кроме v) произносятся как звонкие, а звонкие шумные перед глухими как глухие: řp'ital', ř kuz'n'icu, řp'eř'ot, nořka, skaska, dafka, kľupka, votka, patkova, řskaz'it' — adb'it', zbřt', mřlad'ba, svad'ba, kaz'ba. Ср. рядом svoj, tvoř.

27. Все согласные, кроме отвердевших ř, ř, с, произносятся мягко перед гласными переднего ряда i, e (ě). Ср. произношение иностранных имен: b'ismarř, řirol', ř'ema, kař'edra, řrěciř.

Примечание. Произношение tema, profesar, řvedy представляется искусственным.

28. Конечное s отвердевает, если не защищено аналогией со стороны ř в родственных образованиях (как в řuř): astaiřs вместо astaiřř, uřřs, brořřlas, rad'řlas, vz'eřlas, n'eřsus. Ср. отвердение конечного ř в 3-м лице ед. и мн.: uřřt, n'eřřot; в инфинитиве ř защищено аналогией ři в n'eřř'i, pařř'i; dast, řest фонетически вм. dařřt', řeřřt', a řeřřt' (est) едва ли не церковнослав. архаизм: ср. suř', также bořv'eřřt'.

29. Мягкие k', g', x' известны только перед гласными переднего ряда e, i: ruk'e, palk'i, řitrař; в конце слова k' (на месте этимологического g' из g'i вм. z'i или прямо вм. z') отвердевает: řak (2-е лицо пов.). Сочетания k'a, k'u, g'a и т. п. чужды литер. языку, но он принял k'a в k'ařta; иностранное g'ü переходит в g'i: g'ingar (фамилия).

30. Язычные согласные перед мягкими язычными (кроме r) мягки: s'řim, řd'eřat', pas't'eřl', końřik, řtořn'ik, s'řep, gořřcařa, koř't', p'eřt'řa, řn'd'řa, kań'čat'. В island'řa, skand'inav'řa, kańd'it'eř (при kańd'it'eř) n твердо вследствие неподчинения этих иностранных слов общей норме.

В индивидуальном произношении r отвердевает: pořřa, gořn'ica, řtořn'ik, řvorořn'ik, gořřica, gořřenka, kurn'ik, řeřčatka, v'eřřenai.

Примечание 1. Сочетания řn, řd, как мы знаем, замечают t, d фаукальными согласными; поэтому нельзя говорить о смягчении t, d перед n', но группа фаукальных согласных + n' составляет одно палатальное целое, ср. ř в ř'eđn'ik, ř'eř'eđn'ik. Сочетания řl', řd' произносятся с одним общим взрывом; поэтому нельзя и здесь говорить о ř', d', ср. p'eřt'řa.

Примечание 2. Зубные согласные в конце предлогов вообще не смягчаются перед следующей согласной: pađn'at', atn'at', pađd'eřat' (но и pađd'eřat'). Но s'n'at', s'n'im.

31. Перед *г'* начальные язычные согласные тверды: *tr'i, z'a, z'el;* в индивидуальном произношении они мягки не в начале слова: *v'et'-g'enzi, av'et'rit', m'et'rika.*

32. Язычные согласные мягки перед мягкими губными: *d've, t'ver', čet'ver't, iz'b'e, d'ver'i, d'vigz', v'et'v'i, karm'it', skoip'.* Произношение с отвердевшими язычными передко: *tv'er', dv'inut'.* Искусственное *kan'eta.*

Примечание 1. Согласные *t, d* предлогов вообще не смягчаются перед губными: *pad'ven'ecni, pad'ven'ecni starana, atvet, atvedat', atv'azyvat', atm'etka.*

Примечание 2. Обычно отвердение *г:* *karm'it'.*

33. Язычные согласные сохраняют свою этимологическую мягкость перед твердыми губными и задненёбными: *kaz'ba, svad'ba, Kuz'ma, vas'moi, p'is'mo, v'ed'ma, sud'ba, frat'max, t'ma, gan'ba, gur'ba, bar'ba, gor'kzi, car'ka, Kus'ka, gus'kom, t'ur'ma.*

Примечание. Смягчение *г* в сочетании *ьг* перед твердыми губными и заднеязычными произошло еще в эпоху общеславянскую (где была полумягкость) и общерусскую (где полумягкость превратилась в полную мягкость). В литер. языке *г'* сохранилось в следующих словах: *čet'verk, céfka', v'er'x, s'ter'va* (менее распространены *p'er'vzi, z'er'kaz).* Вообще же *г'* отвердело: *v'erba, s'erp, čerpat', ušerp, m'erknut';* ср. его отвердение в *d'verka.* Можно думать, что мягкость *г* в *t'ur'ma* удерживается под влиянием: *t'ur'em, t'ufemni,* а в *bar'ba, gur'ba* под влиянием других слов на *-ba* (*gud'ba, sud'ba).*

34. Язычные согласные теряют свою этимологическую мягкость перед твердыми язычными: *gornzi, godnzi, d'er'ven'skzi, ženskzi, car'skzi, adnu.*

35. Мягкое *г'* сохраняет свою этимологическую мягкость при всяком положении, между прочим перед твердыми зубными: *ispol'ni, l'du, pr'il'nut'.*

36. Губные мягки перед мягкими средненёбными: *kr'er'k'ije, n'em'k'i, šar'ki, laf'ki, r'um'ki, ššer'ki, d'ef'ki, s'om'gi.*

Примечание. Весьма, однако, распространено отвердение губных в таком положении: *r'um'ki, propr'ki, n'em'ki, d'ef'ki, ššer'ki.*

37. Губные мягки перед мягкими губными не в начале слова: *s'im'b'irsk, im'b'ir', lom'b'ernzi.* Известно ли также *f'p'er'ot,* не знаю.

38. Губные тверды перед язычными (и твердыми и мягкими): *t'omnzi, krúpni, pravda, žem'lu, d'er'ven'a, s't'ebli' s'rebrenzi, lapt'i, ropšet, opšestva.*

Примечание. В индивидуальном произношении мягкость губных сохраняется перед мягкими язычными в особенности после ударяемого *è:* *z'em'lu, s't'ebli', d'er'ven'a, nax'eb'nik.*

39. Задненёбные сохраняются, не смягчаясь перед мягкими язычными: *l'ex'e, m'ax'e, koxt'i, lokt'i, noxt'i, v'eks'el'.*

Примечание. В индивидуальном произношении задненёбные переходят в мягкие средненёбные перед мягкими язычными в особенности после *e:* *v'ek's'el', l'ex'e.* Также объясняется произношение *l'ek'tja, prat'ek'tja, s'ek'tja,* где *tja* заменило более обычное произношение *cja* и *suja.*

40. В группе *stn, zdn* звуки *t, d* (точнее, заменившие *t, d* фаукальные согласные) последовательно опускаются: *praznzi, grusna, česna, p'r'il'esnzi, vlasnzi, poz'n'ej, nam'es'nik.*

Примечание. Произношение *mes + naj* с факультальной согласной перед *n* представляется книжным и искусственным.

41. Двойные долгие согласные упрощаются в конце слова, также перед согласными и после согласных: *f'in*, *f'inskaj* (но *f'iñu* и *f'iny* под влиянием *fin*), *vañz*, *ruskaj*, *francuskaj*, — *opšesvo* (вместо *opššestvo*), *opšina*, *bor'sš*, *mar'sšinz*.

Примечание. Рядом *opšesvo*, *bor'sš*, *mar'sšina* у тех, кто произносит *šš* как *šč*. В индивидуальном произношении *š* вместо *šš* отвердевает: *opšesva*, *opšyna*.

42. В сочетании *ji i* удерживается в начале слов *jix*, *jixn'ij*, едва ли не под влиянием *jěvó*, *jějo*, вообще же *ji* изменяется в *i* в положении после гласных: *moi*, *strait'el'naj*, *rait'*.

43. В слогах неударяемых, т. е. перед неударяемой гласной, *i* в положении после гласной произносится редуцированно и даже совсем исчезает, причем следующее за ним *a* переходит в *ä* (шопотное), *e* в *i* (шопотное), *ü* в *ü* (шопотное): *stajz* произносится *staï*, *stajü* — *staü* (а произносится не как чистое *a*, но как *a*, склонное к *ä* в конце, ср. п. 15), *nad'ejüs* как *nad'ëüs*, *šejü* как *šëü*, *igrajz* как *igraït*, *igrajüt* как *igraüt*, *šejz* как *šëj*.

44. В положении после *l* мягкое *s'* отвердевает: *sabrałsá*, *dałsá*, *zav'ělsá*, *s'n'ělsá*, ср. отверждение *n'* после *l* в *patsolněsn'ik* и *patsolnyš-n'ik*, вм. *patsoln'ěsn'ik*.

ГЛАВА VIII.

О НЕКОТОРЫХ ЗВУКОВЫХ ЗАКОНАХ, ДЕЙСТВОВАВШИХ В БОЛЕЕ ДРЕВНИЕ ЭПОХИ И СКАЗАВШИХСЯ НА МОСКОВСКОМ НАРЕЧИИ.

Ряд колебаний в произношении в современном московском наречии и современном литер. языке может быть объяснен только при предположении, что в настоящее время уже не действуют те законы, которые раньше производили в языке те или иные звуковые изменения. К наиболее значительным из них относится закон об изменении *e* в *o* в положении после мягких согласных. Сравнительное изучение русских наречий доказывает, что в общерусскую эпоху уже сложилось это явление, а сравнение с другими славянскими языками делает вероятным, что зачатки его относятся к общеславянскому праязыку.

1. В общеславянском праязыке мягкими были только те согласные, которые явились в результате смягчения а) *g*, *l*, *n* перед *i* (*j*), б) *s*, *z* перед *i* (*j*), откуда *š*, *ž*, в) *t*, *d* перед *i* (*j*), откуда *šč* и *žž*, г) задне-нёбных (они смягчились в более древнюю эпоху в *č*, *ž*, *š*, в позднейшую в *s'*, *z'* или *ž'*, *s'*) перед гласными переднего ряда и *i* (*j*) в результате изменения сочетания *kt* перед гласными переднего ряда и в результате позднейшего влияния предшествующих гласных переднего ряда. Звук *e* после всех этих смягченных согласных перешел там, где за ним не было в следующем слоге гласной переднего ряда, в *ó*: *čótni*, *lic'ó*, *kъpezó*, *našó*, *mor'ó*, *rol'ó*, *въs'óho*, *kъ n'ótni*. В общерусском праязыке это *ó* перешло в звук более задний, а именно в *o*.

Таким образом, в общерусскую эпоху *o* после исконно мягких согласных являлся на месте этимологического *e*: 1) в положении в конце слова, 2) в положении перед твердой согласной. Отсюда далее в отдельных русских наречиях *o* и *o*: в современном литер. *o* после сохранившихся мягкими согласных и *o* после отвердевших: примеры приведу только для ударяемых слогов, ибо в неударяемых слогах *o* не удерживалось, переходя вообще в *a*, *a*, а после мягких согласных в *e*, *e*; итак, 1) *l'ico*, *fs'ò*, 2) *ššòku*, *šonka*, *p'òlka*, *šorax*, *sam šost*.

Тот же звук *o* явился в наречиях древнерусских на месте *ь* перед твердыми согласными (ср. переход *ь* в *o*): ср. совр. *čòrnaj*, *žornaf*, *šòlk*, *čòln*, *žòltaj*.

Звук *e* после *i* и после несмягченных согласных оставался в общеслав. праязыке без изменения. В общерусском праязыке перед *e*, как и перед другими гласными переднего ряда, смягчились все вообще согласные. Это *e* перешло в *ö* в положении перед следующими твердыми согласными, а перед мягкими согласными в *é*; так явились в общерусском: *n'ösu*, *v'öslò*, *s'östrý*, *s'östry*, *m'ödъ*, *p'òklъ* при *n'és'i*, *p'èkl'i*, *s'ém'ъ*. То же сохранилось в наречиях древнерусских, причем после падения глухих сильные *ь* перед твердыми согласными явились также в виде *ö*, а перед мягкими в виде *é* (ср. переход *ь* в *o*): *p'ös*, *d'ön*, *m'örtv*, *d'örn*, но *d'én'*, *p'én'*, *v'és'*, *l'és't'*. В конце слова после мягких согласных на месте *e* являлось *ä*: *id'it'ä*, *m'en'a*, *ies'mä*. То же *ä* являлось на месте *e* и после *i*: *žit'jä* (из *žit'jä*), *l'is't'jä*, *kol'jä* и т. п. В великорусском наречии *ö* с течением времени изменилось в *ó*; ср. совр. литер. *m'ót*, *s'östry*, *n'ös*, *v'öslä*, *p'ók*, *p'ös*, *d'ön*, *m'örtvaj*, *d'örn*. Звук *ä* одновременно перешел в *a* в слогах слабоударяемых, напр. *m'èp'a*, *t'èb'a*, тогда как в сильноударяемых явилось на месте *ä*, как кажется, *e*. В словах *žit'jä*, *gužjä* и т. п. *ä* заменено было звуком *o* (*ò*), заимствованным из других слов ср. рода, как *kal'co*, *l'ico*, *v'éslo*, *s'èlo*, *p'ègo*.

Таким образом, в великорусских наречиях общею нормой стала наличие *o* (*ò*) после мягких согласных звука *o* (*ò*) перед твердыми согласными и *é* перед мягкими согласными. Вследствие этого, если по той или другой причине отвердевала согласная после *é*, это *é* заменялось звуком *o* (*ò*). Впрочем, как кажется, надо различать несколько категорий случаев: 1) согласная отвердевала перед следующей твердой согласной, 2) отвердевание *š* и *ž*, 3) отвердевание *s*. В первых двух категориях действительно по общему правилу *é*, быть может, через посредство *e* переходило в *o*: *t'òmnaï*, *p'er'èl'òtnaj*, *naïòmnaï*; *rad'òš*, *grab'òš*, *m'òžu*, *galav'òška*, *ad'òža*, *s'er'òža*; между тем в третьей категории вместо *é* является *e*: *kup'èc*, *kuz'n'èc*, *šv'èc*. Возможно, что отвердевание произошло в первых двух категориях (в первой это даже наверное) раньше, чем в третьей, причем отвердевание *s* наступило уже тогда, когда закон о непрременном изменении *e* в *o* перед твердой согласной уже был нарушен, уже не существовал. Но возможно и другое объяснение: *é* заменялось через *o* только перед такими согласными, которые произносились лабиализованно, т. е. при том же положении губ, при котором произносятся *o*, *u*; оно заменялось через *e* перед согласными нелабиализованными. Самый переход *e* в *ö* в общер. праязыке зависел, повидимому, от лабиализованного произношения твердых согласных, являясь, таким образом, в результате

ассимиляции гласной *e* следующей согласной (ср. переход *e* в *ё* перед палатальными согласными тоже в результате подобной ассимиляции). Теряя свою мягкость под влиянием следующей твердой, следовательно, лабиализованной согласной, отвердевшая согласная становилась сама лабиализованною и влияла таким образом на переход предшествующего *e* в *ё*; таким образом, *t'ómnaĭ* вместо *t'ém'naĭ* можно понять как уподобление звука *é* следующему лабиализованному *m*, если объяснить таким уподоблением появление *ё* в *sam s'óm* (откуда *sam s'om*) в общерусском праязыке. Отверждение *š* и *ž* могло сопровождаться их лабиализацией; но согласные вообще склонны к лабиализации в разных языках. Напротив, *s*, отвердевая, не должно было подвергаться лабиализации; поэтому *é* перед ними не переходило в *ё* — *ó*, а изменялось только в *e*. В пользу предложенного объяснения можно привести еще следующие соображения: 1) некоторые факты языка доказывают, что в московском наречии *s* отвердело раньше, чем *š* и *ž*; ср. подчинение основ на *s* склонению твердых основ, например, в форме род. мн., где находим *kursof, malatsof* (при *kurcy, malatcy*), между тем как основы на *š, ž* сохранили связь с основами на мягкую согласную: *pažéĭ, fšéĭ* (при *pažy, fšy*), ср. *gubl'ěĭ, m'ěčéĭ*; 2) отверждение губных в случаях, как *z'ém'ĭu* не повело за собой перехода *é* в *ё* потому, что *m* не могло лабиализоваться перед мягкой согласной (хотя возможно, что отверждение в таких случаях сравнительно ново).

Во всяком случае недавно отвердевшие согласные не влекут за собой перехода *e* в *ё*. Это можно объяснить или так, что ко времени их отверждения уже нарушился закон о переходе *e* в *ё* перед твердыми согласными, или так, что при таком позднейшем отверждении не лабиализовалась вообще отвердевшая согласная. Ср. отверждение губных перед мягкими язычными: примеры — *z'eml'u, d'er'evn'a*; отверждение губных перед суфф. *sk*, звучавшим, повидимому, долго как *s'k* (*s'* вместо *s* под влиянием предшествующей согласной): *zemskai*; отверждение зубных и *g* перед тем же суффиксом: *d'er'ev'enskai, ženskai*; отверждение *g* перед твердыми губными и задненёбными: *p'ervai, čerpat', s'egr, z'erkaĭa*; также диалектическое отверждение губных перед мягкими средненёбными: *ššerp'i*.

Откуда же пошло нарушение общего закона о переходе *e* в *ё* перед твердыми согласными? Быть может, оно явилось следствием перехода звука *ь* в *e*, совпадение звуков *ь* и *e*; *ь* в древнерусском звучало отлично от *e* сначала как *ie*, а затем диалектически, вероятно, как *ĭe*. Когда в московском наречии, как и во многих других, *ĭe* утратило свою неслоговую часть, древнее *ь* стало звучать в положении перед твердой согласной как *e*, а перед мягкой как *é*: *m'erga, m'er'it'*. Таким образом, в целой категории случаев получилось соединение *e* с последующей твердой согласной; *e* уже не могло в этих случаях подчиниться господствовавшей до тех пор норме, требовавшей перед твердой согласной *ё*; это повело к тому, что *e* перед твердой согласной стало вообще терпимо. И когда соединение *e* с твердой согласной получилось позже в результате отверждения согласных после *é, e* уже не переходило в *ё* — *ó*.

В настоящее время, таким образом, литер. наречие, сохраняя древнее чередование *ó* перед твердой согласной — *é* перед мягкой, имеет

Ряд случаев, где оно нарушено. Все случаи подходят под следующие категории: 1) е перед отвердевшим с: *kur'es*, 2) е на месте ъ перед твердой (или отвердевшей) согласной: *v'ek*, *r'eš*, *m'esta*, *m'e'kaj* (стар. мѣзкѣи), 3) е перед поздно отвердевшими согласными: *zem'ŭ*, *zemskaĭ*, *d'er'ev'enskaj*, *s'egr*, *čegrat'*, диалект. *ššepk'i*, 4) е перед твердой (или отвердевшей) согласной в словах церковнославянских: *n'eba*, *kr'est*, *žertva*, *abyknav'ennaj*, *duxav'ens'ŭ*, *pad'eš*, *m'et'eš* (ср. перечень этих слов выше, в главе I).

2. В настоящее время видим, что в московском наречии в слогах ударяемых известны гласные о, а, е, ё, между тем как в предударных вместо о, а является а, вместо е, ё — ея, а в прочих неударяемых слогах вместо о, а — а, вместо е, ё — е; при этом после мягких согласных в предударных слогах вместо о, а находим ё, а в прочих неударяемых слогах е, но в конце слов под влиянием грамматической аналогии не е, а а. Понять эти явления, как было отчасти уже сказано в вводной главе, можно только с исторической точки зрения, предполагающей, что некогда звуковые отношения наречия, предшествовавшего московскому, были иные, чем теперь. Конечно, явления современного московского наречия и литер. нашего языка не трудно понять как результат редукции неударяемых гласных а, о, е, ослабления их в положении не под ударением и замены их гласными неполного образования. Но неясным представляется хотя бы то обстоятельство, что о и а в неударяемом, но непредударном, слоге одинаково нетерпимы, заменяясь здесь через а, между тем как в предударном слоге сохраняется а, и даже о переходит здесь в а (аканье). Для объяснения московского аканья и редукции неударяемых гласных надо, как кажется, исходить из следующих двух соображений.

Во-первых, аканье и редукция гласных — это явление общее всем южновеликорусским и белорусским говорам, следовательно, согласно предыдущему, общее некогда всем восточнорусским говорам. Активно оно выступило поэтому впервые в восточнорусском пранаречии. Конечно, и аканье и редукция гласных в основании своем явления однородные; явления эти состояли в ослаблении (редукции) неударяемых гласных, но не всех, а только гласных широких или более широких, а именно а, о, ъ, е, вероятно, и ё; гласные і, у, и редукции не подверглись; зависели эти явления от усиления экспираторной силы ударения; ударяемый слог стал произноситься сильнее, громче, чем раньше, чем в общер. праязыке; это повело к ослаблению силы слогов неударяемых, а такое ослабление, не отражаясь на природе сокращавшихся при этом в силе гласных узких (и, у, і), сказалось на природе сократившихся при этом в силе гласных широких (а, о, е). Эти гласные потеряли свою первоначальную природу при сокращении, заменяясь гласными неполного образования: заднего ряда а и среднего ряда е. Таким образом, теоретически мы должны были бы ждать и в моск. наречии и в других южновеликорусских говорах во всех вообще неударяемых слогах на месте а, о звук а, а на месте е (ѣ) звук е (имею в виду пока только а, о в положении после твердых согласных); следовательно, *vadá*, *staraná*, *krasá*, *pras'í*, *kazú*, *star'ik*, *star'iká*; *d'el'it'*, *n'es'í*, *d'es'átaj*, *t'esnatá*. Между тем, как в московском наречии, так, более или менее последовательно, и в других южновеликорусских

говорах, находим вместо α — а, вместо ϵ — е в слоге предударном, тогда как в других неудар. слогах действительно являются α , ϵ . Понять это обстоятельство можно только при предположении, что закон о редукции гласных в неударяемых слогах изложен нами не вполне точно, что с самого начала в нем было дано еще одно соответствующее условие. Таким условием было, повидимому, следующее: ослабление силы слогов неударяемых было разной степени; в слоге предударном гласные становились менее сильными сравнительно с ударяемыми, а в других неударяемых слогах они переходили в совсем слабые; но ослабление а, о, е даже менее сильное давало в результате те же звуки α , ϵ , что ослабление полное; постепенное усиление α , ϵ , требовавшееся только-что приведенным сопровождающим условием, давало в результате звуки а, ё. Таким образом, а, о, е в неударяемых слогах вообще переходили в α , ϵ , но в слогах предударных α , ϵ в силу требовавшейся здесь большей силы изменялись в а, ё, т. е. становились звуками полного образования, быть может, однако, более краткими, чем звуки ударяемые — а, о, е. Еще Потебня, определяя взаимное отношение по силе неударяемых слогов в южновеликорусском наречии и обозначая наиболее сильный (ударяемый) слог цифрой 3, определял слог предударный цифрой 2, а прочие неударяемые слоги цифрой 1; следовательно, слова *star'ika*, *ga'ovuška*, *gol'ovu*, *na staranu*, *staraná* могут быть изображены как 123, 2311, 311, 3111, 123, равным образом *s'ělo*, *v'es'ělá* как 23, 123; на месте цифры 1 из рассмотренных выше во взаимных их отношениях звуков стоят α , ϵ , на месте 2 звуки а, ё, на месте 3 звуки а, о, е.

Во-вторых, возвращаясь к отмеченному уже выше обстоятельству, по которому в слогах неударяемых (не конечных) после мягких согласных стоят систематически вместо этимологических а, о звуки ё в слогах предударных и е в прочих неударяемых слогах. Правда, о в таком положении звучало некогда как ъ после не исконно мягких согласных, и переход ъ в ё, е понятен физиологически, так как ъ принадлежит к гласным переднего ряда, того же ряда, что е; но в ё, е изменяются также и ъ в положении после исконно мягких согласных (*žěna*, *čělo*), равно также и а в положении после всех мягких согласных (*v'ězať*, *čěsy*). Это обстоятельство я объясняю себе так, что в московском наречии еще до редукции неударяемых гласных а, о после мягких согласных стали звучать как ä, ö (ö совпало, следовательно, с ъ) в силу ассимилирующего влияния мягкой согласной на следующую гласную; сравниваю это с тем, что и под ударением, по крайней мере, между мягкими согласными, а, о звучат в московском наречии как ä, ö. Возможно, что такое изменение по происхождению своему не южновеликорусское, а северновеликор. (причем проникновение его в некоторые южновеликор. говоры обязано влиянию моск. наречия). Во всяком случае получаем хронологическое указание на глубокую его древность и понимаем, что при объяснении совр. моск. *v'ězať*, *čěsy*, *čělo*, равно как и *s'ělo*, надо исходить из произношения *v'äzať*, *čäsy*, *čölo*, *s'ölo*. Итак, редуцируясь, гласные а, о переходили в α , а гласные ä, ö, е, ё (также *je*, *je*, если так звучало *ь*) в е в слогах неударяемых, причем α , ϵ , усиливаясь в слогах предударных, переходили затем в а, ё.

В-третьих, оказывается несогласованным с только что выставленным утверждением то, что в конечном слоге после мягких согласных а, о звучат не как е, а как а. Не думаю, чтобы при объяснении этого явления надо было исходить из предположения, что конечные а, о не подверглись переходу в ä, ö в конце слова после мягких согласных по причине физиологической. Более вероятно предположить, что такое изменение было задержано морфологическими причинами, а именно ассоциацией а, о после мягких согласных в окончаниях с а, о в окончаниях после твердой согласной: v'id'a, nos'a, hod'a, не переходили в v'id'ä, nos'ä, hod'ä под влиянием а в r'öka, ida, n'ösa; duša, ban'a, vol'a не переходили в dušä, ban'ä, vol'ä под влиянием а в voda, noga, kosa; pol'o, gor'o, ric'o имели о, не ö, под влиянием о в s'ölö, v'öslö, čislö и т. д. Поэтому после редукции неударяемых а, о здесь получались v'id'a, ban'a, vol'a, pol'a, gor'a (а не v'id'ë, ban'ë, vol'ë, pol'ë, gor'ë). Понятно, что kol'jä, звучавшее kol'ja, в силу ассоциации с kn'az'ja, druž'ja перешло в kol'ja. Между тем dai'tä, ходit'ä фонетически изменилось в dai'të, ходit'ë. Равным образом в словах tožo, tužo о сохранялось под влиянием žo (žö) слабоударяемой частицы, между тем как в tužö, g'lubžö являлось ö; ср. совр. toža при tužë. Конечно ie (ь) систематически ослаблялось в конце слова в неударяемом слоге в е: на s'ën'ë, frol'ë, vban'ë.

В-четвертых, в начале слова а физиологически оказывалось трудным для произношения и заменялось поэтому через а; следовательно, не только в предударном слоге: akno, adna, но и в других неударяемых слогах: ad'inákaf, adnavó, atvaz'it' и т. п.

3. Закон о падении слабых глухих и переходе сильных ж и ь в о и е рассмотрены нами выше в главе 1. Там же рассмотрен закон о падении слабых глухих напряженных и переходе сильных ж и ь в о и е (с дополнениями в главе 2).

4. Закон о монофтонгизации ъ (ie) и переходе его в е и ё в великорусских говорах также рассмотрен выше. Возможно, что в некоторых условиях ъ монофтонгизировалось в і еще в общерусскую эпоху. Быть может, дифтонг сохранялся только под ударением, а в неударяемых слогах только перед твердой согласной, между тем перед мягкой согласной и в конце слова ie заменялось монофтонгом і. Под ударением благодаря бóльшей силе звука оба элемента дифтонга сохранялись неприкосновенными; в неударяемом слоге перед твердой согласной то же имело место потому, что твердая (согласно преддущему, вероятно, лабиализованная) согласная препятствовала ассимиляции элемента е элементу і (т. е. переходу ie в ie, откуда ii, i); напротив, в неударяемых слогах перед мягкой согласной и в конце слова ie естественно переходило в ie, ii, i. Указание на общерусский переход ie в і в положении перед мягкой согласной извлекаем из слов как *дитя*, *сидеть* (ср. старослав. дѣтѣ, сѣдѣти, русск. *дети*, *сел*), быть может, также *мизинец* (ср. сербск. мезимац, древнерусск. мѣзынѣ) и *свидетель* (вместо *свьѣдѣтель*, хотя здесь сказано, вероятно, влияние слова *видеть*); эти слова звучат с и не только в великорусском и белорусском, но также и в украинском, причем белорусское а в *сядзель*, *сядзей* надо объяснять¹ как результат нового изменения си-

¹ В рукописи «объяснить». (Р е д.)

деть в седесть под влиянием *сеѣ, сели*. В *дидятко, сиднем* (совр. литер.), *насиженный* видим нефонетический перенос и под ударением. Указание на общерусский переход *іе* в *і* в конце слова извлекаем из совр. моск. и литер. *двести, колени*, являющихся формами двойственного числа; этимологически ждем и в памятниках имеем *дѣѣѣ, колѣѣѣ*. Если же вообще конечное *іе* (*ь*) не звучит как *і* в московском наречии, а как *е*, возводящееся к *е*, то вероятно объяснить это еще общерусским диалектическим переносом *іе* (*ь*) в неударяемые окончания из соответствующих ударяемых¹: на *с'ѣп'ѣ* вместо на *с'ѣп'і* под влиянием на *гн'ѣзд'ѣ*, на *с'ел'ѣ*, на *р'ег'ѣ*. — Звук *е* из *ь*, согласно предыдущему, не подлежал переходу в *ѳ* (*о*) перед твердыми согласными; если же мы в московском наречии находим несколько случаев подобной замены, то она произошла не фонетически, а по аналогии, отчасти в морфологических категориях. Так, вместо ожидаемых *з'в'езды, в'ѣдра, гн'ѣзда* (этимологически *звѣзды, вѣдра, гнѣзда*) находим *з'в'озды, в'одра, гн'озда*; ясно, что подобное произношение вызвано аналогией: *с'ѣло — с'ѣла, в'ѣсло — в'ѣсла, г'ѣм'ѣсло — г'ѣм'ѣсла, м'ѣѣла — м'ѣѣѣѣ, с'ѣстра — с'ѣстры*. Вместо ожидаемых *пр'іобр'ѣѣ* находим *пр'іобр'ѣѣ* под влиянием аналогии *м'ѣѣ* при *м'ѣѣѣѣ*, или *с'в'ѣѣ* (*двел*) при *с'в'ѣѣѣѣ* (*двести*). Ср. еще простор. *уб'ѣѣ* вместо *уб'ѣѣ* по аналогии *заѣѣѣ, ісп'ѣѣ, уѣѣ*. Произношение *над'ѣѣѣ* под влиянием *ар'ѣѣѣ, зат'ѣѣѣ, растр'ѣѣѣ*, ср. *над'ѣѣѣ* при *ар'ѣѣѣ, зат'ѣѣѣ* и т. д.

5. В род. пад. местоимений и прилагательных находим окончание *-ѣѣ, -ѣѣ*; в письменности до сих пор держатся окончания *-ѣѣ*; ясно, что *-ѣѣ* объясняется из *-ѣѣ*, но не из *-ѣѣ* с *g* (*go*), а из *-ѣѣ* с *γ* или *h* (*γѣ, hѣ*). Переход *-go* в *-ѣѣ* в великор. наречиях неизвестен, ср. *slugѣѣ, tugѣѣ, ragon'a, zagon*. На старое произношение *-ѣѣ, -hѣѣ* указывает диалект. северновеликорусск. *-ѣѣ*, напр. в олонецких наречиях Петрозаводского, Повенецкого, Пудожского, Вытегорского уездов; *-ѣѣ, -ѣѣ* господствует и в южновеликор. говорах, но здесь оно может быть объяснено из *-go*, ибо всякое *g* звучит в них как *γ*; между тем в северновеликор. *g* сохранилось, а потому диалектическое *γ* нельзя объяснить в нем из *g*. Переход *γ* в *ѣѣ* надо признать явлением великорусским, в частности северновеликорусским. Оно восходит, судя по памятникам, к XIV в. Общерусский праязык имел в род. падеже окончание *-ѣѣ*; это *-ѣѣ* унаследовано из общеславянского и возникло здесь из *-ѣѣ*, а это из *-ѣѣ*: **koso* дало **коѣѣ* нефонетически под влиянием нефонетического же перехода **kosmѣ* дат., **kosmѣ* местн. в *кѣѣѣ, комѣѣ*; ср. старое окончание *-ѣѣ* в *ѣѣѣ, ѣѣѣ*.

ГЛАВА IX.

О НЕКОТОРЫХ ЗВУКОВЫХ ЯВЛЕНИЯХ, ПРОВЕДЕННЫХ В ЛИТЕРАТУРНОМ СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКЕ НЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО.

Непоследовательность в проведении некоторых звуковых явлений может объясняться или поздним их происхождением и отпором со стороны различных обособившихся групп лиц, говорящих литературным

¹ В рукописи по описке: «неударяемых». (Р е д.)

2. Отвердение конечного *t* в 3-м лице ед. и мн. могло произойти только фонетическим путем: *nos'it*, *nos'at*; отвердение произошло во всех севернорусских говорах (только в некоторых из них сохранилось окончание *-it'* в 3-м лице мн.). Оно не распространилось на окончание инфинитива под влиянием задерживающей аналогии со стороны форм. на *-t'i* (*n'es't'i*, *ras't'i*); не распространилось на окончание имен. ед. слов, как *n'it'*, *mat'*, *gospot'*, под влиянием форм склонения, где мягкая согласная (*t'*, *d'*) была защищена гласною.

3. Мы видели выше, как чередование *o* в ударяемом слоге с *é* в слоге предударном, причем *и* *о* и *é* восходят к исконному *e*, вызвало подобное же чередование в нескольких таких случаях, где *é* восходит в предударном слоге к исконному *ь*, не переходившему фонетически в *ö*, откуда *o*; ср. *zv'ozdy*, *gn'ozda*, *v'odraz*, *pr'iobr'ol*, *nad'ovan*, *padd'ofka*.

4. Чередование *o* в ударяемом слоге с *a* в предударном, восходящим к исконному *o*, вызывало по аналогии *o* в ударяемом слоге вместо исконного *a* при *a* в предударном слоге: *našu-nos'it*, *kašukos'it*, *xažu-xod'it* вызывает при *placu* — *plot'it* вместо *plat'it*, *pasazu* — *pasod'it* вместо *pasad'it* в нашем литер. языке; диалектически в южно-великорусск. говорах указанная аналогия захватила еще большее количество случаев. Точно так же под влиянием *kal'co* — *kol'ca* и т. п. иностранное слово *pal'to* в просторечии получает во мн. числе произношение *pol'ta*.

5. Чередование *o* в ударяемом слоге с *é* в предударном, восходящих к исконным *e* после мягкой согласной, вызывает появление *o* в ударяемом слоге в соответствии с *é* в предударном, восходящим к звуку *a* после мягкой согласной; *n'os* — *ñesu*, *r'ok* — *řeku* вызывает *zarřok* вместо *zarřak* при *zarřegu*, *třos* вместо *třas* при *třesu*.

6. Чередование *o*, и в ударяемом и неударяемом слоге простого глагола (однокр.), с *o* в ударяемом слоге многократного на *-ивать* вызвано было старым общеслав. чередованием *o* с *a* в глаголах длительных (*просити* — *прашати*, отсюда русское *прашивать*). Из таких случаев, как *просить* — *прашивать*, *косить* — *кашивать*, *носить* — *нашивать*, *молить* — *маливать*, *усвоить* — *усваивать*, такое чередование распространялось на случаи, как *колотить* — *околачивать*, *молотить* — *обмолачивать*, *морозить* — *замораживать*, где *oro* восходит к общеслав. *or*. Позже оно распространяется и на ряд других случаев, неизвестных в древнем языке: *обулавливать*, *озабачиваться*. Такое произношение диалектически распространяется в нашем литер. языке.

ГЛАВА XI.

СКЛОНЕНИЕ.

Склонением называется изменение слов по падежам. В русском языке известны следующие падежи: именительный, винительный, родительный, дательный, творительный и местный или предложный. Определение значения этих падежей, сложившихся исторически и притом в составе предложения, принадлежит синтаксису. Здесь отметим, что им. пад. — это та форма, которую в речи принимает грамматическое подлежащее, остальные падежи — это формы, которые

принимают грамматические дополнения; эти остальные падежи называют в противоположность именительному косвенными падежами.

Вин. пад. в отношении к действию, выраженному глаголом, принимают те имена, на представления о которых это действие переходит непосредственно. Род. пад. имени означает, что представление, соответствующее имени, находится в пределах действия, выраженного глаголом, затрагиваясь им лишь отчасти. Дат. пад. имени означает, что на представление, соответствующее этому имени, направлено действие, что в интересах его оно совершается. Твор. пад. имени означает, что действие совершается при помощи представления об этом имени, что это представление — орудие действия. Местн. пад. в русском языке употребляется только после предлогов *в, на, при* и *об*, из которых первые три дают преимущественно указание на то, что действие совершается в пределах представления о получившем местный падеж имени.

Склоняемыми словами являются в русском языке: имя существительное, имя прилагательное, местоимение, числительное, а также глагольные образования, объединяемые понятием причастия. Склоняемые слова объединяются понятием имя.

Эти склоняемые имена изменяются еще по другим категориям, а именно по категориям числа и рода. Категория числа (а в русском языке различаются два числа: единственное и множественное) свойственна всем склоняемым именам (кроме однако числительных количественных); она наблюдается и в глаголе. Категория рода (в русском языке различаются три рода: мужеский, женский и средний) свойственна именам прилагательным, местоимениям, числительным (в количественных — только числительным *один, два*), причастиям; та же категория наблюдается в некоторых глагольных формах, по происхождению формам именных (прилагательных, причастиях). Таким образом, склоняемые имена в отношении к категории рода распадаются на имена, не изменяющиеся по родам: это имя существительное, и имена, изменяющиеся по родам: это имя прилагательное, местоимение, числительные и причастия. Правда, в именах существительных находим имена мужеского, женского и среднего рода, но эти три ряда имен даны как готовые, определенные ряды: из них не может быть извлечена категория рода, так как, во-первых, сами существительные не изменяются по родам, во-вторых, их род определяется в ряде случаев только синтаксически (напр. *умная голова, городской голова*).

Указанное деление склоняемых имен на имена существительные и на остальные склоняемые имена устанавливается и синтаксически: имена существительные это слова определяемые, а прилагательные, местоимения (кроме личных местоимений), числительные и причастия — имена определяющие (атрибутивные). Различия между определяющими словами, как и вообще значение частей речи, определяются синтаксически. Морфологические различия (в строении основ и в падежных окончаниях) дают основания и при изложении морфологии рассматривать отдельно определяемые слова (имена существительные) и слова определяющие, а в этих словах — отдельно: прилагательные, местоимения, числительные и причастия.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ.

1. Категория рода.

Как указано, в именах существительных различаются три рода, грамматически не соединимых по одному из своих признаков: имена мужеского, женского и среднего рода. Эти имена исконно различались по самым своим основам, т. е. по тем неизменным частям слова, к которым присоединяются надежные окончания: только основы на *-ī* и на *-ā* еще в индоевропейском языке обнимали не только слова женского рода, но также слова мужеского рода; впрочем, явный перевес в основах на *-ā* исконно принадлежал словам женского рода; мужеского рода были только те слова, которые обозначали лица мужеского полу; то же наблюдается в русском языке и теперь.

Я упомянул об основах и надежных окончаниях. Тесное слитие окончания основы с надежным окончанием (в частности конечной гласной основы и начальной гласной надежного окончания) произошло еще в индоевропейском языке. С течением времени, благодаря фонетическим изменениям, которым подвергались вообще конечные гласные основ, а также и те гласные, где слились окончание основы и надежное окончание, представление о первоначальной основе затемнялось все более, сменяясь в представлении говорящих представлениями о других, видоизмененных основах. Так, представление об основах мужеского рода на *ō*, в особенности после происшедшего уже на русской почве отпадения конечных *-z* в им. пад. (а *-z* из *-os*) и в вин. пад. (где *-z* из *-om*), сменилось представлением об основах на согласную; то же представление сменило также представление об основах мужеского рода на *-ū*, ибо и здесь произошло отпадение в им. пад. *-z* (из *-ūs*), а в вин. пад. *-z* (из *-ūm*). Научное определение основы в современных именах существительных невозможно; но, так как разнообразие надежных окончаний в современном языке обусловлено, как и в старом, различием именных основ, то обозрение форм склонения должно основываться на различии этих основ по тому или иному их признаку. В настоящее время при обозрении наличных именных основ можно исходить из формы им. пад. ед. числа; окончание этого надежа, напр. в части имен женского рода и в именах среднего рода, не может быть признаком надежным окончанием уже по тому самому, что язык наш имеет ряд имен мужеского и женского рода, где форма им. пад. ед. числа отличается от формы почти всех остальных надежей именно отсутствием окончания, представляясь таким образом тождественною с основой (напр. основы мужеского рода на твердую согласную: *стол, дом*, основы мужеского рода на мягкую согласную: *ключ, гост'*, основы женского рода на мягкую согласную: *кост'*).

Принимая во внимание исконное деление существительных на три рода, а также необходимость объединить некоторые группы существительных, в пределах каждого из трех родов, по общности надежных окончаний, я распределяю обозрение склонения имен существительных по следующим отделам.

1. Имена мужского рода: а) ед. число слов на твердую и мягкую согласную: *дом, нож, гость*; б) ед. число слова *путь*; в) мн. ч. слов на твердую согласную и на *-й* (i): *столы, воробьи*; г) мн. число слов на *ж, ш* и на мягкую согласную: *ножи, родители*; д) мн. число слов на твердую и мягкую согласную, оканчивающихся в им. мн. на *-ья*; е) мн. число слов, представляющих в ед. числе основу на *-ин*: *бояре*.

2. Имена женского рода: а) слова на *ж, ш* и на мягкую согласную; б) слова на *а* (женского и мужского рода): *вода, буря, душа, куча, воевода, юноша*.

3. Имена среднего рода: а) слова на *о* (после мягких согласных и исконно мягких, но отвердевших, — *е*): *село, море, ложе*; б) слова на *а*: *имя, дитя*.

Исходя из того принципа, что образование форм склонения определяется по им. пад. ед. числа, я рассматриваю склонение слов, представляющих две или несколько основ, в том отделе, куда относится соответствующий им. пад.: *мать* и *дочь* рассматриваются в склонении основ женского рода на мягкую согласную, по их особенность — появление основы *матер-, дочер-* оговаривается особо; *чудо, небо* относятся к словам среднего рода на *-о*, но особо оговаривается производство ими мн. числа от основ *небес-, чудес-*; мн. *дети* я укажу при *дитя*, хотя оно возводится к другой основе, чем *дитя, дитяти*; мн. *жеребята, телята* укажу при склонении слов мужского рода на твердую согласную, ибо им. ед. при них являются *жеребенок, теленок*; слово *господь* рассмотрю вместе с именами мужского рода на мягкую согласную, несмотря на то, что в род. и других падежах является *господ-*.

Обзору склонения имен я должен предпослать несколько общих замечаний. Расположу их сначала по тем категориям, о которых я уже говорил: рода, числа, падежей.

Род имен существительных, как указано, познается синтаксически. Но часть и окончание слова свидетельствует о принадлежности его к тому или другому роду. Так, все слова на твердую согласную — мужского рода; из слов на твердую согласную к женскому роду могут принадлежать только слова на *ш, ж*. Женского рода все слова на *а*, кроме слов, обозначающих лица мужского пола (*парнишка, мальчишка*). Среднего рода все слова на *о* (*е*), кроме слов, обозначающих существа мужского полу, как, напр., имя *Михайло, Серко*, фамилия *Ткаченко, Манько*, а также уничижительных на *-ишко, -енко*, произведенных от неодушевленных мужского рода: *домишко, башмачишко, табачишко* (уничижительные от одушевленных оканчиваются на *-ишка: старикишко*), и увеличительных на *-ище* от одушевленных муж. рода: *мужищище*. Следовательно, только в словах на *ж, ш* и на мягкую согласную род не может быть определен окончанием; он определяется для одних падежей, в том числе для им., синтаксически, а для других падежными окончаниями, ибо падежные окончания слов мужского рода (в ед. числе) расходятся с окончаниями слов женского рода. Некоторые слова на *-а* могут быть мужского и женского рода: *пьяница, ханжса*. Впервые при определении рода мы встречаемся с особой категорией, категорией одушевленных имен, и притом

мужеского рода: только в эту категорию могут входить слова мужеского рода на *-а*; неодушевленные с этими окончаниями могут быть только женского рода.

2. Категория числа.

Категория числа входит в склонение существительных: вообще от каждого имени могут быть произведены формы как ед., так и мн. числа. Но некоторые имена по значению своему не могут употребляться во мн.; это, во-первых, названия стран света и местностей, как *север, юг, Китай, Саратов*; во-вторых, слова с отвлеченным значением, как *глубина, ширина, святость, чепуха, упорство, темнота, молодость, любовь, грусть*; в-третьих, слова, означающие действия: *бегство, служение, ужение, судоговорение, летание, стукотля, езда, молотья, сев*; в-четвертых, слова со значением вещественным: *воск, мука, горох, лебеда, мак, серебро, ветчина, золото, молоко, медь*; в-пятых, названия некоторых народов (с собирательным значением): *Мордва, Литва, Русь*. Впрочем, многие из подобных слов допускают индивидуализацию, т. е. могут мыслиться не в сплошной неделимой массе, а выделенными в особые виды, входящие в состав собирательного или вещественного понятия, напр. *сено* луговое и лесное, *масло* подсолнечное и льняное, *мясо* русское и черкасское; при такой индивидуализации возможно употребление этих слов во мн. ч.: *масла, мыла, мяса, сена, табаки, спирты* и т. д. Равным образом возможна индивидуализация отвлеченных понятий, и это ведет к производству от них мн. числа: *радости* означает радостные события, впечатления; *должности* — места, занятые должностными лицами; *добродетели* — качества добродетельного человека и т. д. Таким образом, мы, анализируя имена в отношении к категории числа, встречаемся с категориями отвлеченности и конкретности, вещественности, собирательности и единичности. Как увидим, эти категории связываются еще и с другими явлениями в склонении имен.

Напротив, ряд имен употребляется только во множественном числе; сюда принадлежат, напр., *сани, пожницы, щипцы, дрожжи, соты, цули, духи, весы, икры, корчи, клещи, вики, крести, бубны, червы, ворота, дрова, чернила, сливки, крестины, святки, будни, каникулы*, также названия городов и сел: *Холмогоры, Боровичи, Яссы*. Род этих имен только в некоторых случаях может быть определен морфологически: так, слова с окончанием *-ы* могут быть признаны женского рода, если оканчиваются в род. мн. на согласную основу, мужеского, если оканчиваются на *-ов*; впрочем, этот критерий произвольный; выставляя его, не считаются с тем обстоятельством, что слова мужеского рода, употреблявшиеся преимущественно во мн. числе, как раз не имеют в род. мн. окончания *-ов*: *сапог, солдат, рекрут*. С полной достоверностью определяются только слова среднего рода, ибо окончание им. мн. *-а* свойственно только именам¹ среднего рода. Слово *пожницы* женского рода по своему суффиксу, неизвестному

¹ Слово «именам» в рукописи, очевидно, по опiske опущено. (Р е д.)

в мужеском роде. Слово *помои* представляется нам мужеского рода, благодаря род. *помоев*, но по происхождению своему это слово женского рода. Синтаксическое определение рода подобных имен невозможно потому, что слова определяющие (прилагательные, местоимения) во мн. числе утратили различие в роде. Особую группу составляют слова, означающие парные предметы: *глаза, бока, рога, уши, плечи, поздри, колени, устарелое очи*.

3. Категория надежей.

Падежей, как мы видели, в склоняемых словах различается шесть. Но в некоторых именах мужеского рода в книжной, а частью и народной речи сохранились старые формы звательного падежа: *боже, отче, владыко, Иисусе Христе, господи*.

Много известно существительных, которые употребляются только в одном или двух-трех падежах. Такие существительные должны быть признаны (иногда в соединении с предшествующими предлогами) наречиями, ибо они потеряли главное свойство существительных, как слов определяемых; ср. *верхом* (существительное *верх* имеет твор. пад. *верхом*), *кругом, цуьком, наизволок* («я пошел на изволок» у Л. Толстого), *на показ, на изнанку, на выворот, на распахку, в потьмах, в торопях, в сухомлятку, в прилядку, в прикуську, на бекрень, без умолку*. Мы говорим *на тощак* вместо диалектического *на тощах*, где форма местн. мн. от прилагательного. Слово *даром* мы рассматриваем как наречие, потому что при *даром* в известном его употреблении не может быть определения. Точно так же наречием является *дбма, молчком*. В народном выражении *по делом* сохранилась старая форма дат. мн. При *силком* известно простонародное *силлом*, ведущее к слову мужеского или среднего рода, ср. *силомъ*, в адverbиальном употреблении, в совр. болгарском (напр. Извѣстия на семинара по слав. филология при унив. въ София, кн. III. с. 248). Особо отмечу некоторые фамилии, по происхождению оказывающиеся формами род. ед. или род. мн.: *Дурново, Петровых*; эти имена не склоняются, но и не сознаются как формы род. падежа.

Прилагательные с полным окончанием (*-ый, -ая, -ое* и т. д.), получившие значение существительных (большую частью благодаря пропуску определяемого ими существительного), склоняются вообще как прилагательные: *гостинная, крѣстная, крѣстный, ломовой, прохожий, нищий, взрослый, худое, Вологое, Красный, Толстой, жаркое*. Поэтому склонение таких существительных должно быть рассмотрено в отделе, посвященном прилагательным. Но прилагательные с именными окончаниями [(*-ъ*), *-а, -о*; (*-ъ*), *-я, -е*], получая значение существительных, переходят в склонение существительных: ср. *царевна, королева, Николаевна, спальня*; сюда же имена городов на *-ск*: *Смоленск, Витебск, Кузнецк*; далее имена на *-в*, утратившие связь с притяжательными: *Киев, Глухов, Чернигов*; имена на *-ь*, как *Ярославль, Переяславль, Епифань* (в *Иумен* видим отвердение *н* в конце слова, ср. *башен*, вм. *башень*); также названия рек: *Десна, Шуя, Ельня*. Но многие прилагательные с именными окончаниями, ставши существительными, образуют некоторые падежи по склонению прилагательных —

или точнее сохраняют вообще именное склонение прилагательных: сюда относятся фамилии на *-ов, -ин*, если эти имена употребляются и как прилагательные притяжательные: *Борисов, Царицын*. Склонение этих имен существительных должно быть поэтому рассмотрено в отделе прилагательных.

Здесь вернусь к некоторым грамматическим категориям в именах существительных, обнаруженным предшествующими указаниями.

4. Категория одушевленности и неодушевленности.

Выше было указано, что кроме имен уничижительных и увеличительных на *-о (-е)* могут оканчиваться только те слова мужского рода, которые обозначают существа одушевленные: *подмастерье, Серко, Карько, Ткаченко*. Следовательно, категория слов одушевленных грамматическим образом отделяется от категории слов неодушевленных. Можно думать, что средний род потерял вообще возможность определять живые существа и что все слова среднего рода, означавшие имена одушевленные, перешли в мужеский род; этим объясняется, быть может, и переход *теля, жеребя* в *теленка, жеребенка*. Только слово *дитя, дитяtko* осталось среднего рода. Можем проследить указанную категорию и в других грамматических явлениях, а именно в склонении ед. и мн. числа слов мужского рода и мн. числа слов женского рода. В мужеском роде вин. падежи ед. и мн. числа тождественны по форме с им. падежами только в словах, обозначающих нечто неодушевленное: *столы, дома, посты*; между тем в словах, обозначающих нечто одушевленное, вин. падежи ед. и мн. числа тождественны с род. падежами: *я вижу брата, я согнал голубей*. Исключений из этого общего правила вообще не имеется: *за муж* имеет наречное значение (ср. выше); наречными выражениями являются также и такие, как *вышел в люди, отдал в солдаты, в рекруты*, произведен в *офицеры, полковники*, пошел в *монахи* и т. п. Напротив, находим вин., сходный с род., от слов на *-тель, -итель*, как *числитель, знаменатель, множитель, делитель*, очевидно, под влиянием того, что вообще все слова на *-тель* означают имена лиц; говорят — поставить *идола*, сокрушить *идолов*, очевидно, вследствие представления об идоле как о живом существе. — В женском роде вин. ед. отличается в словах на *-а* от им.; по этой причине здесь не могло быть противоположения вин. пад. одушевленных и неодушевленных, подобного тому, что в мужеском роде; под этим влиянием не создалось такого противоположения и в словах женского рода на мягкую согласную, где вин. совпадает с именительным (*дочь, мать, свекровь*). — Но вин. мн. женского рода совпадает во всех именах с им.; такого совпадения нет однако в именах одушевленных; в них вин. пад. заменяется родительным: *я прибил собак, я позвал дочерей*. — В среднем роде совпадение винит. с им. замечается и в ед. и во мн. числе; словам среднего рода несвойственна замена вин. пад. род., ибо кроме слова *дитя*, это все слова с неодушевленным значением (некоторые отвлеченные могут быть и конкретизированы); в силу этого вин. пад. — *дитя, дитяtko, лицо, божество, превосходительство*, во мн. — *лица*; но вообще, как мы видели, почти все слова одушевленные среднего

рода (кроме *дитя*) перешли в мужеский род. В словах мужеского рода на *-о*, *-е* вин. пад. ед. числа не может быть, в силу указанной причины, тождествен с им. пад.; он в одних случаях (когда слово на *-о* означает не личность) принимает окончание род. ед., напр. *запряги Карька*, в других (когда слово на *-о* означает личность) принимает окончание, свойственное склонению слова на *-а*: *Ткаченку*, *Сидоренку*, *Михайлу*; это обстоятельство повело к тому, что имена лиц на *-о* вообще склоняются как слова на *-а*. Слова, как *телята*, *поросята*, получают в вин. мн. окончание род. в силу того, что по роду своему они принадлежат к словам мужеского рода (ср. *теленки*, *поросенки*): *телят*, *поросят*. Категория одушевленности и неодушевленности, согласно сказанному, свойственна только именам существительным; прилагательные, получившие значение существительных, если эти существительные мужеского рода, имеют в вин. пад. форму род.: *позовите городского*. Прилагательные определяющие, так же, как атрибутивные местоимения и числительные, согласуются в падеже и в форме падежа; поэтому находим и здесь в мужеском роде при определении одушевленных в вин. пад. форму род.: *я люблю своего брата*, *я видел многих высоких людей*; также в женском роде при вин. мн. одушевленных: *завел злых собак*, *купил молочных коров*. Только неодушевленные мужеского рода могут иметь в род. ед. окончание *-у*; одушевленные не имеют этого окончания.

Особо стоят местоимения вопросительные, как употребляющиеся самостоятельно, а не атрибутивно: в них выражено различие одушевленных и неодушевленных: *кто?*, *кого?* относится к одушевленным, *что?*, *чего?* к неодушевленным. Личные местоимения 1-го и 2-го лица означают, конечно, исключительно одушевленные предметы (и именно лица); вследствие этого вин. и род. совпадают здесь в одной форме: *меня*, *тебя*, *нас*, *вас*, но местоимение 3-го лица заменяет не только личные имена, но также и названия предметов; в этом местоимении однако различие одушевленных и неодушевленных не удержалось; вин. пад. в одушевленных получил форму род., и эта форма заменила также форму вин. пад. неодушевленных: *я положил его* (камень), *я читал ее* (книгу), *я проезжал его* (село).

5. Категория лица и не лица.

По своему происхождению она древнее категории одушевленности и неодушевленности; это видно из того, что в словах на *-а* мужеского рода находим только имена лиц, а не животных (ср. позднейшее распространение мужеского рода на слово *собака* в украинск. и белорусск.); сопоставьте с этим и то, что в местоимениях личных и вопросительных категория лица имела исконно выражение. В современном языке категория лица имеет ограниченный круг распространения, расширившись (напр. в употреблении род. вместо вин.) в категорию одушевленности и неодушевленности. Тем не менее эта категория может быть определена и теперь; ср. только-что указанное обстоятельство — наличие в словах на *-а* только названий лиц мужеского рода: *воевода*, *тупица*, *умица*, *слуга*, *невежа*, *левша*, *заика*, *замарашка*. При этом, как мы видели, имена лиц среднего рода на *-о*

переходят в своем склонении в склонение слов на *-а*: *Ткаченику*, от *Ткаченики* и т. д. Отметим кроме того замену окончания слов на *-ало*, означающих именно лиц, окончанием *-ала*: *обирала*, *объедала*, *оплетала*, *шагала*, *вышибала*, *подлипала*. Категорно лица находим еще в словах мужского рода на согласную; так слова на *-ии* в ед. числе, если это *-ии* не повторяется во мн., означают только лиц мужского полу: *гражданин* — *граждане*, *болларин* — *болларе*, *хозяин* — *хозяева*, *шурин* — *шурья* и т. д. Еще резче выражается эта категория во мн. числе: окончания *-е*, *-а* (неударяемое), *-ва* свойственны только именам лиц мужского полу; ср. *граждане*, *боларе*, *римляне*, *хозяева*, *бояра*; также окончание *-ья* (с ударением на *-я*): *мужья*, *друзья*, *кумовья*; окончание *-и* при основе на твердую исконно согласную точно так же является только в именах лиц: *черти*, *соседи* (склоняются дальше по аналогии слов как люди: *чертей*, *соседям* и т. д.); напротив, окончание *-ья* без ударения известно почти только от неодушевленных (исключения — *братья*, *холопья*); и также только в неодушевленных является окончание *-ы* с ударением (при неударяемости надежных окончаний в единств. числе): *пары*, *сады*, *ряды*, *шаги*, *духи* (по *дѹхи*); единственным исключением является нерусское слово *пан*: *пань*; *шуты* является при *шуты*, *шутѳм*.

Категорию лица можно проследить еще в употреблении числительных *двое*, *трое*, *четверо*: они соединяются только с именами лиц: *двое мужей*, *трое друзей*, *четверо солдат*, также *двое детей*; имена женского рода, так же, как имена животных и неодушевленных, не могут иметь при себе таких числительных: *две женщины*, *два вола*, *три волка*.

6. Категория отвлеченности и конкретности.

Мы обнаружили эту категорию, определяя слова, не образующие мн. числа; только предметы, мыслимые как нечто конкретное, могут соединяться с представлением о числе и, следовательно, образовать мн. число; слова *красота*, *ясность*, *привлекательность* не могут соединяться с числительными; поэтому при них нет и множественного; но можно сказать «*Ты допустил две неосмотрительности*» в значении уже не отвлеченном, а в значении неосмотрительных поступков; поэтому возможно мн. число: *неосмотрительности*. Категория отвлеченности сказывается еще в нескольких грамматических явлениях. Так, они в противоположность конкретным охотно принимают в живом, разговорном языке окончание *-у* в род. мужского рода, причем конкурирующее окончание *-а* в значительном числе случаев может быть отнесено насчет церковного, книжного влияния: *для виду*, *для запаху*, *для вкусу*, *со страху*, *сверху*, *снизу* (см. подробнее в отделе склонения слов мужского рода). Те слова, при которых возможен счет (*два*, *три*), гораздо реже получают окончание *-у*. Отмечу еще, что все слова мужского рода с отвлеченным значением не имеют вообще ударения на окончаниях: *верх*, *задор*, *отпор* и т. п., напротив, все слова с ударением на окончаниях имеют конкретное значение: *табак*, *столб*, *поп*, *конец* (кроме слов на *-ѳж*).

7. Категория единичности и множественности.

Некоторые понятия мыслятся нами только в ед. числе, не допуская множественного. Кроме рассмотренных отвлеченных и отмеченных ниже вещественных и собирательных, сюда относится ряд конкретных. Относительно состава конкретных слов, употребляющихся только в ед. числе, можно заметить, что он определяется прежде всего единичностью тех предметов или представлений, которые этими словами обозначаются; таковы, напр., имена собственные, означающие местности (города, реки), название стран света; сюда же относятся слова, представляющие во мн. числе другую основу или ассоциирующиеся с другим словом: *человек* — *люди*, *цветок* — *цветы*; сюда же, наконец, относятся и такие слова, которые во мн. имеют другой оттенок значения; *хлеб* означает более широкое понятие, или, точнее, имеет несколько значений, между тем как мн. *хлеба* ограниченнее в своем значении и не покрывает слова *хлеб* (нельзя сказать: *вынула хлеб* из печи). Все эти слова мужеского рода объединяются в одной категории единичности, что можно заключить, напр., из того, что ни одно из них не может образовать род. пад. на *-у* в современном литер. языке: ср. *из Рима*, *из Петербурга*, *из Нашина*, *из Пудожа* и т. д.; также — *дайте хлеба*; *с юга*, *с востока*. Единичность в словах на *-и* выражается этим суффиксом; во мн. находим основу без *-и* (образования, как *воины*, *литвины*, *мордвины*, *русины*, принадлежат к книжным и искусственным). Замечательно соединение подобных образований на *-и* с числительными *два*, *три*, *четыре*; также — *два цветка*, *два человека*, *три человека* (даже *сто цветков*, *пять*, *десять*, *сто человек*). Ясно, что категория единичности не всегда исключает возможность мыслить те или другие единичные предметы в числе двух, трех и вообще многочисленных, но не допускает представления о них в неопределенном числе. Мы говорим: *пять дворян*, *сто бояр*, не *дворянинов*, *бояринов*, в силу унаследованного издревле словоупотребления. Замечу, что слова на *-и* рассмотрены уже выше: как указано, в них сказалась также категория лица. — Повторю еще раз, что категория единичности не исключает считаемости: можно сказать: *в России два Кузнецка*, *две Десны*, *два Ростова*, *две Двины*, но мы не скажем: *Кузнецки*, *Двины*.

Слова, употребляющиеся только во мн. числе, *pluralia tantum*, особенно красноречиво доказывают наличность категории множественности-единичности. Оставляя в стороне названия городов, горных хребтов (*Карпаты*), видим, что остальные слова обозначают: а) сложное или составное орудие или предмет: *сани*, *щипцы*, *дрожки*, *ворота*, *клевцы*, *мехи*, *гусли*, *сѣты*, *весы*, б) части тела: *уста*, *икры*, в) карточные масти: *червы*, *вины*, г) разделения времени: *будни*, *святки*, *сумерки*, д) название праздников, обрядов, служб: *крестины*, *именины*, *похороны*, *мефимоны*. К словам этой категории отнесены те формы мн. числа, которые в ед. числе являются с другими оттенками и мало употребительны; напр. *плоды*, *святые дары*, *пески*, а также слова, как *люди* (при *человек*), *дети* (при *дитя*). Слова, употребляющиеся только во мн., могут подлежать счету; но, как увидим в обзоре числительных, слово *один* получает при этом форму мн. числа, а

вместо *два, три, четыре, пять* и т. д. употребляются *двое, трое, четверо, пятеро* и т. д.: *двое ворот, трое щипцов, у меня сегодня двое крестин.*

8. Категория собирательности.

Не будем смешивать ее с категорией множественности; слова с множественным значением разложимы на составные единицы; напротив, слова с собирательным значением обозначают собрание лиц или предметов, рассматриваемое как одно целое. Повидимому, в совр. русском языке эта категория имеет незначительное распространение сравнительно с древним: собирательные получили значение мн. числа; ср. *друзья, братья*, которые некогда были именами женского рода ед. числа; также *господа*, склонявшееся раньше — р. ед. *господы*, вин. *господу*, дат. *господь* и т. д. Равным образом *листья, зубья, гвоздя* — это по происхождению формы им. ед. ср. рода, причем *листья* (фонетически вместо *листье*) склонялось: род. — *листья*, дат. — *листью*, местн. — *о листья*. В определении Востокова: *листья* означает предмет в отдельности, или единицы, а *листья* совокупность предметов, собрание единиц. Собирательное значение сохранили слова, как *Русь, Мордва, Литва*; также слова на *-ство*: *множество, большинство*; равным образом слова, как *толпа, народ, ряд*. Только некоторые из этих слов могут образовать мн. число.

9. Категория вещественности.

Сюда относятся: 1) слова, употребляющиеся только во множ. числе: *дрова, сливки, софы, дрожжи, отруби, чернила, опилки, духи*, 2) слова, употребляющиеся только в ед. числе: *мука, соль, мед, масло, сено, вино, молоко, горох* и т. д. Как указано, мн. число является для обозначения разных сортов этих веществ: *иностранное вино, конопляное и подсолнечное масла*. Грамматически эта категория выражается в словах мужеского рода, употребляющихся в ед. числе: они образуют род. пад. на *-у*: *меду, воску, гороху, анису, изюму, винограду*; правда, и другие слова (напр. слова с отвлеченным значением) образуют род. с окончанием *-у*, но только вещественные могут иметь окончание *-у* под ударением: *табаку, коньяку, песку, нашатырю*.

10. Категория умалительности, уничижительности и увеличительности.

Мы видели уже при рассмотрении категории рода, что указанная категория определяется и фактами языка; существует именно связь между родом простого имени и произведенных от него слов с указанными значениями; связь эта нарушает ту зависимость рода от окончания, которую замечаем в языке (в силу этой зависимости, напр., иностранное *пальто* среднего рода). Так, мы знаем, что все неодушевленные на *-о (-е)* среднего рода; однако слова уменьшительные *башмачишко, домишко, голосишко* мужеского рода под влиянием *башмак, дом, голос*; также увеличительное — *попище*, уничижительное — *мужиченко*;

слова *ручища, пожища*¹, *головища* женского рода под влиянием *рука, нога, голова*. Так, местн. ед. в *уголку*, с таким окончанием, можно объяснить только влиянием со стороны в *углу*.

11. Общие замечания об основах имен существительных.

Укажу на несколько явлений, общих основам разных склонений. Сюда относятся: 1) осложнение основы в некоторых надежных формах звуками *о, е*, 2) изменения конечных согласных основы, 3) подвижность ударения в некоторых основах.

Основой называется неизменная в склонении часть того или иного слова. Как указано, принимая во внимание данное определение, основы современных склоняемых слов не тождественны с древними основами. Все основы имен существительных в совр. языке являются основами, оканчивающимися на согласные твердую или мягкую; как в тех, так и в других различаются основы мужского, женского и среднего рода: *нос-, вод-а, княз'-, бур'-а, тезд-о, мор'-е*.

1. Во многих словах основа является в двойном виде: простом, оканчивающемся на ту или иную группу согласных, и осложненном, где группа согласных подверглась вставке гласной *о* или *е*; по своему происхождению оба вида восходят к одному первоначальному со звуком *ъ* или *ь* между согласными; мы знаем, что *ъ* и *ь* при одних условиях, а именно, когда в следующем слоге находился *ъ* или *ь*, переходили в *о* и *е*, а при других, когда в следующем слоге находилась гласная полного образования, опускались; вследствие этого и в корнях слов и в суффиксах возникали двойные формы, причем в одних формах являлись звуки *о, е*, а в других они исчезали; такие звуки *о, е* можно по примеру школьных грамматик определять как беглые. Формы с беглыми *о, е* находим в им. и вин. над. ед. числа мужского и женского рода, оканчивавшихся некогда на *ъ, ь*: *ден'* (ср. *дн'а*), *рожь* (ср. *ржи*), *сон* (ср. *сна*), *каток* (ср. *катка*); далее в род. мн. всех трех родов, также оканчивавшихся на *ъ, ь*: *турок* (ср. *турки*), *царевен* (ср. *царевна*), *пис'ем* (ср. *письмо*); затем в твор. ед. женского рода, оканчивавшемся некогда на *ю*: *любов'ю* (ср. *любв-и*). Беглое *е* (откуда при известных условиях *о*) находим в сочетаниях *аје, оје* и т. д. в соответствии с *ај, ој*: *зајом-* (*зајма*), *шејек-* (при *шејк-а*). В некоторых случаях беглость *о-е* не оправдывается этимологией, но явилась по аналогии случаев, где беглые *о, е* восходят к *ъ, ь*: *лѣд* (ср. *л'ду*), *потолок* (*потолк-а*), *камен'* (*ками'-а*), ср. в древнем языке *лѣдъ, камене*, в диалектах — *потолока*; иногда форма без беглой гласной переносится по аналогии в такие падежи, где беглая гласная требуется фонетикой: *причт* — *причта* (вместо *причет*), *Смоленск* — *Смоленска* (вместо *Смоленск*). Напротив, по аналогии беглости *о, е*, восходящих к *ъ, ь*, в некоторых словах находим вставку *о, е* в группы согласных, этимологически не оправдываемую: *псалом* (*псалм-а*), *досок* (ср. *доск-а*), *замысел* (*замысл-а*). Наконец, видим, что есть слова, где *о, е* удерживаются во всех падежных формах, несмотря на то, что, по своему происхождению из *ъ, ь*, подлежали бы вынадению: *чеснок* — *чеснока*, *челнок* — *челнока*, *чернец* — *чернеца* (при древнем *чърнца*), *мох* — *мохом*

¹ В рукописи: *ручище, пожище*. (Р е д.)

(по также *лху*), *кузнец* — *кузница*, *гордец* — *гордеца*; сохранение *о*, *е* во всех случаях вызвано стечением согласных. Благодаря выпадению *ъ*, *ь* в одних формах, сохранению их в других, видим такие дублеты, как: *пришелец* — *пришелеца* при *пришелец* — *пришелеца*. Ограничиваюсь этими немногими замечаниями о беглости *о*, *е* в основах имен существительных.

2. Согласные в конце основы подвергаются изменениям благодаря а) положению в конце слова, б) положению перед гласной переднего ряда. Положение в конце слова вызывает: а) переход звонких согласных в глухие *рот* (род. *род-а*), *кляс'* (*кляз'-а*), *сапок* род. мн. и им. ед. (при *сапог-а*), *рош* (при *ржи*), *рып* (при *рыб-а*), *любоф'* (при *любв-и*); б) отвердение конечного *н'* в слоге неударяемом: *кухон* (при *кухи'а*), *башен* (при *башн'а*), *наковален*; в) диалектическое отвердение мягких губных: *кроф*, *любоф*, *голуп*.

Положение твердой согласной перед гласной переднего ряда или *ї* вызывает: а) переход их перед *е* (из *ть*) в соответствующие мягкие: на *стол'е* (при *стол*), в *вод'е* (при *вод-а*); при этом задненёбные переходят в мягкие средненёбные: *кулак'-е*, *ног'-е*, *горох'-е* (при *кулак*, *ног-а*, *горох*); б) переход задненёбных в мягкие средненёбные перед окончанием *-и*, которое изменяется под влиянием предшествующей согласной в *-и*: *рук'-и*, *яблок'-и*, *мух'-и*; в) переход задненёбных *к*, *г* в *ч*, *ж* в случаях, как: *суч-ја* (при *сук-*), *крючьа*, *кlochья*, *батожья*; ср. еще *ж* вм. *г* в *боже*; г) переход задненёбного *г* в *з* в слове *друз-ја* при *друг* (раньше переход *г* в *з*, *к* в *ц*, *х* в *с*, и притом именно перед *ть* и перед *и* из *ть*, был общим законом, но позднее *з*, *ц*, *с* вытеснены этимологическими *к*, *г*, *х*: *руке* вместо *руць*, *друзи мои*, *волки* вм. *друзи*, *волци*). В книжном языке: в *бозе поживший*.

3. В отношении к ударению именные основы делятся на две группы: а) основы с неподвижным ударением, б) основы с подвижным ударением. Различие этих двух категорий зависело от известных звуковых явлений, имевших место частью еще в общеслав. праязыке, а частью еще в более отдаленную эпоху славяно-балтийскую: здесь долгие гласные (*ā*, *ī*, *ū*, *ē*, *ǔ*) и дифтонги имели двойного рода долготу; одну из них называем экспираторною (или вслед за Фортунатовым длительною), а другую музыкальною (прерывистою); экспираторная долгота перетягивала на себя ударение с соседнего, ближе к началу слова, слога (краткого или с долготою музыкальною), между тем как гласные с музыкальной долготою так же, как и краткие гласные, этим свойством не обладали; вследствие этого, если ударение исконо падало на предпоследний слог с краткой гласной или гласной долгой с долготою музыкальной, то оно переносилось на окончание, если окончание имело экспираторную долготу; напротив, оно оставалось на основе, если окончание имело краткую гласную или гласную с музыкальной долготою: *vóđā* переходило поэтому в *vodá* (ибо *ā* имело экспираторную долготу), но *vóđǫ* в вин. сохраняло старое место ударения (ибо *ǫ* имело музыкальную долготу); *gǫgā* в им.-вин. двойственного переходило в *gogā*, а *gǫgā* в род. ед. сохраняло старое место ударения (ибо *ā* в им.-вин. двойственного имело экспираторную, а *ǫ* в род. музыкальную долготу). Вследствие той же причины гласная основы с экспираторной долготою перетягивала на себя ударение с окончания,

если гласная окончания была краткая или долгая с музыкальной долгой: *сѣвъ* переходило в *сѣпъ*, но *сѣпѣ* с *ѣ* в окончании вин. мн. экспираторно-долгим сохраняло свое наконечное ударение. Позднейшие ассоциативные явления в сильной степени видоизменили и усложнили указанные две первопричины подвижности ударения в склоняемых основах; мы находим (частью еще в общеслав. праязыке) передвижение ударения и при таких условиях, которые не могут быть прямо возведены к этим первопричинам: ср., напр., чередование ударений в *селѣ*, *селѣ*, *селѣ* при им. мн. *сѣла*, несмотря на то, что *а* в *селѣ* (*сѣла*) имело некогда экспираторную долготу, почему ему надлежало бы перетянуть на себя ударение с предшествующего слога. В виду того, что употребление тех или иных падежных окончаний (в особенности в словах мужского рода) зависит от подвижности или неподвижности ударения основы, мне придется обращать ваше внимание на это свойство склоняемых основ и рассматривать состав слов с подвижным ударением при обзоре склонения по указанным выше отделам.

В виду выясненной причины подвижности ударения в некоторых словах, нам понятно, какие именно слова исконно не допускали подвижности в ударении: это, во-первых, слова с экспираторной долгой в предпоследнем и притом ударяемом слоге, а также слова с краткою или музыкально-долгою гласной в предпоследнем слоге, когда ударение слова исконно падало на окончания: *клин*, *сила*; *поп* — *попѣ*, *моска*. Оставляя в стороне отношения, выясняющиеся для древнего языка, видим, что с точки зрения современного языка ударение неподвижно, когда оно в им. ед. женского рода на *-а* падает на первый слог двусложного слова: *липа*, *рыба*, *сила*, *тяжба*, *баба*; далее, когда оно в словах женского рода на *-а* и среднего рода падает в многосложном слове на предпоследний слог: *поляна*, *лопата*, *ворона*, *солома*, *колѣно*, *кобыла*, *копыто*; также в словах мужского рода, когда оно в род. пад. падает на предпоследний слог многосложного исконно русского слова: *прорѣка*, *горѣха*, *человѣка*; далее в словах женского рода, когда ударение падает на начальный слог многосложного слова: *выставка*; далее в словах женского рода на *-ость*: *млодость*, *старость*, *радость*. Определение того, какие слова с неподвижным ударением имеют его на основе и какие на окончаниях, заводит в вопросы, выходящие из пределов русского языка в его историческом развитии. Отмечу только, что все сложные с предлогами слова имеют ударение на основе (или на предлоге): *нарѣд*, *порѣжа*, *рассада*, *размах*, *нарост*, *посуда*, *изгородь*, *заговор*, *замок*; исключение составляют слова с подвижным *о*, *е*, как *замок* — *замкѣ*, *послѣ* — *послѣ*, *наѣм* — *наймѣ*, а также слова *похвала*, *помѣлѣ* (это слово с подвижным ударением: *помѣльѣ*). Все слова мужского рода с ударением на окончаниях имеют конкретное (или вещественное) значение, кроме слов *грабѣж*, *делѣж*, *мятеж* и прочих на *-еж*.

12. Склонение единственного числа слов мужского рода на твердую и мягкую согласную.

По происхождению своему объединяющиеся в одном общем склонении основы восходят: а) к старым основам на *-о*: *брат*, б) к основам на *-о* после согласной задненѣбной, которой предшествовала глас-

ная переднего ряда, изменившая задненёбную согласную в свистящую простую или африкату: *отец* (отъць из *otiko-s), *князь*, в) к основам на -jо: *край, муж, г*) к основам на -й: *сын, дом, д*) к основам на -й: *гост', лебед'*.

Надежные окончания ед. числа частью восходят к старому склонению на -о, частью же к старому склонению на -й (окончания основ на -jо исчезли: напр. -и в местн. ед., ср., впрочем, ниже). Окончания эти следующие. Род. пад.: -а (из основ на -о), -у (из основ на -й). Дат. пад.: -у (из основ на -о). Твор. ед. -ом (из основ на -й, причем замена более древнего окончания -омь через -ьмь произошла еще в общерусском праязыке). Местн. ед. -е (на месте -ь из основ на -о), -у (из основ на -й). Об окончании на -и (о *Василии*) см. ниже. Вин. пад. сходствует с им., но, как мы знаем, в словах, означающих одушевленные предметы, с родительным.

Эти окончания, общие для всех слов мужского рода (кроме слова *путь*), произносятся различно в зависимости от того, падает ли на них ударение или нет: род. -а, в неударяемом слоге -а; дат. -у, в неударяемом слоге -у; твор. -ом, в неударяемом слоге -ом после твердых согласных, -эм после мягких (на письме под ударением: -ом, -ём, -ем, в неударяемых слогах -ом, -ем); местн. -е, в неударяемом слоге -е.

Из приведенных окончаний только окончание -у местн. ед. перетягивает на себя ударение в словах с ударением подвижным. Это обстоятельство приводит к определению следующего состава слов с подвижным ударением (все приведенные слова могут образовать или образуют всегда местн. ед. на -у с ударением на окончании, между тем во всех прочих падежах ударение падает на основу).

Указываю только те слова, которые в моем словоупотреблении имеют окончание -у.

гроб, дуб, зоб, шкан, дом, Дон, плен, быт, чай, бал, вал, мел, пыл, пол, бор, жар, пир, ветер, бред, вид, год, зад, лад, мед, пруд, род, ряд, сад, ход, чад, холод, перед, лет, мост, пот, свет, цвет, воз, глаз, таз, низ, вес, квас, лес, нос, бег, дом, круп, лу, мозг, снег, торг, шаг, берег, бок, век, крюк, сок, шелк, верх, дух, мех, пух, смех, бой, клей, край, пай, рай, строй, чай, хмель, хлев, остров, жир, сор, вечер, отпущк, смотр.

Кроме того видим перенос ударения на -а в род. ед. некоторых слов после числительных *два, три, четыре* и после слова *пол*; слова эти следующие: *шаг, раз, шар, час, ряд*: мы говорим *полчасá*, *два шагá*, *два часá*, так же *два разá*, при *два разá*, *три шарá* (более обычно, чем *три шарá*). Окончание -а в этих случаях по происхождению не окончание род. ед., а им.-вин. двойственного, которое систематически перетягивает на себя ударение в словах с подвижным ударением.

Многие слова колеблются в своем ударении: при род. *шáра* (*земного шáра*), *плóда*, *пруда*, *уса*, *бáса*, *таза*, *бáнта*, *кожу́ха*, *шúта* (ср. в особенности *к шúту*), *жу́ка*, *со́нола* известно и *шарá*, *плодá*, *прудá*, *усá*, *басá*, *тазá*, *бантá*, *кожухá*, *шутá*, *жукá*, *соколá* (я подчеркнул то ударение, которое свойственно моему словоупотреблению).

Как мы знаем, ряд основ мужского рода является в двойном виде, с беглыми *о, е* и без этих гласных. Беглые гласные принимают

ударение на себя, если оно вообще падает на окончания: *отѣцъ* — *отца́*, *ви́сокъ* — *виска́*, *костѣръ* — *костра́*, *наѣмъ* — *найма́*. Но в словах *узелъ*, *узолъ* ударение переносится не на беглые гласные, а на корень.

В связи с основами, имеющими беглые *о*, *е*, стоят и те основы, которые в им. пад. оканчиваются на *-ий*. В чисто русских словах это окончание неизвестно; вместо него является *-ей*: *жеребей* — *жеребья́*, *улей* — *улья́*. Но в церковных именах при русском окончании *-ей* является церковное *-ий*: *Василей*, *Юрей* при *Василий*, *Георгий*; в церковном окончании выдерживается и также и в остальных падежах: *Василия́*, *Василию́*, *Василиемъ*; в местн. ед. находим *Василии* (при *Василье́*). Итак, в именах собственных на *-ий* является окончание местн. ед. *-и*, неизвестное в русских словах.

Как указано, в род. и местн. ед. слова мужского рода представляют по два окончания: одни из них *-а*, *-е* восходят к основам на *-о*, другие *-у*, *-у* к основам на *-й*. Остановлюсь на вопросе о распределении этих окончаний.

Родительный падеж. Окончание *-а* можно признать обычным и господствующим окончанием. В известном синтаксическом употреблении формы род. пад., а именно после числительных *два*, *три*, *четыре*, современный литературный язык знает исключительно окончание *-а*: *два́ года*, *три́ дома*, *четыре́ рода*. Род. пад., как мы уже знаем, заменил здесь древнюю форму двойственного числа; это видно из ударения в таких случаях, как *два́ гóрода*, *два́ мýжа*, *три́ гóда* и т. д.; *гóрода*, *мýжа*, *гóда* по месту ударения формы род. пад., в им.-вин. двойственного ударение основ с подвижным ударением переносилось на окончание: *города́*, *мужа́*, *года́*; ср. сохранение старого ударения в случаях выше указанных, как *два́ шага́*, *два́ раза́*, *два́ часа́*, *два́ ряда́*. Совпадение окончания *-а* им.-вин. двойственного с *-а* род. ед. повело к употреблению род. пад. после числительных 2—4, а это закрепило окончание *-а* во всех словах, подлежащих счету. Напротив, слова, по значению своему не употреблявшиеся после числительных, укрепили за собой окончание *-у*. Слова эти двух категорий: 1) вещественные, 2) отвлеченные (см. ниже). Кроме того, исключительно *-а* имеют все слова, означающие живые существа, в том числе и имена собственные; нарицательные могут подойти под разряд слов, соединявшихся с числительными, но имена собственные требуют для своего *-а* другое объяснение. Дело в том, что исконно (еще в общеслав. праязыке) слова, обозначающие лица, получали в вин. пад. форму род. пад., но окончанием, общим для обоих падежей, было исключительно *-а*, ибо употребление формы род. пад. на *-у* в основах на *-й* для вин. пад. было совершенно неизвестно, напротив, и здесь являлась в вин. форма *сына* при род. *сыну*; вытеснение окончания *-а* в род. слов, обозначающих лица и живые существа, вообще через *-у* стало невозможно именно вследствие того, что то же окончание *-а* было окончанием вин. падежа. Итак, для окончания *-а* определяются следующие области нераздельного господства: 1) слова, обозначающие живые существа, 2) конкретные слова, подлежащие счету. Но относительно господства *-а* в этих последних словах должна быть сделана следующая оговорка: там, где форма род. пад. исконно совпадала с формой им.-вин. двойственного, вытеснение окончания

род. -а окончанием -у было невозможно; напротив, там, где форма род. пад., отличаясь по ударению от формы им.-вин. двойственного, не совпадала с ней, вытеснение окончания -а окончанием -у стало явлением обычным; первый случай имел место в словах с неподвижным ударением: *клина* род. ед. и им. двойственного, второй — в словах с подвижным ударением: вместо *города* род. ед. (при *городá* им.-вин. двойственного) могло явиться *городу*. Таким образом, область конкретных слов, где господствует безраздельно окончание -а, ограничиваем так: 2) конкретные слова, подлежащие счету, с ударением неподвижным. Это объясняет, почему в современном языке совершенно неизвестно окончание -у в словах с ударением на окончании, если слово не имеет значения вещественного (*табаку, песку* и т. п.); ср. *куста, конца, креста, холста, сундука, двора, угла, боба, топора* и т. д.

Из предыдущих замечаний выясняется, что область распространения окончания -у ограничивается теми группами слов, куда -у могло проникать, не встречаясь с безраздельным господством -а, следовательно, теми группами, где форма род. пад. не была тождественна с другим падежом (вин. ед. в именах, означавших живые существа; им.-вин. двойственного в конкретных с ударением неподвижным). Сюда относятся исконно слова со значением вещественным и собирательным, не подлежащим счету в составных своих частях: *народу, люду, товару, сору, бархату, перцу, суну, воску, меду, сахару, сыру, гороху, чаю, клею, мелу, дёту, песку, табаку, огню, киселю, миндалю, фуражу, коньяку, мышьяку*, также *льну, льду* (вместо древнего *леду*); далее слова со значением отвлеченным (и потому счету не подлежавшие): *вкусу, счету, запаху, цвету, доходу, расходу, страху, жару, ходу, холоду, вздору, без умолку, крику, до зарезу, весу, от роду, с размаху, спросу, духу, слуху, шуму, мору, толку, до верху, с низу*; наконец, слова со значением конкретным при условии подвижности их ударения (многие из приведенных форм на -у только в соединении с предлогом): *Дону, из лесу, из дому, до дому, с часу, без году, с боку, из ряду, с возу, из носу, сряду, ни разу, сразу, ни шагу, с миру, с полу, от роду, с краю*; сюда же относятся *изо рту*; в этом соединении форма род., потерявшая ударение, не совпадала с формой им.-вин. двойственного *рта*. Итак, определяются следующие группы с господствующим окончанием -у: 1) слова со значением вещественным, 2) слова со значением отвлеченным, 3) слова конкретные с подвижным ударением.

Однако полное господство -у видим только в первой группе. Но и здесь необходимы оговорки. Если счету подлежат сорта того вещества, которое обозначается одним из рассматриваемых слов, то употребляется форма на -а, как форма исключительно господствующая при счете: *два разных табакá*. Слово *овёс* по причине неясной не образует *овсу*, а только *овса* (влияние слов как *прёса, пше́нá*?). Слово *хлеб* имеет *хлеба* потому, что означает не только вещественное понятие (*у нас нет хлеба*), но и конкретное (*подали два хлеба*). Ср. употребление *сыра* при счете: *два сыра*. Также *народа*: *два народа*. Вообще индивидуализация или конкретизация вещественных понятий ведет за собой появление окончания -а: *лес состоит из вельника и березника, очистить лес от хвороста, он вышел из простого народа*,

предание русского народа (ср. Востоков). Сюда же такое словоупотребление: *свойство сахара, приность аниса, перца* (но возможно и: *вкус коньяку, запах табаку*).

Во второй и третьей группе окончание *-у* не только чередуется с окончанием *-а*, но и вытесняется им. Вытеснение *-у* во второй группе обязано двум причинам: во-первых, влиянию книжного языка, упорно державшегося старого окончания *-а*; ср. *страха* ради Иудейска, *блеска, срама, разрата, возврата* (а под этим влиянием: *доклада, отпуска, смеха* и т. д.). Во-вторых, еще тем, что окончание *-у* не вытесняло вообще окончания *-а* в форме, сопровождаемой определяющим словом: *для виду, но для одного вида, от расходу, но от большого расхода*; это обстоятельство вело к тому, что слова отвлеченные, более тесно определенные, так сказать, индивидуализированные, систематически стали удерживать *-а*: *этого вида я не забуду, от этого вкуса, зеленого цвета, от постоянного расхода* и т. д. Вытеснение *-у* в третьей группе обязано тем же двум причинам, но также еще и третьей, а именно употреблению формы на *-а* при счете: *два носá, рядá, бонá, годá* и т. д. вытеснены формами *два нóса, рýда, бонá, гóда* и т. д.; эти формы содействовали утрате форм *носу, рýду, бóку, гóду* в родительном, и последние, как мы видели, сохранились отчасти только в положении после предлогов. В современном литер. языке нет ни одного слова с конкретным значением, которое не могло бы образовать формы род. пад. на *-а*; и, напротив, параллельные формы на *-у* все более утрачивают под собою почву.

Местный падеж. Употребление обоих окончаний *-е* и *-у* гораздо строже разграничено, чем употребление обоих окончаний *-а* и *-у* в род. Обычным окончанием местн. ед. является *-е*; нет слова, которое бы не могло образовать в местн. пад. формы на *-е*. Но при этом форма местного падежа является в двойном виде в зависимости прежде всего от предшествующего ей предлога.

После предлогов *о* (*об*), *при* господствует, и притом исключительно, форма на *-е*: *об угле, при саде, о берегу, о верхе, о рте, о рае, при бое* и т. д. Возможно, однако, что слово *полк* образует *полку* в соединении с предлогами *о, при*. После предлогов *в, на* в большей части слов держится окончание *-е*. Но в некоторых группах слов находим окончание *-у*. Это окончание имеет всегда на себе ударение, причём переносит его на себя, если другие окончания в склонении являются без ударения.

Окончание *-у* в местн. ед. находим: 1) во многих словах с подвижным ударением: *в гробу, в зобу, на дому, на Дону, в чану, на балу, на пиру, в ряду, на ходу, в цвету, на весу, на носу, на бою, в раю* и т. д. (все эти слова перечислены выше), 2) в некоторых словах односложных в местном падеже: *во ртý, на лбу, на льду, во мху, на дню*, 3) в следующих словах с неподвижным ударением на окончаниях: *в полкý, в постý, в углу, на плотý, в уголку* (возможны также, по моему словоупотреблению они чужды: *в песку, в узлу, в полонý, ср. рядом в песке, в узле*; слово *полон* вышло из употребления), 4) в наречных выражениях: *на яву, на скаку*.

Многие из этих слов образуют и формы на *-е*. Так, мне, напр., возможно сказать: *в дому и в доме, на балу и на бале, на холоду*

и на холоде, в цвету и в цвете (только в цвете лет), в глазу и ни в одном глазе, на бесу и убавил в весе, в квасу и в квасе, в носу и в носе, в кругу и в круге моих знакомых, на веку и в I веке, на верху и на верхе дерева, на смеху и в его смехе, на остроу и на острове, в жиру и в жире, в вечеру и на вечере, в отпуску и в отпуске, в чаю и в чае, и др. Я говорю только в *погребѣ*, в *тереме*, хотя известны и формы в *погребѹ*, в *теремѹ*. При этом бросается в глаза еще и следующее обстоятельство: определяемая форма местн. ед. чаще имеет окончание *-е*, чем неопределяемая; частью это видно из приведенных примеров, хотя необходимо заметить, что окончание *-у* известно и в определяемой форме: в *платяном шнапу*, на *моем вену*, в *высшем кругу*, в *великом посту*. Ср. еще в *моем доме*, в *деревянном гробе*, на *его глазе*.

Скажу несколько слов о происхождении чередования окончаний *-е* и *-у* в местн. падеже. В основах на *-о* было искони известно окончание *-ть* (переходившее в *-и* после мягких согласных в основах на *-јо*; в основах на *-ѣ* было окончание *-у*. Оба окончания имели некогда длительную долготу и потому перетягивали на себя ударение в словах с подвижным ударением: род. — *сѣда*, местн. — **сѣдѣ*; род. — *дѣму*, местн. — *домѣ*. Но в основах на *-о*, а также вероятно и в основах на *-ѣ*, с течением времени, впрочем, еще в общеславянском праязыке, произошла оттяжка ударения в форме местн. ед. в словах с подвижным ударением; эти слова только в местн. ед. переносили ударение на окончание; влияние ударения других падежей имело последствием перенесение ударения на основу и в местном: *сѣдѣ* вместо **сѣдѣ*. Но после предлогов *въ* и *на* сохранилось старое место ударения, вследствие, быть может, тесного соединения формы местн. ед. с этими предлогами; мы увидим, что такая же оттяжка ударения, вызванная такою же причиной (влиянием других падежей), замечается в местн. ед. слов женского рода на *-ь* (как *речь*, *часть*), причем старое место ударения сохранилось в формах, следующих за предлогами *в*, *на* (я говорю *о ночи*, *о речи*, *о крови*, но *в ночи*, *в речи*, *на крови*). Под влиянием основ на *-и* в основы на *-о* проникало окончание *-у* в местн. ед.; но сохранилось такое *-у* вообще только там, где форма местн. ед. отличалась от формы дат. ед. В древнем языке, напр., находим *на холму*, *во льну*, *в обыску*, *в Смоленску*; но в современном исчезли все те формы местн. падежа на *-у*, которые по звуку тождественны с дат. пад.; остатками старого словоупотребления оказываются приведенные выше односложные формы, а также местные падежи, как *в полкѣ*, *в постѣ*, *на плотѣ*, *в полонѣ*; *улѣ* при им. *ѹл* предполагает существование ударения *ѹла*, *ѹлу* в дат., а это заканчивает *улѣ* в местном; *в улѣ* под влиянием *в улѣ*. Впрочем, данные древнего языка свидетельствуют о том, что самое распространение окончания *-у* насчет *-е* задерживалось там, где форма местн. на *-у* совпала бы с формой дат. ед.; но зато в древнем языке имелись условия, благоприятствовавшие распространению *-у* вопреки указанным задерживающим началам, а именно окончание основы на задненёбную согласную; в совр. литер. языке это условие устранено совсем, и в полную силу вступили задерживающие начала.

Замечательно, что названия одушевленных предметов не знают совсем окончания *-у*. Это объясняется тем, что такие названия могли приходиться в соединении с предлогами *в*, *на* только случайно, в единичных случаях; ср. *в вóроне*, *в вóлке*, *на вóре*, *в бéсе* и т. д.

О некоторых особенностях отдельных слов. Слово *день* обычно склоняется так же, как рассматриваемые основы на твердую и мягкую согласную; но в литературную речь проникают и формы, образованные по другому склонению (ср. слово *путь*); так, находим *два́ дни*, *три́ дни* вместо *два дня*, *к Петрову́ дни*, *от Петровá дни*. То же в склонении слова *рубль*: *два́*, *три́ рубли*. — Слово *господь* имеет при себе зват. форму *господи*; все остальные падежи образуются от основы *господ-*: род. — *господа*, дат. — *господу* и т. д. — О том, что имена мужского рода на *-ий*, как *Василий*, *Георгий*, образуют местн. ед. на *-ии*, см. выше. — О звательном ед. *боже*, *Христе*, *отче* см. выше. Слово *Христос* в других падежах имеет основу *Христ-*.

13. Склонение единственного числа слова *путь*.

Слово *путь* оказывается единственным из многочисленных слов мужского рода с исконной основой на *-ĭ*, которое в ед. числе сохранило старые формы склонения; остальные слова перешли в склонение основ на *-о*, *-ĭо* (напр. *гость*, *лапотъ*); некоторые слова сохранили свои формы склонения, но зато перешли в женский род (и образовали в твор. пад. форму на *-ĭу* вместо *-ем*); сюда относятся, напр., *печать*, *корь*, *гортань*. И слово *путь* в народном языке получает женский род.

Слово *путь* склоняется так: род. — *пути́*, дат. — *пути́*, вин. — *путь'*, твор. — *пути́м*, местн. — *пути́*. Итак, ударение во всех падежах на окончании. — О формах *дни*, *рубли* сказано выше.

14. Склонение множественного числа слов мужского рода на твердую согласную, кроме *и*, *ж*, и на *-й* (окончание именительного множественного: *-ы*, *-ѣ*, *-а*).

Основы, получающие такое склонение, те же, что рассмотренные выше в склонении ед. числа; но из основ на *-ĭо* сюда относятся только те, которые в им. ед. оканчиваются на дифтонг с *-й* (*край*, *бой*, *воробей* и т. д.); старые основы на *-ĭ* исключаются отсюда совсем. Отличие рассматриваемого склонения от склонения основ на мягкую согласную является окончание род. мн.: здесь находим *-ов*, *-ев* (*-ѣ*), там *-ей*.

Падежные окончания мн. числа только отчасти восходят к старому склонению мн. ч. основ на *-о*, *-ĭо*; в им. мн. находим кроме того окончания, восходящие к двойственному числу мужского рода, а также к им. ед. собирательных слов женского и среднего рода; в дат., твор., местн. находим окончания, заимствованные из основ женского рода на *-а*. Окончания эти следующие.

Им. мн.: *-ы*, (*-и*), *-а*. Род. мн.: *-ов* (*-ев*, т. е. *jaŋ* в неударяемых слогах после гласных и мягких согласных), (*-ѣ*), точнее отсутствие всякого окончания. Дат. мн.: *-ам*. Твор. мн.: *-ами*. Местн. мн.: *-ах*. Вин. пад. мн. числа сходствует с им., но, как мы знаем, в словах, означающих одушевленные предметы, с родительным.

Эти окончания в зависимости от фонетических условий, как отчасти указано в скобках, получают различное произношение. Звуку *-ы* в им. после твердых согласных соответствует звук *-и* после *j(i)*: *столы*, но *боји*, *чаји*, *воробји*; вместо *-ы* находим *-и* также после *k*, *g*, *x*: *волки*, *полки*. Звук *-а* известен только под ударением: *городá*, *краяá*. Окончание *-ов* произносится под ударением как *-of*, в неударяемых слогах как *-af*, после *j* находим в ударяемых слогах также *-of*, а в неударяемых *-af*: *војof*, *брајaf*. Окончание *-ам* дат. мн. под ударением *-am*, в неударяемых слогах *-am*. Окончание *-ами* твор. мн. под ударением *-amí*, в неударяемых слогах *-amí*. Окончание *-ах* местн. мн. под ударением *-ax*, в неударяемых слогах *-ax*.

Во мн. числе резко различаются основы с неподвижным ударением (на корне или окончаниях) и основы с подвижным ударением. Эти последние могут иметь ударение на окончаниях или во всем склонении, противопоставляясь ед. числу, где ударение на корне, или только на окончаниях род., дат., местн., между тем как им., вин. мн. имеют, как и формы ед. числа, ударение на корне. Таким образом, в словах с подвижным ударением различаются две группы: в первой ударение переносится на окончания им. мн. *-ы* и *-а*, во второй ударение не переносится на окончание им. мн. *-ы*; объединяются обе группы тем, что ударение переносится в той и другой на окончания, начиная с род. мн. Определение подвижных основ предлагается ниже при рассмотрении соответствующих окончаний им. мн. При этом оказывается необходимым различать следующие три окончания: *-ы (-и)*, перетягивающее на себя ударение в словах с подвижным ударением, *-а*, всегда имеющее на себе ударение, *-ы*, не перетягивающее на себя ударения в словах с подвижным ударением.

Именительный падеж множественного числа на *-ы (-и)*, перетягивающее на себя ударение в словах с подвижным ударением. Это окончание надо признать господствующим; правда, его можно отличить от *-ы*, не перетягивающего на себя ударения, только в словах с подвижным ударением, но сопоставление слов, употребляющих то или другое окончание, доказывает, что первое из них (*ы*, перетягивающее ударение) свойственно преимущественно неодушевленным, между тем как второе (*ы*, не перетягивающее ударения) преимущественно одушевленным. В виду этого *-ы (-и)* в словах с неподвижным ударением одушевленных не отношу к рассматриваемому теперь окончанию. Это окончание по происхождению окончание вин. мн. числа; замена древнего окончания им. мн. *-и* окончанием вин. мн. *-ы* в словах, означающих неодушевленные предметы¹, принадлежит к одним из ранних явлений в области русского склонения; произошла эта замена под влиянием того, что падежи им. и вин. мн. совпадали в склонении основ женского и среднего рода, а также и того, что эти падежи совпали в одной общей для всех родов форме в словах определяющих (прилагательных, местоимениях и т. д.); кроме того особенное значение при замене окончания им. мн. окончанием вин. мн. имело и то обстоятельство, что в ед. числе слов мужского рода, обозначающих одушевленные предметы, им. и вин. падежи имели

¹ Слово «предметы», очевидно, по описке, в рукописи опущено. (Р е з.)

одну общую форму (*воз — воз, дом — дом*). В словах с основой на *-ц*, а также с основой на *-й* (*-й̑*) находим окончание *-и* (которое после *ц* перешло в *ы*); это *-и* заменило окончание *-ль* под влиянием окончания *-ы* после твердых согласных. Примеры для окончания *-ы* в словах с неподвижным ударением: *столбы, посты, хвосты, плоды, дворы, суды, животы; доходы, размеры, заводы, товары, заносы, выступы, пожуки; венцы, пай, лишай*.

Окончание *вин. мн. -ы* имело некогда экспираторную долготу; вследствие этого ударение слов с подвижным ударением переносилось на это окончание. Вот почему окончание *им. мн. на -ы (-и)* в словах с подвижным ударением имеет на себе ударение. Перечислю слова с подвижным ударением, имеющие окончание *-ы (-и)*; это перечисление необходимо потому, что слова с подвижным ударением могут иметь еще и другое окончание *-а*:

балы, боры, бои, валы, верхи, весы, дары, долги, дубы, духи, жары, жиры, зады, зобы, квасы, кружи, лады, миры, меды, мозги, мехи, носы, низы, паны, пужи, пужи, полы, пары, пуды, переды, рай, рои, ряды, разы, сады, склады, слои, сыры, торги, фунты, хлевы, цветы, часы, чаны, чины, чай, шай, шелки, шканы.

Итак, это все двусложные слова (трехсложно только *переды*, но и оно исконно было двусложно: *перед* из **пердъ*). Повидимому, они могут быть распределены на три группы. К первой относим те, которые вообще не употреблялись при счете, не могли, следовательно, образовать двойственного числа и таким образом получить окончание *-а* (проникшее, как увидим, из формы *им.-вин. двойственного числа*). Сюда относятся слова с вещественным значением: *меды, чай, шелки, жиры, квасы, сыры*; далее слова, употребляющиеся только во *мн. числе*: *цветы* (ед. число — *цветок*), *весы* (*вес* в другом значении), *мозги* (*мозг* стоит отдельно), *переды* (ед. число *передок*), *зады* (ср. на *задах, твердить зады*, где *зад* не стоит в прямой связи с ед. числом *зад*), *верхи* (то же), *низы* (то же), *лады, нелады, мехи, склады, кружи, духи; жары* (в спец. значении, ср. ед. число *жара*), *полы* (имеет то же значение, что ед. *пол*: *полы в этой комнате не годятся*), *торги* (при счете не употребляется), *долги* (то же). Сюда же относятся *часы, разы, шай, ряды*, ибо *часы, разы, шай, ряды* не получили значения *мн. числа*, а употребляются только при числительных *два, три, четыре*. Слова *пуды, фунты* можно признать редко употребляющимися во *мн. ч.*, ибо при счете употребляются или *пуд*, или *пуда*, или *пуд*, *пудов* (после числительных). Ко второй категории относим книжные и новые слова, как *шканы, балы, паны* (польск.), *рай, слои*. К третьей категории относятся: *сады, чины, миры, пиры, дары, валы, боры, станы, верхи, низы, зады* (последние три слова в других значениях, чем выше). В первых двух категориях появление *-ы* вместо ожидаемого *-а* понятно (ср. или их книжный характер, или отсутствие возможности сочетать их с числительными 2, 3, 4). В третьей категории *-ы* непонятно, если не предположим, что мы имеем здесь дело со старой формой двойственного числа от исконных основ на *-й̑*; *два сады, три сады* и т. д. укрепляло за *сады* значение *им. мн.*, как *два года, три года* вызывало в форме *года* значение *им. мн.* — В некоторых словах замечается колебание: *возы, воза, хлевы и хлева* (у Востокова *хлева*, но *хлевы*).

Именительный падеж мн. числа на *-а*, имеющее на себе всегда ударение. Окончание *-а*, согласно только что сказанному, надо признать обычным и правильным окончанием им.-мн. слов с подвижным ударением. Все слова с подвижным ударением должны образовать им. мн. на *-а*. По происхождению это окончание им.-вин. двойственного; оно исконно имело длительную долготу и, следовательно, перетягивало на себя ударение; из сочетаний с числительными два формы двойственного числа переносились и в положение после числительных *три, четыре*: два *городá, топорá, три городá, три топорá*. Совпадение формы двойственного числа с формой род. ед. в части слов (в словах с неподвижным ударением), в связи с утратой самой категории двойственного числа, привело к синтаксическому употреблению после числительных 2—4 формы род. пад. ед. числа: два *городá, топорá, три городá, топорá*; замена словоупотребления *два, три городá* словоупотреблением *два, три города* привела к тому, что, во-первых, такие сочетания, как *два, три городá*, исчезли совсем, во-вторых, форма *городá* получила значение мн. числа. С предложенным объяснением согласно то, что слова с неподвижным ударением не могут образовать мн. на *-а* (ибо в них форма на *-а*, по происхождению форма двойственного числа, была по звуку¹ тождественна с формой род. пад.).

Слова, имеющие окончание *-á* в им. мн., распределяю по следующим трем группам:

1. Слова двусложные или трехсложные вследствие полногласия: *боров, берег (брег), бок, ворох, год, город, век, ветер, дом, желоб, глаз, короб, голос, край, луг, лес, мех, рог, снег, стог, терем, хлеб, цвет*. Быть может, сюда же *хлева́* (как у Востокова); также употребительны *разá, волосá, возá*.

2. Слова трехсложные и многосложные; в них ударение, вероятно, перенесено с предпоследнего слога, гласная которого (краткая или прерывисто-долгая) не могла удержатъ на себе ударения:

жернак, поиреб, откуп, окорок, порог, поляс, вечер, повар, остров, пристав, потрох, ястреб, колокол, шлеп, образ. Востоков дает еще: *возрастá*.

3. Иноязычные слова, одновременно заимствованные и подчинившиеся аналогии указанных трехсложных слов; во всех этих словах ударение не на предпоследнем слоге:

парус, купол, сорт; корпус, шомпол, орден, ситец, паспорт, ордер; мастер, кучер, катер, кибер, вахтер, доктор, ректор, профессор и пр., мичман, флагман. Что до *офицерá*, то *офицёр* отступает от указанного правила об ударении; быть может, надо допустить в старшем языке *офи́цер*, как заимствованное из польского.

Совершенно отдельно стоит *рукава́*, так как *рукав* имеет неподвижное ударение на окончаниях; здесь видим явный остаток двойственного числа (ср. украинск. *рука́ва* с перенесенным ударением). Без сомнения, со значением двойственного числа употреблялись и слова *глаза́, рога́, бока́* как означающие парные предметы.

¹ Т. е. по месту ударяемости (при одинаковой флексии род. ед. и им.-вин. двойственного числа), (Р е д.)

Большая часть приведенных слов может образовать им. мн. на *-ы* (без ударения); вероятно, подобные формы представляют книжные образования: *стоги, снѣги, вѣхи, образы, іоды, жерновы, откупы, парусы, поясы*; это относится в особенности к иноземным, как *мастеры, профессоры, ордены*. Но особо должны быть оговорены: *рѣи* (напр. охотничьи), *хлѣбы* (с другим значением, чем *хлѣба*); о них скажу ниже. — О некоторых параллельных образованиях на *-ы* ударяемое, как *цвѣтьи, разъи, мехи*, сказано выше.

Именительный падеж множественного числа на *-ы*, не перетягивающее на себя ударение в словах с подвижным ударением. Отличить окончание *-ы*, не перетягивающее на себя ударение, от *-ы*, перетягивающего ударение, можно, конечно, только в словах с подвижным ударением. Поэтому поговорим сначала о них, а затем перенесем полученный вывод и на слова с ударением неподвижным. Сначала укажу на те слова с им. мн. на *-ы*, которые с большею или меньшею вероятностью можно признать книжными, представляющими церковнославянское или искусственное ударение, а потому не подлежащими нашему рассмотрению.

Это

гробы (ср. *гроба*), *громы, долы, домы* (ср. *дома*), *дѣбы, вѣды, грады, слѣги, вѣки* (ср. *века*), *сѣки, снѣги* (ср. *снега*), *стоги* (ср. *стога*), *цехи, годы* (ср. *года*), *рѣды, клѣбы, сорты, вѣтры*.

Остальные слова делятся на две группы:

1. Слова, означающие одушевленные предметы: *волки, бѣги, бесы, трусы, мѣты, плѣты, вѣры, дѣхи*.

2. Слова: *волосы, зубы, роги, хлѣбы, бѣки* (*руки в бѣки*).

Что до слов второй группы, то они имеют при себе и другие образования в им. мн.: *волоса* (и *волосья*), *зубья, рога, хлѣба*; последние три слова отличаются по значению от *зубы* (*зубья* у пилы), *роги* (*рога* у коровы), *хлѣбы* (*хлѣба* в поле); повидимому, множ. на *-ы* индивидуализирует их значение: *волоса, зубья, рога, хлѣба* не означают нескольких волос, зубов, рогов, хлебов, а имеют или собирательное или парное значение. И это значение слов *зубы, роги* сближает их со значением множ. в словах одушевленных. Обращаясь к окончанию *-ы* в одушевленных, видим, что выводить его из вин. мн. невозможно; этому препятствует ударение; кроме того при давнем стремлении давать в вин. мн. одушевленных форму род. мн., непонятно было бы, каким образом форма вин. мн., сравнительно редкая, могла вытеснить форму им. мн., тем более, что в ед. числе формы им. и вин. пад. отличались по форме. В виду этого принимаю, что *-ы* в *бесы, мѣты* и т. д. не есть окончание вин. мн. этих слов; *-ы* заменило окончание им. мн. *-и* под влиянием господствующего в других словах окончания *-ы* (по происхождению окончания вин. мн.); но при переносе этого окончания сохранилось древнее место ударения. Подтверждение такому объяснению, тому, что им. мн. слов, означающих одушевленные предметы, сохраняли окончание *-и* дольше, чем неодушевленных, вижу в том, что некоторые слова мужского рода сохраняют окончание *-и* до сих пор (причем переходят в другое склонение): *черти, соседи*. Что до форм, как *зуби, волосы, роги* (отсюда *роги*), *хлѣби*, то, повидимому, эти формы в известную эпоху жизни русского языка сохраняли

значение нескольких зубов, рогов, волос, хлебов, между тем как формы *зубы, волосы, хлебы* (по происхождению формы вим. мн.) означали совокупность зубов, волос или получили значение собирательное (ср. замену их через собир. *зубья, волосья*), *рога* означало пару рогов; формы *зубы, волосы, хлебы* сменились через *зубья, волосы* или *волосья, хлеба*, а *зуби, волосы, хлеби, рози* через *зубы, волосы, хлебы, роги* (ср. *дужи, волки, воры* вим. *дуси, волци, вори*).

Из того обстоятельства, что *-ы* в *бесы, трусы* и т. д. обнаруживает иное происхождение, чем *-ы* в окончании неодушевленных, можно заключить, что иное происхождение имело *-ы* и в одушевленных также с неподвижным ударением, т. е., что, напр., в *шумены, приказчики, реки, попы, мужики* — *-ы (-и)* заменило окончание им. мн. *-и*.

Родительный падеж множественного числа на *-ов (-ев)*. Обычным окончанием род. мн. при им. мн. на *-ы (-и* после *к, г, х*), на *-а* является *-ов*: *возов, волков, городов*. Поэтому отношу к рассматриваемому склонению и такие слова, как *чай, рои, края*; в род. они оканчиваются на *-ов*: *чайв, роёв, крайв*. Во всех словах с подвижным ударением *-ов* имеет на себе ударение; мы находим ударяемое *-ов* не только при формах им. мн. на *-ы (-и)*, *-а* ударяемое, но также и при им. мн. на *-ы (-и)* неударяемое: *волков, бесов, трусов* (так у Востокова; я говорю *трусов*), *богов, хлебов, рогов, зубов* и т. д. Причиной перенесения ударения на *-ов* было, как кажется, то обстоятельство, что *-ов* произносилось с долгим *о*, удлинившимся вследствие отпадения после *в* звука *ъ*: ср. указанный выше переход *каменѣе* в *каменѣе* в связи с удлинением *е*, вызванным выпадением звука *ѣ*.

Родительный падеж множественного числа без окончания. Такие формы встречаются вообще крайне редко и представляются архаизмами, остатками древней эпохи, когда именно такое образование род. мн. было обычным (древним окончанием род. мн. было *-ъ* в основах на *-о*, а окончание *-ов* свойственно основам на *-ѣ* и из них уже на почве русского языка переносилось в основы на *-о*). При этом выясняются две группы слов с таким образованием род. мн.: 1) слова, часто употребляющиеся при счете и сохраняющие древнюю форму род. мн. после числительных *пять, шесть* и т. д., а также после слов, как *несколько, много*; сюда относятся *аршин, раз, человек*; многие употребляют в род. мн. также еще форму *пуд*; в старинном языке также *алтын* (слово, вышедшее из употребления); 2) многосложные слова, означающие одушевленные предметы, лица, как: *гренадер, драгуи, кадет, солдат, турок*. Как указано выше, одушевленные сохраняли в им. мн. окончание *-и* дольше, чем неодушевленные. Быть может, окончание *-ов*, ассоциировавшееся именно с окончанием им. мн. *-ы*, не так легко проникало в слова с окончанием *-и* в им. мн. (понятно, что приведенные иностранные слова подчинились аналогии своих русских слов). Та же причина удерживала при им. мн. *волоси* (выше было указано, как долго держалась эта форма) род. мн. *волосъ* (ударение *волосъ* при *волоси* зависело от различного качества ударения на сочетании *ол*; *ол* имело ударение нисходящее, но в слоге перед выпавшими *ъ, ѣ* нисходящее ударение переходило в восходящее; ср. с этим выше: *черенья, черенья, колосья, полосья* при *черепа, череп, колос, плов*). Та же причина могла удерживать форму *глаз* при предполагаемом **глази*

(на **глази* указывают некоторые диалектические формы, как *глазѣх*, *глазѣм*, *в глазях*), существовавшую при двойственном *глазѣ*. Та же причина могла удерживать форму *сапог* при им. *сапози* (откуда *сапоги*), долго державшуюся при двойственном *сапогѣ* (ср. двойственное число от этого слова в еванг. тексте). Следовательно, та же причина может быть предположена и для *чулок* при им. **чулци* (откуда *чулки*); значение слова *чулок* позволяет допустить наличие формы двойственного **чулка* при более редком мн. **чулци*. Формы *волоси*, **глази*, *сапози*, **чулци* держались, не заменяясь формами *волосѣи*, *глазѣи*, *сапогѣи*, *чулкѣи*, так как означали собрание нескольких предметов (выделенных из совокупности или из парности волос, глаз, сапог, чулок). Таким образом значение им. мн. на *-и* в именах лиц (*соседи*, *черти*) и в таких словах, как *волоси*, *зуби*, объясняется представлением о собрании индивидуальных лиц или предметов и противопоставляется значению мн. числа, поглощающего единицы: такое значение в словах со значением неодушевленных развивалось, по видимому, только там, где существовало от них мн. число со значением собирательным или парным.

Окончание дательного, творительного, местного множественного числа. Эти окончания *-ам*, *-ами*, *-ах* заимствованы из основ женского и мужского рода на *-а*; они заменили старые окончания *-омъ*, *-ы*, *-ьхъ*. По общему правилу ударение падает на эти окончания тогда, когда ударение падает на окончание род. мн. *-ов* (см. выше при род. мн.): *богѣам*, *хлебѣам*, *волкѣам*.

Замечания о некоторых группах слов. Слова на *-ѣнок* образуют им. мн. на *-ята*. Сюда относятся те слова, которые в древнем языке оканчивались в им. ед. на *-я* и представляли во всех других падежах основу на *-ят*: древние *телл*, *поросл*, *жеребл*, *козл* и т. д. перешли в *телѣнок*, *поросѣнок*, *жеребѣнок*, *козлѣнок*; по эта новообразованная основа удерживается только в ед. числе, во мн. продолжала существовать старая основа, склонявшаяся в среднем роде: *порослята*, *реблята*, *козлята*. Понятно, что теперь и эти формы мн. числа под влиянием формы ед. числа перешли в мужеский род. Реже образования на *-енята*: *бесенята*, *чертенята*. Неправильная форма *бурята* вместо *буряты*, проникающая в газеты, обязана аналогии слов, как *ребята*, *котята*.

Замечания об отдельных словах. О формах *черти*, *соседи*, *холопи* сказано выше; о них скажем и ниже. Слово *друг* образует *друзья*, *кум* — *кумовья*, *сын* — *сыновья*; см. об этих образованиях ниже в 16-м отделе. — Там же см. образования им. мн. от *брат*, *холоп*, *сук*, *зуб*. — *Тетерев* образует *тетерева*, но в род. *тетеревей*.

15. Склонение множественного числа слов мужского рода на мягкую согласную и на отвердевшие *ш*, *ж*.

Главным отличием этого склонения от склонения основ на твердую согласную является окончание род. мн. *-ей*, между тем как в тех основах находим *-ов*.

Сюда относятся слова, принадлежавшие исконно к основам на *-ѣ* и к основам на *-јо*. Падежные окончания им. мн. *-и*, род. мн. *-ей* восходят во всех этих основах к окончаниям *-і*, *-ѣі* основ на *-і*; правда, им.

им. основ на -jo фонетически можно возвести и к старой форме им. мн. основ на -jo: *кони, ключи*, но не забудем, что *ключи* должно было бы вытесниться формой *ключь*, т. е. старой формой вин. мн.; если такого вытеснения не произошло, то, очевидно, под влиянием основ на -i: *ключь* заменено через *ключи* под влиянием *пути, взводи, пошти* и т. д.; или *ключь* не вытеснило *ключи*, так как окончание -и в *ключи* отождествлено было с окончанием -и (по происхождению вин. мн.) слов, как *пути, взводи, пошти*. На тождество окончаний -и в *ключи* и -и в *пути* указывает и наличие при *ключи* формы род. мн. *ключей*, явившейся вместо старой формы *ключь*. Так же точно им. мн. *черти, соседи, холопы* не вытеснено через *черты, соседы, холопы* под влиянием отождествления их окончания -и с окончанием -и в *гуси, люди, гости*; ср. новообразования *чертей, соседей, холопей*.

Итак, в рассматриваемом склонении обнаруживаются следующие окончания: им. мн. -и (-ы), -а; род. мн. -ей; дат. мн. -ам; твор. -ами; местн. -ах. Вин. пад. сходствует с именительным, но, как мы знаем, в словах, означающих одушевленные предметы, с родительным.

В отношении к ударению рассматриваемые формы мн. числа распадаются на группы: 1) неподвижные с ударением на окончании или корне при им. мн. на -и, 2) подвижные при им. мн. на -и или -а. Подвижность ударения второй группы выражается в том, что род., дат., твор. и местн. мн. переносят его на окончание, между тем как в им. оно падает на корень. Мы видели, что в основах на твердую согласную -ы обыкновенно перетягивает на себя ударение в словах с подвижным ударением; напротив, окончание -и в основах на мягкую согласную никогда ударения на себя не перетягивает; это свидетельствует о совершенно различном морфологическом происхождении окончаний -ы и -и; ошибочно было бы утверждать, что в *ключи* то же окончание, что в *топоры* и различающееся от него только вследствие положения после мягкой согласной. Замечательно, что слово *коть*, исконно с неподвижным ударением на окончании, переносит его в им. мн.: *коти*; очевидно, здесь сказалось влияние слов, как *гости, гуси, лебеди* и т. д. В группе слов с неподвижным ударением большинство слов имеет ударение на окончании; исключение составляют некоторые слова на -ич (*Ивановичи*, название местности *Боровичи*) и -иц, как *товариц, государь, родители, камни*. Рассмотрю отдельно окончания и сделаю при этом еще несколько замечаний об ударении.

Именительный множественного на -и, никогда не переносящее на себя ударение. В словах с неподвижным ударением: 1) *лучи, мечи, бичи, богачи, клещи, плащи, пожи, чижь, ковши, торгашь, корабль, кисель, псарь, олтари, богатыри, угри, караси, дожди*; 2) *товариц, государь, поповичи*, сюда же *соседи, холопы*. В словах с подвижным ударением (ср. ниже при окончании род. мн.): *голуби, овощи* (но у Востокова *овощь*, с неподвижным ударением), *гости, лебеди, люди*, сюда же *черти*. То обстоятельство, что слова на -ь не образуют им. мн. на -а, быть может, служит указанием на то, что в окончании -и частью сохранилось старое окончание им. -виц двойственного от основ на -i: *два, три нараси* вызывало сохранение формы *караси* во мн., ибо рядом в течение долгого времени не существовало соединения *два, три нарася*. Под влиянием основ на -i

это окончание переносилось в основы на -jo. Ср. *два рубли* вместо *два рубля*.

Именительный множественного на -а, переносящее на себя ударение. Сюда относятся преимущественно слова заимствованные, подчинившиеся аналогии слов с основой на твердую согласную. Это слова на -тель книжного, церковнославянского происхождения: *учителя, смотрителя*; слова на -арь, заимствованные с польского: *лекаря, писаря*; слова *тополь, якорь*; слова на -ель: *вексель, вензель, крендель, пёдель, дупель, штемпель, флигель*; слово *егерь*. — Что до слова *сторожá*, то, повидному, оно заменило старшее *сторо́жа* под влиянием слов, как *мужья, князья*.

Родительный множественного числа. Окончание -ей в словах с неподвижным ударением: *путей, плащей, ключей, голышей, кораблей, госудáрей, родíteлей*. Окончание -ей в словах с подвижным ударением имеет ударение всегда на себе. Перечислю эти слова.

Им. пад. мн. числа на -и неударяемое: *голубь, воздь, гость, груздь, гусь, зять (?)*, *зверь, лебедь, лапоть, коготь, кóзырь, корень, локоть, окунь, омуль, поготь, перстень, соболь, тать, уголь, угорь, овощ, муж, червь*. — Кроме *муж* и *овощ* — это все исконные основы на *ї*.

Причина переноса — образование сочетания -ѣї с -ѣ сильным; ср. перенос ударения на -ов из -овѣ.

Дательный, творительный, местный множественного числа. Окончания -ам, -ами, -ах всегда имеют на себе ударение в словах с подвижным ударением: *голубьям, погтями*. Ср. сказанное выше об ударении этих окончаний в основах на твердую согласную.

Замечания об отдельных словах. Слово *день* кроме *дней* образует форму род. мн. *дѣн*, редко употребляемую в литер. наречии: *полдни — полдѣн*.

Муж, зять, князь образуют *мужья, зятья, зятевья, князья; воздь — воздья*, см. об этих словах в следующем отделе.

16. Склонение множественного числа слов, оканчивающихся в именительном множественного на -ья.

Окончание -ья в имен. мн. двоякого происхождения. В словах, означающих одушевленные предметы, точнее лица, это окончание восходит к окончанию им. ед. женского рода собирательных; слово *братья* в старом языке склонялось в ед. числе: вин. — *братью*, род. — *брать* и т. д.; ср. слово *братья* (монастырская *братья*) и в современном языке. Сюда относятся им. мн. *братья, холопья, мужья, друзья, князья, зятья, зятевья, сыновья, кумовья*. Совершенно ясно, что *друзья* заменило древнее *дружья*, известное в памятниках, под влиянием формы им. мн. *дрѣзи*; также *князья* вместо *княжья* под влиянием *князи*. Поэтому можно думать, что *зятевья, сыновья, кумовья* заменили *зятья, *кумья, *сынья* под влиянием форм им. мн. *зятеве, сынове, кумове*. Таким образом им. мн. на -ья имеют как слова с основой на твердую согласную (при них также -овья), так и с основой на мягкую согласную (при них также -евья). Слова с неподвижною по ударению основой не переносят ударения на -ья:

братья, холопья; напротив, слова с подвижною по ударению основной переносят его на окончание: *мужья, зья, друзья, князья, сыновья, кумовья*; различие в ударении слов, как *братья* и *зья*, восходит еще к той эпохе, когда эти слова означали им. пад. женского рода.

В словах, означающих неодушевленные предметы, *-ья* восходит к окончанию им. ед. собирательных среднего рода; окончание это звучало *-ье*, но неударяемое *-е* в конце слова фонетически перешло в *-а* (ср. *меня* вместо *мене*, переход *е* в *емя*, *татарове* в *татаровля*); слова, как *листья, взвозье*, склонялись некогда в ед. числе: род. *листья*, дат. *листью*; но, когда им. *листья* перешло в *листья*, его окончание *-а* стало вызывать представление о мн. числе: ассоциации им. мн. *листья* с *лист* не препятствовал мужеский род этого последнего слова, ибо подобная ассоциация уже существовала в случаях, как *братья* — *брат*, *холопья* — *холоп*. Возможно, что *листья* сменялось и сменялось бы совсем через *листья*, если бы не влияние слов, как *перья, деревья*, среднего рода. О существовании ед. числа *листья, взвозье, камень* и т. д. свидетельствуют не только памятники, но и современные северновеликорусские говоры (*листья, взвозье*). Перечислю формы им. мн. на *-ья* от слов со значением неодушевленных:

1. Двусложные с неподвижным ударением в ед. и мн. числе (на корне или окончаниях): *кол, блок, крюк, лист, сук, взвозь, — стул, струн, брус, клин*.

Двусложные с подвижным ударением в ед. и мн. числе: *зуб, ком, луб, прут*.

2. Трехсложные, исконно двусложные, с подвижным ударением: *колос, полоз, череп, черек*; сюда же *уголь*.

Трехсложные с неподвижным ударением: *волдырь, пузырь, пупырь, батог, — кочан, камень*.

Трехсложные с подвижным ударением: *обод, корень, лоскут*.

Итак, приведенные формы образуются как от слов с основой на твердую согласную, так и от слов на мягкую согласную. Ударение никогда не падает на *-ья*, оно падает на слог перед *-ья*; поэтому в двусложных оно ложится на первый слог, а в трехсложных на предпоследний (но *уголья*); в словах, как *обдыля, коренья, каменья*, явный перенос ударения на удлинившийся слог вследствие выпадения за ним в следующем слоге *ь*; слово *камень*, имеющее неподвижное ударение (ср. род. мн. *ка́мней*), все-таки представляет такой перенос; в слове *уголья* ударение падает не на последний слог потому, что *уголья* восходит к древнему *у́льје*; в словах *колбья, черенья* имеем другое ударение, чем в *кóлос, череп*, в зависимости от подобного же процесса, а именно наличности в следующем слоге ослабленного звука, ср. ударение род. мн. *волс* при род. ед. *волоса*. Только *-ья*: *стулья, колосья*. При *листья* находим *листья* в другом употреблении, с другим значением; *листья* при *листья* ср. *зубы, волосы* (следовательно, *-и* заменило здесь *-и*, старое окончание им. мн.); при *крючья* — *крюки*, при *взвозья* — *взвози*, при *уголья* — *у́гли*, при *коренья* — *корни* (в другом значении), при *клячья* — *кляки* (в другом значении), при *колья* — *колы* (в другом значении), при *зубья* — *зубы* (в другом значении)

и т. д. Востоков замечает: «когда говорят о предметах в отдельности, как об единицах, тогда употребляют правильное окончание: *струны, батогы, крюки, камки, корни*; когда же рассматривают предметы в совокупности, как собрание единиц, тогда употребляют окончание на -ья: *струнья, батожья, крючья, камняя, коренья*».

Склонение слов, оканчивающихся в им. мн. на -ья, распадается на две группы: в первую, обнимающую как исконные собирательные женского рода, так и собирательные среднего рода, входят все те слова, которые оканчиваются на неударяемое -ья; в род. пад. мн. они имеют -ев: *братья — братьев, сучья — сучьев, каменья — каменьев*; во вторую, обнимающую только собирательные женского рода, входят слова, которые оканчиваются на ударяемое -ья; в род. пад. мн. они имеют -ей: *мужья — мужей, друзья — друзей, сыновья — сыновей*. Таким образом, первая группа примыкает к словам с основой на твердую согласную, а вторая к основам на мягкую согласную. Повидимому, причина дифференциации следующая: при им. мн. на -ья (-ja) возникал род. мн. -jev потому, что такое окончание являлось и при форме им. мн. на -ьи (-ji): *краснобаи — краснобаев, горностаи — горностаев*; вообще окончание -ей не являлось после j; причиной этому было то, что в словах с основой на -ї не было таких, которые перед -ї имели j, следовательно, представляли р. мн. -jei; поэтому при *боји, горностаји* являлись формы *боюв, горностаев*; и так же при им. мн. м. р. *братья* являлось *братьев*. Между тем в ряде слов на -ья с новой формой им. мн. ассоциировалась форма род. мн. на -ей, которая принадлежала к старому склонению с им. мн. на -и: так, при *мужья* род. мн. был *мужей*, относящийся собственно к им. мн. *мужи* (и заменивший форму *мужь*, когда *мужи* ассоциировалось с *гости, тати*), при *друзья* род. мн. *друзей*, относящийся собственно к им. мн. *друзи* (ср. новообразование *чертей, холопей* при *черти, холопи*), при *зятья* — *зятьей*, при *князя* — *князей*; под влиянием таких слов и новообразования *кумовья, сыновья, зятевья* получили при себе новообразованные формы род. мн. *сыновей, зятевей*; но также являются и формы на -ев: *кумовьев, зятьев* (ср. ниже *шурьев*). — Что до прочих падежей мн. числа, то в основании их была положена основа им. мн.: поэтому *братьями, сучьями, друзьями, сыновьями*.

17. Склонение множественного числа слов, представляющих в единственном числе основу на -ин.

В единственном числе слова на -ин, означающие лица мужского пола, склоняются как все вообще основы мужского рода на твердую согласную: *боярин, боярина* и т. д. Но во мн. числе окончание -ин откидывается, не является; причиной этого то, что суффикс -ин имел значение единичности, ср. -ин в *один, ин- в инок, иноходец*. Таким образом, для образования мн. числа служила сокращенная основа, основа на согласную. В древнем языке основы на согласную получали особые, свойственные именно им, окончания: им. мн. -е, род. мн. -и; прочие падежи исконно образовывались или по основам на -ї, или по основам на -о. Современный язык сохранил эти старые формы в значительной части относящихся сюда слов; *мещи-*

нии — *мещане, мещан, мещанам, мещанами, мещанах* (последние формы по склонению на *-а*, вследствие общего перенесения окончаний основ на *-а* в основы на *-о*). При основах на *-ити* явились новообразованные формы мн. числа на *-итяне*, собственно образованные при формах ед. *-итянии*: *москвитии* и *москвитянии* — *москвитяне, тверитии* и *тверитянии* — *тверитяне*. Но в некоторых словах окончание *-е*, фонетически переходившее в *-а* (ср. сказанное выше относительно *листья, меня, еся*), получало затем (перед этим *-а*) отвердевшую согласную под влиянием, конечно, твердости согласной во всех прочих надежах мн. числа; так, вместо *бояре, татаре, баре*, откуда *бояря, баря, татаря*, являлось произношение *бояра, бара, татара*. Окончание *-а* сменилось окончанием *-ы*, напр. в *болгары, татары*. В род. мн. не явилось новообразования на *-ов* по той общей причине, что *-ов* являлось только там, где форма род. мн. совпадала с формой им. ед. Приведу ряд относящихся сюда основ: основы на *-ан*: *мещане, дворяне, римляне, крестьяне, магометане, мусульмане, цыгане, египтяне*; основы на *-ар* с окончанием *-аре*: *бояре, татаре, болгаре* (форма устаревшая); с окончанием *-ара*: *татара, бояра, бара* (также малоупотребительные формы); с окончанием *-ары*: *татары, болгары*. Сюда же относятся им. мн. *хозяева* при *хозяин*; *хозяева* вместо **хозяевя*, а это из **хозяеве* с окончанием им. мн. *-еве* (ср. предположенное выше *зятеве*, вошедшее в состав *зятьевья*).

Особую группу образуют те слова на *-ин*, которые во мн. числе представляли исконные слова собирательные. Прежде всего сюда относятся *господин* — *господá, госпóд, господа́м*; слово *господá* по происхождению собирательное женского рода (род. — *господы*, вин. — *господу*); склонение *господá, госпóд* явилось в связи с переходом других собирательных женского рода в формы мн. числа, ср. указанные выше: *мужья, зятья, сторожа*; форма род. мн. *господ*, не *господов*, доказывает, что здесь не было влияния со стороны образований, как *городá* — *городов*; *господ* не сменилось формой *господов* под влиянием слов как *бояр, мещан* и т. д.; *господ* так относится к *господин*, как *мещан* к *мещанин*. Также при *шурин* является *шурья*, также форма ед. числа с собирательным значением по своему происхождению (род. — *шурьи*, вин. — *шурью*); *шурья* имеет при себе род. мн. *шурьёв*, не *шурей*; очевидно, что здесь почему-то не сказалося влияние слов, как *друзья* — *друзей*. Слова *русин, литвин, мордвин* имеют при себе собирательные *Русь, Литва, Мордва*. Слова *сербин, турчин, немчин* (теперь уже устаревшие) имеют при себе мн. ч.: *сербы, турки, немцы*.

Некоторые книжные слова на *-ин* образуют им. мн. на *-ины*: *воины, властелины*. Также искусственно: *русины*. — *Цыганы* ведет к им. ед. *цыган*, а *цыгане* относится к *цыганин*; равным образом *молокане* относится к *молоканин*, а при им. ед. *молокан* можно ждать *молоканы*.

18. Склонение слов женского рода на *и, ж* и на мягкую согласную.

Относящиеся сюда основы восходят к исконным основам на *-й*, а также к основам на согласную *-г* и к основам на *-й* (*-тъ*). Звуки *и* и *ж* твердые восходят к исконным мягким *ш* и *ж*. Падежные

окончания восходят все к старому склонению. Окончания эти следующие: род. ед. -и, дат. -и, твор. -ью, местн. -и, вин. пад. совпадает с им.; им. мн. -и, род. мн. -ей, дат. мн. -ам, твор. -ами (реже -ми), местн. -ах, вин. мн. -и.

Основы на исконное -ег отличаются тем, что основу -ег представляют во всех падежах, кроме им. и вин., где является более краткая основа на предшествующую звукам ег' согласную: *мат'*, *доц'*, род. *матери*, дат. *матери* и т. д. Основы женского рода на мягкую согласную могут иметь или неподвижное ударение (всегда на корне, не на окончаниях), или подвижное; к первым относятся, напр., *медь*, *нить*, *сладость*, *юность*; ко вторым, напр., *грязь*, *лошадь*, *кровь*, *мать*.

Замечания об отдельных падежах. В твор. пад. является окончание -ју из древнего -ѣју; в связи с выпадением ѣ стоит то, что основы, имеющие в слоге перед окончанием ѣ (или ъ), заменяют его через о: *вои*, *вошью* (при *вши*), *церковь*, *церковью* (при *церкви*). Вместо -ју является -ей, заимствованное из склонения основ на -а, в словах *басней*, *песней*, следовательно, -сней вм. -снју; но -знју сохраняется, не заменяясь через -зней, напр. *жизнью*, *казнью* (произносится почти *жизню*, *казню* или *жизнью*, *казню* с долгим и).

Окончание местн. ед. -и исконно отличалось от окончаний -и род. и дат. качеством долготы: в местн. ед. -и имело длительную долготу, а в род. и дат. прерывистую. Вследствие этого в словах с подвижным ударением оно переносилось на окончание местн. пад., оставаясь на основе в род. и дат. Как можно заключить из современного литер. языка, а также из того, что сказано было нами раньше об ударении местн. ед. муж. рода, в общеславянском языке ударение переносилось в местн. пад. с окончания на основу под влиянием ударения других падежей ед. числа; но перенесение это задерживалось при одном сопровождающем условии: когда форма местного падежа находилась в положении за предлогами *въ* и *на*, она удерживала старое ударение. Поэтому в современном русском языке старое окончательное ударение в словах с подвижным ударением является в местн. ед. только после предлогов *в* и *на*; те же слова после предлогов *при*, *о* имеют ударение на корне. Перечислю слова с перенесенным ударением в местн. ед. после предлогов *в* и *на*: *бровь*, *ветвь*, *горсть*, *грязь*, *глушь*, *грудь*, *десть*, *дробь*, *дверь*, *кровь*, *корь*, *кость*, *клеть*, *ночь*, *мель*, *ось*, *печь*, *пыль*, *плоть*, *речь*, *сеть*, *связь*, *тень*, *Тверь*, *шерсть*, *степь*, *цепь*, *часть*. Кроме того: *лошадь*, *площадь*. Кроме того — *взаперти*.

Замечу при этом, что известно и произношение в *речи*¹, в *части*¹ (но непременно в *части*, когда *часть* употребляется вместо *участок*); на *лошади*, на *площади* употребительнее, чем на *лошадѣ*¹, *площадѣ*¹. Но только в *пыли*, в *грязи*, на *грудѣ*, в *кровѣ*, в *корѣ*, в *глуши*, на *мели*, в *Тверѣ*, в *степѣ* (рядом: *о пыли*¹, *о грязи*¹). Что до предлога *при*, то в моем произношении и он может требовать после себя ударения, но в редких случаях: при *грудѣ*¹; по Востокову *при* оказы-

¹ Ударение в рукописи не обозначено. (Р е д.)

вает на форму местного падежа такое же влияние, что предлоги *в* и *на*. В моем произношении предлоги *в* и *на* часто не требуют за собой формы местного падежа с ударением на окончании, когда отделены от этой формы определяющим словом: *в моей крови*¹, *на слоновой кости*¹, *в мытой шерсти*¹, *на железной бочке*¹; но — *в моей груди*¹, *в этой пыли, грязи*. — Слова *вервь*, *зыбь*, *жердь*, *масть*, *трость*, показанные Востоковым как переносящие ударение в местн. пад., в моем произношении его не переносят. Ясно, что в древности подобный перенос был обычнее, чем теперь: так, напр., ряд слов с подвижным ударением, доказанным для род. мн., не переносят ударения в местном ед.: *треть*, *соль*, *весь*, *сласть*, *вещь*, *власть*, *страсть*, *волость*, *новость*, *должность* и др., впрочем, часть случаев, где имеется перенос ударения в род. мн., обязана позднему перенесению; но такие слова, как *соль* или *волость*, исконно подвижны в отношении к ударению.

Окончанием род. мн. является *-ей*; только одно слово *сажень* имеет при *саженей* также и форму *сажен*, *сажень*, вероятно, восходящую к основе на *-а*. Окончание *-ей* принимает на себя почти всегда ударение в силу очевидно отмеченного выше закона, по которому еще в общерусском языке перетягивали на себя ударение удлинившиеся вследствие отпадения за ними *ъ* и *ь* слоги: итак, *бровей*, *ветвей*, *грудей*, *частей* и также *солей*, *вестей*, *помочей*, *вещей*, *волостей*, *новостей*, *крепостей*, *мышей*, *сластей*, *кистей*, *смертей* и т. д., равным образом *матерей*, *дочерей*, *церквей*. Не переносят ударения лишь несколько слов, повидимому, редко употребляющихся во мн., как *жизнь*, *сладость*, *болезнь*, *пажить*, *горесть*, *участь*, *нить*, *радость*. Слово *свекровь*, кажется, обычно не переносит ударения (*постелей* к *постеля*, *басней* к *бася*).

Окончания дат., тв., местн. на *-ам*, *-ами*, *-ах*² перетягивают на себя ударение, следуя при этом ударению род. мн.: *волостям*, *волостями*, *новостям*, но *горестям* и т. д. Некоторые слова сохранили старое окончание тв. мн. на *-ми* (из *-ьми*): *плетями*, *лошадьми*, *дверьми*, *дочерьми*; *костями* только в выражении: *лечь ностьюми*.

Замечания об отдельных словах. Только во мн. числе употребляются: *цусли*, *дрожди*, *отруби*, *саи*, *сеи*. — Слово *церковь* сохраняет в дат., твор., местн. мн. древнюю параллельную основу *церква-*: *церквам*, *церквами*, *церквах*; впрочем, известны и образования *церквям*, *церквях*. Востоков указывает на *свекровам*, но обычно, кажется, *свекровлям*. — Слово *щель* имеет во мн. не только *щели*, но и *щелья* (из старого собирательного *щелье*), но в других падежах, кажется, только *щелей*, *щельям*. — Мн. *дети*, *детей* получило значение среднего рода под влиянием ед. *дитя*; множ. *очи*, *очей*, *уши*, *ушей* также под влиянием *око*, *ухо*. Множ. *слъни* является при ед. *слоня*. Слово *сажень* имеет во множ. *саженя*, а в род. мн. *сажен*.

¹ Ударение в рукописи не обозначено. (Р е д.)

² После «ах» в рукописи следовало «всегда», зачеркнутое карандашом. (Р е д.)

19. Склонение слов женского и мужского рода на -а.

Относящиеся сюда основы восходят к исконным основам на *-ā* и *-jā*; слова, как *рана* и *баня* (в случаях, как *душа*, *кожа*, *девица*, отвердели согласные исконно мягкие *ш*, *ж*, *ц*), отличались раньше в склонении своими падежными окончаниями; но теперь они совпали в одном склонении, причем перевес получили окончания твердых основ. Впрочем, фонетические причины требуют замены некоторых звуков, известных только после твердых согласных, другими соответствующими звуками.

Окончания падежей следующие: род. ед. *-ы* (а после мягких согласных *-и*), дат. *-е* (из *ь*), вин. *-у*, местн. *-е* (из *ь*), твор. *-ой* (после мягких согласных *-ої*), а в неударяемых слогах *-аї* (после мягких согласных *-еї*). Им. мн. *-ы* (а после мягких согласных *-и*), род. мн. не имеет окончания (старая форма оканчивалась на *ъ*), а в некоторых основах с мягкой согласной или с *ж*, *ш* перед окончаниями *-ей*, вин. мн. *-ы* (после мягких согласных *-и*), дат., твор., местн. *-ам*, *-ами*, *-ах*.

Обосложненный беглою гласною *о* или *е* вид основы является в форме род. множественного. Сюда относятся многие основы, которые перед окончаниями имеют две согласные, причем в части таких основ между согласными в древнем языке находились звуки *ъ* или *ь*. Так, находим род. мн. *князѣи*, *кѣпѣи*, *сѣсѣи* (древнее *гонз*), *царевѣи*, *гри-вѣи*, *тяжебѣи*, *судѣбѣи*, *свадебѣи*; *спалѣи*, *вечерѣи*, *сѣсѣи*, *песѣи*, *деревѣи*, *шол*, *кукол*, *лѣтел*, *сабель* (др. *сабѣль*), *земель* (др. *земѣль*), *кровель* (др. *кравѣль*), *капель* (др. *капѣль*), *сестѣр* (др. *сѣтрѣз*), *овец*, *денег*, *серѣг*, *сѣмог*, *розог* (др. *розгз*), *досѣк* (др. *дзѣкз*), *ручек*, *пожѣк*, *кошек*, *пѣлек* и т. д. В соответствии с сочетанием *ї* + согласная находим *їе*: *бѣеи*, *саек*, *пострѣк*, *коек*, *воен*. Повидимому, при *тяжебѣи*, *свадебѣи* обычны *тяжебѣи*, *свадебѣи*.

Особо стоят слова на *-ја* после согласной; в род. мн. перед окончанием *-ї* (окончанием основы теперешнего слова) является звук *е*: *сѣмей*, *свинѣи*, *судѣи*. Также *мѣлней*, но обычное правописание требует *молнїи*. Впрочем, в им. пад. имеем не двусложное *молнїа*, а трехсложное *молнїа* в книжном произношении (?). Книжными являются и формы имен на *-ия* как *Сѣфія*, *Евѣнїя*; с ударением на *и*: *Марїа*.

Конечная согласная основы *н'* мягкое отвердевает в форме род. мн., напр., *кухон*, *барышен*, *башен*, но, как мы видели, только в неударяемом слоге; между тем в ударяемом *н* мягкое сохраняется: *деревен'*, *бан'*. Слово *петля* образует в род. не только *петель*, но и *петел*.

Слова на *-а* имеют исконно подвижные и неподвижные в отношении к ударению основы. Подвижность зависит от того, что некоторые из окончаний имели длительную долготу, перетягивающую на себя ударение с предшествующей краткой или прерывисто-долгой гласной. Такими окончаниями были *-ā* им. ед., *-āшъ*, *-āмі*, *-āхъ* в дат., твор., местн., *-ъ* в местном и отождествившем свое окончание с ним дат.; кроме того перетягивали на себя ударение (под влиянием разных причин) окончания род. ед. *-у* и твор. ед. *-ојо* (откуда *-оју*, *-ої*). Не переносят на себя ударение окончания *-о* (откуда *-и*) в вин. ед., окончания *-у* в им.-вин. мн. и *-ъ* в род. мн. Таким образом, в современном языке

только формы вин. ед., им.-вин. мн. в словах с подвижным ударением сохраняют старое место ударения; что до род. мн., то его ударение по общему правилу стоит на старом месте только в словах двусложных, а в трехсложных оно переносится на предпоследний слог (см. ниже). При этих четырех падежных формах мы и приведем основы с подвижным ударением. Впрочем, влияние им.-вин. мн. числа сказалось и на ударении дат., твор., местн.: оно во многих словах переносится с окончания на основу.

Родительный падеж. Исконными окончаниями были *-ы* в положении после твердой согласной и *-ь* после мягкой; это последнее окончание уступило место окончанию *-и*, явившемуся в соответствии с *-ы* после твердой согласной. Чередование *бани* — *бань*, *души* — *душь*, явившееся следствием этого (и закончившееся вытеснением форм *бань*, *душь*), вызвало в свое время формы на *-ь* и в положении после твердой согласной: *у жень*, *от избь*; до сих пор формы на *-е* (из *ь*) держатся в говоре лиц, употребляющих литературное наречье: ср. *у Софье*, *у Лизе* (и *у Лизи*), *у Марье*.

Дательный падеж. Исконными окончаниями были *-ь* после твердой согласной и *-и* после мягкой; последнее окончание вытеснено. В именах женского рода на *-ия* так же, как в иностранных словах на *-ия*, держится окончание *-и*: *к Марии*, *администрации*, *агонии*.

Исконно *-ь* в дат. ед. не перетягивало на себя ударение, перетянуло оно его на себя под влиянием местного и родительного. Старое место ударения сохранилось в диалектическом, но не чуждом литературному языку произношении: *к стѣне*, *к зѣме*.

Винительный падеж. Слова с подвижным ударением по общему правилу сохраняют ударение в форме вин. пад. на основе. При этом видим две группы слов: в первой не допускается ударения на окончании, во второй такое ударение допускается, причем вероятно думать, что перенос ударения на окончание явление новое, вызванное аналогией, влиянием других падежей.

1. *Зѣму*, *спѣну*, *стѣну*, *цѣну*, *зору*, *косу*, *пору*, *воду*, *среду* (день недели), *дѣшу*, *ношу*, *рѣку*, *строку*, *щѣку*, *соху*, *зѣмлю*¹, *доску*, — *голову*, *оборону*, *сторону*, *оброду*, *оброду*, *сѣреду*, *жѣлезу*, *полосу*, — *сковороду*.

2. *Гѣбу*, *избу*, *стопу*, *золу*, *пѣлу*, *пору*, *осу*, *росу*, *блѣху*, *крѣху*, *зѣрю*, *рѣку*, *траву*, *косу*, *свинью*, *сѣмью*, *овцу* (я говорю *рѣку*, могу сказать: *избу*, *золу*, бьют *зору*, но в остальных случаях имею ударение на окончании).

Слова *нужда*, *грядá*, *корá*, *скалá*, *смола*, *руда*, *семья* известны мне только с ударением на *у* в винительном. Востоков указывает на *нѣжду*, *гряду* и т. д. *Весна* имеет *веснѣ*, но встречается и *в вѣсну*.

Творительный падеж рядом со старым окончанием *-ю*, *-ю* получил еще в древнерусском языке *-ой*, *-ей*; в настоящее время эти новые окончания, явившиеся в силу стремления сделать форму твор. пад. равносложною с формами всех остальных падежей, окончательно вытеснили старые, оставшиеся только на письме. Понятно, что наше письменное *-ей* изображает *ei*, восходящее не к старому *-ei* (*-eiu*), а

¹ Ударение в рукописи не обозначено. (Р е д.)

к *-аі* из старшего *-оі* (*-оіу*); *бан'оі* (откуда *бан'ей*) вместо *банейу*, ср. *душоі* вместо *душеју*, *земл'оі* вместо *земл'ейу*.

Местный падеж представляет то же окончание, что дат. В словах на *-ия* держится и здесь в книжном языке окончание *-и*: в *конференции*, *аудитории*, в *Софии*.

Именительный падеж множественного числа и тождественный с ним вин. пад. в основах на твердую согласную сохранили старое окончание *-ы*; ему соответствует окончание *-и* в основах на мягкую согласную: это *-и* заменило под влиянием *-ы* старое окончание *-ь*: *земли*, *души* вместо *земль*, *душь* (как звучали эти формы в древнерусском, что видно из памятников и из украинских форм *землі*, *душі*). Общим, как кажется, правилом можно признать, что окончание *-ы* (*-и*) в современном языке не имеет на себе ударения; поэтому мы не находим ударения на этом окончании не только в словах со старым подвижным ударением, но также и в тех словах, которые, судя по окончанию ударению вин. падежа, принадлежали к исконно неподвижным по ударению словам. Следовательно, не только в словах, перечисленных выше при вин. ед. числа, как, напр., *гóry*, *зёмлі*, *рбсы*, *свйны*, *пфуды*, *скáлы* и т. д., но также: *лúны*, *úзды*¹, *слёзы*, *пíлы*, *скúлы*, *свёчи*, *скóбы*, *дýры*, *стóпы*, *сёрғы*, *вбжжси*, *сбпли*, *пóздри*, *тёрьмы*¹, *ылы*, *слúги*, *сёртры*, *сбвы*, *мёжи*¹ и т. д. Исключения из общего правила редки; можно указать на несколько слов, уже по самому своему значению чрезвычайно редко употребляющихся во мн. числе, как, напр., *судьбы* (при *судьбы*), *толпы*, *парчи*, *четверни*, *долби*, *клеши*, далее слова мужского рода *пашы*, *ханжы*. Трехсложные и многосложные слова, переносящие ударение в вин. падеже ед. на первый слог, переносят его также и в им. мн.: *гóловы*, *бóроны*, *скóвороды* и т. д.; сюда же употребляющиеся только во мн.: *пóхороны* (ср. *похоронáм*). Остальные трехсложные имеют ударение на предпоследнем слоге: *высóты*, *сирóты* (но есть и *сёроты*), *тягóты*, *пастíлы*, *длиниóты*, *седíны*, *стрекóзы*.

Родительный множественного числа в нескольких словах на *-а* с предшествующею мягкою (или отвердевшею) согласною получает окончание *-ей*. Сюда относятся, во-первых, слова с ударением на окончании, как-то: *свечá* (но и *свечи*), *заря́* (*зарей* и *зарь?*), *стезя́*, *межá* (и *меж*), *паша*, *ханжа*, *вожжа*, *парча*, *клешия*, *долбия*, *четверня*, *поздря*, *сопля́*; во-вторых, слова на неударяемое *-а*, которому предшествует группа согласных, как-то: *притча*, *толща*, *вёрша*, *векша*, *распря*, *букля*, *басия*, *песня*, *розля*, *пётля* (*пётлей* и *пётель*), но *капель*; *туфля* образует: *туфлей* и *туфель*. Особо стоят слова, в именительном оканчивающиеся на неударяемое *-а*, а в род. мн. переносящие его на окончание *-ей*; сюда относятся: *топя* (*топей* и *тонь*), *доля* (*долей* и *доль*), вероятно, можно предполагать для более древнего языка *топá*, *долá*; при *пёня* находим *пёней* (но это слово устарело). Слова мужского рода, как *дядя*, *юноша*, *святоша*, *вельможя*, образуют *дядей*, *юношей*, *святошей*, *вельможей* едва ли не под влиянием слов мужского рода на *-и*, *-ей*, как *гости*, *кожи* (впрочем, чаще *вельмож*; также известно *святош*).

¹ Ударение в рукописи не обозначено. (Р е д.)

Слова на *-ья* имеют в род. мн. *-ей*: *бадей, свиней, гостей*. Но слова на *-ия* получают в книжном языке *-ий*: *музей, трагедий, келий, орхий*. Слова на *-я* после гласной оканчиваются на *-ий*: *змея, верей, колея, стай*.

Как было указано выше, многие слова имеют в род. мн. беглые гласные *е, о*, отсутствующие в других падежах: *трубок, палок, досок, рбзог, игор, шол, кукол, чухон, гривен, поповен, сосен, сотен, княжбн, копен, боен, тюрем, тляжеб, свадеб* и т. д.

Как указано выше, слова на *-ия* с предшествующею согласной имеют в род. мн. окончание *-и* твердое: *сотен, таможен, башен, кухон, барышен, вечерен, спален, боен, обеден, каменоломен*, но известно также произношение с мягким *и* (и мне оно не чуждо): *сошень, башень, вишень, барышень* (багшен'), *сплетьень, кухнюень*, у Востокова: *каменоломень*. Но при ударении на окончании *-и'* сохраняется: *деревень*.

Относительно ударения род. мн. отметим общее стремление сохранять его на последнем слоге (если ударение в им. ед. на окончании *-а*): *голуб, хлопот, полбе, сторбн, сирот, высот, борбзд, сковорбд*; во многих словах ударение падает при этом на беглую гласную: *овец, досок, земель, судбб, сюда же свиней, семей* (также: *свиней, семей*), *ножбн, княжбн, сербб, сестбб*. Формы на *-ей* имеют ударение на этом окончании, когда в им. оно падает на *-я*: *позбрбй, вожжбй, свечбй*; в словах *долбй, тонбй* видим перенос ударения, но, как указано, в древнем языке могло быть *долб, тонб*.

Но во многих случаях род. мн. получает ударение им. мн., и это, вероятно, объясняется позднейшим перенесением, зависевшим от того, что в двусложных словах односложная форма род. мн. естественно совпадала по ударению всегда с формой им. мн.: *тбрем, игол, игор, судей, гостей, свиней, семей, икор, сирот, изоб* (и *изб*) и т. д. Слово *деревиля* имеет в род. мн. *деревень* (едва ли не указывающее на параллельную форму *деревиь*). *Похорбн* — *похорбн*.

Дательный, творительный и местный падежи множ. ч. представляют старые окончания. В словах с подвижным ударением, а также с ударением неподвижным на окончаниях, формы названных падежей должны иметь ударение на *а* (*ам, ами, ах*): *горбм, ногбми, сторбнбх, полосбми, зимбм* и т. д. Но многие слова переносят ударение на тот слог, который имеет ударение в им. мн., очевидно, под влиянием ударения им. мн., что особенно ясно обнаруживается из того, что слова с исконно подвижным ударением, имевшие поэтому ударение в им. мн. не на окончании, сохраняют его в значительном числе слов в названных падежах, между тем как слова с исконно неподвижным ударением на окончаниях, переносившие его в им. мн. с окончания на корень по аналогии, весьма нередко представляют такой же перенос в названных падежах. Таким образом, в словах, переносящих ударение в дат., твор., местн. мн. с окончаний на корень, выясняются две группы: 1) слова, переносящие ударение также и в вин. ед., 2) переносящие ударение только в имен. мн.

К первой группе относятся: *земля, цена, изба, душа, оса, роса, стена, нужда, пора, среда* (день недели), *река, кроха, коза, свинья, семья, овца, спина, сковородá*. Впрочем, я знаю перенос только в *земля, душа, изба, нужда, среда, свинья, семья, овца*, употребляя, впрочем, формы с окончательным ударением после предлога *по* в случаях *по душáм, по средáм, по овцáм*.

Ко второй группе относятся: *вдова, сова, труба, жена, пчела, струна, скала, нужда, звезда, слуга, дуга*. Кроме того: *тюрьма, игла, ира, судья, изба, икра, семья*, переносящие ударение и в род. мн. (см. выше). Далее *сестра, свинья* при род. мн. *сестёр, свиный*.

Как указано выше, перенос ударения в формах дат., твор., местн. вызван влиянием формы им. мн. Замечательно, что старое ударение сохраняется во многих словах исконно подвижных и имеющих ударение не на конце в впп. пад.; таковы: *рука, нога, вода, доска, блоха* и др. Кроме того, старое ударение является в словах, редко вообще употребляющихся во мн., как *луна, узда, скоба, стопа, весна, пила*. Наконец, еще и в других словах: *слеза, свеча, возжжа, поздря, сопля, дыра, скула, серья*. Большинство слов, допускающих перенос ударения в указанных падежах, могут иметь ударение и на окончаниях: часто здесь сказывается книжное влияние; ср. в *стéнах* замечены *трещины*, но в *стенáх* *обители*; *что творится в их душáх*, но *о душáх наших*; *пойди к овцáм, к овцáм стада Христова* и т. п. Замечательно, что *plur. tantum* и употребляемые преимущественно во мн. сохраняют старое ударение: *похоронáм, поздрáм, возжжáм*.

Возможно, впрочем, что ударение *козам, слугам* и т. п. заменило *козám, слугám* не под влиянием аналогии, а фонетически; ибо вследствие отпадения *ъ* на *а* получалось такое ударение (нисходящее), которое переносилось на предшествующий слог.

Некоторые слова женского рода на *-ня, -ля* имеют при себе параллельные образования на *н', л'*: *басня* и *баснь* (поэтому и в род. мн. *басен* и *басней*), *песня* и *песнь* (род. мн. *песен* и *песней*), *туфля* и *туфель* (род. мн. *туфель* и *туфлей*), *постель* и редко *постели* (род. мн. *постель* и *постелей*). При ед. слюна является во множ. *слéни*, род. мн. *слонéй*. — При *дыра*, им. мн. *дыры* известна также форма *дырья*, по происхождению собирательное (род. мн. *дырьев*). Слово *дядя* под влиянием слов мужского рода образует во множ. *дядья*, при котором в род. мн. *дядéй, дядьéв*. При им. ед. *курица* во мн. не только *курицы*, но более обыкновенно *куры*. При *девчонка* во мн. являются: *девчата* и *девченята*.

20. Склонение слов на -о.

Склонение этих слов обнимает: 1) старые основы на -о, 2) старые основы на -jo, оканчивавшиеся в им. на -je (-е с предшествующею смягченною согласною), 3) старые основы на -os, -es, оканчивавшиеся в им. ед. исконно на -о. Что до основ на -jo, то они приняты во всех падежах окончания основ на -о на почве русского языка; и в им. пад. старое окончание -е сменилось окончанием -о; в неуда-

ряемых окончаниях это *-о*, как и всякое исконное *-о*, звучит редуцированно, как *-а*; на письме это *-а* по традиции изображается после мягких согласных, а также после отвердевших *ш, ж, ц*, буквой *е*: *сердце, ложе*; традиция до последнего времени поддерживала написания *е* вместо *о* даже под ударением: *лице, ялице*; равным образом пишется до сих пор *е* (при *ё*) в положении после буквы *ь* для изображения звуков *jo*: *ружьё* (и *ружьё*), *мытьё* (и *мытьё*). Основы на *-ос, -ес* давно уже перешли в склонение основ на *-о*; *тела, слова, небу, чуду* являются уже в древнейших русских памятниках на месте *тълесе, словесе, небеси, чудеси*. Впрочем, во мн. числе под влиянием церковной речи держатся формы, как *чудеса, небеса, словеса* (только с особым оттенком, о словах высокопарных), *тела* (в значении тучного, жирного тела).

Слова на *-о* вообще все среднего рода. Мужеского — те слова, которые обозначают: 1) лица мужеского пола, 2) животные, 3) уменьшительные и увеличительные при словах мужеского рода. Ср. *Михайло, Короленко, объедало, подмастерье, жуцкó, тедкó, воронкó; долище, долишко, чиновничшко, ворншко, плутишко, сыншко*. Впрочем, уменьшительные и увеличительные на *-о* могут получать также и средний род: *этакое сапожище, небольшое топоришко*. Слова на *-о*, означающие лица мужеского пола, могут переходить в склонение слов на *-а*, заменяя *-о* через *-а* даже в им., или образуя только косвенные падежи по указанному склонению; первый случай видим, напр., в словах, как *верзила, меняла, Михайла*; второй случай имеет место, напр., в именах на *-енко*. Впрочем, правильнее признать, что этот второй случай вызван тем, что имена на *-енко* заимствованы в великорусском языке, а потому сохраняют искусственное свое произношение и нередко совсем не склоняются.

Окончания ед. числа, кроме формы им. пад., тождественны с окончаниями имен мужеского рода на согласную. В им. находим: *-о* (под ударением), *-а* (в неударяемом положении); возможно, что рядом с *-а* надо принимать окончание *-э* в словах книжного происхождения на *-ие*: *знание, желание*. В род.: *-а* (под ударением), *-а* (в неударяемом положении). В дат.: *-и*. В вин. те же окончания, что в им.; в одушевленных мужеского рода обязательно является окончание *-у*, заимствованное из слов женского рода. В твор.: *-ом* (под ударением), *-ам* (в неударяемом положении). В местн.: *-е* (под ударением), *-е* (не под ударением), а также в словах книжных: *-и*.

Во мн. числе: *-а* (под ударением), *-а, -ы*, после мягких согласных *-и* (не под ударением), также *-я*. В род. мн. является основа без окончания, весьма редко является при этом окончание *-of* (в неударяемом положении *-af*). В дат.: *-ам* (под ударением), *-ам* (в неударяемом положении). В вин. те же окончания, что в имен., но в словах одушевленных является окончание род. мн. В твор.: *-али* (под ударением), *-ами* (в неударяемом положении). В местн.: *-ах* (под ударением), *-ах* (в неударяемом положении).

Обогащенная вставною гласною *о* или *е* основа является в форме род. пад., не принимающей согласию предыдущему окончанию; стечение согласных устраняется вставкой названных гласных,

этимологически восходящих, впрочем, в ряде случаев к гласным *э* и *ь*; ср. *о*, *е*, восходящие к *э*, *ь*, в случаях: *колѣцѣ*, *крылѣцѣ*, *сердцѣ*, *полотенцѣ*, *полотен*, *цѣмѣн*, *писем*, *брѣвен*, *пятам*, *суден*, *окон*, *сукон*, *волокон*, *домашек*; *о*, *е* вставлены между согласной и конечными *р*, *л*, и в случаях, как: *рѣбѣр* (при *рѣбр*), *ядер* (и *ядр*), *вѣдер*, *чисел*, *ремесел*, *кресел*, *вѣсел*, *сѣдел*, *зѣрен*.

Слова на *-о* имеют или подвижное, или неподвижное ударение. Подвижное ударение находим: во-первых, почти во всех словах, имеющих ударение на окончании *-о* в им. ед. (во мн. ударение переносится на предшествующий слог): *колесѣ*, *волокиѣ*, *полотиѣ*, *ремеслѣ*, *кольцѣ*, *окиѣ*, *зернѣ*, *письмѣ*, *селѣ*, *клеимѣ*, *винѣ*, *ружьѣ*, *плечѣ*, *лицѣ*, *перѣ*, *звенѣ*, *крылѣ*, *гнездѣ*, *числѣ*, *жерлѣ*, *веслѣ*, *сукнѣ*, *пятиѣ*, *цѣмнѣ*, *бревнѣ*, *стеклѣ*, *бельмѣ*, *тенетѣ* (слова *житьѣ*, *нитьѣ* и т. п. неподвижны потому, что от них вообще не употребляется множ. число). В слове *лезвѣ* ударение переносится не на предпоследний, а на третий от конца слог: *лезвелѣ*. Во-вторых, в ряде слов с ударением на начальном слоге, причем во мн. числе ударение переносится на окончания: *нѣво*, *правѣ*, *слѣво*, *дѣло*, *тѣло*, *сѣно*, *мѣло*, *сѣто*, *масло*, *лѣто*, *пѣле*, *сѣрдцѣ*, *стадо*, *чрѣво*, *нѣбо* (*небесѣ*), *чѣдо* (*чудесѣ*), *прѣсо*, *вѣйско*, *дѣрево*, *зѣркало*. При этом отметим: *дѣрево* образует не только *дерева*, но и *дерѣвья* с ударением на предпоследнем слоге; *озѣро* переносит во мн. ударение на предпоследний слог: *озѣра*, *озѣр*; *крѣжево* переносит ударение на последний слог во мн., но в род. мн. сохраняет его на начальном слоге: *кружева*, *кружевам*; но *крѣжев* (не *кружѣв*).

Неподвижно ударение, во-первых, в словах с ударением на среднем слоге: *болѣто*, *полено*, *корыто*, *копыто*, *окошкѣ*, *полотенцѣ*, *сѣлишкѣ*; во-вторых, в словах на *-ѣ* и *-ѣ* неударяемые: *жалованьѣ*, *знание*, *пение*, *прение*; в-третьих, в словах на *-ко*: *дрѣвко*, *ушкѣ*, *ошкѣ*; в-четвертых, в отдельных словах, как *лѣко*, *жѣло*, *яблоко*, *сѣлицѣ*, *правѣло*, *стойло* (но диалектически: *стоялѣ*).

Таким образом, видим, что мн. число в значительном количестве слов среднего рода отличается по ударению от ед. числа. В склонениях слов мужского и женского рода на согласную, а также в склонении слов на *-а* подвижность ударения в склонении зависела, как мы видели, от того, что ударение (обычно предпоследнего слога) переносилось на окончание, если оно имело гласную с долгою или длительною, оставалось на основе, если окончание имело гласную краткую или с долгою прерывистою. Впрочем, в склонении слов на *-а* мы видели перенос ударения с окончания им.-вин. мн. *-и*, имевшего долготу прерывистую и потому не перетягивавшего на себя ударение с предшествующего слога: *жѣны* вместо ожидаемого на основании *женѣ*, *женѣ* — *женѣ*. В склонении слов на *-о* видим, с одной стороны, перенос ударения на окончание *-а*: *сенѣ*, *летѣ*, при *сѣно*, *лѣто*; с другой, перенос ударения с окончания *-а*: *сѣла*, *числа*, при *селѣ*, *числѣ*. Показания других индоевропейских языков заставляют признать за окончанием *-а* длительную долготу; следовательно, перенос ударения в словах, как *сѣно*, *прѣсо* (имевших в предпоследнем слоге гласную прерывисто-долгую или краткую), произошел по той же причине, что и в других случаях, когда длительная долготы

окончания перетягивала на себя ударение предшествующего слога (ср. *водá*, при *вбóду*, *вбóды*; *рогá* им. двойственного при *рога* род.). Поэтому причину оттяжки ударения с окончания им.-пн. мн. -а нельзя понять иначе, как результат влияния аналогии. Попадному, слова среднего рода в им. ед. получили ударение на окончании -о под влиянием аналогии со стороны слов женского рода, имевших, как мы знаем, ударение на окончании -а (говорю о тех словах, предпоследний слог которых имел краткую или прерывисто-долгую гласную): *селó*, *перó*, вместо *сéло*, *пéро*, под влиянием *водá*, *погá*; по эти слова женского рода в им.-пн. мн. имели ударение не на окончании, а на основе, что и повело к тому, что такое же ударение получило мн. число слов среднего рода. Влияние слов женского рода на слова среднего рода было тем естественнее, что первоначально им. мн. женского рода оканчивался на -ā (из индоевропейского -ās), т. е. так же, как им. мн. среднего рода: *водá* — *vóda* вело за собой *селó* — *s.ĭla* (вместо более первоначального *сéло* — *selá*). Замечу еще, что исконное ударение на основе сохранили те слова среднего рода, которые редко или совсем не употреблялись во мн.; это доказывает, что самый перенос ударения на окончание в словах среднего рода стоял в зависимости от мн. числа, точнее от совокупного влияния ед. и мн. числа слов женского рода на склонение слов среднего рода; так, мы находим *прóсо*, *тесто*, *сено*, *пиво* (во мн. числе уже под влиянием аналогии являются как новообразования *просá*, *тестá*, *сенá*¹, *пивá*). Слова, как *дело*, *тело*, *слово*, сохранили ударение на корне потому, что множ. число при них образовывалось от другой основы: *делесá*, *словесá*, *телесá*.

Скажем несколько слов об отдельных падежных формах.

Отмечу сначала ряд слов, представляющих разные основы в ед. и мн. числе. Сюда относятся: во-первых, упомянутые уже выше *чудо* и *небо*, образующие заимствованные из книжного языка формы *чудеса* и *небеса*; во-вторых, *дéрево*, *звeнó*, *крыло*, *колeно*, *перо*, *шило* образуют *дерéвья* (диалект. *дереvá*), *звeнья*, *крылья*, *коленья* (о дудчатых составах растений или орудия), *поленья*, *перья*, *шилья*; по происхождению своему это имена собирательные; раньше они звучали, например, *деревье*, *перье* и склонялись только в ед. числе: род. *деревья*, дат. *деревью* и т. д.; но фонетическое изменение конечного неударяемого *e* в *a* повело к произношению *дерéвья*; такие формы сближались с формами, как им. мн. *кушанья*, *платья*, *одонья*, *поместья*, и получали вследствие этого значение мн. числа: ср. аналогичный переход *листье*, *зубье*, *колье* и т. д. при *листья*, *зубья*, *колья*. В-третьих, слово *ухо* образует во мн. *уши* (по происхождению форма двойственного числа); при устаревшем *око* является *очи*, употребляющееся в книжном и церковном языке; слово *колeно* имеет при себе (в значении части тела) *колени* (по происхождению форма двойственного числа), но в род. мн. употребляется не только *коленей*, в дат. *коленям* и т. д., но также *колeна*, *колeн*, *колeнам*, — последние формы значительно реже; слово

¹ Ударение в рукописи не обозначено. (Р е д.)

плечё имеет при себе плечи, но в род. мн. плеч (форма, ведущая к им. мн. плеча). В-четвертых, при ед. судно во мн. является суда, род. судбв (что ведет к форме ед. числа мужского рода суд).

Внимание! Единственного. Как указано, слова мужского рода на -о, обозначающие всегда одушевленный предмет, получают в вин. ед. или окончание род. ед. -а под влиянием слов мужского рода на твердую согласную, где вин. ед. тождествен с род., напр.: на этого подмастерья, позвать сюда подмастерья, или окончание -у, замаскированное от мужских слов на -а: за Михайлу, за этого объедалу. Впрочем, последние замена стоит в связи с переходом слов на -о в склонение слов на -а.

Местный единственного. Слова на -ье имеют в местн. ед. два окончания: -е и -и: на жалованье, в пенье, при рукобутье и рядом на жалованьи, в пеньи, при рукобутьи. Представляется более обычным употребление -и именно в словах на -анье, -енье, причем возможно, что здесь сказало влияние слов на -ание, -ение, правильно употребляющих в местном окончании -и. Мне лично свойственны формы, как — на жалованьи, в селеньи, при катаньи, но я говорю — в пенье, при рукобутье. Многие не различают звуков *i* и *e* (из *e*, *ь*) в таком положении.

Именительный множественного. Отметим, во-первых, что все слова мужского рода имеют окончание -ы (после мягких согласных -и): подмастерьи, объедалы, сапожищи, долишки. Во-вторых, по общему вообще правилу все слова с неподвижным ударением (т. е. не оттягивающие его в форме им. мн. с окончания и не переносящие его, напротив, в этой форме на окончание) имеют в им. мн. окончания -ы (-и) вместо -а; поэтому от дно — дны, от оцкб — оцкы, ушкб — ушкы, судно — судны, лыко — лыки, веко — веки, дрэвкб — дрэвки, яблбкб — яблбкы; также колёкы, сердцеки, пёрушки, окошки, крылышки; почти все приведенные примеры имеют перед окончанием -о звук *k*. В этих словах укоренилось -и вследствие того, что предшествующая окончанию мягкая согласная препятствовала вытеснению этого окончания через -а, перед которым согласная была твердая. После других согласных окончание -ы (напр. железы, жалы, солцы, полотенцы и др.) легко вытеснялось окончанием -а частью в живом произношении, частью только на письме: болота, копыта, правила; вытеснению способствовало то обстоятельство, что в род. мн. являются формы не на -ов, а формы без окончаний, устанавливающие связь соответствующих слов со словами среднего рода, как мест, лет, гнзд и т. д. В им. мн. -ья решительно держится окончание -а, быть может, под влиянием того, что такое окончание известно и в мужском роде, причем окончание -а (деревья) при -ов (деревьев) находило себе соответствие как в тождественных образованиях мужского рода (листья — листьев), так и вообще в том обстоятельстве, что, напр., при городов, домов, лесов и т. п. известны формы им. мн. города, дома, леса.

Родительный множественного. Обычны формы без окончания. Слова на -ье (т. е. -је и -ію) оканчиваются при этом на -і, а перед -і является гласная *e* (ср. *e* в случаях как писем, ядер, см. выше); так, находим при ружьё — ружей, коней. Точно так же

слова на *-ие* оканчиваются в род. мн. на *-ий*: *желаний, сидений, селений*. Некоторые слова на *-ье* имеют окончание *-ьев*: *кушаньев, вареньев, устьев, одоньев, платьев, помещьев*; это окончание перенесено, повидному, из таких случаев, как *деревья — деревьев, перья — перьев* и т. д.; здесь подобное склонение, как мы видели, возникло под влиянием мужского рода, т. е. таких случаев, как *листья — листьев, колья — кольев*. — Окончание *-ов* проникло в некоторые слова среднего рода с постоянным окончанием *-и, -ы*: *днов, очков, ушков, яблоков* (но рядом и *яблок, очок*; также *суден, лык, окошек, древок, крылышек, колечек*). — Слова мужского рода на *-о* по общему правилу получают окончание *-ов*: *подмастерьев, домишков, сынишков, людишков*; впрочем, слова на *-ище* едва ли не сохраняют свои старые формы: от этих *сапожищ*, от таких *каблучищ*. — Слова *море, поле* имеют в род. мн. *морей, полей*, очевидно, под влиянием склонения основ на *-і*; ср. твор. *полями* в старом языке, образованное от такой же основы.

21. Склонение слов среднего рода на *-а*.

Сюда относятся: 1. Слова на *-мя* с основой на *-мен*. 2. Слова на *-я* с основой на *-ят*.

1. Слова *имя, бремя, племя, семья, стремя, пламя, темя, знамя, вымя* образуют падежи ед. и мн. числа от основ *имен-, бремен-* и т. д. Слово *семья* в род. мн. представляет основу *семян-* (ср. основу *имля-* в *имляничик, племян-* в *племянник*); основа *семян-* заменила *семен-* под влиянием *семья*. Сюда же относится *письмена*, употребляющееся только во мн. числе.

Все эти основы представляют в склонении подвижное ударение, а именно оно переносится в формах мн. числа (впрочем, слова *темя, вымя* и *пламя* мн. числа не образуют): в *имля, бремя, племя, семья, стремя* ударение переносится на окончания мн. числа (*именá, семенá, стремѣнáх*); в *знамя* ударение переносится на предпоследний слог (*знамя — знамѣна*, ср. с *озеро — озѣра*).

Окончания: им. вин. ед.: *-я*, род.: *-и*, дат.: *-и*, твор.: *-ем*, местн.: *-и*; им. мн.: *-а*, род.: не имеет окончания, дат.: *-ам*, твор.: *-ами*, местн.: *-ах*.

Слово *дитя* образует падежи ед. числа от основы *дитят-*. Сюда же относятся формы мн. числа, как *телята, жеребята, поросята, медвежата, котята* и т. д. (при которых в ед. числе являются: *теленок, жеребенок* и т. д., образования, о которых мы говорили выше).

Ударение во всех этих основах неподвижное.

Окончания в склонении слова *дитя* те же, что в словах на *-мя*, но твор. ед. имеет женское окончание *-ей* вместо свойственного тем словам мужского окончания *-ем*: им.-вин. *дитя*, род. *дитяти*, дат. *дитяти*, твор. *дитятей*, местн. *дитяти*.

Окончания в склонении *телята* и т. п. те же, что в словах *время* и т. п. Им.-вин. мн. *телята*, род. *телят*, дат. *телятам*, твор. *телятами*, местн. *телятах*. — Слово *дитя* мн. число образует от основы женского рода на *-і*: *дети, детѣй, дѣтям* (реже *детѣм*), *детьмі* (реже *детями*), *дѣтях* (реже *детѣх*).

ИМЕННОЕ СКЛОНЕНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ.

Формы именного склонения прилагательных употребляются: 1) в притяжательных прилагательных на *-ов, -ин*: *Петров, отцов, дядин, сестрин, братин*, 2) в прилагательных-сказуемых. Склоняются, изменяясь по падежам, только притяжательные; прилагательные-сказуемые изменяются только по родам и числам, образуя, впрочем, твор. падеж.

Об основах прилагательных притяжательных. Основы оканчиваются на *-ов*, когда прилагательное образовано от имени существительного, означающего лицо мужеского рода, оканчивающегося на твердую согласную, на мягкую согласную, на *-й*, на *-о, -е*: *царѣв, Михайлов, Семенов, Андреев, Васильев, Пушкаренко, подмастерьев*. Они оканчиваются на *-ин*, когда образованы от имени, означающего лицо мужеского или женского рода на *-а*: *Данилин, Фолин, Михайлин, царицын, Софьин, кухаркин*. Впрочем, на *-ин* оканчиваются и некоторые прилагательные от основ мужеского рода на твердую и мягкую согласную: *братин, мужин*, заменившие более старые формы *братень, мужень*. Ср. при слове *господь* церковное образование *господень*. По происхождению своему к притяжательным относятся и фамилии на *-ов, -ин*: *Попов, Бубнов, Кормилицын, Никитин, Князкин, Солнцев* (предполагает прозвание *Солнце*), *Волков* (от прозв. *Волк*), *Обцын, Свиньин*. Равным образом по происхождению своему сюда относятся имена городов, как *Борисов, Лихвин, Камышин, Ардатов, Кадников*.

Основы притяжательных имеют неподвижное ударение. Обычно оно падает на коренной слог на основах на *-ин*, напр. *сестрин, жѣнин*; но фамильные имена на *-ин* имеют ударение на окончаниях, когда такое ударение падает на том имени, от которого они образованы: *Блохин*, род. *Блохина́*, *Свиньинá* (*Обцын*, потому что *обцу*). В именах на *-ов* ударение падает или на коренной слог, когда оно произведено от имени с таким ударением, или на суффикс *-ов*, когда произведено от имени с ударением на окончаниях (при этом ударение в прилагательных на *-ов* не переходит на окончания): *Семѣнов, Гóрев, Мóрев, Вóлков; Петróв, Попóв; Иванóв* предполагает *Ивáн* — *Иванá*. Только притяжательное *Петróв* в выражениях *до Петровá дни, к Петровú дни* переносит ударение на окончания. Ср. сибирскую фамилию *Петровых*. Прилагательные притяжательные сохранили именные окончания только в им. и вин. падежах всех чисел и родов, а также в род. и дат. ед. мужеского рода. Поэтому им. *отцов, отцова, отцово, отцовы*; вин. — *отцов* или *отцова, отцову, отцово, отцовы*; род. — *отцова*, дат. — *отцову*. Все остальные падежи ед. и мн. числа заимствовали свои окончания у местоименного склонения прилагательных мужеского и среднего рода: твор. ед. — *с отцовым*, местн. *в отцовом*; женского рода: род. — *отцовой*, дат., местн. — *отцовой*, твор. — *отцовой* (*отцовою*); во мн. числе: род. — *отцовых*, дат. — *отцовым*, твор. — *отцовыми*, местн. — *отцовых*. Притяжательные *божий, вражий* и др. склоняются как и прочие прилагательные на *-ий*, сохраняя именные окончания только в им. и вин. всех родов и чисел: ср. *божья воля, божью власть, милость, но из божьего храма*. Притяжа-

тельное *господень* сохраняет церковнославянское склонение, являясь, очевидно, книжным заимствованием: *о гробе господне, от руки господни*; но во мн. исключительно неизменные образования. Кроме род. *Петровá дни*, дат. *Петровú дни* сохранился и местн. *о Петровé дни*.

Существительные, являющиеся по своему происхождению прилагательными притяжательными, а именно фамилии, склоняются так же, как эти прилагательные, с тем лишь отличием, что в местн. мужского рода имеют окончание *-е*: *Попов*, род. *Попова*, дат. *Попову*, местн. — *в Попове*; им. — *Попова*, вин. — *Попову*; мн.: *Поповы*; в твор. — *Поповым*; в женском роде: род. — *Ивановой*, дат., твор., местн. — *Ивановой*; во мн. ч.: род., местн. — *Ивановых*, дат. — *Ивановым*, твор. — *Ивановыми*.

Названия городов, стоящие в сознании говорящих в прямой связи с тем или другим именем, склоняются так же, как фамилии: *Романов*, *Борисов*, *Юрьев*, *Царицын*, имеют именные окончания во всем склонении (ед. число), кроме, однако, твор. пад.: *с Романовым*, *с Царицыным*. Лишь только такая связь утрачена, именное окончание является и в твор. пад.: *под Кашином*, *с Киевом*, *с Ростовом*, *с Гдовом*. Понятно, что тут неизбежны колебания: *с Лихвином* и *с Лихвиным*. Имена городов на *-ск*, представляющиеся по происхождению краткой формой прилагательных, склоняются по именному склонению: *Петровск*, *Петровска*, *с Петровском*, *в Петровске* (в народном языке сохраняются и формы *с Петровским*, *в Петровском*).

Совершенно единично прилагательное *третей*, *третья*, представляющее краткую именную форму при полной, местоименной *третий*. Употребляется в выражении *сам-третей*, *самá-третья*. Таковы же прилагательные: *друг* (*сам-друг*), *четверт*, *пят*, *шост*, *сём*.

Прилагательные-сказуемые отличаются от прилагательных, склоняющихся по местоименному склонению, тем, что представляют в мужском роде основу, а в женском, среднем и во мн. числе основу, осложненную соответствующими окончаниями *-а*, *-о*, *-ы*. Основа мужского рода отличается в ряде слов от основ женского, среднего рода и мн. числа вставкой беглых гласных *о*, *е*, из которых часть соответствует неконным *ъ*, *ь*, а часть вставлена позже или по причинам фонетическим, или под влиянием аналогии. Ограничусь некоторыми примерами для *о*, *е* в основах мужского рода, отсутствующих в основах женского, среднего рода и мн. числа; *о* восходит к *ъ*, напр., в *зол*, *ловок*, *крепок*, *низок*; *е* восходит к *ь*, напр., в *болен*, *славен*, *силен*, *горек*. Не восходят к *ъ*, *ь*, напр., *о*, *е* в сочетаниях *оло*, *ере*: *полои*, *долог*, *черек*; *е* в сочетаниях *ер*, *ел*: *остёр*, *тёпел*; *о* в сочетании *ов*: *резов*. В соответствии с дифтонгом *-ой-* находим в мужском роде *-ое*: *спокоен*, а в книжном слове *достои* сочетание *-ои-*.

Одни основы прилагательных-сказуемых и только что указанных прилагательных порядковых имеют ударение неподвижное на основе, напр. *рад*, *виноват*, *спокоен*, *краток*, *богат*; другие имеют неподвижное ударение на окончаниях (а в мужском роде, понятно, на основе): *мал*, *бел*, *сер*, *мёртв*, *гол*, *силь*, *добр*, *остёр*, *хитёр*, *полои*, *улёи*, *высок*, *грешен*, *горяч*, *силён*, *хорош*, *широк*, — напр., *малá*, *малó*, *малы́*.

Третьи основы имеют подвижное ударение: в мужском, среднем роде и во мн. числе ударение падает на основу, а в женском роде

на окончание: *нов, прав, груб, глуп, слаб, мил, цел, хил, дик, горд, скор, спор, стар, строг, сыт, твёрд, свят, густ, прост, бос, кос, пуст, наг, туп, глух, плох, сух, крут, худ, прям, нем, туп, скуп, слеп, крив, жив, тих, тощ, чист, зрел, смел, спел, черств, пьян, дряхл, нагл, подл, тускл, бодр, быстр, мудр, храбр, ветх, велик, глубоk, далёк, виден, крепок, долог, весел, дешёв, зелён, голоден, холоден, молод, хблост.*

В некоторых случаях видим колебание, а именно там, где ударение склоняемого прилагательного падает на основу: *пьянб, новб, старб, великб, глубоkб, далёкб, голоднб, холоднб.* Обратнo: *сильно, высоко, ширёко, мало, полно.*

Причастия страдательные на *-н, -т* относятся сюда же. С неподвижным ударением: *брошен, отпущен, оставлен, расчищен, забален, задет, убит, обут, дан (данб), несён, повеленб.*

С подвижным ударением: *привит, взят, начат, заперт, отперт, отпнт, прожит, проклят, пролит; отдан, признан, продан.* Следовательно: *привито, привиты, но привитам; отдано, отданы, но отданам.*

Как сказано, прилагательные-сказуемые изменяются только по родам. Но они образуют также твор. пад. в ед. па *-ymi, -ой*, во мн. па *-ymi*: быть *сытым, проклятым; он стал весёлым, она была всегда весёлой, он сделался неподвижным, они становились нетерпимыми.* В старинном языке держался едва ли не до последнего времени дат. па *-у*: *быть бодру, любиму, веселу.*

Причастия прош. вр. на *-л* (получившие значение прош. вр.) изменяются также только по родам; во мн. числе они имеют окончание *-и*: *был, была, было, были; берёи, берёлл, берелли.*

ГЛАВА XIV.

МЕСТОИМЕННЯ.

Склоняемые местоимения делятся на пять групп: 1) местоимения личные 1-го и 2-го лица и возвратное, 2) местоимение *кто, никто, некто; что, ничто, нешто*, 3) местоимение 3-го лица: *он*, 4) местоимения, не получающие в им. пад. мужского рода особого окончания, 5) местоимения, получающие в им. пад. мужского рода окончание *-ой*.

1. Местоимение 1-го лица: ед. числа *я*, внн. и род. *меня* (заменило более древнее *мене*), *мне, мной, мне*; мн. *мы*, внн. и род. *нас, нам, нами, нас.*

Местоимение 2-го лица: ед. числа *ты*, внн. и род. *тебя* (вместо *тебе*), *тебе, тобой, тебе*; мн. *вы*, внн. и род. *вас, вам, вами, вас.*

Форма *те* в «*я те дал*» заменила старшее *ти* под влиянием *тебе*.

Возвратное местоимение: внн. и род. *себя* (вместо *себе*), *себе, собой, себе.*

Форма *ся* находится только в соединении с глаголом; *ся* под ударением: *взялся, дрался, родилсяя*; *ся* неударяемое после согласных: *берёлся, бояся, назвался, нашёлся, отрёлся*; после гласных является *-с (сь)*: *остаюсь, прычусь, родилась.*

Местоимения 1-го и 2-го лица изменяются по падежам и числам, не по родам, а возвратное местоимение только по падежам.

2. Вопросительное и относительное *кто* из древнего *кз-ч*о представляет в падежах основу *ко-*. Изменяется только по падежам; относится только к лицам, безразлично какого рода и числа. Склонение: *кто*, род. и вин. *кого* (произносится *кovo*), *кому*, *кем* (заменило более древнее *цѣмь* из **коіѣмь* с обособленной основой *коі-*), *ком*. Определительное *никто* склоняется так же. Определительное *некто* в формах склонения получает образования, стоящие в связи с формой им. *некой* (*некий*); что до отрицательных *нѣ кого*, *нѣ кому*, *нѣ кѣм*, *нѣ о ком* (мы пишем *некого*¹ и т. д.), то при них не употребляется именительная форма.

Вопросительное и относительное *что* из древнего *чѣ-ч*о представляет в падежах основу *че-*. Изменяется только по падежам; относится только к предметам, безразлично какого рода и в каком числе. Склонение: *что*, род. и вин. *чего* (произн. *чево*), *чему*, *чем* (заменило более древнее *чѣмь* из **кеіѣмь* с обособленной основой *кеі-*), *чѣм*. Определительное *ничто* склоняется так же. Определительное *ничто* не склоняется; что до отрицательных *нѣ чего*, *нѣ чему*, *нѣ чѣм*, *нѣ о чѣм* (мы пишем *ничего*¹ и т. д.), то при них не употребляется именит. форма.

3. Местоимение 3-го лица представляет две основы: *он-* только в им. пад. всех трех родов и обоих чисел: *он*, *она*, *оно*, мн. для всех родов *они*: эта основа не проникла даже в вин. пад. среднего рода, который вообще и в именах и в местоимениях тождествен с имен. падежом. Вместо *они* употребляется также для всех родов форма *оне* (моему употреблению она чужда). Различие, рекомендуемое грамматиками: *они* для мужского и среднего рода, *оне* (*онѣ*) для женского² искусственное и не оправдывается историей языка. Окончание *-е* в *оне* ср. в *те*, *все*. Прочие падежи образуются от основы *је-*, являющейся в твор. ед. и во мн. ч. числе в виде *ји-* (из *јеі-*, представляющегося обособлением основы *је-*); в мужеском и среднем роде: род. и вин. *его* (произн. *јево*), дат. *ему*, твор. *им* (произн. *ји*), предл. *о нём* (с вставным между основой и предлогом *и*); в женском роде основа *јеі-*: род. и вин. *её* (форма *ея* книжная и употребляется вообще только на письме, вторгаясь, впрочем, и в живую речь под влиянием школьной грамматики³; *её* заменило древнее *ѣѣ*), дат. *ей*, твор. *ей* (*ею*), предл. *о ней*; во мн. числе для всех родов⁴: род. и вин. *их* (произн. *ји*), дат. *им* (*ји*), твор. *ими* (*ји*), предл. *о них*. Формы с начальным *и* известны не только в предложном, но также во всех других падежах, как только они употребляются после предлогов: *с неё*, *от него*, *к нему*, *к ней*, *с ним*, *с нею*, *с них*, *к ним*, *с ними*.

4. Местоимения, изменяющиеся по родам и числам и не получающие особого окончания в мужеском роде, по значению своему

¹ Т. е. такие написания (с *е*, не с *ѣ*) принадлежали уже старой орфографической системе, до ее реформы в 1918 г. (Р е д.)

² Имеются в виду написания названной формы по старой орфографии. Реформой орфографии 1918 г. узаконено одно написание *они* как для мужского и среднего, так и для женского рода. (Р е д.)

³ Реформой орфографии 1918 г. написание *ея* было упразднено и заменено отвечающим произношению вариантом *ее*. (Р е д.)

⁴ В рукописи, очевидно, по опечатке, — «чисел». (Р е д.)

распадаются на притяжательные, указательные, определительные, вопросительные.

Притяжательные. При *я* является *мой* с основой *моi-* (*моi-*): в женском роде *моя*, в среднем *моё*, во мн. *мои* для всех родов. Склоняется так: *мой*, род. и вин. *моего*, вин. *мой*, дат. *моему*, твор. *моим*, предл. о *моём*; *моя*, род. *моей*, вин. *мою*, дат. *моей*, твор. *моей* (*моею*), предл. о *моей*; *моё*, род. *моего*, вин. *моё*, дат. *моему*, твор. *моим*, предл. о *моём*; мн. *мои*, вин. и род. *моих*, вин. *мои*, дат. *моих*, твор. *моими*, предл. о *моих*. Так же склоняются *твой*, являющиеся при *ты*, *свой* при возвратном *себя*. При *мы* притяжательное *наш*, *наша*, *наше*; склоняется как *мой*, но ударение удерживает на основе. При *вы* является *ваши*. При *их* находим *ихний*, не получившее полного права гражданства в литер. речи (еще менее употребительно в этой речи *ихой*).

Указательные. *Тот*, *та*, *то*; форма им. мужского рода представляет сложение старой формы *тз* с основой *то-*; от этой основы образованы все остальные падежи; в твор. ед. мужского рода и во всем множ. числе основа является в осложненном виде *те-* (из *тоi-*); осложненная основа (*тоi-*) является также в склонении женского рода, но сохраняется здесь как *тоi-* в положении перед гласными окончаниями; в женском роде необословленную основу представляет только вин. падеж: *ту*. Склонение: *тот*, род. и вин. *того*, вин. *тот*, дат. *тому*, твор. *тем*, предл. о *том*. Женск.: *та*, вин. *ту*, род. *той*, дат. *той*, твор. *той* (*тою*), предл. о *той*. Средн.: *то*, вин. *то*, род. *того* и т. д., как в мужском. Мн. для всех родов: *те*, *тех*, *тем*, *теми*, о *тех*.

Указательное *тако́в* изменяется только по родам и числам: *тако́в*, *тако́ва*, *тако́во*, *тако́вы*; по падежам изменяется *тако́во́й*, *-я*, *-бе*.

Указательное *э́тот* склоняется как *тот*, но ударение удерживает всегда на *э*; во мн. *эти*, *этих*, *этим*, *этими*, *этих*. *Сей* устарело; сохраняется в нескольких выражениях: *на сей раз*, *сию минуту*, *сегодня*, *от сих до сих*. В склонении различаются следующие образования: им.-вин. *сей*, *сия*, *сию*, *сиё*, *сии*; основа *се-* только в мужском и среднем роде: *сею*, *сему*, о *сём*; основа *си-* (из *сеi-*) в твор. ед. и во мн.: *сим*, *сих*, *сим*, *сими*, *сих*; основа *сеi-* в женском роде: род. *сей*, дат. *сей*, твор. *сей* (*сею*), предл. *сей*.

Определительные. *Весь*, *вся*, *всё*; от основы *вьс'а-* еще только в женском роде *всю* и мн. *всь* (по форме вин. мн.). Остальные падежи: от основы *вьс-* (из *вьсоi-*); таковы твор. ед. *всем* и все косвенные падежи мн. числа: *всех*, *всем*, *всеми*, *всех*; от основы *всей-* (*вьсеi-*) косвенные падежи женского рода: род. *всей*, дат. *всей*, твор. *всей* (*всею*), местн. *всей*; от основы *все-*: *всего*, *всему*, о *всём*.

Сам, *самá*, *самó*; мн. *сами*; от основы *самá-* только вин. женского рода *саму́* (редко употреб.). От основы *само-*: род. *само́*, дат. *самому*, предл. о *самом*; от основы *сами-*, заменившей *самь-* (из *самоi-*): твор. *самим*, род. мн. *самих*, дат. *самим*, твор. *самими*, предл. о *самих*. От основы *самой-* (*самоi-*) с гласными окончаниями: род. и вин. *самоё* (вместо стар. *самоѣ*), вин. *самою́*, дат. *самой*, твор. *самой* (*самю́*), предл. о *самой*.

Неко́й сохраняет отчасти старое склонение: мужеский и средний род: *неко́его*, *неко́ему*, о *неко́ем*, но с *некими* вместо *с неко́ими*,

В женском роде *некая* вместо старшего *некоя*, *некую* вместо *некою*; род. *некоюй*, дат. *некоюй*, твор. *некоюй* (*некоюю*), предл. о *некоюй*; также во мн.: *некие*, *некихих*, *некими*, *некими*, о *некихих*.

Несложное *кой* (на *кой* чорт) употребляется редко: *когою*, *коему*, о *коем*, твор. с *коим*; мн. *кои*, *коих* и пр. В женском роде ед. число не употребляется.

Чей, *чия*, *чий*. В мужеском роде *чьего*, *чьему*, *чьим*, о *чьём*. В женском роде *чьей* и т. д. Во мн.: *чьи*, *чьих*, *чьим*, *чьими*, о *чьих*.

Каков, *какова*, *каковъ*, *каковы*. По падежам не изменяется. Рядом склоняемое *каковъй*. Так же: *одинаков*, *одинакова*, *одинаково*, *одинаковы*.

Всяк употребляется только в им. ед. мужеского рода; *всяко* — это наречие (напр. *всяко бывает*).

5. Местоимения, склоняемые как прилагательные. В только что рассмотренной группе ударение переносится на окончания (кроме *кой*, *некой*); в этой же группе ударение на окончания не переносится. Одни из таких местоимений имеют ударение на окончаниях основы, другие на коренной ее части. К первым относятся: *тѣкой*, *какой*, *такой*, *каковъй*, *дружой*, *никакой*, *сякой* (употребляется только в им. мужеского рода).

Ко вторым: *каждый* (новообразование вместо *къждо*), *оний*, *который*, *никоторый*, *самый*, *некоторый*, *всякой* (пишется *всякий*), *одинаковъй*.

ГЛАВА XV.

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ.

Различаются два склонения. В первом окончаниями являются в им. падежах ед. числа: *-ой*, *-ая*, *-ое*. Во втором: *-ий*, *-я*, *-е*. Об изменении этих окончаний им. падежа и о прочих окончаниях скажу ниже.

По происхождению своему местоименное склонение прилагательных (об именном мы говорили выше) есть сложное склонение. Некогда в сложном склонении склонялись обе части сложения: самое прилагательное по именному склонению и присоединенное к нему относительное местоимение (основа *jo-*). Но в большей части падежей старое склонение систематически вытеснено новыми формами, заимствованными из склонения местоимений. Старые формы сохранились в им. и внн. падежах ед. числа: *добрый* (из *добръ-ји*), *добрая* (*добра-ја*), *доброе* (*добро-је*); внн. женского рода *добрую* (*добрю-ју*); им. мн. *добрые* (т. е. *добръ-жь*, по форме внн. мн.). Об им. формах второго склонения (*лисий*, *лисья*, *лисье*) скажу ниже. Кроме того, старые формы сохранились (со стяжением двух гласных окончания первой части сложения и начала второй) в твор. ед.: *добрым* (вместо *добръ-имь*, а это еще в общеславянскую эпоху вместо *доброль-имь*) и во мн. числе: *добрых* (вместо *добръ-ихъ* из *добръ-ихъ*), *добрым* (из *добръ-имь*, вместо *доброль-имь*), *добрыми* (из *добръ-ими*), *добрых* (из *добръ-ихъ*, вместо *добръ-ихъ-ихъ*). — Остальные падежи представляют новообразования: род. *добраго* вместо *добраго* (а это из *добраго*), дат. *доброму*, вместо *добруму* (а это из *добрю-ему*), местн.

добрѡм вместо *добрѣль* (а это из *добрѣль*), род. женского *добрѡй* вместо *добрѣль* (из более древнего *добрѣль*), дат. и местн. женского *добрѡй* вместо *добрѣль* (из более древнего *добрѣль*). Форма твор. пад. женского рода *добрѡю* (откуда позже *добрѡй*) может быть признана старой формой, ибо уже в старом языке *добрѡю-ю* заменено было через *добрѡю*. На появление новых форм повлияло склонение местоимений, напр. *того, тому, самого, всего* и т. д.

Первое склонение. В состав его вошли: 1) основы на *-о*, склонявшиеся по сложному склонению, 2) основы на *-ѡ*, склонявшиеся по тому же склонению. Ударение может падать или на коренную часть основы: *старѣй, бѣльѣй, круглѣй, глѣй, весѣльѣй, богатѣй, сильнѣй*, или на окончание основы: *босѣй, живѣй, морскѣй*.

Об окончаниях замечу следующее. Окончанием им. ед. является *-ѡй*, вытеснившее старое *-ѣй* фонетически как в ударяемом, так и в неударяемом слоге; современное правописание требует сохранения *-ѣй* в неударяемом положении и замены его через *-ѡй* в ударяемом; основанием для этого является историческая традиция, до сравнительно недавнего времени удерживавшая *-ѣй* также под ударением (*вторѣй, слепѣй*). В силу той же традиции, а частью и искусственного правила грамматики, после *к, г, х* пишется *и* вместо *о* в неударяемом положении: *негѣй, строгѣй, крепкѣй, тугоухѣй*; между тем мы произносим здесь тот же звук, что в *добрѣй, старѣй*. Это не звук *ы*, а звук, изображавшийся нами в отделе фонетики через *а*; он явился на месте *о* в результате его редукции в неударяемом положении. Из основ на твердую согласную *-ѡй* перешло и в основы на мягкую согласную: вместо *чужѣй, синѣй, горячѣй* явились *чужѡй, *синѡй, *горячѡй*; понятно, что в неударяемых слогах *о* редуцировалось и после мягкой согласной перешло в *е*, откуда *і* или почти *і*; наше *синѣй, горячѣй* не тождественно поэтому с древнерусскими *синѣй, горячѣй*, а, как указано, ведет к формам *синѡй, горячѡй*. После отвердевших согласных вместо *е, і* такого происхождения является *ы*: *свежѣй, пригожѣй, похожѣй*.

В род. ед. мужского рода является под ударением *-ѡва*, в неударяемых слогах *-ѡва* (после твердых согласных) и *-ѣва* (после мягких): *худѡва, добравѡва, синѣва*. На письме *-ѡва* изображается через *-ѡго* (*худѡго*), а *-ѡва* и *-ѣва* через *-ѡго, -ѣго* (*добрѡго, синѣго*)¹. Написания *-ѡго*, господствовавшие лет двадцать пять тому назад и при ударении на предпоследнем слоге, объясняются книжною традицией, сохранившею церковнославянские написания; что до окончания *-ѡго* вместо произносимаго *-ѡва*, то и здесь имеем дело с книжною традицией, поддерживавшеюся тем обстоятельством, что значительное число русских говоров (украинских, белорусских, южновеликорусских), между прочим и некоторые северновеликорусские говоры удерживали в этом окончании старое *γ, h*; переход *-ѡго* в *-ѡво* можно считать великорусским явлением по преимуществу.

В дат. пад. находим *-ѡму* под ударением, *-ѡму, -ѣму* в неударяемых слогах: *худѡму, добравѡму, синѣму*; в местном *-ѡм* под ударением, *-ѡм*,

¹ Имеются в виду соответственные написания по старой орфографии. (Р е д.)

-ем в неударяемых слогах: *худѣм, добра́м, синѣм*; в твор. -ым после твердых согласных, -или после мягких: *худѣ́м, дѣ́бры́м, сини́м*.

В им. ед. женского рода под ударением -а́я (пишется -а́я), а в неударяемых слогах -а́я после твердых согласных (пишется -а́я), -е́я, -и́я после мягких согласных (пишется -я́): *худая́, добра́я, синя́я*.

В вин. ед. женского рода под ударением -ѣ́ю (пишется -ѣ́ю): *худѣ́ю*; что же касается неударяемых слогов, то господствующим в московском произношении окончанием является -а́ю (после твердых согласных), -е́ю, и́ю после мягких согласных, но известно также окончание -ѣ́ю (вместо чего после мягких согласных -ѣ́ю или почти и́ю), на письме только -ую: *добра́ю, синюю*. Окончание -а́ю, -е́ю заменило -ѣ́ю на почве грамматической аналогии; а, е проникло из прочих надежей ед. числа: род. *добра́й*, дат., местн., твор. *добра́й*. Это видно из древнего языка, представлявшего и на письме формы вин. ед., как *анаюю*, *больною* и т. п. Ближайшим образом влияние могло быть оказано формой род. надежа, которая совпадала с вин. в личных местоимениях женского рода: *её* при *ею*, передаваясь и в указательные и определительные: *тоё и тою, всеё и всею, самоё и самою*.

Форма род. ед. женского рода на -о́и под ударением (пишется *о́и*), -а́и (после твердой согл.), -е́и (после мягкой) в неударяемых слогах произошла из двух более древних форм -у́и и -о́и, которые в свою очередь заменили на почве грамматической аналогии -у́ль, -о́ль; а именно здесь сказалось влияние других надеж — дат. и твор., имевших более краткое окончание, чем род.; то же влияние еще раньше повело к переходу окончания твор. ед. -о́и в -о́и. Окончание -у́ль это остаток сложного склонения прилагательных: *худу́ль, с'и́иуль* (вместо *с'и́иуль* под влиянием грамматической аналогии); окончание -о́ль явилось под влиянием местоименного склонения *худоу́ль, с'и́иуль*; ср. сказанное выше о замене окончаний сложного склонения окончаниями склонения местоименного.

Об окончании твор. женского рода -о́и (-а́и, -е́и и -и́и) сказано выше; старые формы -о́и, -а́и, -е́и едва ли известны в живом употреблении. В дат. и местн. находим -о́и при -а́и, -е́и и -и́и в неударяемом положении.

Во множ. числе окончанием им. пад. является -у́и, после мягких согласных -и́и: *худу́и, с'и́и*; эти окончания восходят фонетически к -у́ль, -и́ль, так как л в неударяемом положении может переходить в и (напр. *ко́льи, двѣсти*); возможно, впрочем, что -у́и, -и́и заменили непосредственное -у́е, -и́е, причем е на месте л в неударяемом положении. На письме удерживается -у́е, -и́е, что указывает на старшие -у́ль, -и́ль. Формы -у́ль, -и́ль (вместо -у́ль) представляются по своему происхождению формами имен. и вин. мн. женского рода и формами вин. мн. мужского рода; эта форма вытеснила как старое окончание имен. мн. м. рода -ии (*хѣ́ди, до́бри*), так и окончание им.-вин. мн. среднего рода -а (*хѣ́ди, до́бра*); вытеснение всех форм одною общюю стоит в связи с общим совпадением форм всех трех родов во мн. числе; ср. то же в местоимениях. В нескольких книжных выражениях удерживается окончание им.-вин. мн. -а́я, напр. *во все́ тяжка́я*.

В род.-местн. общим окончанием для всех родов является -ых, после мягких согласных -их: *худых, синих*. В дат. мн. -ыми, -ими: *худыми, синими*. В твор. мн. -ыми, -ими: *худыми, синими*.

Отмечу здесь ряд прилагательных, получивших значение существительных, но не утративших своего старого склонения: *Верный* (название города), *сотской* (пишется *сотский*), *прохожай* (пишется *прохожий*), *лешай* (пишется *леший*), *лесничей* (пишется *лесничий*); в женском роде *горничная*, *столовая*, *передняя*, *гостинная*; в среднем роде *жаркое*, *пирожное*, *мороженое*, *Бологое*.

Второе склонение обнимает старые основы на *-ijo*; звук *i* был в общеславянском языке в таком положении полукратким, а потому подлежал в позднейшее время выпадению. Сложное склонение представляло первоначально такие окончания: им. ед. *lišīiŋ*, *lišījaia*, *lišījeje*, вш. женского *lišījuju*; род. *lišījaho* (из *lišīja-cho*), *lišījib̄b̄*; дат. *lišījumu*, *lišīji*; твор. *lišījimi*, *lišījeju*; местн. *lišījimi*, *lišīji*; им. мн. *lišījii*, *lišījib̄b̄*, *lišījaia*; род. мн. *lišījix̄x̄* и т. д. В формах им. и вш. пад. ед. числа русский язык получил новообразования; вместо двух тождественных сочетаний *jaia*, *jeje*, *jii*, *jib̄b̄* явилось одно *ja*, *je*, *ii*, *ib̄b̄*: *lišja*, *lišje*, *lišji*, *lišib̄b̄*; это вызвало новообразование и в им. ед. мужского рода: вместо *lišīji* здесь явилось *lišīi*. Также: *козий*, *медвежий*, *человечий*, *божий* вместо *козий*, *медвежий*, *человечий*, *божий*. В остальных падежах видим те же окончания, что в первом склонении. Фонетически *lišīi*, откуда *lišii*, должно было измениться в *lišei*; наше *lišii*, вероятно, непосредственно заменяет *lišei*.

ГЛАВА XVI.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ.

Склонение числительных количественных должно быть рассматриваемо особо в виду некоторых явлений, свойственных только этому склонению. Впрочем, мы видим здесь вообще смешение склонений, свойственных существительным и местоимениям. Одни числительные склоняются как существительные, другие склоняются как местоимения, образуя некоторые формы по именному склонению.

1. Как существительные, склоняются все вообще числительные, оканчивающиеся на мягкую согласную, как *пять*, *шесть*, *десять*, *одиннадцать*, *двадцать*, *тридцать* и т. д. Они склоняются только в ед. числе как имена женского рода на мягкую согласную (напр. *кость*), отступая только тем, что здесь (исключая, впрочем, те, которые оканчиваются на *-надцать*) переносится ударение на окончание: *пять*, род., дат., местн. *пяти*, твор. *пятью*, *тридцати*, *тридцатью*; между тем имена женского рода, как мы видели, переносят ударение на окончание только в местн. ед. после прологов *на*, *в*. Старое ударение сохранилось в твор. пад., употребленном как наречие: *пятью-пять*, *восьмью-восемь*. В склонении *восемь* является вставная гласная в формах им. и твор.: *восемь*, *восемью*.

В сложных *пятьдесят*, *шестьдесят*, *семьдесят*, *восемьдесят* склоняются обе части сложения: *пятидесяти*, *шестьюдесятью*, *семьюдесятью*, *восьмидесяти*. Впрочем, в твор. пад. известны и новообразования, как *пятидесятью*, *семидесятью*. Очевидно, в сознании говорящих утрачено представление о том, что *-десять* это форма род.

ми.; но замечательно, что в им. пад. держится твердая согласная, причем, следовательно, старая форма род. мн. не отождествлена с им. ед. — В сложениях, как *пятьсот — девятьсот*, точно так же склоняются обе части; форма род. мн. *сот* держится только в им. пад. (и, конечно, также в род.).

Сорок склонялось некогда как существительное мужеского рода на -о, но теперь сохранилась только одна форма род. ед. *сорока*, которая получила функции всех остальных падежей; мы говорим: *от сорока рублей, к сорока рублям, с сорока рублями, в сорока рублях*, равным образом — *по сорока рублей*.

Девяносто в нашем языке во всех падежах звучит одинаково; но в косвенных падежах наше *d'evénostá* восходит, вероятно, к форме *девляноста*, ср. выше *сорока* и ниже *ста*.

Сто является формой им. и вин. пад., в других падежах — одна общая форма *ста*, заменившая древние *сту* (дат.), *сте* (местн.), *стои* (твор.); ср. *от ста рублей, к ста рублям, в ста рублях*. Дат. *сту*, напр. *по сту рублей*, моему словоупотреблению чуждо, я говорю *по ста рублей*, ср. *по сорока* (и *по сто*, ср. *по сорок*).

В *пять сот, шесть сот* и т. д. сохраняется, впрочем, только в формах им. и вин., форма род. мн. от *сто*. В других падежах склоняются одновременно обе части сложения: *от пяти сот, к пятистам, в пяти стах, пятьюстами, о пяти стах*.

Тысяча склоняется как существительное женского рода: *тысячу, от тысячи, к тысяче, в тысяче*; но в твор. — *тысячью*, как от основы на -й; в виду этого возможно, что и в дат.-местн. существует форма *тысячи*, а не *тысяче*. Быть может, *тысячи* только в сложении с существительным: *о тысячи рублях, к тысячи рублям*, но об этой *тысяче, к той тысяче*.

Сто, двести, триста, пятьсот и т. д. *тысяч* в косвенных падежах склоняют все части сложения: *со ста тысячами, в ста тысячах, в трех стах тысячах, с тремястами тысячами, о пяти стах тысячах, в четырех стах тысячах*. Возможно, впрочем, и сохранение *тысяч* род. мн. без изменения, напр., *в пяти стах тысяч экземпляров, на пяти стах тысяч рублей*; мне, однако, такое словоупотребление не свойственно.

Миллион склоняется как существительное мужеского рода.

Существительное *пол* можно рассматривать как числительное. Подобно числительным *сорок, сто* слово *пол* для всех косвенных падежей образует одну форму *полу*. *Пол* употребляется в сложениях как с существительными, так и с числительными. В соединениях с существительными находим в им. пад. ед. числа и мн. или *пол* или *полу*—: *пол*— в редких случаях, как *полдень, полночь*; *полу*— в остальных: *полустанок, полушинок, полукруг, полуостров*; в косвенных падежах и в тех и в других случаях только *полу*—; итак, с одной стороны: *к полудню, от полуночи, с полуднем*, с другой стороны: *на полуострове* и т. д. Кроме того известны и такие соединения, где за *пол*— следует существительное в род. пад. ед. числа: *полгода, полминуты*; склоняются обе части таких сложений: *к полугодом, с полуминутами*. — *Полтора*, т. е. *полътора*, в женском роде *полторы*— образуют: *полътора* (так во всех косвенных падежах: *к полътора*

годам, в полтора верстах); в старом языке было бы *к полотору году, в полоторе версте*.

В полтора, полторы видим во второй части сложения старые формы порядкового числительного *второй*, а именно формы именного склонения. Такое склонение имели некогда и другие порядковые; в современном языке они сохранились только в им. пад. ед. мужского рода в соединении с предшествующим *сам-*: *самдруг, самчетверт, самшост* и т. д. Едва ли известны в обычном языке соответствующие формы женского рода: *она явилась самшост, пшекица уродилась сам пят, а не сама шеста, сама пята*. При *третий* именной формой является *третей* в выражении *сам третей*.

2. Числительные *один, два, оба, три, четыре* склоняются как местоимения. *Один* образует падежи как *тот*, но вместо *е* имеет в окончании основы в соответствующих падежах *и*: *одного, одному — одним, одни, одних* и т. д. Что до форм *одне, одних*, которые школьная грамматика рекомендует как формы женского рода¹, то в живом языке они употребляются вместо *одни, одних* без отношения к роду. В моем словоупотреблении *одне* является только при женском роде (непоследовательно) под влиянием школьной грамматики.

Два в мужеском и среднем роде, *две* в женском образуют остальные падежи от основы *дву-*, причем в твор. падеже имеется окончание *-мя*, отсутствующее у местоимений (диалектически известны: *имя, темя*): *двух, двум, двумя*.

Так же склоняется *три*, образующее падежи от основы *тре-*: *трех, тремя*. *Четыре* образует падежи от старой основы на *-ĭ*, являющейся в закрытых слогах в виде *четыре-*, а в открытых в виде *четыр-*: *четырем, четырьех* при *четырьмя*.

Оба образует падежи от основы *обойи-*: *обоих, обоим, обоими*. В женском роде *обе* — от основы *обейи-*: *обеих, обеим*.

Двое, трое, четверо, пятеро, шестеро, семеро и более редкие *восьмеро, девятеро, десятеро* склоняются только во множ.: *двоих, семерых, пятерым*. В твор. мн.: *двоими, троими (четверыми, пятерыми* и т. д. чужды моему словоупотреблению). *Двое, трое, четверо* и т. д. употребляются также в соединении с именами, знающими только мн. число: *двое ворот, к двоим воротам, двое саней, на двоих санях* (но также *к двум воротам, на двух санях, трем воротам*).

Порядковые числительные *первый, второй, третий, четвертый, сороковой* и т. д. склоняются как прилагательные.

ГЛАВА XVII.

СПРЯЖЕНИЕ.

В отделе, посвященном глаголу, необходимо рассмотреть, во-первых, глаголы в собственном смысле, во-вторых, спрягаемые имена прилагательные и причастия, в-третьих, склоняемые глагольные имена с атрибутивным значением (причастия), в-четвертых, несклоняемые

¹ Реформой орфографии 1918 г. эти формы изъяты из практики письма. (Ред.)

глагольные имена с неатрибутивным значением (инфинитив), в-пятых, глагольные наречия (деепричастия). Все эти слова объединяются частью тем, что образуются посредством определенных окончаний от общей основы (глаголы, причастия спрягаемые и склоняемые, деепричастия, инфинитивы), частью тем, что изменяются по общим всем им категориям, чуждым другим частям речи (категории времени, залога и вида объединяют глаголы, причастия, деепричастия; категории залога и вида объединяют с указанными формами и инфинитив; категории лица и времени объединяют глаголы, спрягаемые имена прилагательные и причастия). Признав категорию лица наиболее характерною при определении глагола, ибо она неотъемлема от собственно глагольных (не именных) образований, мы называем изменение глагола по лицам спряжением. Сообразно с этим рассмотренные выше слова распадаются на две группы: а) слова спрягаемые (сюда относятся глаголы в собственном смысле, а также несклоняемые имена и причастия), б) слова неспрягаемые (инфинитив; причастия склоняемые и деепричастия). Сначала остановлюсь на спряжении, т. е. на изменении слов по категории лица; затем перейду к изменению спрягаемых слов по другим глагольным категориям; наконец, займусь неспрягаемыми глагольными словами.

В русском языке различаются, как это было видно и при обзоре местоимений, три лица: первое лицо, обозначающее лицо (или индивидуализированный предмет), ведущее речь от себя; второе — обозначающее лицо (или индивидуализированный предмет), к которому обращена речь; третье — обозначающее лицо или предмет, о котором идет речь. То обстоятельство, что речь может вестись не только одним лицом, но и несколькими, причем она может быть обращена не только к одному, но и к нескольким лицам, является основанием тому, что 1-е лицо определяется или как 1-е лицо ед. числа, или как 1-е лицо мн. числа, и так же определяются 2-е лицо ед. и 2-е лицо мн. числа. Лицо говорящее так же, как лицо, к которому обращена речь, может быть мужского или женского рода; сообразно с этим 1-е лицо может быть 1-м лицом мужского или женского рода, 2-е лицо 2-м лицом мужского или женского рода. Равным образом предметом речи может быть не только один предмет, но и несколько предметов, поэтому при 3-м лице ед. числа является и 3-е лицо мн. числа. Предмет, о котором идет речь, может принадлежать к одному из трех родов: мужскому, женскому или среднему; сообразно с этим 3-е лицо ед. и мн. числа может быть 3-м лицом ед. числа мужского рода, 3-м лицом ед. ч. женского рода, 3-м лицом ед. числа среднего рода, 3-м лицом мн. числа мужского рода и т. д. Теоретически возможны еще и другие определения для всех трех лиц; так, возможно определение лица еще и двойственным числом, а именно речь может вестись от имени двух лиц, может быть обращена к двум лицам и может идти о двух лицах или предметах; во всех этих случаях возникало бы представление о 1-м, 2-м и 3-м лице двойственного числа. Но современному русскому языку чужда категория двойственного числа в именах; понятно, что ее нет (она не сохранилась) и в глаголах. Относительно различения рода (мужского, женского и среднего) в лицах отметим, что категория рода

возникла собственно в именах и причастиях путем грамматическим, формальным (а не реальным, ибо, напр., к мужескому и женскому роду принадлежат слова, которые обозначают такие предметы, которые по реальному своему значению не могут быть отнесены ни к тому, ни к другому роду). Вследствие этого проникновению родовых различий в категорию лица глаголов могло произойти только под влиянием имен; в русском языке это влияние сказалось только на спрягаемых именах и причастиях. Как мы знаем, русский язык во мн. числе частью утратил совсем (в именах атрибутивных), частью утрачивает постепенно (в именах существительных) различия родовые; вследствие этого и в спрягаемых именах родовые различия наблюдаются только в ед., но не во мн. числе.

Из сказанного ясно вытекает необходимость рассмотреть отдельно спряжение глагола от спряжения имен и причастий.

1. В спряжении (изменении по категории лица) глаголов различаются шесть лиц: три лица ед. числа и три лица мн. числа. Различия эти образуются особыми окончаниями. Окончаниями 1-го лица ед. числа являются *-у* (*несу, прощу, гор'у, играю*), а в некоторых редких глаголах *-и* (*ем, дам*). Окончанием 2-го лица ед. числа является *-и* (*берёшь, ходишь, играешь, ешь, дашь*), а для повелительного наклонения *-и*, которое в неудараемом положении переходит в *-й* после гласной и вообще отпадает после согласной (*неси, проси, дай, устрой, вый, брось, режь, ля*), сохраняясь, однако, после группы согласных: *почисти, отсохни, тресни*, а также в сложенных с *вы-*: *вынеси, вырази*; в глаголе *есть* окончанием 2-го лица и повел. накл. является *-и* (*еши*). Окончанием 3-го лица ед. числа является *-т* (*плетёт, водит, сидит, даст, ест*) и архаическое *-т'* в *есть, бог вест*. Окончанием 1-го лица мн. числа служит *-и* (*гребём, носим, знаем, едим, дадим, даём*, повел. накл. *идём*). Окончанием 2-го лица мн. является *-те* (*стережете, хвалите, дайте, поспеете*; повел. накл. *идите, хвалите, дайте, выйте, ляте*). Окончанием 3-го лица мн. является *-т* (*несут, носят, горят, строят, спят, хотят, тревожат*). Способы присоединения указанных окончаний в основном будут рассмотрены ниже при обзоре спряжения глагольных основ. Здесь отметим, что указанные окончания свойственны только настоящему и будущему времени, а также повелительному наклонению.

2. В спряжении имен прилагательных и причастий различаются десять лиц, семь для ед. числа и три для мн., причем в ед. числе три лица мужеского рода, три лица женского рода и одно (3-е) лицо среднего рода. Различия между этими формами образуются посредством присоединения к прилагательным и причастным формам восьми местоименных форм (*я* для мужеского и женского, *ты* для мужеского и женского, *он, она, оно, мы, вы, они*): 1-е лицо мужеского *я весел, я был*, 1-е лицо женского рода *я рада, я ходила*, 2-е лицо мужеского *ты стар, ты носил*, 2-е лицо женского рода *ты молода, ты играла*, 3-е лицо мужеского *он прост, он собрал*, 3-е лицо женского *она бедна, она ушла*, 3-е лицо среднего *оно хорошо, оно упало*, 1-е лицо мн. *мы обижены, мы упали*, 2-е лицо мн. *вы виноваты, вы устали*, 3-е лицо мн. *они счастливы, они отказали*. Повторим сказанное выше при обзоре местоимений: *они* употребляется безразлично для муже-

ского и женского рода; вместо *они* известно также *оне* также для мужского и женского рода; различие *они* и *оне* как формы мужского и женского рода искусственно и не оправдывается ни историей, ни современным употреблением. Понятно, что вместо местоимения 3-го лица *он, она, оно, они* может быть употреблено имя существительное: *женщина вышла, дети веселы*.

Рассматриваемое спряжение распадется на два резко друг от друга отличных отдела. К первому принадлежит спряжение причастия на *-л*: *я был, ты крала, оно прошло* и т. д. Формы на *-л* в настоящее время утратили свое первоначальное причастное значение прош. вр. и употребляются только как спрягаемые формы прош. вр. Ко второму отделу принадлежит спряжение всех остальных причастий (на *-т, -м, -и*), а также и прилагательных. Формальным отличием спряжения второго отдела от первого является следующее: окончанием мн. числа в первом отделе служит *-и*: *были, ходили, ели, несли*, между тем как во втором отделе таким окончанием является *-ы*: *веселы, биты, любимы, брошены* (*-и* является только в простор.: *ради, виноваты, квиты*). Относящиеся ко второму отделу спрягаемые слова изменяются, в противоположность причастиям на *-л*, по временам; простое соединение их с указанными выше местоимениями, а также с существительными обозначает настоящее время: *я молода, женщина убита, солдат ранен*; но соединение их с формами прошедшего или будущего времени вспомогательных глаголов (о них скажем ниже) служит для выражения этих двух времен, напр. *я был весел, она была рада, мы будем довольны, они будут брошены, они бывали неисправны* и т. п. В подобных сложных образованиях вместо формы на согласную в мужском роде, на *-а* в женском, на *-о* в среднем, на *-ы* во мн. числе употребляются не после вспомогательного глагола *был, буду* и формы на *-ым* в мужском роде, *-ой* в женском, *-ым* в среднем, *-ыми* во мн. числе; по происхождению своему это формы твор. пад.: *я стал веселым, она бывала веселой, небо стало пасмурным, он сделался серьезным*. Равным образом при помощи вспомогательных глаголов образуются этими спрягаемыми именами наклонения повелительное и сослагательное: *будь весела, было бы скучно*.

В целом ряде глаголов окончание 3-го лица ед. числа *-т* в настоящем и будущем времени не вносит в глагольную форму категории лица: эти глагольные формы, хотя и говорят о том или другом действии или состоянии, но не содержат указания на то, чтобы это действие или состояние производилось определенным субъектом. Ср. безличные глаголы как *шумит, морозит, меня тошнит, чешется, думается*. Аналогично с этим окончание *-о* в форме прошедшего времени не вносит категории лица, напр. в формах как *морозило, рассветло, чесалось, думалось*. И точно так же безлично употребляются именные формы (причастия и прилагательные) на *-о*: *здесь весело, мне тошно, ему больно*.

От этих безличных форм отличается употребление 3-го лица мн. глаголов и причастий на *-л* без определенно выраженного субъекта; при безличных глаголах субъект не только не выражен определенно, он даже не подразумевается, между тем при формах 3-го лица мн. (на *-ут, -ат* и *-ли*) субъект подразумевается и притом

во мн. числе: *пишут, говорят, твердили, смеялись* (подразумевается: *люди*).

Форма повел. накл. на *-и* (или на согласную, за которой отпадо *-и*), при употреблении с существительным или местоимением 3-го лица или местоимением 1-го лица, утрачивает значение 2-го лица и получает значение 3-го лица или 1-го лица условного наклонения: *приди он раньше, знай я это раньше, ничего бы не было; скажи он это, было бы все исполнено; будь он постелее, его бы не тронули; вспомни я раньше об этом, все было бы хорошо; будь я там, этого бы не случилось; будь мы там*. Также реже при 1-м и 2-м лице мн.: *будь мы, будь вы*. Отмечу еще употребление формы повел. на *-и* в значении 3-го лица ед. повел. накл.: *помилуй бог, помоги ему бог, провались он на месте* (также и во мн. *провались они все*), *пропадай моя голова, сохрани его господь*.

1. Категория времени.

Глагол и прочие спрягаемые слова посредством тех или иных формальных средств образуют различные времена. Действие или состояние предмета представляется или продолжающимся в настоящем времени, или относящимся к прошедшему времени, или, наконец, относящимся к будущему времени. Наст. вр. глаголов определяется теми личными окончаниями, которые рассмотрены выше: *иду, хожу, просишь, видим, даёте, пошлт, ем, едим*. Наст. вр. прочих спрягаемых слов определяется отсутствием вспомогательного глагола при спрягаемом слове: *они веселы, он убит, он задушен, он тронут, она ранена, книга найдена* (наст. вр., состоящее из причастия совершенного вида, в противоположность другим формам наст. вр., можно определить как наст. вр. совершенного вида). Прош. вр. глаголов образуют формы спрягаемого причастия на *-л*: *он был, он убил, она пришла, она веселилась*. Прош. вр. прочих спрягаемых слов определяется наличием при спрягаемом слове вспомогательных глаголов в прош. вр.: *она была рада, они были удивлены, они были тронуты*. (Прошедшее время от глаголов совершенного вида, а также от спрягаемых причастий совершенного вида можно определить как прош. вр. совершенного вида.) Буд. вр. образуется от глаголов двояким способом: или оно по форме основы и по своим окончаниям тождественно с наст. вр. (будущее совершенного вида), напр. *съем, сыграет, набросит, залезет, заставим*; или оно представляет соединение инфинитива с вспомогательными глаголами *буду, стану* (будущее несовершенного вида): *буду играть, стану сказывать*, причем это образование возможно только от тех глаголов, основа которых не имеет значения совершенного вида (нельзя сказать *буду пошрать, будет сказать*). Буд. вр. прочих спрягаемых слов определяется наличием при спрягаемом слове вспомогательных глаголов в буд. вр.: *я буду ползень, я буду избит, она станет сильной*. (Соединение с причастием совершенного вида образует будущее совершенное.)

Наст. вр. от глаголов совершенного вида имеет не только значение будущего совершенного, но также и наст. вр. при рассказе о часто

повторяющихся событиях: *он встанет, оденется и выйдет в сад погулять, походит по дорожкам и вернется домой.*

Таким образом, если примем во внимание обнаруживающиеся видовые отношения, видим, что в нашем языке различаются следующие шесть времен: настоящее несовершенного и совершенного вида, прошедшее несовершенного и совершенного вида, будущее несовершенного и совершенного вида.

2. Категория наклонения.

Наклонениями называются те различия в глагольных формах, которыми обозначается отношение субъекта к действию или состоянию, выраженному глаголом; действие или состояние может представляться связанным с субъектом непосредственно, в этом случае глагольная спрягаемая форма определяется как изъяв. накл.; действие или состояние может представляться связанным с субъектом только при известном условии или определяться как нечто желаемое: сослаг. накл., наконец, действие или состояние связывается с субъектом только в акте воли говорящего лица: повел. накл. Выражения для сослаг. и повел. накл., равно как и для других наклонений (напр. условного, желательного), могут быть даны разнообразными синтаксическими сочетаниями (напр.: *если он скажет, пошел бы ты, да будет, молчать* и т. п.), но в морфологии мы останавливаемся только на тех различиях, которые даны в самой грамматической форме. С этой точки зрения различаем в русском языке только три выше-названные наклонения. Данное выше определение наклонения исключает возможность признать инфинитив наклонением хотя бы неопределенным: в нем не выражается отношения субъекта к действию или состоянию, выраженному глаголом; поэтому неопределенную форму, представляющуюся простым названием действия или состояния, удобнее назвать иностранным термином инфинитив.

Признаком изъяв. накл. являются наличие в глагольной и вообще спрягаемой форме возможности сочетаться с субъектом в каждом из шести лиц и отсутствие частицы *бы* за формами прошедшего времени: *я иду, ты несёшь, они хотели, они дадут, они будут сидеть, она молода, она была больна.*

Признаком повелительного наклонения является отсутствие возможности сочетать глагольную форму с 1-м лицом ед. числа и 3-м лицом ед. и мн. числа; обычно она сочетается только со 2-м лицом ед. и мн. числа: *сядь, посиди, проси, будьте любезны, играйте, давайте*; в глаголах совершенного вида, а также определенно-моторных (см. ниже) форма повел. накл. может относиться и к 1-му лицу мн., выражаясь при этом формой 1-го лица мн. наст. вр., но не сочетаясь с местоимением 1-го лица мн.: *идём, бросим, несём, скажем.* Форма *пошел*, не сочетаемая с местоимением 2-го лица ед. или принимающая за собой это местоимение только постпозитивно (*пошел ты вот*), служит также для выражения повел. накл. Повел. накл. являются и частицы *на, наме.* Особою разновидностью повел. накл. является его предостерегательное значение. Оно образуется двойным способом: во-первых, из соединения отрицания *не* с повел. накл. глагола

совершенного вида (который вообще с отрицанием не соединяется): *не потеряй, не упусти, не урони, не убейся, не попадись, не упади, не укради, не убей* (из заповедей), *не уколись, не прозевай*; во-вторых, из соединения повел. *смотри, прошу, пожалуйста* с повел. *накл.* (несовершенного и совершенного вида), сопровождаемых отрицанием: *смотри не вырони, смотри не шали, не откажитесь, прошу вас, смотри не вынь* (несчастливого жребия), *смотри не проиграй, не рассердись пожалуйста*.

Сослаг. *накл.* (согласно предыдущему, имеющее значение условного и желательного *накл.*) определяется наличием частицы *бы* при формах *прош. вр.* на *-л*: *я бы сел, она хотела бы, они бы вышли, она была бы* *добрее*. Впрочем, как мы видели, для выражения этого *накл.* (точнее *накл. условного*) употребляется и форма 2-го лица *ед. повел. накл.* в сочетании с 1-м и 3-м лицом *ед. числа*, реже *мн. числа*: *приди он раньше, послушайся я его совета, догадайся я, что это так*.

3. Категория вида.

Видами называются те различия в глагольных образованиях, которыми обозначаются различия в способе прохождения (течения, совершения, выполнения) действия или состояния, выраженного глагольной основой. Учение о значении видов принадлежит отделам грамматики, посвященным синтаксису и семасиологии. Но вопросы об образовании и форме видов рассматриваются в морфологии, причем значение видов затрагивается здесь постольку, поскольку обнаруживается связь между различными значениями и различными формами видов.

В русском глаголе различаются следующие два главные вида: вид несовершенный (имперфективный) и вид совершенный (перфективный). Несовершенный вид означает действие или состояние, длившееся в прошедшем или продолжающееся (не в своем результате, а в самом действии или состоянии) в настоящем или имеющее длиться в будущем: *смотрю, я ходил, буду читать, поговаривают, ты лёс, он бежит*. Совершенный вид означает или законченность длительности действия (состояния): *посмотрю, похожу, посидит, побегал* (т. е. длительность была налицо, но говорящий говорит о ней, как о прекратившейся, законченной в прошедшем или будущем); или он обозначает результат действия (состояния) как нечто законченное в прошедшем, настоящем или будущем: *он прибежал, он пришёл, он ранен, он наказан; она крикнет, он уйдет*.

В подавляющем большинстве случаев форма совершенного вида отличается от соответствующей формы несовершенного вида; в редких случаях формы совершенного и несовершенного вида совпадают в звуковом отношении. Во всех, однако, случаях формы обоих видов отличаются друг от друга в грамматическом употреблении, а именно: во-первых, форма, имеющая в глаголах несовершенного вида значение *наст. вр.*, в глаголах совершенного вида получает значение *буд. вр.*, напр. *говорю, наговорю, несу, принесу, смеюсь, засмеюсь; доношу начальству, доношу старое платье; она телеграфирует мне сегодня, она телеграфирует мне завтра*. Во-вторых, в глаголах несовершенного

вида буд. вр. образуется посредством соединения вспомогательных глаголов *буду, стану* с инфинитивом; в глаголах совершенного вида такое соединение не допускается: *буду говорить, буду слушать*; следовательно, в соединении *буду телеграфировать* глагол несовершенного вида. В-третьих, от глаголов несовершенного вида образуются причастия настоящего времени: *играющий*; от глаголов совершенного вида не может быть образовано причастие на *-щий*. В-четвертых, от глаголов совершенного вида не употребительно причастие наст. страдательного залога, между тем его образуют глаголы несовершенного вида: *любимый, уважаемый, это не производимо, он всеми видим*. В-пятых, повел. накл. совершенного вида по общему правилу не соединяется с отрицанием *не*, а если соединяется (иногда с *смотри, пожалуйста, прошу*), то имеет значение предостерегательное: *не промахнись, смотри не уступи, пожалуйста не отпрись*.

Перехожу к формальным отличиям совершенного вида от несовершенного. Как указано, в подавляющем числе случаев форма совершенного вида глагола отличается от соответствующей формы несовершенного вида. Отличие это выражается или 1) в обособлении основы несовершенного вида предлогом *браю* — *побраю, выбраю*, или 2) в самом строении основы. Рассмотрю отдельно тот и другой способ образования совершенного вида.

1. По общему правилу глагол несовершенного вида, сочетаясь с предлогом, переходит в совершенный вид; предлог утрачивает при этом свое реальное значение и указывает только или наступление результата действия, выраженного глаголом, или его окончание, или полноту его проявления, или, наконец, прекращение длительности. Приведу ряд примеров с различными предлогами: *за: забарабанить, зарезать, застрелить, задрожать, задремать; воз: воспылать, вознегодовать; по: полететь, побегать, побрести, повалить, погнать; от: отсидеть, отстоять, отпеть; на: нападать, накурить, написать, напутать; из: испачкать, испортить, истолочь, изжарить; вы: высечь, выкрасить, выругать; про: прогреметь, пробормотать, прождать, прозвучать, проездить; у: украсть; с: сделать, сыграть, снести, слетать, слукавить; раз: разбудить, разбогатеть, развеселить; о, об: остолбенеть, осиротеть; по: повенчать, построить, покраснеть. Для выражения прекращения длительности глагола употребляется предлог *по: поговорить, поиграть, полечиться, походить, почесаться, поторопиться*.*

2. Различие в основах, означающих совершенный и несовершенный вид, образуется разными способами и восходит к разным эпохам. Необходимо иметь в виду следующие четыре группы глаголов совершенного вида: а) несложные с предлогами основы на согласную и на *-и*, имеющие при себе в несовершенном виде основы на *-а*; б) основы, несложные с предлогами, при которых исчезли соответствующие основы несовершенного вида; в) несложные с предлогами основы на *-ну*; г) сложные с предлогами основы.

1) Число основ, несложных с предлогами, оканчивающихся на согласную и на *-и* и имеющих значение совершенного вида, весьма ограничено. Сюда относятся: *дам* (основа *дад-*) при основе *дава-*

в несовершенном виде (но в наст. вр. основа *даю-*), *паду* (основа инфинитива *пад-*) при основе *пада-* в несовершенном виде (*падаю*); основы на *-и*: *благословлю* при *благословляю* в несовершенном виде, *брошу* при *бросаю* в несовершенном виде, *кончу* при *кончаю*, *лишу* при *лишаю*, *пленю* при *пленяю*, *прошу* при *прощаю*, *пушу* при *пускаю*, *рожу* при *рождаю*, *решу* при *решаю*, *ступлю* при *ступаю*, *хвачу* при *хватаяю*, *явлю* при *являю*. Сюда же относится *куплю* при *покупаю* в несовершенном виде. Глагол *хватить* (ударить) не имеет при себе несовершенного вида, но ясна связь его с *хватать*.

2) При *сяду* — *сесть*, *лягу* — *лечь*, *стану* — *стать*, *дену* — *дечь* не известны теперь соответствующие формы несовершенного вида (впрочем, известен инфинитив *девать*), но раньше при них существовали образования как **сѣдять* (украинск. *сідати*), *лѣгать*, **ставать*, **дѣвать*.

3) Несложенные с предлогами основы на *-ну* принадлежат все к совершенному виду, за исключением тех, которые обозначают не активное действие предмета, а пассивное его состояние (как *тонуть*, *виснуть*, *киснуть*, *пухнуть*, *мокнуть*, *сохнуть*), а также еще глагола *тянуть*. Соответствующие глаголы несовершенного вида производятся от основы на *-а*. Примеры для глаголов совершенного вида на *-ну*: *зевнуть*, *крикнуть*, *шагнуть*, *чихнуть*, *ажнуть*, *хлопнуть*, *топнуть*, *резу́ть*, *колы́уть*, *толка́уть*, *кашля́уть*, *баци́уть*, *верну́ть*, *кину́ть*, *мину́ть*.

4) Глаголы совершенного вида, сложенные с предлогами, сохранившими реальное свое значение, имеют при себе по общему правилу глаголы несовершенного вида, сложенные с теми же предлогами, но образованные от другой основы. При этом различаются две группы: а) основа несовершенного вида не является основой производной от основы совершенного вида; б) основа несовершенного вида производная от основы совершенного вида.

а) Глаголы несовершенного вида со значением моторным производятся от родственной основы с неопределенно-моторным значением, когда совершенный вид (сложенный с предлогом) содержит основу с соответствующим определенно-моторным значением. Так, при *отнести* является *относить*, ср. *нести* — *носить*; так же: *завезти* — *завозить*, *донести* — *доносить*, *залететь* — *залетать*, *привести* — *приводить*. Сложенный с предлогом глагол *лезть*, напр., *залезть*, *вылезть*, рядом с *лазить* — *залазить*, *вылазить* может иметь и образование с производной основой: *залезать*, *вылезать*. Только с производной основой образует соверш. вид глаголов *плыть*, *ехать*, *бежать* соответствующие основы несоверш. вида: *приплыть* — *приплывать* (не **приплавать*), *приехать* — *приезжать* (не **приездить*), *набежать* — *набегать* (не **набѣгать*).

б) Остальные глаголы совершенного вида образуют несовершенный вид от соответствующей производной основы. При этом известны производные основы на *-а*, производные основы на *-я*, производные основы на *-ывать*, *-ивать*. Рассмотрю отдельно все эти производные основы.

Производную основу на *-а* (после гласных на *-ва*) находим от всех глаголов, оканчивающихся в инфинитиве на согласную и на гласную при односложности основы совершенного вида: *продать* — *продавать*;

напеть—напевать, нажать—наживать, задуть—задувать, забить—забивать, покрыть—покрывать, обуть—обувать, сознать—сознавать; также: отпадать, оседать, отсекаать, запасать. При этом в древнейшем периоде краткие, исконно краткие, гласные в корне подвергались растяжению: *о* переходило в *а*, *е* в *ь*, *ъ* в *ы*, *ь* в *и*; в русском языке, в частности в великорусском, такие *а*, *ь* заменены были с течением времени под влиянием аналогии через *о*, *е* (напр. погребать вместо погрѣбать, налегать, помогать), но *ы*, *и* на месте старых *ъ*, *ь* сохранились: *умирать* (ср. основу настоящего *ѣмьр-* в *умру*), *простираать* (наст. *протѣр-* в *простру*), *натираать* (наст. *натѣр-* в *натру*), *считаать* (наст. *счѣт-* в *сочту*), *начинаать* (наст. *начѣн-* в *начну*), *пожиратаать* (наст. *пожѣр-* в *пожру*), *пробиратаать* (ср. *ѣр-* в *пробѣрати*). Производную основу на *-а* находим (с таким же растяжением исконно кратких гласных) и при глаголах с инфинитивом на *-иуть*: *увлякуть*—*увлядать*, *утопуть*—*утопать*, *заснуть*—*засыпать*, *закинуть*—*закидать*, *передвинуть*—*передвигать*. Производную основу на *-а* находим в редких случаях при основе наст. вр. на *-је* и основе инфинитива на *-а*: *насыплю*—*насыпать*, *обрежу*—*обрезать*. Производная основа на *-а* является далее в соответствии с основой на *-и* в совершенном виде в том случае, если в соответствующих глаголах несложных соверш. и несов. вида известны те же обе основы: *наступитъ*—*наступать* (ср. *ступитъ*—*ступать*), *запуститъ*—*запускать*; сюда же *закупитъ*—*закупать* (ср. *купитъ* совершенного вида, не имеющее, впрочем, при себе *купать*). Производная основа на *-а* является еще в нескольких случаях: *загораться*, *пригорать*, *закипать*.

Производную основу на *-ја* находим при основе на *-и* по общему правилу, однако, только тогда, когда в основе настоящего времени ударение падает на это *и*: *обвиниши*—*обвинять*, *успиащати*, *отвращати*, *наделяти*, *уощати*, *объявляти*, *отличати*, *упощати*, *устремляти*, *усыпляти*, *укрепляти*; также еще и там, где ударение в наст. вр. колеблется, но где в инфинитиве оно падает на *и*: *отучати*, *умоляти*, *провождати*, *погруждати*, *выгруждати*, *перемениати*. В словах книжных, заимствованных из церковнославянского, образование на *-ја* при основе на *-и*, независимо от ударения основы настоящего и инфинитива, составляет общее правило: *украшати* при *укра́сити*, *управляти*, *наставляти*, *прославляти*, *приготовляти*, *отвечати*, *отправляти*, *замечати*, *отмечати*.

Производную основу на *-ыва* с ударением на корне находим в других неотмеченных выше глаголах в положении после твердой согласной. Так, при основе инфинитива на *-иу*: *заглядывати*, *притискивати* (здесь *и* вместо *ы* после *к*), *записывати* (то же после *х*), *отстѣивати* (то же после *г*), *затрогивати*, *подуськивати*, *проскальзываю*, *улепѣтывати*, *отпрядывати*. При основе инфинитива на *-а* и *-о* с основой настоящего времени на *-је*: *заказывати*, *срезывати*, *слизывать*, *помазывать*, *отклѣвывать*, *отплѣываться*, *закальвати*. При основе инфинитива на *-а* с основой наст. вр. на *-аје*: *забрасываю*, *запугиваю*, *учитываю*, *отмежовываю*, *заламываю*, *улитывати*, *закусывати*, *закутывати*, *зарабатывати*.

Производную основу на *-ива* с ударением на корне находим в положении после мягкой согласной. При основе наст. вр. и инфинитива на

-и, когда ударение в инфинитиве или наст. вр. (здесь кроме 1-го лица ед.) падает на корень: *расцвечивать, отплячивать, разукрашивать, подзадоривать, унавоживать, условливаться, замораживать, запрашивать, отваживаться, отплачивать, позванивать, отращивать, отсрочивать, замаливать, загоразживать, отсвечивать, покучивать, отбивчивать, залечивать, охорашивать, вынашивать, высушивать, выменивать, выучивать, выколачивать, выпиливать, обнаруживать, отшучиваться, озадачивать, обнадёживать, удерживать, открещиваться, усваивать, удваивать.*

При основе наст. вр. на *-јаје*: *увенчивать, замешивать*. При основе наст. на *-и* и основе инфинитива на *-ль (-а)*: *высиживать, полёживать, вылёживаться, просиживать* (несмотря на удар. *просидит*), *замалчивать, отस्ताивать*.

3. Некоторые сравнительно немногочисленные глаголы имеют одну общую форму как для совершенного, так и для несовершенного вида. Сюда относятся глаголы: *жению, крещу, казнию, велю, дарую, образую, организирую, телеграфирую* и, повидимому, *обещаю*. Глаголы *организирую* и *телеграфирую* представляются новообразованиями; *обещаю, дарую, образую, крещу* несомненно слова книжные, заимствованные из церковнославянского; значение слова *жению* дает основание предположить, что и оно такого же происхождения; понятно, что и *казнию, велю* можно признать церковнославянизмами. Следовательно, совмещение двух значений видовых имеет место а) в словах, заимствованных из церковнославянского, б) в новообразованиях. Оба видовые значения перенесены из самого церковнославянского языка; здесь, в силу необходимости создавать неологизмы, а другой раз в силу невозможности прибегнуть к новообразованиям, в ряде случаев, как увидим, стирались первоначальные отношения между обоими видами. Быть может, сюда же должно отнести следующие глаголы, в настоящее время известные только со значением совершенного вида, но еще недавно употреблявшиеся и со значением несовершенного вида: *молвлю, раплю*. Отдельно стоят русские по форме глаголы *ворочу* и *полоню*, известные только в совершенном виде, причем, однако, *ворочу* употребляется в виде несовершенном, напр. в выражении *он рыло ворочит*; эти глаголы, в особенности *полоню* (вместо *ворочу* чаще *возвращу, верну*), пре. ставляются устаревшими.

Из предыдущего выясняется, что большая часть глаголов совершенного вида представляет сложение глагола с предлогом. Мы можем указать на сравнительно немного глаголов с основой на согласную и на *-и* в инфинитиве, имеющих значение совершенного вида; возможно, что такое значение они получили позже под влиянием того, что при них были однозначные глаголы с основой на *-а*, которым было присвоено значение соответствующего несовершенного вида; при этом вероятно думать, что, напр., *явить* при *являть* получило значение совершенного вида вследствие именно того, что рядом с несовершенным *объявлять* (с производной основой) существовало *объявить*; ср. еще *ступить* — *ступаю* при *наступить* — *наступаю*; *купить* совершенного вида под влиянием *накупить* — *накупаю*; *родить* — *рождаю* под влиянием *зародить* — *зарождаю*. Как мы только что видели, число глаголов, несложенных с предлогами, где значение совершенного

вида не связывается с только что указанными условиями, совершенно незначительно (*женю, раю* и т. п.). Итак, сложение с предлогом по общему правилу вызывает замену несовершенного вида глагола видом совершенным¹: *видеть — увидеть, красть — накрасть, бросать — забросать* и т. д. Это общее положение нуждается, однако, в более подробном исследовании, в виду того, что ряд глаголов, сложенных с предлогами, сохраняют свое первоначальное значение несоверш. вида. Сюда относятся следующие группы глаголов.

Во-первых, те глаголы, сложенные с предлогами и имеющие значение несоверш. вида, которые не имеют при себе простых беспредложных глаголов; эти глаголы рассмотрены выше, причем указано, что они образованы от производной основы при сложенных с теми же предлогами глаголах совершенного вида, образованных от основы непроизводной. Так, находим со значением несовершенного вида: *замечать, забавлять, украшать, угощать, укрощать, заворачивать, заколачивать, разламывать* при отсутствии простых беспредложных **мечать, *ворачивать, *ламывать*; ясно, что перед нами новообразования, явившиеся при глаголах совершенного вида: *заметить, добавить, заколотить* и т. п.

Во-вторых, группа глаголов с основой производной на *-а*, сохраняющих значение несовершенного вида в сложении с предлогами, несмотря на наличность при них простого, беспредложного глагола с тою же основой; сюда относятся: *бывать: забываю, отбываю, убываю, добываю* и др. (но в соединении с *по* совершенный вид: *побываю*); *давать: подаю, отдаю, продаю, раздаю* (но в соединении с *на* совершенный вид: *надаю*); *кидать: покидаю* (но в соединении с другими предлогами совершенный вид: *закидаю, накидаю, выкидаю*); *девать: одеваю, задеваю, продеваю* (но в соединении с *по*: *подеваю*); *пускать* и простор. *пушать: отпускаю, выпускаю, попускаю, запускаю; рождать: порождаю, зарождаю; решать: отрешаю; ступать: заступать, отступая, наступая, приступая, выступая, поступая; рыгать: изрыгаю, отрыгаю; являть: заявлять, объявлять, изьявляю*. Едва ли может подлежать сомнению, что несовершенный вид в глаголах этой группы сохранялся под влиянием глаголов первой группы; при всех этих глаголах имеются родственные образования совершенного вида в сложениях с теми же предлогами: *забыть, подам, покину, одену, отпущу, зародит, отрешит, наступлю, изрыгнет, изьявлю* и т. д. Глаголы *забывать, подавать, отрешать*, ассоциируясь с *забыть, подать, отрешить*, представлялись такими же производными, как, напр., *затевать* при *затеть*, *покрывать* при *покрыть*, *увядать* при *увянуть*; вследствие этого они и получили значение несовершенного вида. Ср. с одной стороны несовершенный вид в сложениях, как *забываю, подаю, покидаю* при сложных *забуду, подам, покину*; а с другой совершенный вид в сложениях *побываю, надаю, подеваю, накидаю* в виду отсутствия сложных **надам, *подену* и другого значения таких сложных, как *побуду, накинну*.

В-третьих, группа глаголов, обозначающих движение, как *ходить, носить, водить, возить, летать*, в сложении с предлогами сохраняют

¹ В рукописи: «Замену совершенного вида глаголов видом несовершенным».
(Р е д.)

несовершенный вид: *отношу, заносу, забожу, привожу, перелетаю* (но рядом с совершенным видом сложение, как *поношу ребенка по комнате, слетаю в город, схожу за ним*). Сохранение несовершенного вида вызвано здесь тем, что сложенные совершенного вида, как *отнести, завести, привезти, налететь*, получили при себе в качестве несовершенного вида образования, как *относить, заводит, привозит, налетать*, — и это в виду существования при *нести, везти, вести, лететь* производных основ *носить, возить, водить, летать*. Появление совершенного вида в указанных выше *поносить, слетать, сходить* объясняется тем, что сложенные *понести, слететь, сойти* не ассоциировались с ними по значению. Поэтому *заносит платье* — совершенного вида (ибо нельзя *занести платье*), *заводит кого до усталости* — совершенного вида (ибо *завести* имеет другое значение). Сравнивая ударение глаголов *выносить, выводить, выходить, вывозить* и глаголов *выносить, выходить, вывозить*, видим, что в несовершенном виде оно первоначально, ибо по общему закону оно переносится на предлог *вы*; следовательно, это ударение явилось под влиянием производных с ударением на примете *-а*; отсюда видно, что не только *выходит* и т. д., но и *доходит, заводит, привозит* со значением несовершенного вида надо рассматривать как новообразование.

В-четвертых, ряд глаголов, сложенных с предлогами, сохраняющих несовершенный вид, оказываются заимствованными из церковнославянского языка, где, как указано, были нарушены первоначальные условия различения видов вследствие неологизмов, новых искусственных образований, нарождавшихся при переводе на славянский язык греческих текстов. Ср. с этим аналогичное явление в русском языке, где глагол *выглядеть*, образованный по образцу немецкого языка, сохраняет значение несовершенного вида. Церковнославянские глаголы этого рода или имеют при себе простые беспредложные, или известны только в сложении с предлогами. К первым относятся, например: *предвидеть, провидеть, подлежать, надлежит, принадлежать, прилежать, содержать, отстоять, состоять, предстоять, настоять* (нужда, *сознатель, поносить* (бранить), *предчувствовать, сочувствовать, наследовать, преследовать, разуметь, прообразует*. Ко вторым относится, напр.: *зависеть, изволить, заимствовать, завидовать, обожать, обуревать, ожидать, опасаться, осязает, поборать, угрожать, поблажать, подобать, подозревать, раздражать, подразумевать, отрицать, порицать, созерцать, увещевать, управлять, упражнять, изобилывать, повиноваться, приветствовать, приличествовать* и др.

Сказанное убеждает нас в том, что первоначально все сложенные с предлогами глаголы получали значение совершенного вида. Несовершенный вид в таких глаголах вызывался или необходимостью иметь новообразование несовершенного вида при соответствующем глаголе совершенного вида, или искусственным подражанием другим языкам — греческому (в церковнославянском), немецкому (глагол *выглядеть* в русском).

Совершенно ясно, что указанное происхождение совершенного вида — путем сложения глагола с предлогом — ведет к следующему положению: совершенный вид образовался не самостоятельно, а путем

противоположения сложённого с предлогом глагола простому, беспредложному. Когда в ряде случаев (как *несу* — *занесу*, *прошу* — *попрошу*, *курю* — *накурю* и т. п.) возникло соотношение несовершенного вида с совершенным, такое же соотношение переносилось и в другие случаи. А именно, во-первых, сложённые с предлогами глаголы совершенного вида стали нуждаться в соответствующих, содержащих те же предлоги (с определенным реальным значением), глаголах несовершенного вида; для образования их, как мы видели, прибегли к производным основам (*занесу* — *заношу*, *упрошу* — *упрашиваю*, *закурю* — *закуриваю*); во-вторых, видовые отношения переносились и в глаголы простые, беспредложные, причем, под влиянием аналогии сложённых с предлогами, несовершенный вид получали из сходных по значению чередующихся между собою основ основы на *-а*, а значение совершенного вида основы на согласную или на *-и* в инфинитиве (так явились: *явить* — *являю*, *ступить* — *ступаю*). Отмечу, напр., что еще недавно *кончиться* употреблялось в несовершенном виде; теперь это только совершенный вид под влиянием глагола *кончатся*. Также глагол *решить* употреблялся в несовершенном виде. В церковнославянском языке и в образовавшемся под его влиянием книжном русском языке два видовые значения стали различаться и в некоторых единичных глагольных основах (*крещу* — *крещу*, *дарую* — *дарую*).

Из предыдущего следует, что значение совершенного и несовершенного вида соотносительное. Вследствие этого при данном глаголе совершенного вида существует обыкновенно соответствующий глагол несовершенного вида; глагол несовершенного вида обыкновенно имеет при себе соответствующий глагол совершенного вида. Однако из обоих этих положений имеются исключения.

При некоторых глаголах совершенного вида неизвестны соответствующие образования несовершенного вида¹. Мы видели такие глаголы среди беспредложных. Сюда относятся: *купить* (несовершенный вид при нем: *покупать*), *хватить* (в значении ударить), *сесть* (несовершенный вид *сидеться*), *лечь* (несовершенный вид *ложиться*), *стать* (в значении сделаться, несовершенный вид *становиться*), *вернуть* (несовершенный вид *возвращать*), *бацнуть*, *рицнуть*, *хлыцнуть*, *гряцнуть*; далее сюда же относятся теперь: *положить*, *воротить*, *молвить*, *ранить* (см. выше). Среди глаголов, сложённых с предлогами, не образуют совершенного вида ряд глаголов на *-ся*, по значению своему ассоциирующиеся непосредственно с простыми, беспредложными, так как предлоги в этих глаголах не сохранили своего реального значения (а мы знаем, что новообразования несовершенного вида возникают только при тех сложённых с предлогами глаголах, в которых предлоги сохранили свое реальное значение); так, находим совершенный вид *насидеться*, *насмотреться*, *наглядеться*, *накричатся*, *наспаться*, *наволноваться*, *належаться*, *докричатся*, *расплакаться*, *разговориться*, *разнежиться*, *развехаться* (в значении распасться), *разоспаться*, *развеселиться*; они относятся к несовершенным: *сидеть*, *спать*, *веселиться*. Кроме того находим: *уснуть*, *укусить* (при *спать*, *кусать*), *уронить* (при *ронять*), *положить* (при *класть*).

¹ В рукописи: «Образования совершенного вида». (Р о л.)

Укажу теперь на такие глаголы несовершенного вида, которые не образуют при себе вид совершенный. Сюда относятся, во-первых, некоторые несложенные глаголы, как *удить, силиться (усилиться?)*, *значить*, книжный глагол *долженствовать*. Во-вторых, ряд сложённых глаголов церковнославянского происхождения: *обожать, полагать, обуревать, ожидать, поблажать* и т. д. (см. перечень таких глаголов выше). В-третьих, глагол *перекоряться*. В-четвертых, несколько глаголов на *-ивать*, как *заискивать, отвеживать, отуживать, ухаживать, охорашиваться*. В-пятых, глаголы, обозначающие действие, сопровождающее другое действие: *приплясываю, подпеваю, припеваючи, присвистывать*. В-шестых, глаголы, обозначающие действие, «сообщающееся разным предметам и простирающееся по пространству» (определение Востокова): *разговариваю, разуливаю, распевая, расхаживать*.

4. Категория залога.

Формами залога называются те различные произведенные от одного и того же глагола образования, в которых обозначаются различного рода отношения действия или состояния, выраженного глаголом, к его субъекту. Таким образом, под понятие залога подходят те формы, которые может принять тот или иной глагол для выражения указанных отношений. Определение залогов составляет предмет морфологии постольку, поскольку при этом выясняются те формальные средства, к которым для указанной цели прибегает язык.

В русском языке существует два формальные способа для выражения различий в отношениях действия или состояния, выраженного глаголом, к его субъекту: 1) в причастиях исходи различались причастия, произведенные от глаголов, обозначающих действие или состояние, происходящее от самого субъекта (*уважающий, убеждавший, принесший, зеленеющий*), и причастия, произведенные от глаголов, обозначающих действие, переходящее с другого (психологического) субъекта на субъект предиката (*уважаемый, принесенный*); первые из этих причастий принадлежат к действительному залогу, а вторые к страдательному; благодаря употреблению спрягаемых форм причастия страдательного залога для выражения форм времени и наклонения частью в соединении с вспомогательным глаголом, частью самостоятельно, в нашем языке могут быть образованы, напр. от глаголов *уважать, принести*, формы страдательного залога: *я уважаем, я был уважаем, он принесен, был, будет принесен, будь уважаем, был бы принесен, быть уважаемым, принесенным*; они противопоставляются формам: *я уважаю, уважал, принес, принесу, уважай* и т. д., которые таким образом относятся к действительному залогу; 2) к разным глаголам, выражающим как действия, так и состояния, может присоединиться в русском языке частица *-ся* (по происхождению и по первоначальному значению это возвратное местоимение 3-го лица); прибавление этой частицы вносит различия в основное значение глагола, и большая часть этих различий суть различия залоговые, ибо ими вносится изменение в значение той связи между предикатом и субъектом, которая дана в основном глаголе. В противоположность

основным глаголам без *-ся*, относящимся к действительному залогу, глаголы на *-ся* можно определить, как глаголы недействительного залога; но, имея в виду, что одни из них имеют значение страдательного залога, а другие такого значения не имеют, мы эти последние обозначим общим термином — глаголы среднего залога.

Итак, различаем в русском языке следующие залогов:

1. Действительный, обозначающий действие или состояние, протекающее от самого субъекта, производимое или осуществляемое им: *нести, ходить, глотнуть, богатеть*. Формально этот залог отличается от среднего отсутствием окончания *-ся* в произведенных от соответствующего глагола формах.

2. Страдательный, обозначающий действие, переходящее на субъект предиката с другого (психологического) субъекта. К страдательному залогу принадлежат причастия наст. вр. на *-и* (*-мый*) и прошедшего времени на *-и* (*-ный*) и *-т* (*-тый*). Спрягаемые формы образуются: а) спрягаемыми формами указанных причастий, причем отчасти при помощи вспомогательных глаголов могут быть выражены все те глагольные категории, которые выражаются и действительным залогом: *я любим, ты разорён, он будет убит, они были бы позваны, будь любим* (повел. накл. вообще редко в подобных образованиях); б) посредством присоединения частицы *-ся* к формам глаголов с переходным значением; наст. вр.: *эта песня распевается нами*; прош. вр.: *книжки мною не продавались и не покупались, комната отпиралась подобранным ключом*; сослаг. накл.: *такие продукты вывозились бы на рынок, если бы...*; буд. вр.: *этот человек будет вами цениться*; причастие: *предполагающаяся нами постройка, привозившиеся окрестными торговцами товары*; повел. накл. таким способом не образуется; это зависит от того, что вообще формы на *-ся* употребляются только в 3-м лице ед. и мн.; для выражения 1-го и 2-го лица прибегают к первому способу образования страдательного залога. От глаголов совершенного вида может быть образовано вообще только буд. вр., но ни прош. вр. (нельзя сказать: *эти дети полюбились нами*, а в выражении «*полюбились нам*» *полюбились* не страдательный, а средний залог), ни также причастие наст. и прош. вр.: *скатерть зальется чернилами* (но не *залилась чернилами*, а только *была залита чернилами* и не *зальющаяся* или *залившаяся чернилами*).

3. Средний залог, обозначающий, что действие или состояние, выраженное глаголом действительного залога, подверглось тому или иному изменению в отношении его к субъекту, причем это изменение внесено в него частицей *-ся*: *моется, чешется, она оделась, они брались, ссорились, он учится, интересуется, снег белеется, он плакался, стукался*. На значениях, вносимых в действие или состояние глагола, мы остановимся ниже.

Частица *-ся* способствовала сохранению в глаголах среднего залога некоторых форм, исчезнувших в глаголах действительного залога; так, в глаголах на *-ить* дееспричастие совершенного вида на *-я* исчезает, но в глаголах на *-иться* сохраняется *-ясь* (*против его проступок*; но — *простясь с ним*).

В некоторых случаях средний залог не может быть образован одной частицей *-ся*, а только одновременною приставкою предложения.

Сюда относятся глаголы, как *выспаться, наговориться, расплакаться, посидеться* и т. п., обозначающие полноту действия и вызванную ею удовлетворенность субъекта.

Не все глаголы на *-ся* принадлежат к глаголам среднего залога, при многих из них нет соответствующих глаголов действительного залога, причем, следовательно, частица *-ся* не отделима от этих глаголов: *бояться, смеяться, побираться, толпиться, осунуться, растаться, развестись, налегаться, напиться, дозваться*. В этих глаголах таким образом нет формы залога. Отсюда следует, что русские глаголы распадаются на два класса: 1) глаголы, обозначающие залоговые различия, 2) глаголы, такого различия не обозначающие; в этом последнем классе одни имеют ту же форму, что глаголы действительного залога, но не могут соединяться с частицей *-ся*: *идти, действовать, телеграфировать, возненавидеть, вознегодовать*; а другие ту же форму, что глаголы среднего залога, но не могут быть отделены от частицы *-ся*: *бояться, взгромоздиться*. Эти последние глаголы можно обозначить термином *отложительные*.

5. Прочие значения глагольных основ.

В предыдущих отделах мы имели дело с двумя категориями значений глагольных основ: видовыми и залоговыми. Кроме этих значений, необходимо иметь в виду еще некоторые другие грамматические значения, частью совершенно независимые от рассмотренных, частью однородные с ними. Остановлюсь на некоторых из них.

1. Глаголы могут иметь или переходное значение, или непереходное. Переходными глаголами называются те, которые выражают действие, переходящее с субъекта действия на объект: *он ест грушу, она рвала цветы, они принесли письма*. Непереходными называются остальные глаголы. Переходные глаголы это те, которые могут иметь за собой прямое дополнение в вин. пад. Грамматически переходные глаголы отличаются от непереходных тем, что могут образовывать причастия страдательного залога, а соединяясь с *-ся* давать формы страдательного залога: *книга читается, читана*. Глаголы переходные все принадлежат действительному залого; между тем непереходные могут быть как стоящими вне залога, так действительного залога и среднего (*ходить, торговаться*); следовательно, глаголы на *-ся* не могут иметь переходного значения, а только непереходное.

2. Глаголы несовершенного вида обозначают вообще действие или состояние, продолжающееся в настоящем или продолжавшееся в прошедшем. Течение такого действия может быть различное. Оно может быть непрерывным, не разлагающимся на отдельные моменты: *говорю, веселюсь, завидую, плету, точу, сижу, просматриваю, съезжаю* и т. п.; это значение назовем *длительным*. Течение действия может быть непрерывным, но при этом указывающим на отдельные неопределенные моменты: *он носит ребенка взад и вперед, он ежедневно носит нам булки, он ходит по комнате, птица летает* (т. е. имеет свойство летать, или летает в определенном пространстве, но не в определенном направлении; *он уж ходит* — означает, что он может ходить и двигаться в разных направлениях; *он ходит по комнате* —

означает, что двигается по комнате в разных направлениях, быть может, временами и останавливаясь и прерывая движение; *он ездит по этой дороге*, не теперь, не сейчас, а в разное время).

Такое значение, свойственное глаголам движения (*гонять, летать, бегать, ползать, лазить, плавать, ездить, ходить, водить, косить, возить, бродить, катать, таскать*), назовем неопределенно-моторным. Ему противопоставляется такое значение тех же глаголов движения, которым обозначается, что оно протекает в том или ином определенном направлении и притом в определенный, данный момент; *он несет мне письмо, он вез* (т. е. в то время он вез) *всю сумму денег, он ехал* (т. е. именно тогда) *не один* (он ездил не один, но в этот раз ехал без обычного своего проводника). Значение глаголов *лететь, плыть, ехать, бежать, идти, брести, катить, тащить, идти, нести, вести, возить* назовем определенно-моторным. Заметим, что определенные глаголы движения соотносительны с неопределенными: определенность их значения зависит от наличия при них глаголов со значением неопределенным. Эта соотносительность особенно ярко обнаруживается из того, что некоторые сложные с предлогами определенные глаголы (получающие при этом значение совершенного вида) образуют при себе соответствующие глаголы несовершенного вида от основы неопределенных глаголов: *доставить* — *доставлять*, *приходить* — *приходить*, *улететь* — *улетать* (но *ехать* образует несовершенный вид от производной основы *-езжать*, *бежать* от производной основы *-бегать*, *ползти* от *-ползать*, *лезть* от *-лезать*, *плыть* от производной основы *-плывать*). Это обстоятельство, как мы уже видели, было причиной того, что соединение неопределенно-моторных с предлогами не изменяет их несовершенного вида в совершенный; основы неопределенно-моторные заменили ожидаемые по общему правилу основы производные. В связи с этим отметим, что соединение их с такими предлогами, с которыми не сочетаются определенно-моторные основы, влечет за собой переход их несовершенного вида в вид совершенный; напр., предлог *по* в соединении с определенно-моторными означает начало действия, выраженного несложным глаголом: *понести* — *нести*; между тем тот же предлог в соединении с неопределенно-моторными означает прекращение непрерывного действия, прекращение длительности глаголов: *поношу ребенка* — *ношу ребенка*; вследствие этого *понести* и *поносить* не соотносительны между собой; *понести* — совершенный вид при *нести*, а *поносить* — совершенный вид при *носить*. Равным образом предлог *за* в *заездить, забегать, завозить, заводить, заплавать* не сохранил того реального значения, которое имеется, напр., в *заехать, забегать, завести, завести*; вследствие этого они, будучи совершенного вида, ассоциируются с *ездить, бегать, возить, водить, плавать*, как с глаголами несовершенного вида, между тем как *заехать, забегать* вызывают при себе новообразования *заезжать, забегать*, а *завести, завести* — *завозить, заводить*, в значении несовершенного вида. Отмечу еще одно формальное отличие определенно-моторных как от неопределенно-моторных, так и вообще от длительных: они для обозначения 1-го лица мн. повел. накл. могут употребляться (так же, как глаголы совершенного вида) в форме 1-го лица наст. вр. изъяв.

накл.: *несём, едем, идём*. Кроме того 1-е лицо ед. числа этих глаголов может получить значение будущего времени: *иду, еду, лечу, бегу, несусь*.

Глаголы, обозначающие действие или состояние, повторяющееся в настоящем или повторявшееся не раз в прошедшем, определяем в их значении как глаголы многократные: *он к нам хаживает, владыка говаривал, что..., я его не видывал, мы здесь отроду не нашивали, он видывал и не такие виды*. Все такие глаголы производятся от производных основ на *-ива, -ыва, -ва*, реже *-ја, -а*, возникающих при основах длительных или неопределенно-моторных: *петь — певать, ходить — хаживать, гостить — гаживать, стоять — стаивать, платить — плачивать, кутить — кучивать, пить — пивать, ездить — ежжать, есть — едать*. Ввиду этого ясно, что многократные вообще представляют несложенную с предлогами основу, ибо сложенные с предлогами основы вообще имеют значение длительно-производное; впрочем, от сложенных с предлогами глаголов неопределенно-моторных может быть также произведен соответствующий многократный глагол: *заходить — захаживать, заносить — занашивать* (*он частенько занашивает к нам письма*; в выражении «он занашивает свое платье» глагол имеет значение длительно-производное, ибо при этом имеется в совершенном виде *он заносит свое платье*). Вообще же многократные основы, соединяясь с предлогами, получают значение длительно-комитативных: *певать — припевать*, длительно-дистрибутивных: *говаривать — разговаривать*, длительно-прерывистых: *хаживать — похаживать*, или вообще длительно-производных: *певать — напевать, распевать; кашивать — накашивать; шучивать — вышучивать*. Впрочем, здесь, как и в случаях *принести — приносить*, имеем, собственно, дело не со сложением многократных основ с предлогами, а с совпадением новых производных основ с старыми производными основами, бывшими известными вне сложений. Многократные глаголы имеют чрезвычайно ограниченное употребление; в современном языке они известны почти только в прош. вр.; исключение составляет глагол *хаживаю, захаживаю*, повел. *захаживайте*, инфинитив *захаживать*; не употребляется также причастие наст. вр. и деепричастие.

Глаголы несовершенного вида, произведенные от соответствующих глаголов совершенного вида, сложенных с предлогами, имеют значение длительное; ассоциация их с глаголами совершенного вида вносит, однако, известный оттенок в их значение (значение интенсивной длительности): *наливать, накашивать, направлять, закусывать*. Определяем эти глаголы как длительно-производные. Глаголы, обозначающие действие, сопровождающее другое действие, сложенные с предлогами *при* и *под*, но не имеющие при себе соответствующего совершенного вида, определяем как глаголы длительно-комитативные: *приплясывать, припеваючи, присвистываючи*. Глаголы, сложенные с предлогом *раз* и обозначающие действие, «сообщающееся разным предметам и простирающееся по пространству» (Востоков), но не имеющие при себе соответствующего совершенного вида, определяем как глаголы длительно-дистрибутивные: *разговариваю, расхаживаю, распеваю*.

Глаголы, обозначающие действие или состояние «учащаемое или перемежающееся» (Востоков) и сложенные с предлогом *по*, определяем

как глаголы длительно-прерывистые (Фортунагов: прерывисто-кратные): *посиживаю, они подумывают, он побаливает, покашливает, понашивает*.

Отмечу, что между определенно-моторными и неопределенно-моторными существует отношение, сходное с тем, которое имеется между длительными и многократными. Так, после отрицания не определенно-моторные глаголы заменяются неопределенно-моторными; мы говорим: *я не посыл, я не ходил сегодня в школу* (между тем: *я иду сегодня в школу, а не хожу*); равным образом после отрицания особенно часто замена длительных многократными: *я не кашивал, не видывал вместо я никогда не косил, никогда не видел*.

3. Глаголы совершенного вида представляют два основных значения: а) результативное: его имеют почти все глаголы совершенного вида, б) детерминативное (термин Ульянова): оно принадлежит сложениям глаголов длительных с предлогом *по*: *посидеть, помянуть*; детерминативное значение ограничивает или прекращает длительное значение, данное в простом глаголе. В результативных глаголах выделяются следующие две группы: группа результативных, имеющих при себе соответствующий глагол в несовершенном виде, как *стунить* — *ступаю, принести* — *приносить, вывалить* — *вывалить*; группа результативных (а именно сложенных с предлогами), имеющих при себе в несовершенном виде другой глагол (несложенный с предлогами). Этот вид результативных *понести* — *нести, закричать* — *кричать* представляется более первоначальным, чем второй вид; мы назовем его поэтому, вслед за Ульяновым и Фортунатовым, результативным 1-го вида; результативность вносится, очевидно, предлогом, вошедшим в сложение, причем предлог не вносит в глагол нового реального значения, указывая только на начало, конец или полноту его проявления; так, начало указывается предлогами *за, по*: *заговорить* (т. е. начать говорить; рядом *заговорить* кого-нибудь представляет результативный 2-го вида, ср. *заговаривать*), *понести, закричать, забить* (тревогу), *полететь*; конец действия — предлогом *от*: *оттанцовать, отсидеть, отстоять* (но *отстоять* известно и как результативный 2-го вида, ср. *отстаивать*); полноту проявления действия вносят, напр., предлоги *на, с, про, вы, из, раз*: *нападать, покормить, написать, сделать, снести, съездить, слетать, сварить, сконфузить, прогнать, проездить* (весь день), *прослабить, прозвучать, высесть, выручать, выкупать, испачкать, испугать, испортить, исковеркать, истолочь, разбудить, разбогатеть, разгромить, развеселить*. Результативные 2-го вида, как указано, отличаются от результативных 1-го вида тем, что имеют при себе соответствующий глагол несовершенного вида, тождественный с ними по значению: *стунить* — *ступаю, залить* — *заливаю*; предлоги в сложенных глаголах этого вида вносят в значение глагола особый реальный оттенок, и потому, не ассоциируясь с простым, беспредложным глаголом, образуют при себе соответствующий глагол в несовершенном виде: *просить* — *выпросить* — *выпрашивать*; *лить* — *вылить* — *выливать*; *лить* — *полить* (цветы) — *поливать* (цветы).

К результативным значениям относится и то значение, которое определяется, как однократное или моментальное: оно указывает

на то, что результат совершился или совершится в один из моментов того действия, которое выражается соответствующим длительным глаголом несовершенного вида. Сюда относятся глаголы *бросить*, *хватить* (ср. *бросать*, *хватать*), а также большая часть глаголов на *-нуть*, напр., *крикнуть*, *дрогнуть*, *ахнуть*. Это все несложные с предлогами глаголы. В сложении с предлогом они удерживают свое однократное значение: *вздрыгнуть*, *вскрикнуть*.

Относительно детерминативных надо заметить, что они образуются в результате соединения *по* с глаголами длительного значения. В соединении *по* с определенно-моторными не получается детерминативных: *понести* значит начать нести. Детерминативные в противоположность результативным не вносят в повел. накл. с отрицанием предостерегательного значения: *смотри не донеси*, *смотри не повенчай*, но нельзя сказать: *смотри не поиграй*, *не полечи*, *не помолись*.

4. Различение реальных значений глагола, связанных с его переходностью и непереходностью, не находит себе формального выражения ни в словообразовании, ни в грамматических формах. Впрочем, как указано выше, переходные глаголы, требующие за собой вин. над. объекта, не могут оканчиваться на *-ся* и в противоположность другим глаголам образуют формы причастий страдательного залога. Замечу еще, что переходные глаголы не имеют в том классе глаголов, которые оканчиваются в основе инфинитива на *-е (-ть)*, а в основе наст. вр. на *-еje*; равным образом нет переходных глаголов и в том классе глаголов, которые в основе инфинитива оканчиваются на *-ну*, а прош. вр. образуют от основы на согласную, предшествующую этому *-ну*. Оба эти класса содержат глаголы, обозначающие подвижное состояние предмета: *богачеть*, *толстеть*, *краснеть*, *желтеть* и т. д., т. е. становиться богатым, толстым, красным; сюда же такие глаголы, как *дорожить*, *крепчать*, *мельчать*, где *а* вместо *ь* после смягченной согласной; *глохнуть* (*глох*), *пухнуть* (*пух*), *гаснуть* (*гас*), *чахнуть* (*чах*), *стынул* (*стыл*). Такие глаголы мы будем называть глаголами подвижного состояния.

5. Средним залогом, как указано выше, обозначаем ту форму глаголов, которая содержит частицу *-ся*, видоизменившую значение соответствующего простого глагола, образованного без этой частицы; простому глаголу присоединяется таким образом особое залоговое значение действительное. Глаголы среднего залога распадаются на несколько классов по своему формальному значению, причем классы эти частью отражают различия, замечаемые в глаголах действительного залога. Основное различие между глаголами среднего залога зависит от того, произведены ли они от переходных или от непереходных глаголов. Присоединяясь к глаголу переходному, частица *-ся* видоизменяет основное свойство такого глагола, способность переносить его действие на объект; но результаты такого видоизменения могут быть весьма разнообразны; вместе с тем они сводятся к тому, что переходное значение заменяется непереходным, или, пользуясь употребительным в данном случае термином, в о з в р а т н ы м. Присоединяясь к глаголам непереходным, частица *-ся* усиливает значение этого глагола: мы определим его термином *усилительно-определятельное значение*.

Возвратное значение глаголов среднего залога распадается на следующие оттенки: а) возвратно-непереходное значение, когда действие субъекта только обнаруживается, но не переходит ни на объект, ни на субъект: *собака кусается* (ср. *собака кусает прохожих*), *крапива жжется* (ср. *крапива жжет мне руки*), *бык бодается*, *народ строится*, *ты понапрасну тратишься*, *она целый день убирается*, *он просится в город*, *он бранится*, *он обещается прийти*; б) возвратно-переходное значение, когда действие субъекта переходит на него же, захватывая или часть его (напр. внешность), или его всего, выдвигая его, выставя его определенным образом: *он моется*, *я чешусь*, *ты купаешься*, *она одевается*, *забывается*, *румянится*, — *он защищается*, *бросается*, *кидается*, *крадется*, *лошадь плетется*, *упирается*, *он носится с мыслью*, *превозносятся*, *он собирается*, *готовится*, *направляется*, *берется*, *забывается*, *занимается*, *присоединяется*, *твое отсутствие кидается в глаза*. Глаголы возвратно-переходного значения в ряде случаев совпадают по форме с глаголами страдательного залога: ср. *он моется* и *шерсть моется*, *он готовится* и *урок готовится*, *я направляю* и *выстрел направляется*; но в форме прош. вр. совершенного вида совпадения нет; ср. возвратно-переходные: *она оделась*, *вымылась*, *бросилась*; страдательные: *она была одета*, *была вымыта*, *была брошена*; в) возвратно-взапмное, когда действие двух или нескольких субъектов переходит взаимно с одного на другой или когда действие субъекта и объекта взаимно переносится друг на друга: *они познакомились*, *он встретился с ним*, *он виделся с ними*, *они бранились*, *ссорились*, *торговались*. Формально глаголы с этим значением отличаются от глаголов возвратно-переходных тем, что по форме не совпадают с страдательным залогом на *-ся*; г) возвратно-общее, когда действие предмета видоизменяет внутреннее состояние субъекта: *радоваться*, *печалиться*, *горячиться*, *веселиться*, *влюбиться*, *сердиться*, *учиться*, *заботиться*, *беситься*, *томиться*, *хвалиться*, *обидеться*, *баловаться*, *интересоваться*, *любоваться*, *решаться*, *томиться*. Формально и эти глаголы отличаются от возвратно-переходных тем, что не совпадают по форме со страдательным залогом на *-ся*.

Усилительно-определятельное значение глаголов среднего залога развивает из себя следующие два оттенка: а) усилительное, когда действие субъекта совершается в его интересах: *плакаться*, *хвастаться*, *стучаться*, *звониться*; б) определятельное, когда состояние субъекта ограничивается одним определенным моментом или определенными условиями: *снег белеется*, *что-то чернеется*, *вишня краснеется* на дереве (ср. *белеет парус*: продолжительное время, уже давно; *вишня краснеет* — в значении становится красною); сюда же *загораться*, *загореться*. Как указано выше, глаголы с этим значением производятся от глаголов непереходных, и в этом их отличие от глаголов возвратных, которые все произведены от глаголов переходных.

6. Отложительными глаголами, как указано, называем все те глаголы на *-ся*, которые не имеют при себе простых глаголов и в которых, следовательно, частица *-ся* не вносит значения залога. По значению своему отложительные глаголы близко совпадают с глаголами среднего залога, причем и здесь наблюдаются те самые оттенки, которые мы только что рассмотрели. Так, отложительные *мчаться*, *побираться*, *толпиться*, *осузиться*, *взрoзмодиться* имеют значение,

совпадающее со значением возвратно-переходным; *боляться, улыбаться, поститься, чваниться, каяться, надеяться* ср. со значением возвратно-общим; *бороться, расходиться, расстаться* ср. со значением возвратно-взапным. Сходство значений отложительных глаголов и глаголов среднего залога зависело во многих случаях от перехода глаголов среднего залога в отложительные благодаря утрате соответствующего глагола действительного залога. — Особенный класс отложительных глаголов составляют те сложенные с предлогами глаголы, которые имеют при себе простые беспредложные глаголы не на *-ся*. Глаголы эти можно было бы отнести к глаголам среднего залога только в том случае, если бы при них являлись простые сложенные с предлогами. Значение их по сравнению с наличными простыми глаголами усилительно-определятельное, причем, следовательно, такое значение вносится, во-первых, частицей *-ся*, во-вторых, предлогом; так при *пить, кричать, звать, ждать, будить* и т. д. находим *напиться, накричаться, докричаться, дозваться, дожидаться, побудиться*; при *плакать, говорить, спать* и др.: *расплакаться, разговориться, разоспаться*; при *есть, сидеть, лежать*: *наесться, разесться, належаться*. При *плыть* находим *расплыться* и далее несовершенный вид *расплываться*, при *бежать* — *разбежаться* и далее несовершенный вид *разбегаться*. Оставляя в стороне последние глаголы, видим, что в приведенных выше (как *добудиться* и т. д.) одновременно внесены две категории: категория вида (совершенного) и залога (среднего).

7. Частица *-ся*, присоединяясь к глаголам переходным, делает их, как мы видели, или безобъектными (непереходными), или превращает в объект самый субъект действия. Замечательно, что та же частица, присоединяясь к форме 3-го лица ед. числа глаголов действительного залога, превращает их в глаголы бессубъектные, безличные. Можно при этом различать следующие два случая: в одном из них частица *-ся* присоединяется к глаголам, имеющим в действительном залоге переходное значение; в этом случае безличный глагол не трудно было вывести из страдательного залога, причем безличною формой становится 3-е лицо ед. числа страдательного залога, за опущением грамматического субъекта: *думается, предполагается, здесь упоминалось*; возможно, однако, что безличность вызывалась просто самой частицей *-ся*: *естся сытно, торгуется хорошо, как здесь говорится, ему не терпится, ему нейдет, не работается*. В другом случае частица *-ся* присоединяется к глаголам, имеющим в действительном залоге непереходное значение; здесь исключена возможность какого-либо иного объяснения кроме того, что бессубъектность внесена частицей *-ся*: *ему сладко спится, не сидится, икает, хочется, хорошо живется, ей не может, ему не приходится, не пришлось, ему достанется*. Замечательно, что исконно бессубъектные глаголы являются в действ. залоге (*морозит, гремит, меня тошнит*); но новые бессубъектные, при которых известны исконно личные глаголы, образуются посредством *-ся*. Таким образом, в языке выработалась категория личности и безличности: личный глагол может быть превращен формальным способом в безличный. Все эти бессубъектные глаголы относятся к среднему залoгу.

6. Неспрягаемые глагольные формы.

Сюда относятся: инфинитив, причастия и деепричастия.

1. Инфинитив по своему происхождению представляется именного глагольной формой. В русском языке инфинитив заменил и достигательное наклонение, оканчивавшееся в общеславянском праязыке на *-ти* и употреблявшееся в древнерусском языке. Окончаниями инфинитива являются *-ти* и *-т'*; *-т'* заменило более древнее *-ти* с и полукратким в неударяемом положении. Вследствие этого в современном языке *-ти* является только тогда, когда ударение падает на *и*: *нести́, пасти́, трясти́, сойти́*, но *дать, взять, играть, ходить*. Рядом с окончанием *-ти* иногда от тех же глаголов употребляется и *-т'*: ср. *отнести* и *отнесет'*, *понести* и *понесет'*. Впрочем, последние формы мало употребительны в литер. языке. В *вынести, выместить, выйти, вытрясти, вывести* сохраняется конечное и неударяемое под влиянием несложных: *нести, мести* и т. д. В основах на согласную вместо *-ти, -т'* является *-и'*, когда основа оканчивается на задненёбную согласную: *сесть, мочь, стричь, течь, лечь, жечь*. Основа *греб-* оканчивается в инфинитиве на *-сти*: *гребсти*. Зубные *д, т* переходят перед *-ти, -т'* в *с*: *вести, мести, красть*.

Инфинитив весьма редко встречается от глаголов многократных; *хаживать, захаживать* представляются исключениями. — Как указано, инфинитив может при особенно сильном на нем ударении получать значение повел. накл., но далеко не от всех глаголов, ср. *молчать, сидеть, лежать, замолчать, перестать, встать, отвечать*. — Широкое употребление имеет инфинитив в сложной форме буд. вр., причем, однако, как мы знаем, в этой форме известен инфинитив только от глаголов несовершенного вида: *я буду лежать, говорить, разговаривать, хаживать, захаживать*.

2. Причастия настоящего времени нестрадательного залога принадлежат все к неспрягаемым глагольным формам; но они изменяются по родам и по падежам (склоняются). По происхождению своему, как видно из звукового состава их суффикса, все эти причастия не русские, они заимствованы в русский язык из церковнославянского. Суффиксом является звук *щ* (*-ащ-* и *-ущ-*). Причастия употребляются только в формах сложного, местоименного склонения. Глаголы среднего залога, а также отложительные глаголы, образуют также это причастие. Примеры: *несущий, горящий, пылающий, отказывающийся, веселящийся, едущий, борющийся, посылающий* и т. д. Замечательно, что *-ся* никогда не заменяется в причастии через *-с* (в неударяемом положении). Не образуют причастия на *-ущ-*, *-ащ-* глаголы совершенного вида; *последующий* явилось под влиянием *следующий*. Не образуют его также многократные глаголы, за исключением *хаживающий, захаживающий*. Склонение причастий наст. вр. рассмотрено выше в отделе, посвященном сложному склонению. — Как увидим, именные формы причастий наст. вр. получили значение деепричастия.

От причастий на *-ущ-*, *-ащ-*, церковнославянских по своему происхождению, должны быть отделены прилагательные на *-ущ-*, *-ащ-*; по происхождению своему это русские причастные образования; *живущий,*

могучий, тягучий, вялчий, горячий, сидячий, лежащий, стоячий, ср. еще прилагательные на *-уч-* от глагольных основ, которые по правилу должны были бы образовать прилагательные на *-ач-* или *-аюч-*: *волючий, лилючий, горючий, трескучий, плакучий*. Такие прилагательные известны и в краткой форме: *горяч, живууча*.

Причастия прошедшего времени страдательного залога образуются от основы инфинитива; к окончанию его на согласную присоединяется *-и-*, а к окончанию на гласную *-ви-*. Так, с одной стороны: *несший, ведший, увезший, несшийся, нашедший* (основу *шед-*, неизвестную теперь в инфинитиве, ср. в прош. вр.: *шел, шла*); с другой стороны: *бывший, говорившееся, топнувший, говоривший, давший, проклявший, резавший*. Некоторые основы на зубную согласную (по правилу выпавшую перед *л* в прош. вр.) образуют причастие прош. вр. не на *-и-*, а на *-ви-*, напр. *севший, свевший, укравший, павший* (*падный* употребляется уже как прилагательное), *кравший*. В виду очевидного церковнославянского происхождения причастий наст. вр. на *-ущ-*, *-ащ-*, можно думать, что такого же происхождения и причастие прош. вр. Это причастие не образуется вообще от глаголов многократных, за исключением *хаживавший, захаживавший*. Краткие (именные) формы этих причастий употребляются, как увидим, в значении деспричастия.

Причастия настоящего времени страдательного залога образуются от основы наст. вр. посредством суффикса *-м-*: *ведомый, несомый, творимый, уважаемый, направляемый, видимый*. Новидимому, все такие причастия церковнославянского происхождения; этим объясняется их редкость. Чаще всего они образуются от основ на *-а*. Ср. ряд прилагательных на *-мый*, образованных от глагольных основ, по происхождению своему причастий: *зависимый, непроходимый, недостижимый, неувомимый, неукротимый* (и т. п. сложенные с *не-*), *терпимый, любимый*. Краткие формы таких причастий (а также прилагательных) спрягаются, соединяясь с личными местоимениями и вспомогательными глаголами: *он направляем, он был видим всеми* и т. д. В соединении с *быть* в старом языке употреблялась форма дат. пад. с именным окончанием *-у* (для выражения инфинитива страд. залога): *быть любиму, уважаему*. Теперь такая форма окончательно вытеснена и из литературного языка. — Понятно, что причастие на *-мый* (*-м*) образуется только от основ несовершенного вида, так как основы совершенного вида утратили значение наст. времени.

Причастия прошедшего времени страдательного залога по общему правилу образуются от основы инфинитива; суффиксами являются *-и-* и *-т-*; суффикс *-и-* присоединяется к основе инфинитива при помощи соединительной гласной *е*, когда основа оканчивается на согласную или на *-i* (*-i*). Суффикс *-и-* употребляется для образования причастий, во-первых, от основ на согласную: *погребен, занесен, запряжен, острижен, прочтен*; во-вторых, от основ производных на *-i* (*-i*): *прославлен, учен, говорен, удален*; в-третьих, от основ на *-а*: *дан, продан, узан, воспитан, отрезан, выстрадан, убран, замазан, вымазан*; в-четвертых, от основ на *-е* (*-ль*): *виден, удержан*. Суффикс *-т-* употребляется для образования причастий от

основ на гласную *-у* (*-иу*), *-о*, а также односложных на *-и*, *-у*, *-ы*, *-е* (*-ь*), и еще *-а* (восходящее к малому юсу): *пролит, обут, прикрыт, отпет, одет, проклят, снят, взят, приколот, смолот, тронут, кинут, двинут, сунут*; наконец, от основы на *-ер*: *припертый, простёртый*. Повидимому, и эти причастия церковнославянского происхождения (в их полной, склоняемой форме); это видно, во-первых, из общих соображений о том, что русский язык утратил склоняемые причастия (ср. выше), во-вторых, из того, что причастия на *-н* образуют полную форму свою по церковнославянскому образцу (позднейшего времени) с удвоением *н*: *отрезанный, збранный, данный* и т. д., в-третьих, из того, что формы на *-ный*, с одним *-н*, имеют в русском языке значение прилагательных: *варёный, печёный, солёный, моченый, плетёный, калёный*. Таким образом, выясняется, что все причастные формы на *-ный* должны писаться с двумя *н* (*читанные и м книги, подмоченная репутация*), а прилагательные на *-ный* с одним *н* (*раненые как прилагательное с одним н, а раненные злодеем прохожие — с двумя*).

Причастия прош. времени страд. залога образуются преимущественно от основ совершенного вида, но известны также и от основ вида несовершенного: *битый* (также в значении прилагательного), *краденый* (и *краденый* прилагательное), *читанный, невиданное зрелище, неслыханное злодеяние*. Производные основы несовершенного вида, являющиеся при основах вида совершенного, не могут образовать такого причастия: не **бросанный*, а только *брошенный* (однако от совершенного вида: *разбросанный*), не **покупанный*, а только *купленный*, не **нахоженный*, а только *найденный*, не **отвечанный*, а только *отвеченный*, и т. д. По той же причине не **браный*, а *взятый*, не **кладенный*, а только *положенный*. — Глаголы многократные могут образовать это причастие в соединении с отрицанием: не *слыхивано, не видывано* (только в краткой форме). — Как мы знаем, краткие (именные) формы причастия на *-н*, *-т* спрягаются, соединяясь с личными местоимениями и с вспомогательным глаголом: *я одет, мы тронуты, они ранены, она брошена* и т. д. Форма дат. пад. на *-у* от такой краткой формы, употреблявшаяся в соединении с инфинитивом *быть*, теперь исчезла из литер. языка: *быть брошену, одету, помиловану* — формы устаревшие.

Итак, общим для причастий явлением в русском языке был переход их в прилагательные в полной (сложной) форме; в виду этого книжный язык сохранил с значением причастий соответствующие церковнославянские образования.

3. Деепричастие несовершенного вида по происхождению своему представляет краткие формы причастия настоящего времени, потерявшие свою связь как с родом, так и с числом и падежом; одно из окончаний деепричастия *-а* (после *ј* и мягких согласных) представляет старое окончание им. ед. мужского рода: *идя, ходя, делая*; другое *-уши* представляет старое окончание им. мн. мужского рода (*-уши* при и вместо *-уше*): *идуши*. Господствующим в литер. языке окончанием является *-а*. Оно присоединяется к основе наст. вр., таким образом, деепричастие образуется только от основ несовершенного вида. Впрочем, обычно деепричастие образуется только от тех основ наст. вр., которые звуковой стороной своей не отличаются

существенно от основы инфинитива: *ведя, неся, плетясь, кроя, дуя, пlying, видя, неся, вода, таща, участь, играя, страдая*. Но основы наст. вр. на *-je-*, имеющие при себе основу инфинитива на *-а*, деепричастие не образуют; таковы глаголы *пишу, режу, мажу, вяжу, лижу, пашу* и т. д.; равным образом не образуют деепричастий глаголы *беру, тру, мру, жну, клян, му, кую, плюю*, так как в инфинитиве являются основы, отличные от основы наст. вр.: *брать, тереть, мереть, жать, клять, мять, ковать, плевать*. Впрочем неодносложные основы на *-ује-* при инфинитиве на *-ова-* образуют деепричастие: *торгуя, волнуясь, горюя, милоя*. Основы на задненёбную согласную не образуют вообще деепричастия; таковы, напр., глаголы *стригу, могу, секу, влеку*. Глагол *могу* образует причастие несовершенного вида (?) *могши* (но *могши* имеет значение прош. вр.).

Деепричастия на *-уци* представляются с точки зрения современного литер. языка устаревшими; держится форма *идущи*, реже — форма *живущи*; *припеваючи, играючи, крадучись* употребляются только в определенных выражениях.

Деепричастия несовершенного вида образуются только от основ несовершенного вида. — Утратив значение наст. вр., они сохранили однако временное значение. Это видно из того, что большая часть их может быть заменена описательными выражениями с *в то время как* с последующими формами наст. или прош. вр. Но некоторые деепричастия, теряя временное значение, становятся простыми наречиями; ср. отмеченные выше *играючи* (учиться), *жить припеваючи*; также *лёжа, сидя, стоя* (но те же деепричастия могут сохранять и свое временное значение), *судя* (напр., *судя по всему*), *не взирая, находя, полагая* и т. д.

Деепричастие совершенного вида образуется тройным способом: 1) от основы совершенного вида, оканчивающейся в инфинитиве на согласную, посредством окончания *-а* со смягчением предшествующей согласной, напр.: *пройдя, пронеся, прочтя, отвезя*; 2) от основы совершенного вида, оканчивающейся в инфинитиве на гласную, посредством окончания *-в*: *открыв, дав, узнав, поговорив, улетев, попев, толкнув, двинув*; 3) от основы совершенного вида, оканчивающейся в инфинитиве на согласную посредством окончания *-ши*: *промокли, нанесли*; от основы на гласную посредством *-вши*: *давши, купивши*. От этого основного правила видим следующие отступления: 1) некоторые основы на согласную *д* (опускаемую перед окончанием прош. вр. *-л*) образуют деепричастие на *-в* и *-вши* с опущением этой согласной: *украв, упав, упавши*; 2) глаголы на *-иться* могут иметь окончание *-ась*: *устремясь, простясь, перекрестясь*; 3) глаголы на *-уться, -оться, -аться, -еться* (*-пться*), *-иться* оканчиваются обыкновенно на *-увшись, -овшись, -авшись, -евшись* (*-пвшись*), *-ившись*: *уткнувшись, проснувшись, отколовшись, поднявшись, заперевшись, видевшись, устремившись, простившись*; 4) основы инфинитива на задненёбную не образуют деепричастия на *-а*, а только на *-ши*: *высекши, остригши, не смогли*; 5) основы на *-ну*, означающие подвижное состояние, рядом с окончанием *-нув* могут образовывать деепричастие на согласную *-ши*: *оглохнув и оглохши, поникнув и поникши, вымокнув и вымокши, высохнув и высохши*; 6) глаголы с основой на согласную перед окончанием *-ся* образуют деепричастие на *-ась*, если деепричастие простого глагола

оканчивается на *-а*: *пронесясь, пройдясь*, и на *-шись*, если простой глагол оканчивает его на *-ши*: *остригшись, отрекшись*.

Кроме того, замечу, что в языке старинном при *-в* было известно *-вши*, но в настоящее время это окончание, восходящее к форме им. мн. причастия прош. вр. (*видевши* вместо *видѣвше*), вообще вытесняется. Сохранение *-вшись* при *-в* ср. с сохранением *-ась* при *-ив*, о чем выше.

Некоторые деепричастия совершенного вида в наречных выражениях, где они потеряли значение временное, сохраняют старое окончание *-а* от основ на *-и*; напр. *спустя рукава, сломя голову, сломя руки, положи руку на сердце, отступя на шаг, свеся ноги, заломя шапку*; также от основ на *-иу*: *разиня рот, высуня язык*. Сюда же деепричастие *походя* (*учиться, делать что-нибудь походя*).

7. Обзор глагольных основ.

Различные формы одного и того же глагола могут быть образованы или от одной основы, или от двух разных основ: от одной основы, основы наст. вр., образуются наст. вр. или буд. совершенное (с повел. накл., причастием наст. вр. нестрад. залога, причастием наст. страд. залога и деепричастием несовершенного вида), от другой основы, основы инфинитива, образуется инфинитив (с прошедшим временем, причастием прошедшего времени на *-вший*, причастием страд. прош. на *-н*, *-т*, деепричастием на *-в*, *-вши*). Распределение глаголов по основам представляет известные трудности в виду несоответствия, замечаемого в спряжении многих из них между основами наст. вр. и инфинитива. Считаю наиболее удобным распределять в русском языке глаголы по основам наст. вр., так как это время представляет вследствие изменения по лицам и числам наибольшее количество разнообразных форм; кроме того, практически удобно различать три главных вида основы наст. вр., из которых первый оканчивается на *е — о* (*ведёт, плачет*), второй на *-и* (*точит, сидит*), третий на согласную (*дад-ут, ед-ят*). Основа наст. вр. на *-е* может образовать следующие разновидности: 1) основа на *е — о* с предшествующею окончанию основы исконно твердою согласною, ставшею впоследствии мягкою и частью позже отвердевшею, напр.: *веду — ведёт, плюну — плюнет, могу — может*; 2) основа на *е — о* с предшествующею мягкою согласною, частью позже отвердевшею: *мелю — мелет, колю — колет, плачу — плачет, пашу — пашет*; 3) основа на *е — о* с предшествующим *й* (*й*): *вьёт, кроет, плюёт, знает, сеет, богатеет, читает, празднует*. Сообразно с этим и комбинируя еще различия в соответствующих основах инфинитива, делю наши глаголы на следующие классы и образцы.

Первый класс. Основа настоящего времени на *е — о*.

Разряд А: окончанию основы предшествует исконно твердая согласная.

1-й образец, основа наст. вр. с предшествующею окончанию основы согласною, основа инфинитива на согласную: *веду — ведёшь*, инфинитив *вести* (из **вед-ти*).

2-й образец, основа наст. вр. с предшествующею окончанию основы носовою согласною, основа инфинитива на гласную *а* из носового *е*, восходящего к *ен*, ем: *жну — жнёшь*, инфинитив *жать* (из **жен-ти*).

3-й образец, основа наст. вр. с предшествующею окончанию основы согласною *в*, основа инфинитива на гласную *ы, и*: *живу* — *живёшь*, инфинитив *жить, плыву* — *плывёшь*, инф. *плыть*.

4-й образец, основа наст. вр. с предшествующею окончанию основы согласною *н*, основа инфинитива на *-ну*: *двину* — *двинешь*, инфинитив *двинуть*.

5-й образец, основа наст. вр. с предшествующею окончанию основы согласною *н*, основа инфинитива на гласную *а, е (ь)*: *надену* — *наденет*, инфинитив *надеть, стану* — *станет*, инф. *стать*.

6-й образец, основа наст. вр. с предшествующею окончанию основы согласною, основа инфинитива на гласную *а*: *беру* — *берёшь*, инфинитив *брать, му* — *лжешь*, инф. *лгать*.

Разряд Б: окончанию основы предшествует исконно мягкая согласная.

7-й образец, основа наст. вр. с предшествующею исконно мягкой согласною, основа инфинитива на *оро, оло*: *борюсь* — *борешься*, инфинитив *бороться, мелю* — *мелешь*, инфинитив *молоть*.

8-й образец, основа наст. вр. с предшествующею исконно мягкой согласною (теперь частью отвердевшею), основа инфинитива на *а* с предшествующею исконно твердою согласною: *плачу* — *плачешь*, инфинитив *плакать, паху* — *пахнешь*, инф. *пахать, стелю* — *стелешь*, инфинитив *стлать, режу* — *режешь*, инф. *резать*.

Разряд В: окончанию основы предшествует *і (j)*.

9-й образец, основа наст. вр. односложна или двусложна, основа инфинитива на гласную односложна: *крою* — *кроешь*, инфинитив *крыть, мою* — *моешь*, инфинитив *мыть, лью* — *льёшь*, инф. *лить, пою* — *поёшь*, инф. *петь, знаю* — *знаёшь*, инф. *знать*.

10-й образец, основа наст. вр. на *-аю* или *-аваю*, основа инфинитива на *-ава*: *даю* — *даёшь*, инфинитив *давать, сознаю* — *сознаёшь*, инфинитив *сознавать*.

11-й образец, основа наст. вр. двусложна, основа инфинитива двусложна и оканчивается на *ја*: *чаю* — *чаёшь*, инфинитив *чайть, сею* — *сеёшь*, инфинитив *сеять, лаю* — *лаёшь*, инф. *лгать*.

12-й образец, основа наст. вр. на *-ею*, осн. инфинитива на *е*: *богатею* — *богатеешь*, инфинитив *богатеть, снею* — *снеешь*, инф. *спеть*.

13-й образец, основа наст. вр. на *-аю*, основа инфинитива на *а*: *читаю* — *читает*, инфинитив *читать, стращаю* — *стращает*, инф. *стращать*.

14-й образец, основа наст. вр. на *-ую* многосложна, основа инфинитива на *-ова, -ева*: *зимую* — *зимует*, инфинитив *зимовать, горюю* — *горюет*, инфинитив *горевать*.

15-й образец, основа наст. вр. двусложна и оканчивается на *-ую*, основа инфинитива на *-ова*: *плюю* — *плюёт*, инфинитив *плевать, жую* — *жуёт*, инфинитив *жевать*.

Второй класс. Основа наст. вр. на *-и (j)*.

16-й образец, основа инфинитива на *-е*, а после *ј, ж, ч, ш, щ* на *-а*: *горю* — *горишь*, инфинитив *гореть, стучу* — *стучишь*, инф. *стучать, боюсь* — *боишься*, инф. *бояться*.

17-й образец, основа инфинитива на *-и*: *хожу* — *ходиш*, инфинитив *ходить*.

Третий класс. Основа наст. вр. оканчивается на согласную.

18-й образец, основы *дад-*, *ед-*; глагол *есть*.

Четвертый класс. Основы неправильные и недостаточные.

19-й образец, глаголы *идти*, *есть*, *обретать*, *реветь*, *шибить*, *ошибиться*.

20-й образец, глаголы *знать*, *спать*.

21-й образец, глаголы *хотеть*, *бежать*, *читать*.

Перехожу к обзору спряжения глагольных основ, располагая их по указанным образцам. В русском языке различаются три спряжения, соответствующие трем отмеченным классам глаголов: в первом спряжении соединительными гласными между корнем глагола и личными окончаниями наст. вр. (точнее: окончаниями основы) являются *е* и *о*: *е* во 2-м и 3-м лице ед. числа, 1-м и 2-м лице мн., *о* в 1-м лице ед. и 3-м лице мн., причем *о* перед первоначальными окончаниями *-ои* и *-ить* изменилось в носовое *о*, откуда *у*. Во втором спряжении соединительной гласной между корнем глагола и личными окончаниями наст. вр. (точнее: окончанием основы) является *и*, причем, однако, в 1-м лице ед. числа *и* перед первоначальным окончанием *-ои* исчезло совсем, а в 3-м лице мн. окончанием является теперь *-ат* из более древнего *-еть*. В третьем спряжении личные окончания приставлены непосредственно к основам на согласную (поскольку, однако, первоначальные формы не заменены новообразованиями). Сообразно с этим распределяем наши образцы по трем спряжениям, а после обзора их даем обзор неправильных глаголов.

8. Первое спряжение: 3-е лицо единственного и множественного — *ет* — *ут*.

1-й образец. Перед *-ет* — *-ут* является исконно твердая согласная; основа инфинитива оканчивается на согласную. Пример: *несёт* — *несут*, инфинитив *нести*.

Основа наст. вр. Согласные задненёбные перед *е* переходят в шипящие: *стерезеши*, *эжжеш*, *бережеш*, *можем*, *напряжеш*, *увлечеш*, *течеш*, *сечеш*, *печеш*, *печешься*, *ляжеш*, *толчеш* и т. д. Вместо *эжжеш* употребительно и *эжеш*. — В повел. накл. окончания *-и*, *-ите* только под ударением, а в неударяемом положении находим мягкую согласную во 2-м ед., мягкую согласную с последующим *-те* во 2-м мн.: *неси*, *неки*, *секи*, *толките*, *эжите*, но *сдь*, *сдьте*, *лезь*; от *лгу* — *ляг*, *ляте* с твердыми *г*; но неударяемое и сохраняется в *вынеси*, *выпеки*, *выэжи*. Повелительное от *могу* не употребительно; не *моги*, не *могите* — только в просторечии. — Деепричастие несовершенного вида на *-а* со смягчением предшествующей согласной: *неся*, *ведя*, *ростя*, *грызя*, *гребя*; окончание *-уши* только в *крадущись*; после согласных задненёбных окончание *-а* в деепричастии неизвестно; неупотребительно также деепричастие от *пру*, *пру*, *тру*, что зависит от особого вида основы инфинитива при этих глаголах. — Причастие наст. нестрадательное на *-ущий*: *несущий*, *пекущийся* и т. д.

Ударение во всех формах, образованных от основы наст. вр., падает на окончание основы, следовательно, в наст. вр. на *e* (которое переходит при этом в *o*) и *y*, в повелительном на *и*, в дееспричастии на *a*, в причастии наст. вр. на *y*: *несёт, несёт, несёт, несёте, несёт, несущий*. Только в *лезу, сяду, лягу* ударение сохраняется всегда на корне. При *краду, крадѣ* и т. д. является в дееспричастии с другим ударением: *крадущись*. *Могу, могущий*, но — *можеши, могут* и т. д. Но приставка *вы-* перетягивает ударение на себя: *вынесу*.

От основы инфинитива образованы формы инфинитива: с окончанием *-ти*, напр. *нести, вести, везти, грести, плести, скрести, пасти, расти* (собств. *ростѣ*), *брести, блюсти, трясти, приобрести, спасти, ползти* (рядом менее употребительны в сложных *привести*); с окончанием *-ть*: *грызть, лезть, сесть, красть, сесть, пасть, прятать*; с окончанием *-и* (восходящим к *кт, гт*): *мочь, стричь, беречь, волоочь, толочь, лечь, отречься, сець, запрячь* (произносится *запреч*); основы на *-ер, -ол* изменяют *-ер, -ол* в форме инфинитива в *-ере, -оло*: *мереть, отпереть, простереть, толоч*. Основы на губную оканчиваются в инфинитиве на *-сти*: *гребу — грести* (из *гребс-ти*), *скребу — скрести* (из *скребс-ти*); с представляется вставкой.

Далее от основы инфинитива произведены: прошедшее время на *-л*; зубные *т, д* выпадают перед *-л*: *кчал, вёл, упала, плели, росла*; в форме мужеского рода *-л* сохраняется только после гласных: *прочёл, крал, набрел, вымел*; после согласных *-л* отпадает: *жок* (из *жесл*), *сгрѣн, грыз, сек, берѣк, мок, умер, припер, простѣр, рос* (из *ростл*) и т. д. Основа *толк-* (инфинитив *толоч* можно объяснить из *толчи*, как результат так называемого второго полногласия) образует в мужеском роде *толок* (а рядом: *толкла, толкли*). От той же основы произведены: причастие страдательное на *-ен*: *плетѣн, выметен, острижен, украден, натолчѣн, приобрѣтѣн*; от основ на *-р* производится то же причастие с суффиксом *-т*: *приперт, простѣрт, натѣрт*. Далее от основы инфинитива произведено причастие прош. вр. нестрадательное на *-виий* после гласных и *-ший* после согласных: *укравиий, севиий, напавиий, стершиийся, можиие, умериие, лёжиие, росиие*. Затем дееспричастие совершенного вида, которое после гласных по общему правилу оканчивается на *-в* (следовательно, в основах на выпавшие *д, т, а* также в основах на *-ере*): *украв, напав, присев, умерев, простерев, приперев*, реже на *-виш*: *укравиш*, но правильно на *-вишись*: *усевишись, оперевишись, заперевишись* (рядом *заперишись*, форма более простонародная); после согласных находим вообще окончание *-ши, -шись*: *остригиши, обжегиши, проползиши, стѣриши, опериши, подпершиши, помогиши, отвлѣкиши, отрѣкиши, вылезши, направиши*. Реже окончание *-а* в дееспричастии совершенного вида; оно также производится от основы инфинитива: *приобретя, везя, занеся, наскребя, прочтя, зачтя*.

Ударение основы инфинитива. Одни глаголы имеют ударение всегда на коренной гласной основы: *сесть, грызть, пасть, стричь, прятать, красть, класть, тереть, простереть, сець*; поэтому *сели, грызла, острижен, клала, крала, украден, прятла, пала, натѣрла, простѣрла, секла*. Другие глаголы имеют ударение вообще всегда на окончаниях: *брелѣи, росла, плетѣн, метенѣ, могло, берелѣи, приволоклѣи*,

В инфинитиве от глаголов с основой на задненёбную согласную является окончание *-и'*, а не *-ий*: *влечь, волочь, толочь, течь, напрячь, запрячь, жечь, мочь, стеречь, беречь*. В деепричастии ударение не переходит на окончание *-ши*: *отползши, привлёкши*. Глаголы *переть, мереть* точно так же в форме инфинитива не переносят ударение на окончание (*-т'*, не *-тй*); в прош. вр. и в причастии страдательном глаголом *мереть, переть* ударение переносится на окончание в женском роде: *заперла, умерла, заперта, приперта*; в мужском, среднем роде ед. и во мн. числе ударение остается на корне: *мёрли*, а в сложных с предлогами оно переносится на предлог: *запер, отперли, замерли, умерли, заперт, отперт, роперт*. Глаголы на *-ся* следуют ударению простых: *секлись, грызся, натёрлась, оселась*; в прош. вр. в мужском роде ударение переносится на *-ся* после предшествующих *л, р*: *завелся, блюлся, обрелся, прилелся, заперся, оперся* (но конечно: *натёрся, простёрся*, ибо в этих глаголах ударение неподвижно); ср. рядом: *берёлся, остерёлся, запрёлся, увлёкся* (редко: *отрекся*). В противоположность глаголам без *-ся*, глаголы на *-ся* переносят ударение на *-шись* после *р* в случаях, как *запершись, отпершись, подпершись* (формы преимущественно просторечные).

По значению своему большая часть относящихся сюда основ несовершенного вида; совершенного вида глаголы *сяду — сесть, лягу — лечь, паду — пасть*, а также все сложные с предлогами: *приобрести, украсть, загрызть, спасти, припереть, увлечь, натолочь*. К определительно-моторным относятся: *везу, несу, веду, ползу, лезу, бреду*. Большая часть глаголов этого образца переходные; непереходны: *ползу, лезу, бреду, лягу, сяду, расту, могу, паду*. Глагол *пешишь — пекусь* из церковнославянского языка.

Не во всех глаголах замечается полное звуковое соответствие между основами наст. вр. и инфинитива; так, благодаря носовому инфиксу, при *сесть, лечь* находим *сяду, лягу* (из *sedo, lego*); при основе с коренным *ь* (впоследствии выпавшим) перед *р* в наст. вр. находим основу с *-ер* в инфинитиве: *умру, простру, натру, запру* при *умереть, простереть, натереть, запереть*; относительно *толку — толочь* выше указана возможность объяснять *толочь* как второе полногласие вместо *толчь — толчи* (ср. *толкла*). В *жгу — жечь* видим в инфинитиве основу *жег-*, а в наст. вр. *жы-*; но при *жес-* в инфинитиве было известно и *жы-* (*жгли*, а в *жог* из *жесга* гласная восходит к *ь*); в *зачесть — зачту* видим в инфинитиве обычную замену *ь* через *е* (восходит к *зачьсть*).

2-й образец. Перед *-ет — -ут* являются носовые *и, м*; основа инфинитива оканчивается на *а* (из носового *е*).

Здесь относятся сложные с **иму — *ять*, далее: *жму — жать, жсну — жать, мну — мять, клянму — клясть, распну — распять, начну — начать*. Относительно этих глаголов заметим: в сложных с **иму* звук *и* сохраняется после *и* с предшествующей согласной: *подниму, сниму, отниму*; после предлогов, содержащих гласную, *и* переходит в *й*, выпадая в положении за предлогом *при*: *найму, пойму, дойму, займу, приму*; после согласных находим *-му* со смягчением предшествующего звука (из *-ьму*): *возьму*; после предлога *вы-* вместо *-му* является *-ну* под влиянием глаголов на *-ну, -нуть*. В инфинитиве

видим *-нять* после всех вообще предлогов, кроме *вз-*: *снять, под-
нять, принять, донять, но взять*; вместо *вынять* — *вынуть* под влия-
нием указанной аналогии. Форма *клянну* заменила более древнее *клену*
(из *кльнѣ*), а вместо инфинитива *клять* под влиянием аналогии яви-
лось *клясть*.

От основы наст. вр., кроме форм этого времени, находим: повел. накл. *кляни, жни, жмите*; причастия наст. вр. *мнуший, жмуший, клянуший, жнуший*. Деепричастие: только *кляня*. — Ударение форм наст. вр. всегда на окончании основы.

От основы инфинитива произведены формы прош. вр. *жсал, клял, начал, распял, мял*. Деепричастия совершенного вида: *начав, зажав, смяв, заняв, прокляв, распяв*; *начавшись, смявшись, занявшись, прижавшись*. Причастия страдательные на *-т*: *начат, снят, зажат, распят, помят*. — Ударение основы инфинитива в одних глаголах с неподвижным ударением: *нажсал, пожсал, смяла, замят, примята*. В других глаголах ударение подвижное: в женском роде прош. вр. и причастии страдательного залога оно переносится на окончание: *нача-
чала, сняла, кляла, взята, начата, проклята* (исключение только: *распяла, распята*); в мужском роде, среднем роде и мн. в прош. вр. и причастии страдательном ударение в несложных с предлогами и двусложных формах на коренной гласной: *кляли, сняло, взяли*, а в сложных с предлогами на предлогах: *прокляли, распял, подняли, начат, начато, начаты*. В сложных с *-ся* ударение в глаголах с ударением подвижным переносится в мужском роде на *-ся*, а в среднем роде и во мн. ч. на окончание: *взялся, взялось, взялись, нача-
лось, снялись, поднялся*.

Относящиеся сюда глаголы, несложные с предлогами, все несовершенного вида, а сложные с предлогами совершенного.

3-й образец. Перед *-ет* — *-ут* является согласная *в*; основа инфинитива оканчивается на гласную *ы* или *и*.

Здесь относятся *живу, плыву, слыву*.

От основы наст. вр., кроме форм этого времени, повел. накл.: *живи, плывите*; причастия наст. вр.: *живущий, плывущий, слывущий*; деепричастие: *живя, плывя, слывя*, и также еще *живучи*. — Ударение форм наст. вр. всегда на окончании основы, кроме только что указанного деепричастия.

От основы инфинитива образуются: прош. вр. *жил,плыли, слыли*; причастие прош. вр. *живший, слывший*; деепричастие совершенного вида: *нажив, прожив, прослыв*; причастие страдательное: *зажито, прожито*. — Ударение этих основ подвижное: в женском роде оно падает на окончание: *жила, плыла, слыла, прожита*; в других формах прош. вр. и причастии страдательном ударение на корне, а в сложных с предлогами на предлоге: *жили, прожили, заплыли, прожито, но прослыл*. В глаголах на *-ся* ударение переносится в мужском роде прош. вр. на *-ся*: *нажился*, а в прочих формах на окончание: *нажились, сплылось*.

Рассмотренные глаголы несовершенного вида; *плыть* с определенно-моторным значением.

4-й образец. Перед *-ет* — *-ут* согласная *и*; основа инфинитива оканчивается на *иу*.

От основы наст. вр., кроме форм этого времени, а также будущего совершенного (*пойду, кину, верну, уснём*), образуются формы повел. накл.: *кинь, тронь, двинь, тляй, топи, верни*; -и неударяемое после двух согласных: *сохни, злини, крикни*. Причастие наст. вр.: *тянущийся, сохнувшие, идущийся*. Деепричастие на -а совсем неизвестно.

Ударение основы настоящего времени может лежать или неподвижно, на корне: *кину, стужу, привёки*, на окончании: *зевнёт, уцупишь, толкнёт, качнёт*; или подвижно, падая на окончания -у в 1-м лице ед., -и в повел. накл., -ущий в причастии, но переносясь на корень при других окончаниях: *пойду, тянущийся, топи, топите, тляйте*, но *тобнет, тлянут, взглянет*. Подвижных по ударению основ очень немного.

От основы инфинитива производятся: прош. вр. *тянул, вернул, открынул, тронул, отвернул*; причастие прош. вр. *тронувший, тянувшийся, вернувший, кинувший*; деепричастие *потянув, кинув, столкнув, почеркнув*; деепричастие *кинувшись*; причастие страдательное *подтянут, перевернут, покинут*. — Ударение этой основы лежит неподвижно или на корне, или на -ну; только в причастии на -т оно переносится всегда на корень: *тянул, натянут, натянута, повернуты*. Односложные переносят при этом ударение на предлог: *подвинут, замкнут, взоткнут*.

Особая группа глаголов, отличающаяся от прочих и по своему значению, образует прош. вр. (обязательно), а также причастие прош. вр. и деепричастие совершенного вида (с колебаниями) не от основы инфинитива на -ну, а от основы на согласную, предшествующую в инфинитиве окончанию -нуть. Так, в прошедшем от *чахну* — *чахнуть* находим *чах*; также *оглох, озляб, прилип, высох, повис, прокис, протух*; от основы на зубную: *завял*. Причастие прош.: *оглохший, озлябший, высохший, прокисший*. Деепричастие: *заглохши, оглохши и оглоснув, прокиснув*.

Отдельно стоят *отвергнуть*, которое образует *отверг* и *отвернул*, *подверг* и *подвернул*, *подвергшийся* и *подвергнувшийся*. Также *достичь* при *достичь*, ср. *достиг, достигший*.

Глагол *вынуть* — *выну*, как мы видели, восходит к более древним формам: *вынять, выму*.

Среди глаголов этого образца значительная часть совершенного вида: сюда относятся, во-первых, все сложенные с предлогами; во-вторых, несложные с однократным значением, как *крикнуть, топнуть, плюнуть, копнуть, вильнуть, кануть* и т. д.; в-третьих: *вернуть, мигнуть, вынуть*. Несовершенного вида та особая группа, о которой сказано выше, имеющая особое значение глаголов подвижного состояния: *глохнуть, виснуть, дрогнуть* (рядом *дрогнуть* совершенного вида с неоднократным значением), *лёрзнуть* и т. д.; также еще глаголы: *инуть, тянуть, топнуть, дрыгнуть*.

5-й образец. Перед -ст — -ут согласная н; основа инфинитива оканчивается на гласные а, е (ь), ы.

Сюда относятся немногочисленные глаголы, как *стану* — *стань*, *дену* — *день*, *стыну* — *стынь*, *застряну* — *застрянь*.

От основы наст. вр. с неподвижным ударением на корне: *надену, остыну, падень, стань*; причастие наст.: *стынувший*.

От основы инфинитива с неподвижным ударением на корне: *одел, стал, остыл, застрял* (мы ожидали бы *застрял*, от *стряпать*). Деепричастие: *устав, надев, застряв*. Причастие прош.: *надевший, застрявший, остывший*.

Глаголы *стать, деть* совершенного вида; *стыть* несовершенного. Сложные — все совершенного вида.

6-й образец. Перед *-ет* — *-ут* являются исконно твердые согласные; инфинитив содержит производную основу на *а*.

Сюда относится ряд корней, содержавших исконно звуки *ъ, ь*: *ткѹ — ткать, мѹ — мать, рѹ — рвать, вѹ — врать, жѹду — ждать, жѹру — жрать*. Иногда такому корню в инфинитиве соответствует корень с *о, е* в наст.: *зовѹ — звать, берѹ — брать, дерѹ — драть*. Единичны: *стону — стонать, ору — орать*.

Перед окончанием *е* в основе настоящего задненёбные переходят в шипящие: *лжѹш, тчѹш* (но и *ткѹш*).

От основы наст.: *врѣт, врѹ, ждите*. Деепричастие: *звѹл*. Причастие наст.: *дерущий, берущий, зовущий* и т. д. — В основе настоящего ударение всегда на окончании. Только при *стону, стонѹ* является *стѹнеш, стѹнет* и даже *стѹнущий*.

От основы инфинитива: прошедшее *мѹл, звѹл*; причастие прош. страдательное на *н*: *пѹзван, прѹбрано, прѹбран*. Деепричастие соверш. *солѹв, набрѹв, призѹвѹв, соткѹв*. — В *стонѹть, орѹть* ударение неподвижно; во всех остальных оно подвижно: в простых ударение переносится на окончание женского рода *-а*: *зѹвѹлѹ, зѹвѹнѹ*; в сложных с *-ся* ударение в прош. вр. переносится на окончание: *зѹвѹлѹся, брѹлѹся, брѹлѹсь*; в сложных с предлогами глаголах не на *-ся* ударение (кроме формы женского рода) переносится на предлог: *сѹткѹн, пѹзѹвѹн, прѹзѹвѹнѹ, нѹбрѹнѹ, обѹбрѹн, пѹжрѹн, вѹзрѹвѹн, прѹбрѹдѹн*; в глаголах на *-ся* ударение остается на окончании: *нѹзѹвѹлѹся, дожѹдалѹся, собрѹлѹсь, прѹдрѹлѹсь*; но *взѹрѹвѹлѹся, порѹвѹлѹся, замѹлѹлѹсь*.

В деепричастии ударение всегда на корне.

Относящиеся сюда глаголы все несовершенного вида; они совершенного вида в сложениях с предлогами.

7-й образец. Перед *-ет* — *-ут* исконно мягкая согласная; в инфинитиве основа оканчивается на *о, оло*.

Сюда относятся: *мѹлю — молѹть, колю — колѹть, порю — порѹть, борюся — борѹться, полю — полѹть*.

От основы настоящего: *колѹт, порѹт, борѹмся, борѹсь*. Причастие наст.: *кѹблющий, мѹлющий*. Деепричастия на *-а* неупотребительны; малоупотребительно: *мѹлючи*. В основе наст. вр. ударение подвижно, переносясь на окончание в 1-м лице ед. наст. вр. и в повел. накл.: *мѹлѹ, мѹлѹ, мѹлѹте*, но *мѹлет, мѹлѹт, мѹлющий*.

От основы инфинитива образуются: прош. *колѹл, молѹл*; причастие прош. *борѹвшийся, колѹвший*; деепричастие соверш. *наколѹв, смѹлов*; причастие страдательное на *-т*: *смѹлот, прѹколѹт*. Ударение основы инфинитива неподвижно на корне, но в причастии страдательном вместо *олѹ* находим *ѹлѹ* в *смѹлот, кѹлот*.

Относящиеся сюда глаголы все несовершенного вида: они совершенного вида в сложениях с предлогами.

8-й образец. Перед *-ет* — *-ют* исконно мягкие согласные; производная основа инфинитива оканчивается на *a*.

Относящиеся сюда глаголы довольно многочисленны. Согласная перед окончанием представляется в наст. вр. в смягченном виде: вместо *г, к, х* являются *ж, ч, ш*: *плачу* — *плакать*, *паху* — *пахать*; вместо *с, з* — *ш, ж*: *мажу* — *мазать*, *лижу* — *лизать*, *чесу* — *чесать*; вместо *т* в исконнорусских словах — *ч*, а в заимствованных из церковнославянского *щ*: *мечу*, *топчу*, *шепчу*, *скрежещу*, *ропщу*, *клеветщу*, *трепещу*; вместо *д* в русских словах *ж*, в церковнославянских *жд*: *гложу* — *глодать*, *стражду* — *страдать*, *созижду* — *созидать*; вместо *ст* — *щ*: *свищу* — *свистать*; вместо *ск* — *щ*: *ищу* — *искать*; вместо *зг* — *жж* (пишется *жж*): *брызжу* — *брызгать*; вместо *п, б, в, м* — *пл, бл, вл, мл*: *дремлю* — *дремать*, *колеблю* — *колебать*, *сыплю* — *сыпать*; *р, л, н* переходят в мягкие *р, л, н*: *глаголю* — *глаголать*.

Вместо ожидаемого *ржу* — *рзать* находим *ржу* — *ржать*; аналогично вместо *жажду* — *жадать* находим *жажду* — *жаждать*; вместо *сло* — *слать* является *шлю* — *слать*. Единично *стелю* — *стлать*.

От основы наст.: *плачет*, *плачь*, *чеши*, *чешите* (от *жажду*, *стражду*, *зижду* повелительное не употребляется); причастие наст. *плачущий*, *пахущий*, *страждущий*, *ищущий*. Деепричастие на *-а*: *плача*, *дрёмля*, *колебля*, *скрежеща*, *клевета*; но вообще они мало употребительны (не говорят: *чеша*, *мажа*, *ропца*, *пишя*, *пахя*, *режа* и т. п.). Вместо *сыплю* — *сыплеш* весьма обычно *сыплю* — *сыпши*. — Ударение основы настоящего может быть неподвижно на корне: *áлчу*, *по́йшу*, *колёблю*, *гла́блю*; в некоторых основах оно подвижно, переносясь на окончание в 1-м лице ед. и в повел. накл.: *клеветшú*, *ищú*, *ропшú*, *дремлú*, *пишú*, *пахú*, *топчíte*, *лижíte*.

От основы инфинитива образуются: прош. вр. *лизáл*, *плáкал*; причастие прош. *плакавшие*; деепричастие соверш. *запла́кав*, *сма́зав*, *задремáв*; причастие страдательное на *-и*: *нарезан*, *оклеветан*, *облóдан*. — Ударение в одних основах лежит неподвижно на корне: *по́исать*, *кликáть*, *ма́зать*, в других на *-а* в окончании основы, причем, однако, в причастии страдательном оно переносится на корень: *оты́скан*, *облóдан*, *оклеветáн*. Основы *стла-* и *сла-* переносят ударение на предлог: *пóслан*, *разбóслан*.

При *поколебать* причастие страдательное *поколеблен* (указывающее на **поколебítь*). При *двигать* причастие наст. страдательное *дви́жимый*, но рядом *недви́жим*.

Все относящиеся сюда несложные глаголы несовершенного вида, а сложные с предлогом совершенного.

9-й образец. Перед *-ет* — *-ют* является *í(j)*, причем основа наст. вр. односложна или двусложна; основа инфинитива односложна и оканчивается на гласную.

Коренная гласная в основе наст. вр. и инфинитива одна и та же по происхождению, но в основе наст. многие из этих гласных под влиянием особого своего положения подверглись изменениям. Так, гласная *e* (ть, по происхождению дифтонг *oi*) в основе *не-*(*неть*) является в основе наст. вр. в виде *oi*: *пою*. К более поздним изменениям относится выпадение гласной *и* в этой основе: *пью*, *шью*, *вью*, *лью*, *бью* (но в *ию* и сохранилось в связи с наличием перед нпм двух

согласных; в *почию* сохранение обязано церковнославянскому происхождению; в *брюю*, откуда *брею*, сохранение обязано той же причине, что в *мию*). Еще позже произошло изменение *ы* в основе настоящего в *о*: *крою*, *мою*, *рою*, *вою*, *ною*; аналогично изменение *и* в *е* в *брею*. Без изменения сохранились гласные *а* (*знаю*), *у* (*дую*, *обую*), *е* (*ю*) из *ѣ* (*грею*, *снею*).

Основа наст. вр.: *бью*, *бѣтъ*, *крѣю*, *мию*, *пою*; повел. всегда на *-и*, *-йте*: *пойте*, *грейте*, *дуйте*, *знай*; на месте *ы*, понятно, *о*: *крой*, *мойте*; на месте *и* — *е* не только в *брей*, *брейте*, но также в *лей*, *шей*, *вей*, *бейте* и т. д. (*мию* не образует повел. накл., при *почию* является *почий*). Причастие наст. вр.: *бьющий*, *миющий*, *поющий*. Деепричастие только не от глаголов, выпускающих *и* в основе наст.: *пои́*, *рѣи́*, *бѣи́*, *крѣи́*, *мии́*, *дѣи́* (но не *ля*, *вя*, *бя* и т. п.). — Ударение форм, образованных от основы наст., обычно на корне; на окончании только в *пою́* и в глаголах с коренным *-и*, как *мию́*, *мию́тъ*, *вѣю́* (исключается глагол *брею́*, а также книжное *почию́*).

Основа инфинитива образует прош. вр.: *брѣла*, *крыла*, *пела*, *била*; причастие прош. вр.: *бывший*, *почивший*; деепричастие совершенного вида: *накрыв*, *пролив*, *запев*, *прибыв*; причастие страдательное от основы на *-а* оканчивается на *-и*: *знаи*, *узнаи*; от всех прочих на *-т*: *пропет*, *накрыт*, *сбит*, *прѣлит*. Ударение основы инфинитива в одних глаголах неподвижно: *бить*, *шить*, *крѣть*, *рѣть*, *обуть*, *петь*, *брѣть*; в других оно подвижно: сюда относятся только глаголы *пить*, *вить*, *лѣть* — в них ударение в прош. вр. переносится на *-а* в женском роде: *пила́*, *вила́*, *лѣла́*; в сложенных с предлогами так же: *пропила́*, *свила́*, *запила́*, причем в других формах прош. вр. ударение переносится на предлог: *прѣли́л*, *запи́ли*, *зави́ли*. В этих глаголах на *-ся*, сложенных с предлогом, ударение вообще переносится на окончания: *разви́лся*, *впи́лась*, *зали́лись*, *поли́лся*. Те же глаголы имеют такое же, как в прош. вр., колебание в причастии страдательном прош. вр.: *разви́та́*, но *разви́т*, *проли́та́*, *прѣли́ты*, *отпи́то*, *обли́т* и т. д. В причастии страдательном от *знать* в сложенных с предлогами ударение в формах мужеского рода и мн. числа переносится на предлог: *у́знаи*, *при́знаи*, *объ́знаи*.

Относящиеся сюда глаголы несовершенного вида, но в сложении с предлогами они вида совершенного: *обую́*, *почию́*, *узнаю́*, *пропою́*, *зашью́*.

10-й образец. Перед *-ет* — *-ут* в наст. вр. является *а́*, в повелительном наклонении, деепричастии и причастии наст. страд. сохраняется основа на *ава́е*; инфинитив представляет двусложную основу на *ава́*.

Сюда относятся: *сознаю́*, *признаю́*, *узнаю́*, *настаю́*, *достаю́*, *даю́*.

В наст. вр.: *даю́*, *даѣтъ*, *настаю́тъ*; причастие наст. вр.: *дающий*, *достающий*, *сознающий*; в повел.: *признавай*, *доставай*, *давай*; деепричастие: *признавая*, *доставая*, *давая*; причастие наст. страдательное: *даваемый*, *сознаваемый*. Ударение в основе наст. вр. на окончании; в основе повел. и деепричастия на слоге *ва́*.

Основа инфинитива имеет ударение на слоге *ва́* и притом неподвижное: *дава́л*, *дава́вший*.

Относящиеся сюда глаголы несовершенного вида; они представляются производными при соответствующих глаголах совершенного

вида (*сознать, достать, дать*), причем в наст. вр. отступают от обычного вида производных; в виду этого *даю, сознаю* и т. д. можно признать позднейшими новообразованиями вместо *даваю, сознаваю, доставляю*. Что до сложных с *даю*, то они остаются несовершенного вида, ибо, напр., *задаю* такое же производное несовершенного вида при *задаю*, как *даю* при *даю*. Повидимому, *давай, давая* извлечено из глаголов, сложных с предлогами.

11-й образец. Перед *-ет* — *-ут* в настоящем является *ǐ(j)*, причем основа настоящего двусложна; двусложна также основа инфинитива, оканчивающаяся притом на *ја*.

Здесь относятся: *лаять, чаять; чуют; сеять, веять, блеять* (и *блелять*).

Основа наст. вр.: *лает, чаю, чуют*; повел.: *сей, вейте*; деспричастие: *сея*. Ударение основы обычно на корне, но только при *блею* известно *блею*.

Основа инфинитива: *чужл, селл, посеял, чаявшие*. Ударение обычно на корне, только при *блелять* известно и *блелять*.

Здесь же относится многосложная основа *лелеять*.

Здесь же относится *вопяты*; основа наст. вр. *вопѣе-*: *вопят* (глагол этот церковнославянский и известен только в книжной речи).

12-й образец. Перед *-ет* — *-ут* в настоящем является *ej*, причем основа настоящего многосложна; основа инфинитива также неодносложна.

Здесь относятся глаголы со значением подвижного состояния: *богатею, стареюсь, краснею* и т. п., также *болею*. Ударение основы наст. вр. и инфинитива неподвижно и обычно лежит на *е*. Все эти глаголы несовершенного вида; совершенный вид они получают только в сложениях с предлогами: *устарею, состареюсь; забеременею*.

При *стареюсь, состареюсь* употребляется с другим ударением: *стареюсь, состареюсь*.

13-й образец. Перед *-ет* — *-ут* является окончание производной основы *aj*; основа инфинитива на *а*.

Здесь относятся две группы глаголов: а) глаголы несложные несовершенного вида и соответствующие сложные совершенного вида; б) глаголы сложные с предлогами несовершенного вида. В первой группе основа может иметь ударение на корне или на примете *а*: *слушаю, прыгаю, лопаясь, думаю, кушаю, падаю, запрываю, меряю, отмеряю, ворочаю, кушаю; читаю, играю, ступаю, сажаяю, стараюсь, пострадаю*; во второй группе ударение падает всегда на примету *а*: *отпадаю, отмеряю, отвлекаю, отсылаю, отставляю, покупаю, полагаю, отрешаюсь*. В этой второй группе сравнительно небольшое число глаголов известно с той же основой без сложения (следовательно, с основой, относящейся к первой группе), напр., *объявляю — являю, отрешаю — решаю, наступаяю — ступаю, отпускаю — пускаю, зарождаю — рождаю* (при всех этих глаголах несложных несовершенного вида известны глаголы на *-ить* совершенного вида: *явить, решить, ступить, пустить, родить*); большая же часть таких глаголов не имеет при себе соответствующих глаголов несложных.

Основа настоящего: *падаю, падай, падающий, падая*. Ударение неподвижное или на корне или на примете *а*: *падаю, гадаю*.

Основа инфинитива: *падать, падал, падавший, выпал, выпавший, прочитав*; причастие страдательное: *читан, взволнован*. Ударение неподвижное или на корне или на примете *а*: *падал, гадал, гадала, погадав*. Но в причастии прош. страдательном ударение переносится с *а* (*-ан, -ана, -ано, -аны*) на предшествующий слог: *читана, воспитаны, забраны, отгадан, освещан, замран, повенчан, взволнован, отпущан, замбан, отпущан* и т. д. Понятно, что такое причастие образуется только в первой группе и совсем неизвестно от глаголов второй группы.

О видовых значениях глаголов этого образца сказано выше.

К этому же образцу относятся производные основы на *-ываю, -ывать, -ываю, -ывать*, которые являются в простых глаголах: *жизываю, сжизываю* (с многократным значением) и в сложных: *попиливаю, навёртываю, угадываю*.

14-й образец. Перед *-ет* — *-ут* является окончание производной основы *уж*; основа инфинитива оканчивается на *оа, еа*.

Большая часть относящихся сюда глаголов представляет многосложные основы; двусложная стала такова благодаря выпадению *ь* в глаголе: *днюю — днеть*. Обычно перед *-у* в наст., *-оа* в инфинитиве согласная твердая, но в некоторых глаголах видим мягкую согласную, причем *-оа* переходит в *-еа*: *днюю, горюю — горевать, ночьюю — ночевать*.

От основы наст. вр. производятся формы: *зимзюю, советует, празднуют*; повел.: *горюй, советуй, зимзюйте*; причастие наст.: *чувствующий*; деепричастие: *празднуюя, зимзюя*. Ударение основы наст. вр. неподвижное на корне или на примете *у*: *советуюю, празднуюю, избалзюю, зимзюю, образзюю*.

От основы инфинитива: прош. *зимовал, горевала*; причастие прош. вр. *советовавший, почивавший*; деепричастие соверш. *почувствовав, отпраздновав*. — Ударение неподвижное или на корне или на слоге *ва*: *поименовал, зимовала* и т. д. Но в причастии страд. на *-ан* ударение со слога *ва* переносится на предшествующий: *поименован, избалован, налимована*.

По общему правилу глаголы несложные несовершенного вида, а сложные совершенного: *зимую, зазимую*. Но некоторые несложные употребляются в значении несовершенного и совершенного вида; сюда относятся, во-первых, русские глаголы: *ночзюю, минзюю, зимзюю* (?), во-вторых, иностранные по происхождению своему глаголы, как *телеграфирзюю, аранжирзюю, ассигнзюю, абонирзююсь, арестзюю*. Церковнославянские сложные с предлогами глаголы, как *образзюю*, употребляются и в совершенном и в несовершенном виде. Простой церковнославянский *дарзюю* совершенного вида, сложный *обларзюю* также совершенного вида; *прообраззюю* несовершенного вида.

15-й образец. Перед *-ет* — *-ут* в двусложной основе является *уж*; основа инфинитива оканчивается на *оа, еа*.

Сюда относятся: *кую, сую, жую, клюю, плюю*. Отличем от предыдущего образца является двусложность основы настоящего и инфинитива, а также ударение на окончании основы в настоящем.

От основы настоящего: *кую, куй, кующий, жующий, плюющий*; деепричастие: *жуя, плюя* (но *куя* не употребительно). Основа инфинитива: *клевал, жевал, плевавший, жобанный*. Ударение в основе инфинитива неподвижно на *ва*, но в причастии страдательном прош. оно переносится на предшествующий слог: *кован, заплёван, разжобано*.

9. Второе спряжение: 3-е лицо единственного и множественного — *ит* — *ат*.

16-й образец. В наст. вр. *-ит* — *-ат*; в инфинитиве основа оканчивается на *е* (*ь*), которое после исконно мягких согласных (*ж, жс, ч, ш, щ*) переходит в *а*.

Таким образом, благодаря звуковому изменению *ь* в *а* в основе инфинитива, глаголы этого образца распадаются на две группы глаголов: на *-ть* и на *-ать*; к первой относятся, напр.: *сидеть, висеть, видеть*, ко второй — *лежать, дрожать, держать, пищать, слышать* и т. д. Обе группы отличаются и в наст. вр.; в первой перед *и*, *а* исконно твердые согласные, во второй исконно мягкие, восходящие к смягчившимся *г, к, х*. *Кишетъ* заменено ожидаемое *кишатъ*.

Основа наст. вр. В 1-м лице ед. числа согласные перед *ѣ* (*й*) основы смягчились и перешли при этом: *п, б, м, в, ф* в *пл, бл, мл* (*терплю, скорблю, шумлю*), *д, т* в *ж, ч* (*гляжу, сижу, верчу, лечу*), *с* в *ш* (*вишу*). В некоторых глаголах такого смягчения нет: при *бдеть* не является *бжу*. Формы наст. вр.: *вижу, видят, дрожу, дрожит*; причастие наст.: *сидящий, лежащий, кишащий, вертящийся, терпящий*; деепричастие: *сидя¹, лёжа, боясь, стоя, терпя, глядя*; причастие наст. страдательное: *держимый, терпимый, слышимый*. Повел. накл. *сиди, лежи, терпи, вели, держи, дрожите*; от *видеть* повел. не употребительно; от *слышать* употребляется *слышь* в выражении *слышь ты*; от *бояться* — *бойся*, от *стоять* — *стой*. Ударение основы наст. вр. или неподвижно: а) на корне: *видя, видимый, слыша, видящий*, б) на окончании: *бойтся, бойсь, вися, висят, вишу, стучит, дрожат, велиш, велят, веля, кипят, ворчат, кишат, кишащий, торчат, торчиш, торча, пишат, пища, скрипя, скрипит*. Или оно подвижно, причем в одних глаголах подвижность ударения замечается в наст. вр., а именно в 1-м лице ударение падает на окончание, а в остальных лицах оно ложится на корне: *смотриó — смотрешиь, терплю — терпишиь, держю — держит, верчу — вертит* (в деепричастии: *смотрия, терпя, держа, вертя*); в некоторых же глаголах перенос ударения замечается только в деепричастии, где оно ложится на корне: *сидя, лёжа, стоя, глядя* (при *глядя*).

От основы инфинитива: *видеть, видел, увидев, смотревшие, смотревшись, стучал, стучала, державшийся*; причастие прош. страдательное: *виденный, слышанный, держанный, рассмотренный, повелено, умолчано*. Глагол *вертеть* образует *вёрчен*, как бы от основы *верти-*; от *сидеть* в известных выражениях употребляется *сѣжено, насѣженное гнездо*, от основы *сиди-*. Ударение основы инфинитива неподвижное или на корне, или на примете *а, е*: *видеть, слышать, держать, мчать, смотреть, сидеть, сидел, сидела, висел, висела*. В причастии страдательном ударение переносится с *а* на предшествующий слог: *держан*; от *повелеть* в причастии страдательном находим с окончательным ударением: *повелено*, а от *велеть*: *велено*. О причастиях *вёрчен, сѣжен*,

¹ В рукописи: *сѣжа* (очевидно, по опiske; ср. ниже, в конце данного абзаца форму *сидя*). Р е д.

привождён, нагромоздён. Что до задненёбных, то они изменяются в соответствующие щипящие во всех формах от обеих основ в положении именно перед звуком *и*: *лечу, лечить, тужить, порбчат, перечишь* и т. д.

От основы наст. находим: *хорблят, молотишь, прощу*; в повел. наклонении *и* под ударением: *хорони, учите, носи, возите, предупреди*, реже в неударяемом положении после двух согласных: *чисти, кончи* (но, понятно, систематически в сложных с *вь*-: *вьпроси, вьучи* и даже *вьброси, вькраси*, однако, *вьставь*); *и*, не имеющее на себе ударения, отпадает, оставляя след на мягкости предшествующей согласной: *славь, прославьте, брось, не чванься, покрась* (от *украсить* едва ли употребляется повел. наклонение), *упрочи, поставь*. После гласных *и* обычно заменяется через *й*: *устрой, успокой, удвой, присвойте*; но под ударением находим *й*: *утай, скрой, скройте* (но *заклей*). Причастие наст. вр.: *говорящий, посящий, ставящий* и т. д. Деепричастие: *нося, любя, судя, ценя, куля* и т. д., *носясь, переносясь*. От глаголов совершенного вида образуется деепричастие совершенное на *-ясь*: *перекрестясь, устрёмясь, простясь, пленясь, лииясь*; деепричастия совершенного вида на *-я* выпли из употребления, сохранившись только в некоторых наречных выражениях (*положа, потуля, сломя, спустя* и т. д.).

Ударение основы наст. вр. может быть неподвижным: а) на корне, напр.: *мблвлю, ставлю, прославлю, брбшу, трачу, покрашу, кончу, сйлиться*, б) на окончаниях: *рубят, резвится, чернит, веселит, сочинять, дарим, простим, морю, поразят, оградим, морят, тужит, родить, лишат, хранят, решат, грешат*. Оно бывает и подвижным, а именно падает на окончания в 1-м лице ед. наст. вр., а также в деепричастии и причастии, и еще в повел. накл. — переносится на предшествующий слог во 2-м и в 3-м лице ед. и мн., а также в 1-м лице мн.; итак, *хожю, ходя, ходящий, ходи, но ходиш, ходят; сюда же: ношу, учю, хороню, брожу, курю, чиню, лечю, служю, поручю, тащю, ворочю, пушю, заявлю, куплю, наступлю, потружусь, полосжю, загорожю, прощу, кучю, хвачю, колочу, молочю, тороплю, варю, укорочу, заплачу* и т. д. Группа глаголов с подвижным ударением многочисленнее группы глаголов с неподвижным ударением на окончании *и*, быть может, первоначальнее ее; в глаголах *платить, садить* при переносе на него ударения звук *а* заменяется через *о*: *заплотит, пасбдим* (в простор. и областном языке это явление еще более распространено: *пабдريم, вместо лнтер. подарим, набдريم, вместо набарим*).

От основы инфинитива образуются: прош. вр. *носил, носила*; причастие прош.: *носивший, уивший*; деепричастие совершенного вида: *поносив, подарив, научившись, окрасившись, сохранившись, накурившись, набросившись*. Причастие страдательное прош.: *ношенный, захвачен, заморбжен, застрелен, прощен, уилено, куплено, обесчещен*. — Ударение в формах, произведенных от основы инфинитива (кроме, однако, причастия страдательного), неподвижное или на корне или на примете *и*: *славил, славила, прославив, прославившие; учил, учила, научив; только при родил, родили, родило находим родила (и также: родилсь, родились, родилось)*. В причастии страдательном ударение или

переносится на предшествующий суффиксу *-ен-* слог: *пои́шен, похорóнен, замéчен, нау́чен, запúшен, за́явлен, куплен, загорóжен, запрóшен, прихвáчен, поколóчен, обмолóчен, забáрен, укорóчен, зада́влен, забáлен, запла́чен* (произносится *заплочен*), *посáжен* (произносится *посожен*), *порúчен, слóблен, надлóблен*; в женском роде то же ударение: *запúшена, за́явлена, запрóшена, заколóчена, укорóчена* и т. д. Или же ударение причастия падает на *е* в мужеском роде, переносясь на окончания в женском, среднем роде и во мн. числе: *влюблён, влюблены́, похоронён, похоронены́, прощён, научён, научены́, лишён, лишены́, рождён, рождены́, осуждён, осужжены́, освящён, освящены́* и т. д. Неясно, как, по какому основанию распределяются глаголы в обеих указанных группах.

Относящиеся к настоящему образцу глаголы по общему правилу вне сложения с предлогами имеют вид несовершенный, а в сложении с предлогами совершенный. Но при этом оказываются и исключения. Во-первых, ряд глаголов, несложённых с предлогами, имеют вид только совершенный, или, сохраняя вид несовершенный, могут иметь значение и совершенного вида; к глаголам, имеющим только совершенный вид, относятся: *решу, лишу, ступлю, явлю, куплю, брошу, кончу, прощу, хвátит* (напр.: *пó лбу, до весны*), *пущу, пленю*; к глаголам, употребляющимся и в совершенном и в несовершенном виде, принадлежат: *ворóтит* (*он ворóтит деньги, но — он рыло ворóтит*), *родит, женит, родится, женится, молвит* и, кажется, *крéтит*. Во-вторых, некоторые глаголы, сложенные с предлогами, сохраняют вид несовершенный: сюда относятся сложенные с предлогами глаголы моторно-неопределённого значения, как *относить, выносить, завoдить, выводить, привозить, вывозить, зала́зить, выла́зить*.

10. Третье спряжение: 1-е лицо единственного числа на *-м*.

18-й образец. Основа наст. вр. оканчивается на согласную. Сюда относятся: *дам — дать* (основа наст. *дад-*, основа инфинитива *да-*): *дам, дашь* (вместо исконного *даси* из *дад-си*), *даст* (из *дас-ть*), *дадём, дадите* (основа *дади-* извлечена из повел. накл., которое, как увидим, производится теперь от основы *да-*), *дадут* (вместо ожидаемого *дадят*, из *дадачь*). — В повел. накл.: *дай, дайте* (ср. не *дай бог, подай*; от *дай* имеем *давай*). — От основы инфинитива: *дал, дала, дало, дали, продал*; причастие страдательное: *дан, дана, дано, даны́; рóздано, рóздано*; деепричастие совершенного вида: *зада́в*; причастие прош. вр.: *отда́вший, да́вший*. Подвижность ударения основы инфинитива выражается в том, что в прош. вр. и причастии страдательном оно переносится в несложённых на окончание, а в сложенных переносится на предлог в мужеском, среднем и во мн. числе, оставаясь на окончании в женском роде; в глаголах на *-ся* ударение в прош. вр. переносится на окончание: *дался, удался, удалсь, задалсь*.

Ем — есть (основа настоящего *ед-*, основа инфинитива также *ед-*): *ем, ешь* (вместо исконного *ѣя* из *ѣд-си*), *ест* (из *ѣс-ть*), *едём, едите* (основа *еди-* извлечена из повел. накл.), *едят*. — В повел. накл.: *ешь, ешьте* (вместо *ежь, ежьте*). От основы инфинитива: прошедшее: *ел, ела, ело, ели, съел, поели, наелся*; причастие прош.: *евший*; деепри-

частие: *поев, заев*; причастие страдательное: *сведен, изведена*. — Ударение в наст. вр. на окончаниях; основа инфинитива имеет неподвижное ударение на корне.

Есмь — *быть*. Формы наст. вр. вышли из употребления. Сохранились только формы 3-го лица ед. и мн. в весьма редких, впрочем, выражениях, напр.: *а есть а*, также в значении — имеется: *там всё есть, у нас есть все, что вам нужно*; 3-е лицо мн. *суть* изредка употребляется и в значении 3-го ед.: *это не суть важно*. Повел. накл. образуется от основы *буд-*: *будь, будьте, забудь*. Деепричастие: *будущи*. От основы *буд-* образуется также и *буду, будешь* и т. д. в значении будущего времени: *забуду, побуду, добуду*. Причастие буд. вр.: *будущий*. — Основа инфинитива *бы-*; от нее, кроме инфинитива, произведены: *был, была, было, были, был, выбыл*; причастие прош.: *бывший*; деепричастие: *быв, забыв, забывшись*. — Ударение основы инфинитива подвижное: в прош. вр. оно ложится на окончании в женском роде: *была*, сохраняясь в других формах на корне: *было, были*; в сложенных с предлогами такой же перенос в женском роде: *добыла, прибыла, отбыла, пробыла*; в прочих формах ударение переносится на предлоги: *добыл, прибыли, отбыл, пробыл*; но в *забыл* ударение неподвижно: *забыла, забылся*.

11. Неправильные глаголы.

Некоторые отступления от обычных отношений нам пришлось отметить уже выше. Здесь мы рассмотрим преимущественно те глаголы, которые образуют основы наст. вр. и инфинитива от разных вообще несочетающихся основ, а также и те, которые в пределах наст. вр. представляют формы, образованные от разных основ.

19-й образец. Относим сюда те глаголы, которые в наст. вр. изменяются по первому спряжению.

Глагол *иду́* — *идёт, идут*; ту же основу находим в повел. *иди́*, *идите*, в причастии наст. вр. *иду́щий*, в деепричастии *идя, идущи*. После предлогов *иду* изменяется в *йду: найду, зайду, уйду, пойду, сойду, выйду, отойду*; после *и й* отпадает: *приду́*; в этих сложенных деепричастии на *-а*: *найдя, выйдя, придя, сойдясь*. — Основа инфинитива *и-*: *ити́*, однако, заменилась формой *идти*, этимологически восходящей к *ид-ти*, причем *ид-* из основы наст. вр., ср. *найти, выйти*; отметим в сложных причастиях страд. *на́йден, прѣ́йдено*. — От этой основы не могут быть произведены те формы, которые обычно восходят к основе инфинитива; эти формы производятся от основы *шѣ-* (*шѣд-* в одном положении, *ш-* в другом); ср. *шол, шла, шло, шли, пошол, вышел*; причастие прош. *шедший, вышедший, нашедшие*; деепричастие: *ушедши* (диалектическое произношение: *ушодши*), *нашедши, вышедши*. — Глагол *идти* имеет значение определенно-моторное.

Глагол *еду, едет, едут*; формы повел. от этой основы не образуются (в противоположность областному языку) и заменяются формами *поезжай, поезжайте* (от вообще не употребительной основы *поезжа-*); прич. наст.: *еду́щий*; деепричастие *едя* не употребительно,

выходит из употребления также *едуци*. — Основа инфинитива *еха-*: прошедшее *ехал*, *ехала*; причастие прош. *ехавший*; деепричастие: *свехав*, *свехавшись*, *всехав*. — Глагол *ехать* имеет значение определенно-моторное.

Глагол *обрящу*, *обрящется* (*обрести*, *обрестись*) церковнославянского происхождения, что ясно из звука *щ* в наст. вр. Сходствуя по образованию основы настоящего и инфинитива с глаголами 8-го образца, приведенный глагол представляет в этих основах два разных вида корня (ср. *сяду* — *сесть*). Глагол этот совершенного вида.

Глагол *реву* — *ревет*, *ревут*; повел. *реви*; причастие: *ревуший*; деепричастие не употребительно. Инфинитив от основы *реве-*; отсюда же *ребел*, *ревела*, *ревелине*, *заревел*.

Глагол *шибу*, *шибуся* — *шибёт*, *шибутся*; повелительное: *шибись*. Основа инфинитива *шиби-*, от нее образован инфинитив *шибиться*, *шибить*, а также деепричастие *шибившись*; причастие прош.: *шибившиеся*; от этой же основы причастие прош. страд.: *шиблен*, *шиблен*. Рядом основа *шиб-*: от нее произведены прош. вр. *шибся*, *шиб*, *шиблась*, *шибли*, *шибся*.

20-й образец. Относим сюда глаголы, изменяющиеся в наст. времени по второму спряжению.

Глагол *гоню*, *гонит*, *гонят*; повел. *гони*, *загоните*, *прогоните*; причастие наст.: *гонящий*, *гонящийся*; деепричастие *гоня*. Основа инфинитива *гна-* (из *гна-*): прош. *гнал*, *гнала*, *гнало*, *гнали*, *гнался*, *гналась*; причастие прош.: *гнавший*, *прогнавший*; деепричастие: *гнав*, *гнав*, *погнавшись*; причастие страдательное: *пробган*, *заганя*, *заганя*. Эта основа с подвижным ударением, как видно из приведенных форм; но в прош. вр. ударение не переносится на предлог (*прогнал*, *прогнала*, *прогнали*, *загнали*, *погнался*); в причастии страдательном ударение в формах не женского рода на предлоге (*отбган*, *отбганы*, но *отогнан*). Значение *гоню*, *гнать* определенно-моторное.

Глагол *сплю*, *спиш*, *спят*; повел. *спи*, *спите*; причастие наст.: *спящий*. Основа инфинитива: *спа-*: прош. *спал*, *спала*, *спали*; причастие прош.: *спавший*, деепричастие: *поспав*, *выспавшись*; причастие страдательное: *заспанный*. Эта основа имеет подвижное ударение: оно переносится на окончание женского рода — *ла*, также на — *лась*, — *лась*, — *лась* в прош.; на предлог в других формах: *проспала*, *проспался*, *проспалась*, *проспались*; но *пробспал*, *пробспали*; а также в причастии страдательном *заспанный*.

21-й образец. Сюда относим глаголы, представляющие в наст. вр. две основы, одну, изменяющуюся по первому, другую по второму спряжению.

Глагол *хочу*, *хочеш*, *хочет* с основой *хоче-* в ед. числе, *хотим*, *хотите*, *хотят* — от основы *хоти-* во мн. числе; повел. не употребляется, заменяясь формой *захоти*; старая форма *хочи* исчезла (2-е лицо наст. *хочи* едва ли не вместо *хочи*, *хочь*, проникших в наст. вр.). Причастие наст. вр. *хотящий*. Деепричастие: *хотя* (употребляется как союз).

Основа инфинитива *хоте-*: *хотел*, *хотела*; *хотевший*; *захотев*.

Глагол *бежy*, 3-е л. мн. *бежyт*; остальные формы наст. вр. от основы *бежи-*: *бежиш*, *бежит*, *бежиш*, *бежите*; повел. накл. от основы 1-го

лица и 3-го лица мн.: *беги* (вместо первоначального *бези*), *бегите*; причастие наст.: *бежущий*; едва ли употребительно деспричастие *бежя́*.

Основа инфинитива *бежа-*: *бежа́л*, *бежа́ла*; *бежа́вший*: *забежа́в*.
Значение *бегу*, *бежать* определено-моторное.

Глагол *читу*, 3-е лицо мн. *читут*; остальные формы наст. вр. от основы *чи-*: *чиши*, *читит*, *читим*, *читите*; причастие наст.: *читущий*.
Основа инфинитива *чи-*: *читал*, *читала*, *читавший*. Рядом основа *чт-* (из *чѣт-*): причастие страдательное *почтѣн*. В сложном *почтѣть* в наст. вр. *почту*, а во всех остальных лицах основа *почти-*: *почтиши*, *почтят*. (Рядом известен другой глагол *почесть*: *почту*, *почтѣт*, *почтут*; прошедшее *почла* и т. д.)

В заключение своего курса я назову несколько сочинений, полезных при изучении грамматики современного литер. языка.

1. В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики, изд. 4-е, Казань, 1913.
2. В. А. Богородицкий. Опыт физиологии общерусского произношения в связи с экспериментально-фонетическими данными, Казань, 1909.
3. О. Л. Брок. Очерк физиологии славянской речи, см. Энцикл. слав. филологии, выпуск 5, 2, СПб, 1910.
4. Е. Ф. Будде. Очерк истории современного литературного русского языка (XVII—XIX в.), в 12-м выпуске Энциклопедии славянской филологии.
5. Е. Ф. Будде. Опыт грамматики языка А. С. Пушкина, вып. I, II и III, СПб, 1901, 1902 и 1904. См. Сборник Отд. р. яз. и слов., т. LXXVII.
6. Е. Ф. Будде. Из истории русского литер. языка конца XVIII и начала XIX в., см. «Журн. М. нар. пр.», 1901, № 2.
7. Е. Ф. Будде. Значение Гоголя в истории русского литер. языка, см. «Журн. М. нар. пр.», 1902, № 7.
8. С. К. Булич. Церковнославянские элементы в современном литер. и народном русском языке, СПб, 1893.
9. А. Х. Востоков. Русская грамматика.
10. Я. К. Грот. Филологические разыскания, изд. 4-е, СПб, 1899.
11. А. Мазон. Morphologie des aspects du verbe russe, Paris, 1908.
12. Н. П. Некрасов. О значении форм русского глагола.
13. Д. Н. Овсянко-Куликовский. Синтаксис русского языка, изд. 2-е, СПб, 1912.
14. А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, I. Введение; II. Составные части предложения и их замены, Харьк., 1888; III. Об изменении значения и заменах существительного, Харьк., 1899.
15. А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка, изд. 4-е, СПб, 1907.
16. А. И. Соболевский. Опыт русской диалектологии.
17. А. И. Томсон. Общее языковедение, изд. 2-е, Одесса, 1910.
18. Г. К. Ульянов. Значение глагольных основ в литовско-славянском языке, ч. I, Варшава, 1891, ч. II, Варшава, 1895.
19. Ф. Ф. Фортунатов. Разбор сочинения Г. К. Ульянова, см. Сборник Отд. р. яз. и сл., т. LXIV.
20. Ф. Ф. Фортунатов. О залогах русского глагола, см. «Изв. Отд. р. яз. и сл.», 1899, кн. 1-я.
21. В. И. Чернышев. Законы и правила русского произношения, изд. 2-е, СПб.
22. В. И. Чернышев. Русское ударение. Пособие к его изучению и употреблению.
23. В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики.

ПРИЛОЖЕНИЯ

РУССКИЙ ЯЗЫК, ЕГО ОСОБЕННОСТИ. ВОПРОС ОБ ОБРАЗОВАНИИ НАРЕЧИЙ. ОЧЕРК ОСНОВНЫХ МОМЕНТОВ РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА.

Древнейшие судьбы русского языка тесно связаны с жизнью других славянских наречий. У нас нет достаточных данных для возведения главных особенностей русской речи к эпохе общеславянского единства, т. е. к тому времени, когда славянская семья еще не распадалась на те диалектические группы, к которым восходят современные славянские языки. Само собою понятно, что и в общеславянском праязыке¹ существовали диалектические различия, разнообразные говоры, но не эти разновидности, перешедшие и в отдельные славянские языки, послужили основанием для позднейшего обособления отдельных славянских наречий. В состав этих новых языков, в частности и в состав русского, вошли разные говоры общеславянского праязыка, частью слившиеся, частью смешавшиеся между собою. Таким образом историю русского языка можно проследить только с момента выделения его из общеславянской семьи.

Впрочем, сравнительное изучение славянских языков устанавливает следующее любопытное наблюдение. Общеславянская семья распалась сначала на две диалектические группы: западную и южную. В состав западной входили предки всех современных западных славян, т. е. поляков, кашубов, лужичан, чехов и словаков; в состав южной вошли предки не только современных южных славян, т. е. сербов, болгар и словенцев, но также и русских. Наблюдение это основывается на следующих данных: во-первых, в западной группе сохранились, сохраняются и теперь звуки *m*, *d*, в сочетаниях с последующим *l* (ср. польск. *mydło*, *plotła*, чешск. *sádlö*, *vedli*), между тем в южной — *m*, *d* выпали (ср. древнеболг. *плела*, *вели*, сербск. *мילו*, *вели*, русск. *мыло*, *плела*, *сало*, *вели*); во-вторых, в западной группе сохранялись сочетания *kw*, *zv* перед звуком *ь* (ср. польск. *kwiät*, *gwiazda*, чешск. *kvet*, *hvezda*), между тем как в южной эти сочетания в указанном положении переходили в *ьв*, *дзв*, или *зв* (ср. древнеболг. *ьвѣтъ*, *ьвѣзда*, сербск. *ьвиѣт*, *ьвиѣзда*, русск. *цвет*, *звезда*).

¹ Термином «праязык» обозначаем язык, не дошедший до нас в письменных памятниках, а восстанавливаемый предположительно сравнительно-историческим методом.

Приведенное наблюдение наводит на мысль, что такому делению славянских языков соответствовало разделение некогда единого славянского племени на группу племен западных и группу племен южных. Но сначала скажу о термине южная группа. Отчего не назвать ее восточною, раз в ее состав вошел русский язык? Термин южная группа представляется более подходящим, в виду того, что распространение русского племени на восток по имеющимся в распоряжении науки данным произошло довольно поздно, частью уже на памяти истории. На севере, в области великих озер, на востоке, в Поволжье, русские — несомненно новые насельники среди финских племен; колыбель русского племени естественно искать в среднем и частью южном Поднепровье и в Поднестровье, т. е. в непосредственном соседстве с болгарскою отраслью южных славян. На некоторые данные в пользу исконности южной родины русского племени я укажу ниже. Здесь же ставлю в связь наличие общих явлений в языках русском и южно-славянских с исконным, засвидетельствованным историей соседством русских и болгар в области нижнего течения Днестра и Дуная.

Были ли однако славяне автохтонами, т. е. коренными жителями, на Балканах, в бассейнах Дуная, Днестра, нижнего и среднего течения Днепра? Едва ли можно усомниться в том, что на Балканский полуостров и в бассейн Дуная славяне вступили сравнительно поздно. Историческими свидетельствами их пребывание в этих странах может быть подтверждено только для конца V и начала VI века. О древности поселения славян в Поднепровье и Поднестровье судить труднее, но невероятным представляется допустить существование здесь славян в эпоху готского владычества, сломленного в IV веке нашествием гуннов. Восточногерманское племя готов, течением Днестра разделенных на остготов и вестготов, прочно основалось в южной России с конца II века по Р. Хр. Совершенно невероятно, чтобы готы насели на славян; допустив это, мы не поняли бы, почему славяне не двинулись вместе с готами на запад под напором гуннов, почему им пришлось остаться на своих местах в ожидании новых поработителей. Славян не могло быть в южной России в IV в.; они пришли сюда позже и, очевидно, после падения гуннов, не раньше, следовательно, второй половины V века.

Но если славяне в указанных областях не были автохтонами, то ясно, что они пришли сюда с севера. Спорным остается вопрос, пришли ли они на Дунай и Днепр с северо-запада, т. е. из Повислинья, или с северо-востока, т. е. из северного Поднепровья. Более вероятным представляется, что они шли из Повислинья. Во-первых, Повислинье уже издавна было славянскою территорией, занятою одной из отраслей западных славян, а мы знаем, что некогда западное и южное славянство жили вместе, в одной области; расселение западных славян пошло из Повислинья; почему не допустить, что оттуда же распространились к югу и юго-востоку южные славяне? Во-вторых, сравнение славянских языков между собою показывает, что на общеславянской их прародине среди прочих деревьев произрастал и бук; слово *бук* оказывается общеславянским,

между тем известно, что бук не растет восточнее полосы, идущей от Кенигсберга через Польшу и Подолью к Черному морю; правда, доказано, что *бук* — слово, по происхождению своему не славянское, а заимствованное из германского, но ясно, что заимствование произошло там, где бук был известен, следовательно, не в северном Поднепровье, а в Повислинье. В-третьих, славяне, заняв Повислинье, владели таким образом территорией, принадлежавшей некогда восточным германцам, готам; появление славян в Повислинье могло стоять в прямой связи с опущением Повислинья готами; последние, как достоверно известно, оставили Повислинье для того, чтобы овладеть более южными областями, причем они осели, в силу невозможности пробиться дальше, в бассейнах нижнего течения Дуная, Днестра и Днепра; естественно предположить, что оттуда же, из Повислинья, попали в бассейны Дуная, Днестра и Днепра также и южные славяне, распавшиеся затем, как и готы, на восточную и южную группы. В-четвертых, славяне южные и восточные сохранили в своем языке ряд следов сильного влияния на них германцев; те же следы имеются в западнославянских языках; поэтому они восходят к общеславянскому периоду; отсюда видно, что в общей своей прародине славянство тесно соприкасалось с германским миром; Повислинье граничит с областью распространения германцев, между тем как в северное Поднепровье германское влияние могло бы проникать с гораздо большими трудностями.

Определение древнейших культурных связей славян имеет большое значение при разрешении вопроса об их первоначальной родине. Связи же зависели прежде всего от того культурного района, в сфере которого находилась первоначальная территория славян. В восточной Европе резко выделялись два таких культурных района: во-первых, район Балтийского моря, во-вторых, район Черноморский. Мы не имеем основания думать, чтобы славянство занимало промежуточные области между сферами обоих указанных культурных районов. Ниже увидим, что такое промежуточное место позже заняло действительно восточное славянство, но это явилось результатом поступательного движения восточных славян с юга на север и имело последствием сближение, общение обоих культурных районов; следов такого общения в эпохи древние мы не имеем; южное Поднепровье Геродота не знало о балтийцах и о других сидевших рядом с балтийцами народах. Трудно сомневаться в том, что славяне исконно принадлежали к сфере балтийской культуры: это объясняет нам культурное воздействие на них германцев, это тесно связано с овладением западным славянством южных прибрежий Балтийского моря, это, наконец, необходимо вытекает из того близкого родства, которое замечается между славянами и так называемыми балтийцами, т. е. литовцами, латышами и древними пруссами. Правда, можно указать уже в общеславянском праязыке некоторое количество слов, заимствованных из пранских языков (а пранцы в лице скифов и сарматов занимали некогда южную Россию), а также из греческого (влияние греческой культуры на южную Россию восходит к глубокой древности), но, во-первых, заметим, что таких заимствований, ведущих к Черноморскому культурному району, сравнительно весьма

мало (достоверным общеслав. заимствованием из греческого является слово *корабль*); во-вторых, посредниками между славянами и иранцами могли быть финны, сидевшие как раз в сфере воздействия двух культур — балтийской, с одной стороны, черноморской, с другой; ср. сильное влияние балтийских языков на финские, влияние, шедшее с севера и северо-запада; — влияние на эти же языки иранцев, шедшее с юга и юго-востока. И действительно, некоторые из слов иранского происхождения, попавшие к славянам, находят себе место и у финнов (таковы, например, слова: *бог, топор*).

Итак, наиболее вероятно представляется такая схема: славяне свою исконную прародину имели где-то на северо-западе России, в районе балтийской культуры; всего вероятнее, что они известною своею частью примыкали к Балтийскому морю, ибо только этим можно объяснить существование в общеславянском языке слов для плюща и для тиса, которые не растут восточнее побережья Ливландии. Оставление готами Повислинья дало славянам возможность двинуться из своей прародины на их место; Повислинье стало второю общеславянской родиной. Из Повислинья южная группа славянского племени двинулась после падения гунов к Дунаю. Здесь в преддверии к Византийской империи произошло распадение южного славянства на восточную группу, которую современники называли антами, и на южную, занявшую бассейны нижнего и частью верхнего течения Дуная, а со временем овладевшую и всем Балканским полуостровом. Анты — предки русских славян — были отброшены своими соплеменниками (южными славянами) на восток. Здесь они заняли Поднепровье, далее южное, а затем и среднее Поднепровье.

Условия, при которых восточные славяне попали в южную Россию, не были для них так благоприятны, как те условия, при которых готам, попавшим в Поднепровье, удалось в III веке создать здесь сильное государство. Нашествие гунов открыло тюркам путь в южную Россию. Черноморские степи были заняты остатками гунов; с востока двигались сюда же болгары и хазары. Восточное славянство в силу естественной колонизации распространялось из Поднепровья на восток, в область Дона и Дону, но оно, если можно так выразиться, прозябало здесь, испытывая чужеземное иго и не выходя за пределы узких, племенных интересов. Историческое свое призвание восточное славянство нашло только тогда, когда, отступая к северу, уходя от тяжелой руки кочевников, оно двинуло колонизационные волны на север — прежде всего в северное Поднепровье.

Как было указано выше, Черноморский район, в котором очутилось восточное славянство, в древности не общался с районом Балтийским; это зависело между прочим от различия в этнографическом составе населения обоих этих районов: на севере сидели некогда балтийцы и предположительно славяне; на юге иранцы (скифы, сарматы), позже, как мы видели, готы. Возможно, что уже с очень отдаленного времени финны тянули частью к Черноморскому району, частью к Балтийскому, но по различным условиям внутреннего их быта финнам не удалось объединить оба эти района

С уходом славян в Повислннье, западные финны приблизились к Балтийскому морю и заняли побережья Финского залива; восточные финны вероятнее всего, по крайней мере в некоторых своих частях, продолжали тяготеть к Черноморскому району. Появление восточных славян в южной России в первое время ничего не изменило в исконном разобщении обеих культурных районов, но напор хазар, потом мадьяр и снова хазар побудил восточных славян к движению на север, вверх по Днепру. Сначала наиболее северные поселения восточного славянства не переходили области современной Черниговщины: здесь сидели северяне по реке Десне, название которой указывает на поступательное движение славян не с севера на юг, а с юга на север. Но с течением времени восточные славяне пробиваются дальше, откидывая на восток и юго-восток восточно-финские племена, а на северо-запад некоторые отрасли литовско-латышского племени. Славяне вдвигаются к северу клином. Захватив северное Поднепровье, они переходят в бассейны Западной Двины, Волхова и Верхнего Поволжья.

Осевши в бассейнах Западной Двины и великих озер, Ильмени и Ладоги, северные славяне оказываются в сфере балтийской культуры. Это ведет к временному их разрыву с славянами днепровскими. О таком разрыве помнит в начале XII в. летописец, сообщающий, что южные племена платили дань хазарам (господствовавшим в Черноморском районе), между тем как северные славяне вместе с западно-финскими племенами платили дань варягам. Варяги, т. е. скандинавы, норманы, уже давно основали свое господство на Балтийском побережье. Появление славян в сфере их влияния естественно ставило варягам новые задачи. Во-первых, в их руках, в лице словен и кривичей, оказалась новая материальная сила; во-вторых, этнографическое родство представителей этой силы с населением юга устанавливало общение севера с югом, ибо славяне тянулись теперь непрерывно от южного Поднепровья до Новгорода и Ладоги, а племя кривичей было связующим звеном между бассейном Западной Двины и средним Поднепровьем.

Путь, пройденный славянами с юга на север, открывал варягам и подвластным им племенам виды на юг. Скудность населения в неплодородных местностях балтийского района, экономическое тяготение новых насельников-славян к родному Поднепровью, нарушение ими старых укладов, привычных покоренным варягами племенам, завоевательные стремления самих северных славян, пробившихся силой в новые места, предприимчивость норманов — все вместе взятое привело к движению северных племен, славян и финнов, на юг. Организованные варягами полчища ставили себе конечной целью овладение черноморскими городами, богатыми культурными центрами Пропонтиды, самим Царьградом. Таким образом видим здесь те самые стремления, которые в различные эпохи, в течение двух тысячелетий, приводили в движение народы северной и средней Европы: некогда греки и италы, позже иллирийцы и фракийцы, затем кельты, еще позже германцы, за ними южные славяне поддались этому самому стремлению, более или менее удачно осуществляя однородную в общем программу.

Но длинный путь из варяг в греки вел прежде всего в южную Русь; по всему этому пути почти вплоть до Черного моря сидели восточные славяне. Северное движение должно было считаться с этим обстоятельством. Очередною задачей являлось обладание Киевом и южным Поднепровьем, для того чтобы уже оттуда двигаться дальше, к заветной цели. Таким образом мы подходим к эпохе образования русского государства. Сначала остановимся на некоторых вопросах этнографических и языковых.

Движение части восточного славянства к северу, появление славян у Ильменя, на Ладоге и в верхнем Поволжье указывает на широкую полосу их распространения. Может ли быть речь об языковом единстве народа, растянувшегося в те мало культурные времена от Черного моря до Финского залива? Но осевши в Поднепровье, славянское ядро выделило из себя еще одну ветвь: некоторые арабские писатели, современники хазарского владычества в южной России, сообщают о поселениях славян в бассейнах Дона и Донца; в историческое время видим восточных славян в Тмутаракани. Очевидно, что из Поднепровья потянулась длинная колонизационная полоса на восток или точнее — юго-восток. Совершенно невозможно допустить, чтобы даже в весьма раннюю эпоху жизни русского народа, скажем в IX в., на Дону говорили бы так же, как на Днестре или Волхове. Расселение восточного славянства повело к раздроблению и его языка. При этом естественно намечаются три племенные и языковые группы, которые должны соответствовать наличности восточных славян в трех географических областях, столь удаленных одна от другой, как южное и среднее Поднепровье, с одной стороны, северное Поднепровье, с другой, и южное Подонье, с третьей. Итак, априорные соображения побуждают нас делить русскую семью уже в эпоху, предшествовавшую образованию киевского государства, на три группы: южную, восточную и северную. Эти соображения находят себе подтверждение в том, что анализ современного русского языка открывает три резко одна от другой отличные языковые группы: севернорусскую, среднерусскую и южнорусскую. Севернорусская группа покрывается еще и другим термином — группа северновеликорусская, южнорусская — термином группа малорусская. Среднерусская группа в только что предложенном делении соответствует двум другим группам, известным под названием белорусской и южновеликорусской: языки белорусский и южновеликорусский сильно между собою различаются, но, как увидим, предполагают общее для них обоих основание; это основание мы и называем среднерусскою языковою группой, допуская ее позднейшее распадение или точнее, как увидим ниже, ее позднейшее распределение на группы белорусскую и южновеликорусскую. Если севернорусская группа соответствует той предположенной нами выше, по соображениям априорным, северной группе IX—X в., а южнорусская группа соответствует южной группе, то среднерусская группа должна соответствовать той группе, которую мы назвали восточною, предположив, что район ее распространения — это юго-восток, южное течение Дона и Донца. Мы остановимся пока на предположении, что русский язык уже в IX в. распался на три наречия, на три языковые группы: южную, восточную и северную.

Прежде чем перейти к более подробным указаниям, считаю необходимым обосновать свой взгляд на общерусскую семью, на процессе выделения из нее названных трех ветвей. Сравнительная древность этого выделения многих исследователей наводит теперь, наводила и раньше на вопрос: не с исконным ли делением восточного славянства мы имеем дело? Есть ли вообще основание допускать существование общерусской эпохи, общерусского праязыка? Не выделились ли так называемые северновеликорусы, южновеликорусы, белорусы и малорусы непосредственно из общеславянской семьи? В настоящее время различие, например, между галицкими говорами малорусского языка и рязанскими языка южновеликорусского настолько значительно, что родственная связь между ними представляется как будто не более тесною, чем родственная связь между отдельными славянскими языками, скажем — между чешским и польским, словенским и сербско-хорватским. Но историк языка должен высказаться решительным образом против возможности связать отдельные русские языки (малорусский, белорусский, южновеликорусский и северновеликорусский) непосредственно с общеславянским праязыком. Между современными русскими языками и общеславянскою эпохой научное изучение истории русского языка открывает промежуточную эпоху, когда существовало общерусское единство, — определяет посредствующее звено между русскими языками и общеславянским праязыком в виде общерусского праязыка.

Скажу несколько слов о тех методах, которых обязан держаться исследователь при разрешении относящихся сюда вопросов. При сравнении русских языков между собой и сопоставлении их с общеславянским праязыком (последний восстанавливается путем сопоставления всех славянских языков) необходимо брать русские языки в их истории: история же отдельных русских языков строится, во-первых, на сопоставлении всех входящих в состав их говоров, во-вторых, на изучении письменных памятников. Историческое изучение отдельных русских языков показывает, какие из их особенностей можно признать более древними и какие сравнительно более поздними. Только древнейшие особенности отдельных русских языков могут быть сопоставляемы с особенностями других славянских наречий; что до особенностей позднейших, то сопоставление их с особенностями других славянских языков приведет нас не к той цели, которую ставит себе исследователь взаимных родственных отношений славянских языков; совпадение в жизни отдельных славянских наречий некоторых позднейших явлений доказывает лишь, что вызвавшие их языковые процессы основывались на общем унаследованном из древнейшей эпохи основании и что эти процессы по той или иной причине приводили с течением времени к одинаковым результатам. Поясню сказанное примером: в отдельных славянских языках мы находим на месте общеславянского звука *ъ* звук *о*; сюда относятся языки русский, лужицкий, словацкий и древнеболгарский (ср. русское *сон*, лужицкое *тош*, словацкое *гоъ*, древнеболгарское *вонъ*, на месте общеславянских *сънъ*, *мъхъ*, *ръжъ*, *внъ*). Было бы ошибочно заключать отсюда, что указанная звуковая черта роднит названные языки между собою, и это — прежде всего потому,

что переход *ъ* в *о* — явление новое: в общеславянском праязыке во все время его существования сохранялся звук *ъ*; этот звук перешел и в отдельные славянские языки, что ясно доказывается памятниками древнеболгарского и древнерусского языка; кроме того переход *ъ* в *о* оказывается только диалектическим в языках древнеболгарском (ср. отсутствие такого перехода как во многих древних памятниках, так и в современном болгарском языке), лужицком (ср. рядом *e* вм. *ъ*: *sen*), чешско-словацком (ср. в чешском *e* вм. *ъ*: *sen*).

Определение того, какие особенности отдельных современных русских языков считать древнейшими, какие позднейшими, достигается, как сказано, историческим изучением всего состава этих языков. Так акашье можно признать явлением исконным в южно-великорусском наречии, ибо оно свойственно всему составу входящих в это наречие говоров; памятники, писанные в южновеликорусской области, известны, правда, и без отражения в них этой звуковой черты (напр., некоторые рязанские грамоты XIV в.), но это не остановит нашего утверждения, ибо древнерусская письменность была вообще консервативна, придерживаясь унаследованных начертаний и неохотно допуская передачу на письме диалектических явлений. Равным образом признаем исконною для северновеликорусского наречия чертой мену *ч* и *щ*, ибо отсутствие этой мены в современных говорах северновеликорусских может быть объяснено влиянием другого наречия (а именно средневеликорусского, сложившегося вокруг Москвы и еще некоторых великорусских центров); кроме того древнейшие новгородские памятники, напр., служебные книги конца XI века, уже обнаруживают эту диалектическую черту.

Выделяя таким путем исконные диалектические (сравнительно с общеславянским основанием) черты из отдельных русских языков, увидим, что только одна часть этих черт оказывается типичною для данного русского языка (напр., акашье для южновеликорусского, мена *ч* и *щ* для северновеликорусского), между тем как другие исконные черты являются общими для всех русских языков. Они отличают все русские языки от общеславянского основания, но, сближая их между собою, ведут, очевидно, к другому более близкому основанию, уже отличному от общеславянского: это основание мы и признаем общерусским праязыком. При определении таких общих всем русским языкам черт требуется однако известная осторожность; для выяснения их необходимо руководствоваться данными истории языка, извлекаемыми и из древних наших памятников. Так, например, общим для всех русских языков явлением оказывается замснa при известных условиях общеславянских звуков *ъ* и *ь* через *о* и *е*, например, великор., белор. и малор. *сон, дѣн'* вместо общеслав. *сънь, дьнь*; но совокупных показаний всех современных русских языков недостаточно для возведения произношения *сон, дѣн'* к общерусскому праязыку. Дело в том, что русские памятники XI и первой половины XII в., и притом даже и такие, которые не могут быть признаны копиями с древнеболгарских оригиналов, еще не знают перехода *ъ* в *о*, *ь* в *е* и сохраняют всюду исконные написания с *ъ* и *ь* (*сънь, тьрънь, дьнь, вьръъ*). Следовательно, переход *ъ, ь* в *о, е* — черта не общерусского праязыка (ибо общерусский праязык, согласно сказан-

ному выше, распался уже в IX—X в. вследствие расселения восточного славянства), а черта, свойственная отдельным русским языкам в отдельном их развитии. Равным образом мы не признаем явлением общерусского праязыка замену окончаний *-омъ, -ы, -ьхъ* в склонении множ. числа имен муж. и ср. рода через *-ам, -ами, -ах*, несмотря на то, что такая замена произошла во всех русских языках; древнерусские памятники доказывают, что древние окончания держались весьма долго, а новые стали пробиваться только с XIV в., следовательно, уже тогда, когда об единстве в языковой жизни русских племен не могло быть и речи.

После этих предварительных замечаний, выясняющих метод исследования, я укажу на те древние черты, которые сближают между собою все русские языки, причем отнесение их к эпохе общерусского единства не встречает препятствий в истории языка. Сюда относятся следующие звуковые явления: 1) потеря носовых и переход их в звуки *у, а*, а также в *ь* в некоторых грамматических окончаниях: *судь, мясо, пять*, древнерусский род. *души, малор. души*; это явление засвидетельствовано уже древнейшими памятниками, напр., Остромировым евангелием; 2) переход общеслав. сочетаний *tj* и *dj* в *ч* и *ж* (диалектически и спорадически в малор. вместо *ж* также и *дж*): *свѣча, одежда* (ср. древнеболг. *свѣшта, одежда*); 3) систематическое изменение сочетаний *bj, nj, vj, mj* в *бл', нл', вл', мл'*: *люблю, земля, ставлю* (ср. польск. *lubię, ziemia, stawię*, древнеболг. диалект. *земля* и *земья*); 4) смягчение согласных перед гласными переднего ряда: *с'естра, н'изько* (позже в малорусском мягкие согласные отвердели перед *е* и *и*, в связи с переходом *е* и *и* в гласные среднего ряда); 5) переход исконного звука *е* после исконно мягких согласных и перед следующими твердыми согласными в *о*: *жона, щока, щоку*; 6) переход звука *е* после вновь смягчившихся согласных и перед твердыми согласными в *ѓ*: *н'ѓсу, м'ѓду* (отсюда позже в великор. и белор. *о*: *н'ос, м'оду*, а в малор. *е*, исключая однако те случаи, где удлинившееся *ѓ* распалось на дифтонг *йѓ*, отсюда *уо*, ср. *иуос* и далее *н'ис, н'ис*); 7) переход начального сочетания *je* в *о* при известных условиях, данных в следующем слого: *озеро, обвиль, осень* (ср. древнеболг. *езеро, есень*, белор. *евиль*); 8) переход начального сочетания *ju* в *у*: *уха, древнерусск. унъ, унъ* (ср. древнеболг. *юха, юнъ, югъ*); 9) изменение общеслав. сочетаний *ьл* и *ел* в *ъл* и *ол* (ср. ниже); 10) изменение общеслав. сочетаний *ьр, зр, ел, ьл*; с полукраткими *ь, з* и долгими *р, л* в сочетания *ьр, зр, ьл* с краткими *ь, з* и краткими *р, л*: *вьрхъ, пьрти, вьлкъ, мьлва* (в древнеболг. с перестановкой: *врхъ, пррти, вькъ, мьва*); 11) перестановка в сочетаниях *ор, ол* в начале слова: *роба, локъть* (в древнеболг. также перестановка, но с удлинением гласной *о* в *а*: *раба, лакъть*); 12) полногласие в сочетаниях *ер, ор, ол* после согласной: *берегъ, породъ, волосъ, молоко* (в древнеболг. перестановка и удлинение гласных *о* и *е*: *брьгъ, градъ, влась, млько*).

Этот длинный ряд явлений, сильно изменивших весь звуковой состав, унаследованный из общеславянского праязыка, доказывает, что сожителство восточнославянских племен в одной общей семье было весьма продолжительно. Общерусский период оставил глубокие

следы на звуковом составе всех русских языков. Поэтому утверждаем, что распадение восточного славянства, выделение из него северной и восточной ветви случилось после того, что в течение не одного века все восточное славянство сосредоточивалось на такой сравнительно необширной территории, которая позволяла поддерживать языковое его единство. Итак, возвращаясь к высказанным выше соображениям, предполагаю, что восточные славяне, оторвавшись от южного славянства у нижнего Дуная, жили долго скученно в бассейне Днестра и среднего течения Днепра; только впоследствии, быть может, не раньше конца VIII, начала IX в. восточные славяне распространились, с одной стороны, на юго-восток, а с другой, на север.

Древнерусские племена, о которых сообщает Повесть временных лет и другие древние летописные своды, жили до образования русского государства раздробленно и обособленно. Однако, соседство, общность экономических условий, а частью, быть может, и политические причины имели следствием соединение этих племен в более обширные группы, в которых поддерживалось племенное их единство и общность языка. Сообразно со сказанным выше, мы должны думать, что древнерусские племена распались на три группы: 1) южную, 2) северную и 3) восточную. К южной группе принадлежали поляне с городом Киевом; вольняне, бужане, древляне, занимавшие современную Вольнскую и южную часть Минской губернии; углич, сидевшие некогда между Днепром и южным Бугом, а потом перешедшие в область между Бугом и Днестром; тиверцы, жившие по Днестру до Черного моря; наконец, северяне, заселявшие современную Черниговщину. Южнорусы заходили, повидимому, и за Припять, где находим дреговичей, бывших всего вероятнее северным отпрыском древлян. К северной группе относились кривичи, сидевшие в верхнем Поднепровье и в бассейне верхнего течения Западной Двины, а также словене с городом Новгородом, захватившие, повидимому, и верхнее Поволжье. Восточная группа осталась как будто вне кругозора киевских летописцев; они, правда, знают на северо-востоке, на Оке и на Волге, вятичей, но о таком северном поселении вятичей сообщает составитель Повести вр. лет, работавший в начале XII в., между тем как более ранний летописец помещал их поселения гораздо южнее, где-нибудь у Дона, ибо на них натолкнулся Святослав, идя из Киева на хазар по направлению к Белой Веже (Саркелу). Во всяком случае ясно, что вятичи — это предки современных южновеликорусов; следовательно, они не могли быть ни севернорусами, ни южнорусами: южновеликорусское наречие слишком отличается от северновеликорусского и малорусского для того, чтобы была возможность отнести вятичей к северной или южной группе. Вятичи были, конечно, восточнорусами. Предполагаю, что некогда их поселения были гораздо южнее, чем в XII в., и что вятичи попали в Рязанскую, Тульскую и Калужскую губернии с Дона; разгром хазар, которым вятичи платили дань, появление в XI в. на юго-востоке могущественных половцев были причиной удаления вятичей к северу и северо-западу.

На юго-востоке, благодаря своей оторванности от Поднепровья, вятичи успели обособиться от южнорусов и в своем языке. Самым

значительным звуковым явлением, видоизменившим старый унаследованный из общерусского праязыка уклад, была редукция (т. е. сильное сокращение, сопровождавшееся изменением самой природы) звуков *a*, *o*, *e* в неударяемых слогах. Это стояло в зависимости, повидимому, от усиления самого ударения. В слоге предударном на месте сократившейся гласной (гласной неполного образования) после твердой согласной являлся звук *a*; отсюда начало так называемого аканья. Вместо первоначальных *водá*, *красотá*, *полосá*, *малá* явилось произношение *вáдá*, *пáлáсá*, *крáсáтá*, *мáлá*, сменившееся затем на произношение: *вадá*, *пáласá*, *крáсатá*, *малá*; вместо *сѣлѡ*, *нѣси* явилось *сѣло*, *нѣси*.

В силу своего движения на север, в бассейн Оки, вятичи оказались в ближайшем соседстве и в тесном сожителстве с севернорусами, проникавшими в ту же область с севера, из верхнего Поволжья. Оттеснение с юго-востока повело вятичей к центростремительному движению; оно сменило центробежные стремления старшей эпохи; в силу тех стремлений произошло расселение восточного славянства на далекие пространства и раздробление его на три группы. Движение вятичей с юго-востока объединило восточнославянские племена в области средней России. Вятичи, как указано, двинулись не только к северу, но и к северо-западу; они заняли часть старой Северщины и, перекинувшись через Днепр, наводнили современную Белоруссию. Здесь, как мы видели, сидели южнорусские племена; соединившись с ними, слившись с ними в одно целое, вятичи вошли в состав новой обособившейся народности — белорусской. Вот почему белорусская речь оказывается столь близкою к речи южновеликорусов. В основании своем — это южнорусское наречие, но оно испытало на себе влияние тех самых восточнорусов, которые были предками южновеликорусов; ср. аканье как звуковую черту, общую белорусскому и южновеликорусскому наречиям.

К вопросу об образовании великорусского племени и великорусского государства, явившихся последствием объединения восточнорусских племен, северного и восточного, в бассейне Оки, мы вернемся ниже. Укажу здесь, что центростремительные движения вятичей, успех и целесообразность их, зависели в значительной степени от тех новых явлений во внутренней жизни восточного славянства, которые были связаны с появлением в его среде государства, с самого момента своего возникновения поставившего себе целью объединение всего восточного славянства. Это государство имело своим центром Киев; оно возникло в результате завоевательных стремлений северных племен, стихийно направлявшихся по пути из варяг в греки на юг для овладения Царьградом и богатыми черноморскими городами. Киев был необходимым аванпостом в этих походах севера на юг. Здесь должна была сосредоточиться материальная сила завоевателей, прежде чем пускаться южнее, к устью Днепра и в Черное море. Народные предания, занесенные в летопись, связывают имена первых киевских князей с их походами на Царьград: это Аскольд и Дир в шестидесятих годах IX в., Олег в начале X в., Игорь в сороковых годах X в.; основателями киевского государства

были предводители северных полчищ, увлекавших за собою и южные племена в морские походы против Византии. Походы эти, как об этом свидетельствуют греческие источники, были неудачны (чего не хотят, однако, знать наши народные предания): частью природные стихии, частью военное искусство ромеев отражали эти нападения. Разбитые полчища возвращались назад и, прочно осаживаясь в южном Поднепровье, в Киеве, готовились для новых нападений на Царьград. Однако, для того, чтобы обеспечить себе возможность нового похода, приходилось бороться с особыми обстоятельствами, складывавшимися неблагоприятно для Киева и его новых властителей: во-первых, север оказывался во власти уже иных князей, иных предводителей, во-вторых, вследствие этого материальную силу, нужную для нового похода, приходилось собирать на юге; и эта сила прежде всего должна была оградить Киев от других северных полчищ, накапливавшихся в балтийском районе. Борьба севера с югом становилась неизбежной: это была борьба из-за пути из варяг в греки, но — пути не торгового общения между Балтийским и Черным морем, а пути завоевания, по которому народы севера двигались на Византию. Эта борьба имела чрезвычайное значение в смысле объединения восточного славянства: его разъединили потянувшиеся из первоначального ядра колонизационные движения; отошедшие на север племена начинали обособляться и в области материальной культуры и в языке от племен среднего и южного Поднепровья. Но борьба севера с югом, вызванная появлением в балтийском районе восточных славян, повела к тесному общению между разошедшимися далеко друг от друга восточнославянскими племенами, и единение их нашло себе яркое выражение прежде всего в создании русского государства. Оно складывается окончательно в середине X века; в состав его входят все восточнославянские племена: Новгород, Ростов, Полоцк, Смоленск, Чернигов, Киев, Переяславль оказываются под одной политической властью; она распространяется и на ушедших далеко на юго-восток вятичей, покоряющихся Киеву после сокрушения Киевом хазарского владычества. Киевское государство ставит себе первую целью объединение восточного славянства — цель эта унаследована им из предшествующего периода, когда восточнославянские племена объединялись в военные полчища для добывания Царьграда. Вторую целью киевского государства было приобщение Руси к византийской культуре — и эта цель является также видоизменением тех прежних стремлений, которые приводили полчища восточных славян к воротам Царьграда; стремление к овладению благами цивилизации, к насильственному их захвату приняло иные формы.

Крещение Руси и политическое сближение с греками, закрепленное между прочим и брачным союзом Владимира, были видными результатами развития государственной мощи, создавшейся в X в. в южной России. Киев, благодаря этому, стал не только политическим и административным центром восточного славянства, но также и его культурным средоточием. Факт получения христианства из Греции ясно указывает на происхождение и основные элементы южнорусской цивилизации. Но официальному признанию христианства, приобщению к нему князя, предшествовало, конечно, распро-

странение его в городских слоях южнорусского населения, в его верхах; из договора Игоря 945 года видно, что многие из послов и купцов, участвовавших в его заключении, были уже христианами. Весьма вероятно, что они получили христианство частью из Византии и из греческих городов Крыма, с которыми их связывали торговые интересы; ср. сообщение летописи о том, что варяг, ставший в 983 году первым христианским мучеником, прибыл в Киев из Царьграда. Но христианство могло найти себе в южную Русь еще иной путь — путь через Болгарию. Связь восточного славянства с болгарами можно назвать исконною: нижнее течение Дуная, бассейны Днепра и Прута служили пограничными областями южного и восточного славянства. Могущественный рост Болгарии в первой половине X века не мог не отразиться и на северных ее соседях: духовному развитию Болгарии в век Симеона сопутствовало, конечно, и развитие материальной культуры; она естественно распространялась и в соседние страны, между прочим в Поднепровье, а отсюда в Поднепровье. Христианство в Киев должно было естественно проникнуть из одноязычной Болгарии, откуда шла на славянском языке проповедь, согласно завету наших первоучителей. Лучшим доказательством в пользу активного влияния Болгарии в деле приобщения Киевской Руси к христианству может служить то, что во времена Владимира христианское богослужение совершалось в Киеве на древнеболгарском языке и что со времени официального крещения Руси языком церкви стал язык древнеболгарский. Об этом свидетельствует вся дальнейшая история нашего просвещения.

Считаю вероятным, что древнеболгарский язык стал распространяться в Киевском Поднепровье не только как язык церкви и духовного просвещения. Болгары были нашими естественными посредниками в деле усвоения византийской цивилизации. Они сообщали нам и светскую образованность, и блага материальной культуры. Увлечение Болгарией, как культурным центром, вместе с Святославом разделяли, конечно, и его дружина и верхи киевского общества. Тот факт, что договоры с греками, Олегов и Игорев, дошли до нас в древнеболгарском переводе, указывает на то, что древнеболгарская письменность проникла в Киев и до 988 года. Тщательные филологические исследования покажут в будущем ряд заимствованных в древнерусском языке слов, имеющих своим источником язык древнеболгарский и восходящих к эпохе более древней, чем та, когда Русь стала христианскою. Сюда относятся, во-первых, слова, как: *плащь*, *овощь*, *товарищ*, *праца*, *виноградъ*, *сладкий*, *пльнь*, *шлемъ* и т. п., самой формой своей отличающие болгарское происхождение, но обозначающие понятия светского характера; во-вторых, сюда принадлежат и многие греческие слова, проникшие в русский язык через посредство болгар, как *кровать*, *кормысло*, *баня*, *полаты*, *теремъ*, *парусъ*, *уксусъ*, *пардусъ* и т. п. Возможно, что вместе с материальной культурой Киевская Русь получила из Болгарии также и произведения народной словесности. Предположение покойного В. Ф. Миллера о том, что к нам мог перейти болгарский народный эпос, сложившийся под влиянием византийского, заслуживает полного внимания. Как будто даже в наших преданиях о Святославе, походы

которого так тесно сблизили нас с Болгарией. сказалоь влияние болгарской среды, болгарской народной песни. Искусственный язык наших былин, пестрящий болгаризмами, тесным образом связывает киевский эпос с недошедшим до нас болгарским.

История русского литературного языка — это история постепенного развития русского просвещения. Просвещение зародилось в самостоятельных, оригинальных формах, легших в основание дальнейшей его жизни, в Киевской Руси. Главным орудием его распространения был перенесенный на русскую почву древнеболгарский язык. Богатство этой почвы, ее жизненная сила ярко сказались в том, что уже Киевская Русь претворила древнеболгарский язык в свой национальный. Русские люди стали писать и говорить на нем, приближая его в своем произношении к родному языку. Звуки древнеболгарской речи были заменены русскими: вместо носовых звуков они произносили звуки *у* и *а*, вместо болгарского *ъ* (звука, в одних говорах близкого к *а*, а в других к *я*) произносили *е* или отождествляли его со своим *ь* (т. е. дифтонгом *ие*); сочетание *жд*, чуждое русскому языку, заменялось систематически через *жс*; сочетания слоговых *р* и *л* с последующими *ъ* и *ь* русские заменяли своими сочетаниями *ър*, *ьр*, *ъл* (напр. *скръьь* стали произносить *скърьь*, позже *скерьь*, ср. русское *скърьь*, откуда *скорьь*); звук *г* (взрывный) они передавали своим (южнорусским) *г* фрикативным (*г*), и т. д. Подобные изменения были необходимы для возможности усвоения древнеболгарского языка более широкой средой; только они могли привести к его национализации. Постепенно в воспринятый для целей культурных язык врывались и другие особенности; они проникали и в морфологию и в синтаксис. Образованные люди в своих беседах и писаниях в скором времени не могли уже отличить родного от заимствованного: так близко стало им это заимствованное. Имеем все основания утверждать, что уже в XI в. произошло это преобразование древнеболгарского языка, это претворение его в русский литературный язык. Понятно, что указанный процесс имел место прежде всего в Киеве, в южной Руси. Письменность в скором времени распространилась и в другие области, попадая и в другие племенные центры; но она попадала сюда уже из Киева; древнеболгарский язык в Новгороде, Смоленске, Рязани произносили с приемами, усвоенными в южной Руси; севернорусы и восточнорусы получили в свое распоряжение не древнеболгарский язык в чистом, первоначальном его виде, а южнорусский письменный язык. Понятно, что здесь, в иной диалектической среде, этот язык подвергался дальнейшим изменениям, приспособляясь к местному наречию того или иного центра. Новгородцы не стеснялись вносить свое *доканье* при переписке богослужебных книг, а язык своих юридических актов они, конечно, еще менее подчиняли требованиям южнорусской или древнеболгарской фонетики. Тем не менее литературный язык оставался единым. Киевская письменность переходила беспрятственно во все русские города; но и киевлянин мог без всякого затруднения воспользоваться новгородскими памятниками; когда в Печерском монастыре зародилась мысль об общерусском летописном своде, в состав его были внесены известия, заимствованные из Новгородского летописца.

Единый литературный язык стал могущественным орудием внутреннего единения между всеми русскими племенами. Появление государства, распространение просвещения противопоставили центробежным движениям предшествующей эпохи новые условия — центростремительные. Единение русской семьи не было только внешним; главными носителями просвещения были, как и везде, народные верхи; но князья, бояре, княжеская дружина и княжеские слуги, духовенство и купцы переходили из одной области в другую, пользуясь политическим единством русской земли, ее удельным укладом. Киев стал государственным центром, стягивавшим для своей защиты лучших мужей и от словен и от вятичей; его монастыри и святыни привлекали к себе и курян, и смолян, и новгородцев; но и сам он посылал своих людей для делей административных в Новгород, на Белоозеро, в Суздаль, Туров, отпускал иерархов в Ростов, Полоцк, Смоленск, Тмутаракань. Городское население, даже при том слабом развитии, которое оно имело в древнейшую эпоху, заметно отделялось от сельского; одним из существенных отличий была его цивилизованность, его культурность; а эта культурность тесно сопрягалась с влиянием Киева, а через него с более далеким влиянием Болгарии. Можно думать, что горожане, купцы, бояре и князья успели уже в то отдаленное время сильно видоизменить свою речь под влиянием книжного языка, пошедшего из Киева. Они усваивали себе ряд слов и понятий, ведущих к древнеболгарскому источнику. К XI веку можно с уверенностью возвести многие из заимствованных слов, дошедшие и до нашего времени: слова, как *власть, сдравъ, страна, благо, срамъ, вредъ, время* и т. п., издавна вошли в разговорную речь верхов русского населения. Единение верхов способствовало единению вообще всего русского народа. Можно утверждать, что уже в историческое время, в XI—XII в., язык всех трех групп, на которые восточные славяне распались в предшествующую эпоху, переживал ряд общих явлений в области морфологии и синтаксиса, частью даже фонетики. Явления эти не доказывают единства языка в ту эпоху, когда они возникли, но свидетельствуют о тесной близости между отдельными его частями, а эта близость была следствием указанных выше условий. В области фонетики отметим общие процессы при падении глухих: исчезновение из произношения полукратких *ъ* и *ь* и превращение в *о* и *е* кратких *ъ* и *ь*; в области морфологии — потерю аориста и давнопрошедшего, смещение окончаний в склонении разных основ, вытеснение влп. падежа родительным в одушевленных именах муж. рода; замена имен. мн. муж. рода внимительным; потерю категории рода во множ. числе местоимений и прилагательных; в области синтаксиса — появление оборотов, как *двъ чюдныхъ церкви, два родныхъ брата* вместо *двъ чюдныи церкви, два родная брата*, и мн. др.

Быстро однако приближалось время окончательного распада русской семьи и новой группировки ее наречий. Главную роль сыграли при этом не внутренние, а внешние факторы. Киевская цивилизация с ее пышным расцветом основалась на почве мало надежной. Южное Поднепровье видело уже возникновение и гибель многих государств: скифы, сарматы, бастерны, за ними готы, потом гунны, авары, наконец хазары становились поочередно хозяевами в этих странах,

но владычество их падало, притом не столько вследствие внутреннего своего бессилия, сколько под напором более сильных врагов. Гунны открыли путь в Европу длинному ряду тюркских народностей Азии, естественным образом втянутых раньше в сферу китайской цивилизации и некогда направлявших к Китаю свои вождедения и стремления, подобно как в Европе народы севера и северо-востока рвались к овладению средиземноморскими центрами культуры. Владычество хазар сломали печенеги. Уже в десятых годах X столетия печенеги доходят до Дуная: ясно, что их не удержали восточные славяне ни у Дона, где они сидели во времена хазарского владычества, ни также в южном Поднепровье, где некогда жили уличи. Прохождения мадьяр, а затем печенегов через южные русские окраины были первыми предостережениями восточнославянским племенам, дошедшим до Черного и Азовского моря. За печенегами двинулись тюрки. Во второй половине XI века в южнорусских степях появились еще более могущественные половцы; их нашествие решило вопрос о судьбе восточной отрасли русского племени и внесло существенные изменения в жизни южной его ветви. Восточнорусы, уступая шаг за шагом занятую ими на юго-востоке территорию кочевникам, двинулись к северу, в бассейн Оки; южнорусские уличи перешли за южный Буг и осели в Днестровском бассейне, к северной части которого двинулись и тиверцы, сидевшие некогда «оли и до моря». Киев стал еще более открыт для нашествия кочевников. Он оказался почти на окраине русского государства, в тесном соседстве со степью. Жизнь стала отливать в другие менее опасные места. «Мати градом русским» долгое время сохраняет еще ценность культурного и торгового центра, но самостоятельного политического значения она, начиная со второй половины XII в., уже не имеет. Это зависело не столько от того, что на западе, севере и северо-востоке образовались другие политические центры; это вызвано прежде всего внутреннею слабостью Киева, его беззащитным положением в отношении к степи, которою для своих целей во внутренних своих раздорах пользуются и русские князья. Новые политические центры вызываются к жизни падением Киева. Наше внимание останавливают на себе преимущественно северовосточные центры, возникшие в бассейне Оки.

Верхнее Поволжье и нижнее течение Оки как будто еще на памяти летописца начала XII в. находятся во владении восточнофинских племен мери и муромы. Первые завоеватели этого края словене и кривичи, севернорусы двинулись сюда с запада и с северо-запада. В современной Ярославской, а частью также во Владимирской губернии находим потомков этих севернорусских насельников, доказывающих свое происхождение оканьем. Но в соседстве с ними, к югу, видим теперь еще другой язык, южновеликорусский: Рязань, а на юго-западе — часть Московской губернии, Тула и т. д. акают. И эти акающие говоры тянутся длинною полосой на запад, захватывают Калужскую, Смоленскую, северную часть Черниговской губернии и переходят дальше в Белоруссию. Перед исследователем возникает вопрос: откуда попало в Рязань и Тулу теперешнее их население? Выходы ли это с запада, следовательно, прежде всего из северного Поднепровья?

Утвердительный ответ на такой вопрос встретился бы с целым рядом затруднений. Трудно было бы понять, как могло образоваться это — назовем его среднерусским — наречие в полосе между севернорусами, с одной стороны, южнорусами, с другой. Днепр — это путь, по которому севернорусские племена, отделившись от южных, проникли в область великих озер и верхнего Поволжья; северное Поднепровье не представляло никаких благоприятных условий для образования самостоятельного наречия, резко, как видим, разошедшегося и с севернорусским и с южнорусским. Искать ли образование такого наречия западнее, в современной Белоруссии, на границах с польским племенем? Думаю, что и на это надо ответить отрицательно, ибо в указанных этнографических границах решительно не могло бы возникнуть какое-нибудь оригинальное наречие; можно было бы скорее ожидать, что здесь появится смешанный диалект, где особенности русского языка сочетаются с польскими; ср. полонизмы в белорусской речи (каковыми являются *цеканье*, *дзеканье* и др.). В силу указанных соображений, а также еще и того, что *аканье* в западной части Белоруссии является не в первоначальном, а измененном (чтобы короче выразиться, скажу утрированном) виде, я считаю более вероятным, что *акающее* наречие, господствующее и в Белоруссии и в средней полосе России, образовалось на юго-востоке России; удаление оттуда, вызванное переменами в господствовавших над степью кочевниках, привело восточнорусов частью на север, частью на северо-запад. В XII в. видим «мятущихся» вятичей в средней России: ими населяются рязанские волости, а также земли в верхнем Подесенье. Искание безопасности и свободных земель загнало часть вятичей в Белоруссию, где они смешиваются с сидевшими здесь южнорусами и ляшскими племенами.

Таким образом, согласно сделанному предположению, движение восточнорусов из старых мест их поселения на север и северо-восток повело к разделению их на восточную и западную отрасли: восточная осела в бассейне Оки, западная двинулась в северное Поднепровье и далее в глубь современной Белоруссии; восточная легла в основание современной южновеликорусской народности, а западная составила часть народности белорусской. Близкая связь между языками южновеликорусским и белорусским объясняется их общим происхождением из восточнорусского наречия.

В бассейне Оки восточнорусы оказались в тесном соседстве с севернорусами. Мы видели, что эти последние заняли верхнее Поволжье. Сдавленные напором русских племен, северных и восточных, восточнофинские племена *меря*, *мурома*, *мордва* уступают русским свою территорию, частью смешиваясь с ними, частью выселяясь к северо-востоку и востоку. Бассейны Оки и верхнего Поволжья становятся средоточием численной и могущественной русской силы. Неведомые раньше в Киеве и южнорусской колыбели русского племени — Рязань, Ростов, Суздаль, позже Владимир, Москва и Тверь быстро вырастают до видных центров. Северо-восточная Русь протягивает к себе способных, даровитых князей, за ними тянутся дружинники; в их руки с течением времени переходят и материальные и духовные богатства юга. Уже в середине XII в., благодаря

указанным причинам, суздальский князь становится угрозой для Киева, домогаясь завладения им; во второй половине этого века государственный ум Андрея Боголюбского, верно оценивая соотношение сил, закрепляет новый политический уклад; он остается на северо-востоке и подводит Киев под свою руку. В бассейне Оки выдвигается новый политический центр: это Владимир, к северу от которого сидят севернорусы, а к югу осаживаются восточнорусские вятичи. Новый политический уклад покоится всецело на племенных отношениях, на этнографических началах. Перевес восточнорусских элементов должен был неминуемо передвинуть политический центр к западу и северо-западу. Москва и Тверь — эти два центра, окруженные с одной стороны севернорусами, а с другой восточнорусами, борются между собой за гегемонию на северо-востоке и кладут основания новым образованиям — этнографическим и лингвистическим. Вокруг этих центров возникает сменяющиеся говоры, сочетающие особенности севернорусские с восточнорусскими; Москва и Тверь создаются сами совокупными усилиями обоих названных племен; их население естественным образом смешанное, ибо эти города служат с юга оплотом для северян, а с севера для восточнорусов. Таким образом в верхнем Поволжье и на Оке вырастают великорусские города и великорусские государства: великорусскими по преимуществу их можно назвать потому, что они явились в результате усилий двух (из трех) русских племен и что самое происхождение их, основанное на встрече этих двух этнографических групп, открывало для новых политических организаций широкую цель объединения всего северного и всего восточного русского племени, т. е. собрания и создания Великой России.

С конца XII и начала XIII века начинается новая эпоха и в жизни севернорусского и восточнорусского наречий: их сожителство дает возможность образоваться общим языковым явлениям, проникающим и в северную и в южную (восточнорусскую) области; эти явления получают распространение благодаря влиянию воспринявших их центров. Поэтому они могут быть определены прежде всего как явления великорусские, общевеликорусские. Часть этих явлений получает почти всеобщее в территории восточнорусов и севернорусов распространение: сюда относится, например, переход дифтонгов *ый* и *ий* в *ой* и *ей* (*простой, самъ третьей, пей* вместо *простый, самъ третій, пий*); далее вытеснение *ѳ, з, с* в склонении и спряжении звуками *к, г, х*, проникшими из родственных образований (*рукъ, ногъ, пеки, сохъ*); замена формы им.-вин. дв. числа через форму род. падежа (*двѣ сестры, два города, три села*); приобретение значения множ. числа теми формами им.-вин. дв. числа, которые по ударению отличаются от соответствующих форм род. падежа ед. ч. (мн. ч. *города, паруса, года*). Другая часть относящихся сюда явлений остается достоянием отдельных великорусских диалектов в более или менее обширных языковых районах: таков почти общевеликорусский переход *h* в род. пад. м. рода местоимений и прилагательных в *в* (*тово, простово*); далее почти общевеликорусский переход конечных звонких согласных в глухие (*сут, проп, северн. сапок, южновеликор. сапох*); более ограничена территория распространения

к, г, х средненёбных мягких на месте задненёбных *к, г, х* в положении после мягких согласных.

Рядом с такими общевеликорусскими явлениями тесное сожителство севернорусов и восточнорусов сказалось еще и в образовании особых смешанных или переходных говоров сначала в самых центрах, а затем в зависящих от них непосредственно районах. Средняя полоса великорусской области представляет несколько подобных говоров. Наиболее типичным является говор московский, язык Москвы, получивший широкое распространение сначала во всем московском государстве, а потом и во всей России, благодаря тому, что его усвоили себе господствовавшие в этом государстве герцы; эти носители власти, богатства и просвещения передавали свой язык населению всех других городских центров, а каждый из этих центров имел особую периферию для своего влияния.

Московское наречие представляет сочетание особенностей севернорусских с восточнорусскими. Его вокализм восточнорусский: в слогах неударяемых его гласные редуцированы, в предударном слоге находим здесь *a* на месте *a* и *o* после твердых согласных; его консонантизм севернорусский: это видно из произношения *г* как взрывной согласной, из перехода *h* в род. надеже местоимений и прилагательных в *в*, из отвердения конечного *m* в 3-м лице глаголов; впрочем, рядом восточнорусское отвердение звука *ц* и отсутствие смещения его с *ч*. Можно думать, что в основании своем московское наречие — говор севернорусский; он подвергся влиянию восточнорусского наречия, благодаря постепенно образовывавшемуся перевесу восточных элементов.

Свое общевеликорусское, а затем и общерусское значение язык Москвы получил благодаря прежде всего тому, что он передал свои звуки и свои формы тому письменному языку, который северновосточная Русь унаследовала от Руси югозападной; язык Москвы, московских посадских и черных людей, был усвоен и правящими верхами, которые облекли в его звуки искусственный, книжный язык, сложившийся при указанных выше условиях в Киеве. Вместе с просвещением и материальной культурой на северо-восток перенес и язык южнорусских образованных классов: его принесли с собой и князья, и бояре, и высшее духовенство. И Ростов, и Владимир, и Тверь, и Москва воспринимали его как нечто для себя близкое и родственное, а потому не стеснялись тою чуждою им звуковою оболочкой, которую на этот язык наложила южнорусская среда. В Ростове и Москве читали и говорили *глас, грам*, а не по-киевски *hлас, hрад*. Русско-славянский письменный язык получал в различных центрах разные оттенки. Будущность и широкое развитие были обеспечены тому оттенку, который стал достоянием главного, получившего перевес перед другими, центра. Таким центром на северо-востоке явилась с течением времени Москва.

Наш письменный язык по своему происхождению и в своих основаниях оказывается, согласно предыдущему, древнеболгарским. Его словарный состав и даже грамматические формы обличают до сих пор его иностранное происхождение. Исследователи словарного состава нашего письменного языка, руководствуясь не только внешними

звучными признаками, установят со временем все те элементы, которые искони были чужды русскому языку и заимствованы им из древнеболгарского. И при теперешнем состоянии науки мы с полной уверенностью признаем инославянскими многие сотни слов и некоторые грамматические формы, входящие в состав нашего письменного языка. Эти инославянские элементы обнаруживаются их звуковою оболочкой. Мы видим, что древнеболгарскими оказываются все те слова, которые выражают понятия, сколько-нибудь выходящие из сферы обычных интересов, имеющие отношение к церкви, управлению, духовному просвещению. Так древнеболгарскими оказываются слова, представляющие сочетания *ра, ла, ре, ле* на месте русских *оро, оло, ере, ело*: *орада, страница, облако, пламя, стража, прав, праздник, трезвый, среда, член, плен, чрево*; сюда же относится приставка *пре-*, затем *пред-* и *чрез-*. Далее — слова, имеющие *жд* и *ц* на месте русских *ж* и *ч*: *нужда, одежда, невежда, прежде, между, гражданин, чуждый, осуждать, мощь, вещь, пища, пещера, запрещать*. Далее — слова, начинающиеся с *ра, ла* на месте русского (областного или простонародного) *ро, ло*: *разум, распря, растение, раб, разве*. Далее — слова с *е* вместо ожидаемого *о* после мягкой согласной: *небо, крест, надеж, лев, жертва, дерзкий, мерзость, отместка, вертеп*. Слова *юг, юноша, юн* (ср. выше). Слова с *о, е* вместо ожидаемого пропуски соответствовавших им в старом языке звуков *ъ* и *ь*: *восток, восход, возраст, возглас, совет, содержать, союз, вопить, уповать, естество, рождество*. Слова на *-ние* вместо русского *-нье*: *воскресение, спасение, погребение*. Из грамматических форм древнеболгарскими оказываются все причастия на *-ущий, -ащий* (ср. русские окончания *-ущий, -ащий* в прилагательных и *-ущи* в деепричастиях); далее причастия страд. прош. на *-нный*; еще не так давно письменный язык имел формы род. ж. р. на *-ыйя* (напр. *добрыя жены*), ср. наше книжное *ея*; также формы им.-вин. мн. на *-ыйя*, которые теперь на письме, согласно искусственному правилу, употребляются для обозначения этих форм в женск. и ср. роде (*красивыйя, высокоыйя*); до сих пор держится на письме древнеболгарское окончание *-аго*, употребляющееся теперь в результате совершенно искусственного ограничения только в неударяемом положении (*сильнаго, далекаго*)¹.

В современном нам произношении сохранилось лишь очень немного следов той южнорусской оболочки, которую принял письменный язык в Киеве. Но все-таки они есть. Сюда относится *h* в м. г. в словах *Boha* (имен. *Бох*), *hосподь, hосподин*; в старших периодах таких слов было несомненно больше; и в конце слышалось *x*, не *k*, в языке образованных лиц: *пороx, сапоx, друx*.

Необходимо заметить, что древнеболгарские элементы, обнаруживаемые ныне в русском языке, могли проникнуть на русскую почву не все одновременно и не все через южнорусскую среду. Многие из них обязаны, повидимому, позднему южнославянскому влиянию. Во второй половине XIV в. и в XV веке балканские славяне испытали умственное возрождение; сильное напряжение просвети-

¹ Последние три особенности устранены из русского правописания реформой 1918 года. (Р с д.)

тельных центров, усилия многих выдающихся светских и духовных деятелей содействовали временному оживлению церковнославянской литературы. В этом движении мы не видим, правда, того участия здоровых национальных элементов, которое обеспечило бы новый рост умственным силам страны, но это самое обстоятельство открывало новым явлениям в области южнославянской письменности широкое распространение и за пределами Сербии и Болгарии, прежде всего в единой Руси. Галиция и южная Русь были той непосредственной средой, куда стали проникать южнославянские выходцы с их книгами; отсюда им открывалось два пути: к северу, в Белоруссию, и к северо-востоку, в Москву и во Владимир. Под влиянием вновь появившихся южнославянских рукописей с новыми приемами письма вводится новое правописание и у нас; возрождается давно забытый *большой юс*, восстанавливается написание *оу* вместо уже укоренившегося *у*, вместо *я* пишется *а*, а в искусственной речи, очевидно, также произносится *а* (напр. *моа* вм. *моя*, и также *мога* вм. *моя*, русск. *моя*). Церковнославянский язык наших книжников стремится к обновлению и обогащению новыми элементами, отличающими их от русской простонародной речи и сближающими их с церковною речью южных славян. Можно думать, что некоторые слои церковнославянских элементов нашего книжного языка ведут свое начало к этой эпохе, эпохе искусственного возрождения церковнославянского языка. Так, напр., мы видели, что сочетание *жд* в заимствованных из церковнославянского языка словах заменилось в XI—XII вв. через *жс*; в современном книжном языке слова с *жд* должны, по видимому, восходить к числу заимствованных в указанную, позднейшую эпоху.

Московская Русь XVI в. успела внести известное согласование между своим книжным языком и живым народным произношением; русские люди без труда усваивали книжную речь, отличавшуюся от живой только обилием слов, особыми оборотами и некоторыми грамматическими формами. Книжная речь вследствие этого оказывалась естественным и единственным органом литературного творчества. В нее открывалась широкая дверь для живых народных элементов; она могла входить с ними в самые разнородные сочетания: перевес книжных или народных элементов зависел от содержания, от предмета речи. Все это придавало сильную устойчивость нашему книжному языку. Попытке оторвать его от народной почвы, облечь его в инославянское произношение и искусственное правописание было противопоставлено все дальнейшее его развитие, которое сблизило его с народною речью. На пути к этому сближению, в результате которого предвиделось полное совпадение разговорного языка образованных классов и их письменной речи, могли встретиться только искусственные преграды: они создавались иноземным влиянием. В XVII веке единение с Малой Россией привлекло в Москву многочисленных представителей южнорусской образованности; одно время они оказались главными руководителями умственной жизни в московском государстве; их язык становится предметом подражания; они обновляют ту южнорусскую стихию, которую был некогда окружен книжный язык, с течением времени успевший однако заглушить ее

и затереть. Но и это уклонение в жизни русского книжного языка было только кратковременным; в XVIII веке следы его исчезают почти бесследно.

Югозападные ученые были посредниками между Москвой и польской культурой; последняя представляла для нас большую ценность, как проводница западноевропейской образованности. Сближение с Европой представлялось для московской Руси насущною потребностью; плаче ей грозил упадок и прежде всего духовная гибель. Польша стояла преградой между Москвой и Европой; предстояло прежде всего использовать польское влияние. Следы его имеются до сих пор в нашем книжном языке, ибо лексический состав его обогащался одновременно с вторжением в жизнь новых культурных понятий, заимствованных извне: слова, как *опека*, *пекарь*, *позволить*, *забияка*, *постромка*, *дрожки* и др. польским своим происхождением доказывают наличие польского влияния на разные области материальной и духовной культуры. В старинном языке, XVII и XVIII вв., подобных польских элементов было в русской речи гораздо больше: *власно*, *взникъ*, *камъ*; многие западноевропейские слова перешли в него в польской оболочке: *музыка*, *клитторъ*, *шпиталь*, *коштъ* и т. д.

Реформы Петра Великого связали нас с Европой непосредственно и открыли доступ в русский язык немецким, голландским, английским и другим западноевропейским словам. Заимствования эти были необходимы; они все соответствовали тем иноземным понятиям, с которыми нас свело знакомство с Европой. Русский язык пестрит с тех пор чужими словами, лишь временами освобождаясь от излишнего иноземного груза. Реформы Петра имели зато и другое значение в развитии нашего литературного языка: они проложили путь к освобождению от церковнославянского ига. Введение гражданской азбуки было в этом отношении весьма знаменательно: сначала обновилась письменная оболочка письменной речи, она приуровнилась к потребностям живой русской речи и к новым культурным условиям, создавшимся благодаря общению с Европой, а затем с течением времени стало изменяться и самое существо нашего книжного языка. Он стал неудержимо приближаться к разговорной речи, толкая одновременно живую речь образованных классов к сближению с речью народною. Теоретическая мысль грамматиков XVIII века отчетливо представляла себе взаимное отношение борющихся в литературной речи элементов: Ломоносов сознательно вступает на путь, который приведет к перевесу в ней народной стихии. Во второй половине XVIII в. русский литературный язык получает тот вид, который он сохраняет до сих пор. Карамзин и позже Пушкин своим высоким авторитетом завершили великую реформу, обеспечившую нашему книжному языку национальное значение.

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ К УЧЕНИЮ О ПРЕДЛОЖЕНИИ.

(Из „Синтаксиса русского языка“, вып. I, стр. 1—31, Л., 1925.)

§ 1. Предложение — это единица речи, воспринимаемая говорящим и слушающим, как грамматическое целое, и служащая для словесного выражения единицы мышления. Психологической основой нашего мышления является тот запас представлений, который дал нам предшествующий опыт и который увеличивается текущими нашими переживаниями; психологической же основой предложения является сочетание этих представлений в том особом акте мышления, который имеет целью сообщение другим людям состоявшегося в мышлении сочетания представлений; этот акт мы назовем коммуникацией¹.

§ 2. Определение сущности коммуникации извлекается из анализа данных, представляемых мышлением, или же путями, какими определяется, например, значение того или иного слова, следовательно, путем сопоставлений и отвлечений. Пути эти приводят к тому очевидному положению, что простейшая единица мышления, простейшая коммуникация состоит из сочетания двух представлений, приведенных движением воли в предикативную (т. е. вообще определяющую, в частности зависимую, причинную, генетическую) связь. К коммуникациям относятся не только пропозиции или суждения, но и всякие иные сочетания представлений, умышленно, с тою или иною целью приведенных нами в связь, напр., сочетания, нашедшие

¹ Следую при этом Сведенлиусу; см. его интересный трактат, вышедший в Упсале в 1897 году под заглавием «L'analyse du langage appliquée à la langue française». Это дает мне основание отметить здесь, что ниже я для психологических понятий пользуюсь латинскими терминами, в целях более резкого ограничения их от понятий грамматических, которым даю более или менее последовательно русские термины. Субъект, предикат, объект и т. д. — это понятия психологические; подлежащее, сказуемое, дополнение — понятия грамматические. Термин коммуникация предпочитаю термину пропозиция, ибо пропозиция термин логики, не покрывающий собою вообще всех видов коммуникаций и соответствующий только тому их виду, который содержит утверждение или отрицание чего-нибудь (суждение). Вопрос надо также признать коммуникацией, ибо он является одним из обнаружений того, что в мышлении говорящего явилось определенное сочетание представлений; говорящий ищет получить от собеседника подтверждение или отрицание верности такого сочетания. Это относится не только к такому вопросу, как *дома ли Коля?* но также *кто дома?* ибо предполагает в последнем случае сочетание представления о доме с представлением о лицах или лице, в нем находящемся.

себе выражение в словах, как *дома ли отец? уходите! выпить бы чего, посидел бы ты с нами!* Эти сочетания отличаются от суждения тем, что в них представления приведены в связь нарочитым актом не для утверждения чего-либо или отрицания, а в одном случае для вынуждения собеседника к тому, чтобы он высказал суждение, сочетав оба названных в вопросе представления, в другом случае для вынуждения или побуждения собеседника произвести то или иное действие (*уходите! посидел бы ты с нами*), в третьем — для обнаружения желания говорящего (*выпить бы чего*).

§ 3. Обычным посредником между коммуникацией и предложением, в котором коммуникация находит себе выражение, является внутренняя речь, т. е. облеченная в слуховые, частью зрительные знаки мысль; во внутренней речи впервые конкретизируются те сложные, расплывчатые образы, которые сочетались в коммуникации; внутренняя речь главный материал свой заимствует из звуковых представлений о словах, оперирует, следовательно, слуховыми знаками, но вызвавший ее психологический акт (коммуникация) может сообщить ей не только эти слуховые знаки, в той или иной степени воспроизводящие сочетавшиеся представления, но также и ряд других элементов, в виде представлений об отношениях и чувствах, вызываемых таким сочетанием; эти элементы стремятся прорваться наружу в внешнюю речь через посредство той же внутренней речи. Таким образом в самом мышлении (в внутренней речи) происходит разложение сочетавшихся образов, и только благодаря такому разложению их на соответствующие элементы приобретает определенность и возможность обнаружения сама коммуникация. Поэтому психологический акт коммуникации приходится признать результатом сложного процесса, состоящего в начале из движения воли, направленной к сообщению собеседнику сочетавшихся двух представлений, а затем в психическом анализе этих представлений; из сложных комплексов, возникших в начале коммуникации, выделяются посредством ассоциации со знаками внутренней речи те или иные существеннейшие или важнейшие в данном случае для говорящего признаки; это дает возможность упростить зародившийся у говорящего психологический процесс и довести его до обнаружения в слове. Следовательно, начало коммуникация получает за пределами внутренней речи, но завершается она в процессе внутренней речи, откуда уже переходит во внешнюю речь. Отсюда видно, что ошибочно было бы отождествить внешнюю речь, в частности предложение, с коммуникацией: являясь посредницей между психикой говорящего и тем проявлением ее в слове, к которому он стремится, сама коммуникация отражает на себе, с одной стороны, глубочайшие недра человеческой психики, а с другой те внешние средства, которыми она обнаруживается, т. е. звуковые представления о словах.

§ 4. Прежде чем перейти к доступному нам, ввиду только что указанной природы коммуникации, ее анализу, разложению ее на составные части, члены, я должен сказать несколько слов об общем характере тех переживаний, которые являются содержанием человеческой психики. Все наши представления являются представлениями о признаках и отношениях; носителями, производителями признаков

мы представляем себе субстанции (лица, предметы), причем одни из признаков (качества, свойства) оказываются неподвижными, пассивными, а другие (действия) подвижными, активными. Таким образом рядом с представлениями о предметах имеем представления об их качествах и состояниях, а также представления об отношениях¹. Каждая из указанных групп представлений образует определенные разновидности, о которых нам придется говорить неоднократно в дальнейшем изложении, в особенности о разновидностях в отношениях, изучение которых в их языковых обнаружениях составляет одну из задач синтаксиса. Здесь ограничиваюсь данными общими указаниями, но прибавлю, что к названным представлениям присоединяются еще представления о чувствах и ощущениях, которые, однако, конкретизируюсь и определяясь в их отношениях к предметам, переходят в представления о признаках. Появление всех этих представлений относится к пассивному состоянию нашего сознания; активное его проявление обнаруживается, впрочем, в создании тех ассоциативных групп, определяемых природой отдельных представлений, которые ведут к распаденню названных классов представлений на известные разновидности. Но определенная активность сознания сказывается в процессе зарождения, дальнейшего развития и обнаружения коммуникации. И эта активность выразилась в создании новых психологических категорий в отношении к самой природе коммуникации. Перехожу в связи с этим к вопросу о членах коммуникации, отметив теперь же, что эти члены явились в сознании как результат существования психического акта коммуникации.

§ 5. В каждом суждении должно быть то, о чем что-либо утверждается или отрицается, а также и то, что именно утверждается или отрицается. Первое называется в логике подлежащим суждения, а второе — сказуемым суждения. Те же самые названия вслед за логикой усвоила для этих частей суждения и психология².

Оставляя русские термины подлежащее и сказуемое для известных грамматических категорий (о которых ниже), мы для психологического суждения будем держаться латинских терминов субъект и предикат. Субъект и предикат имеются налицо не только в психологическом суждении, но и в других психологических коммуникациях: одно из обоих сочетавшихся представлений будет субъектом, а другое — предикатом. Такое распространительное употребление терминов субъект и предикат требует иного определения обоих понятий сравнительно с тем, какое им дано для суждения; определяю психологический субъект как представление, господствующее над другим, сочетавшимся с ним представлением, которое определяется как психологический предикат: такое определение согласовано с данным выше определением коммуникации как сочетания двух представлений, приведенных движением воли в причинную или зависимую связь; следовательно, термин господствующее представление указывает на то, что второе представление стоит к нему в зависимой или причинной связи; дело идет о действительном

¹ Cp. Sigwart, Logik, Tübingen, 1873, § 6; W. Wundt, Die Sprache, II², § 6.

² А. И. Введенский, Психология, 178—179.

господстве, обусловленном самою природой первого представления, и о действительной записимости, обусловленной природой второго представления. Ниже укажу, что в ряде случаев имеет место совпадение субъекта и предиката коммуникации (а в особенности того вида ее, который соответствует суждению) с подлежащим и сказуемым предложения; ввиду этого данное определение психологического субъекта и предиката может быть освещено некоторыми предложениями и отношением в них подлежащего к сказуемому: *собака убежала, книга исчезла, мы поедим, мальчик проснулся, дети спят* и т. п. предложения представляют в соответствующем подлежащем психологическом субъекте представления, господствующие в отношении признаков, выраженных в соответствующем сказуемому психологическом предикате; действительно, эти активные по своей природе признаки являются производными в отношении к производящим их субстанциям; правда, книга исчезла не сама, — ее спрятали, утаили или затеряли люди, но в данном суждении производителем признака выставлена она. То же скажем относительно предложений, как *мать больна, обед готов, ночь лунная, погода пасмурная, экипаж не надежный*; соответствующие подлежащим субъекты являются носителями признаков, выраженных соответствующими сказуемым предикатами, что ясно из того, что эти же субъекты можно мыслить в соединениях, как *больная мать, готовый обед, лунная ночь* и т. д. То же, наконец, ясно и в отношении предложений, как *Иванов офицер, он портной, не клен дерево, шведы германцы*: правда, *офицер, портной, дерево, германцы* такие же независимые сами по себе представления, как *Иванов*, мой знакомый, обозначенный мною выше словом *он, не клен, шведы*, но в данных суждениях мы представляем их себе не субстанциями, не носителями признаков, а совокупностью известных признаков (напр., в отношении к представлению *германцы* — происхождение, характер, общность языка, культуры), и как признаки, мы и приводим соответствующие представления в зависимое отношение от представлений о самых носителях признаков. Как указано, господствующее положение одного представления над другим вытекает из самой природы соответствующих представлений; отсюда ясно, что между теми группами представлений, о которых говорено было выше, должны существовать определенные отношения к возможности стать выразителями субъекта или предиката. «Основную часть нашего мироздания (мира сущего) образуют представления об единичных предметах, которые в языке обозначаются конкретными именами существительными; эти предметы мыслятся всегда как носители качеств и как производящие из себя, благодаря движениям и изменениям, такие действия, которые находят себе выражение в прилагательных и глаголах» (Sigwart, Logik, § 6, 2). Отсюда следует, что при сочетании представления о предмете с представлением о признаке первое из них, как господствующее в отношении признака по самой своей природе, будет всегда субъектом, а второе предикатом. Выставляя такое утверждение, мы в полном праве сослаться на факты языка: название предмета (разумеется, данное в независимой форме, т. е. в именительном падеже) будет всегда грамматическим подлежащим в отношении к сочетавшемуся

с ним глаголу или прилагательному; ни при каких условиях невозможно нарушение такого положения; эта последовательность коррелируется, конечно, не в свойствах грамматических форм, как таковых, а в свойстве тех представлений, которым они соответствуют и от которых никогда не оторвутся в силу самого грамматического их значения. Здесь особенно ярко сказывается тесная, внутренняя связь между языком и мышлением, между грамматическими и психологическими категориями. Мы постоянно встречаемся с несоответствием языковых форм предложения психологической коммуникации; но несоответствие не тождественно с противоречием; положительному и последовательно проведенному требованию грамматики не может противоречить психологическая природа соответствующих грамматическим форм представлений. Таким образом мы можем утверждать, что подобно тому, как в предложениях *птица летит* или *мать больна* подлежащим всегда при всяких условиях останется *птица* и *мать* (хотя бы на словах *летит* или *больна* лежало усиленное ударение, хотя бы такое усиленное ударение сопровождалось перестановкой: *летит птица, больной мать*), так же точно в соответствующем психологическом суждении субъектом или господствующим представлением будет всегда представление о птице, о матери, а зависимым — представление о признаках *летит, больной*.

§ 6. Это обстоятельство мне приходится подчеркнуть в виду того, что существуют другие взгляды на природу психологического субъекта и предиката. Впервые фон-дер-Габеленц (G. von der Gabelentz) установил различие между логическими или грамматическими субъектами, с одной стороны, психологическими, с другой; оставив за логическим субъектом и предикатом приведенное выше определение (то, о чем что-либо утверждается или отрицается, то, что именно утверждается и отрицается), названный ученый определил психологический субъект как комплекс представлений, появляющийся в сознании говорящего или слушающего первым, а психологический предикат как содержание, примыкающее к этому первому представлению, или по иной формулировке того же ученого: психологический субъект — это то, о чем говорящий заставляет подумать слушающего, то, на что он хочет направить его внимание, психологический же предикат — это то именно, что слушающий должен мыслить по отношению к субъекту. Точка зрения фон-дер-Габеленца нашла себе сочувствие среди языковедов; в Германии укажем на Пауля¹, а у нас на Ф. Ф. Фортунатова². Определяя взаимные отношения психологического субъекта и предиката так же, как фон-дер-Габеленц, Пауль говорит, что среди прочих членов предложения наиболее резко выделяется психологический предикат, как важнейший член, выявление которого является конечною целью предложения, почему на нем ложится сильнейшее ударение. В предложении *Карл едет завтра в Берлин* предикатами могут стать слова *Карл, едет, завтра, в Берлин*, смотря по тому, на что именно

¹ Н. Paul, *Prinzipien der Sprachgeschichte* 4, 124—127; 283—286.

² Лекция «О преподавании грамматики русского языка в средней школе», напечат. в «Трудах первого съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях» (СПб, 1904) и перепечат. в Русск. Фил. Вестнике за 1905 г.

обращает внимание говорящий в своем сообщении: так, напр., если уже известно, что завтра кто-то едет в Берлин и остается только сомнение относительно лица, которому предстоит поездка, грамматический субъект *Карл* станет психологическим предикатом (мы могли бы ведь выразиться и так: *тот, кто завтра едет в Берлин — это Карл*, или *это Карл едет завтра в Берлин*). Вундт и другие психологи не последовали за новой терминологией и новым определением членов психологического суждения: Вундт признал неделесобразным перенесение в психологию логических терминов субъект и предикат (употребление которых в грамматике может быть так или иначе оправдано, хотя представляется необходимым различать грамматические субъект и предикат от логических субъекта и предиката), — и это в особенности с таким несогласованным с логической терминологией значением; приведя предложение *сегодня день моего рождения*, Вундт говорит, что даже при сильнейшем ударе на *сегодня*, такое сообщение не имеет целью вызвать в слушающем мысль о сегодняшнем дне; в основании, в центре сообщения как в логическом, так и в психологическом смысле может быть только представление о дне рождения; ввиду этого и в согласии с другими терминами, принятыми в психологии, Вундт предложил назвать представление, соответствующее тому слову, на котором сосредоточено особое внимание, «господствующим представлением» (*die dominierende Vorstellung*). Не признавая, конечно, вопроса терминологического особенно существенным в развернувшемся между некоторыми языковедами и психологами споре, ибо это в конце концов вопрос условного соглашения, я думаю, что главное внимание в споре должно быть обращено на то, следует ли вообще говорить в психологии о субъекте и предикате; как мы видели, психологи употребляют эти термины в том же значении, что исследователи логики (см. выше ссылку на А. И. Введенского). Мне представляется возможным дать этим терминам в психологии более широкое значение, распространив их на все виды психологических соотношений, не ограничиваясь только одним психологическим суждением; при этом психологический субъект определяется как представление, по самой природе своей господствующее над представлением, поставленным в предикате. Соображения фон-дер-Габеленца и его последователей побуждают однако допустить в мышлении наличность таких представлений, которые, не будучи господствующими по своей природе, становятся таковыми в силу того или иного настроения говорящего, того или иного направления, данного им его сообщению. Таким образом рядом с господствующими по природе своей представлениями (которые мы смело можем называть психологическими субъектом и предикатом, ввиду соответствия их в тысячах конкретных случаев с теми же логическими терминами), приходится допустить в мышлении наличность представлений, господствующих по воле или настроению говорящего; эти представления мы и назовем господствующими, определяя представления, господствующие в силу их природы, как психологические субъекты. В самом возникновении рядом с господствующими по природе представлениями представлений, господствующих по воле и по настроению

нию говорящих, видим указание на естественный конфликт между основаниями человеческой психики и ее изменчивым, неустойчивым настроением; но важно указать, что в некоторых случаях такой конфликт, даже при особом напряжении воли говорящего, должен разрешиться все-таки не в пользу случайного настроения говорящего, а в пользу основных отношений, лежащих между различными группами представлений; так, например, грамматическая невозможность сделать *портной* подлежащим при слове *Иванов* (ср. в предложении *Иванов портной* — подлежащее *Иванов* и сказуемое *портной*) коренится, конечно, в невозможности психологической¹.

§ 7. Как указано, название предмета в предложении будет всегда грамматическим подлежащим в отношении к сочетавшемуся с ним глаголу или прилагательному. Отсюда, из этой последовательности выводим заключение, что и в мышлении представление о предмете будет всегда психологическим субъектом в отношении к представлению о признаке, которое мыслится при этом как психологический предикат. Уместно вспомнить при этом замечание г. Пауля (ор. cit. § 180): «каждая грамматическая категория возникает на основании категории психологической. Грамматическая категория является в известном смысле одененевшею психологическою категорией». В сочетаниях двух названий предметов, поставленных в предикативные отношения, грамматическим подлежащим будет название конкретного, индивидуального предмета, а сказуемым название общего, родового понятия, название предмета, с которым сочетаются представления о признаках, о совокупности признаков; об этом

¹ Впрочем, утверждение, что *портной Иванов* (где по терминологии фондер-Габеленца и Пауля психологическим субъектом является *портной*) имеет смысл, если слово *портной* означает здесь того определенного портного, о котором была только что речь. И точно так же в предложении *Карл едет завтра в Берлин* — *едет завтра в Берлин* может быть по этой терминологии психологическим субъектом именно потому, что уже существовало раньше в сознании говорящего и слушающего, как уже готовое, сложившееся представление (у Пауля: *ist endlich bekannt, dass morgen jemand nach Berlin fährt*, § 197, с. 283). Определяя значение такого предложения, как *умна твоя сестра* (именно с таким порядком слов), или такого, как *больна мать*, мы можем утверждать, что произнесению этих предложений предшествовал разговор в первом случае о сестре, а во втором о чьей-то болезни; таким образом нельзя признать *умна* и *больна* первыми возникшими в сознании говорящего представлениями. Можно поставить под сомнение и такой пример, как *летит птица* (*es fliegt der Vogel*); вполне вероятно, что с представлением *летит* уже перед произнесением слова *летит* сочеталось представление о какой-то субстанции, которое затем (при более внимательном рассмотрении летящего предмета) заменено представлением о птице. Равным образом в повествованиях, где так часто сказуемое предшествует подлежащему, напр. *жили старик и старуха, шли по дороге два мужика, прибежали собаки*, мы не найдем подтверждения тому, чтобы в соответствующей коммуникации представление о признаке (*жить, идти, прибежать*) занимало господствующее положение над представлением о субстанциях, ибо возможно предположить, что данная коммуникация (в частности данное суждение), представлявшая сочетание субъекта с предикатом (а именно представление о субстанции с представлением о признаке), разлагаясь в речи, приняла инверсивную форму. Способы обнаружения мышления зависят от языковых возможностей, от принятых в языке оборотов: коммуникация *птица летит* может подвергнуться при передаче ее словами перестановке в русском и немецком языках, но не может ей подвергнуться, напр., во французском.

было сказано выше по поводу такого предложения, как *Иванов портной*, а также таких предложений, как *пеклен дерево, шведы германцы*. Только там, где утверждается тождество одного предмета представления с другим, можно безразлично употребить то или другое название в качестве субъекта или в качестве предиката: *Нестор отец русской истории*, *Отец русской истории Нестор* (но только *Нестор летописец*, а словосочетание *летописец Нестор* уже не может составить предложения).

§ 8. Перехожу к вопросу, может ли быть и при каких условиях психологическим субъектом представление о признаке. Согласно предыдущему, это невозможно там, где произошло сочетание представления о признаке с представлением о субъекте. Но там, где представление об одном признаке сочеталось с представлением о другом, вполне естественно допустить, что одно из них может занять по отношению к другому господствующее положение. Но подобно тому как при сочетании двух представлений о предметах предикативные отношения между ними возникают только в том случае, если одно из этих представлений мыслится как признак или как совокупность признаков, так же обратно возможность предикативной связи между двумя представлениями о признаках в некоторых случаях обусловлена тем, что одно из обоих представлений мыслится как совокупность признаков, в числе коих может быть сочетавшееся с ним представление о признаке. Заключаем об этом из фактов языка; повидимому, именно это, т. е. возможность мыслить признак в его сочетании с другими признаками, повело к появлению таких отвлеченных существительных, как существительные отглагольные и прилагательные субстантивированные; сочетания признаков, как *лететь* и *хороший*, *белый* и *мажкий*, расчленяясь, переходят в *полет хорош*, *белое мажко*, в силу именно того, что в языке обычно расчленение типа, содержащего название представления о предмете, т. е. существительное, в сочетании с названием признака (ср. расчленение *зеленая трава* в *трава зелена*); ср. еще подобные же предложения: *поездка была утомительна*, *страдания были невыносимы*, *пение было очаровательно*, *полезное не всегда приятно*; *стирка нас утомила*, *учение ему не давалось*, *отъезд не состоится* и т. п. В некоторых, впрочем, случаях предикативное сочетание двух признаков возможно и вне указанного условия, т. е. без перехода одного из сочетавшихся представлений в представление о носителе признаков. Это имеет место там, где представление о признаке активном или пассивном сочетается с представлением о бытии, наличности, существовании признака; признак бытия, наличности, существования является настолько отвлеченным, что, сочетаясь с другим конкретным признаком, он становится к нему в зависимое состояние и не вызывая представления о конкретном признаке, как о носителе признаков вообще; это зависит именно от того, что каждый вообще конкретный признак включает в себе и выделяет из себя представление об этом отвлеченном признаке. Коммуникации, имеющие в предикате представление о признаке бытия, существования, наличности, можно назвать коммуникациями (суждениями) экзистенциальными. Существование таких коммуникаций доказывается фактами языка, а именно предложениями безлич-

ными, как *морозит, дует, заволокло*, и односоставными безглагольными, как *скучно, морозно, скука, мороз*. В соответствующих коммуникациях субъектами являются конкретные признаки *мороз, скука*, а предикатами отвлеченный признак бытия, наличности. Наконец, третьим случаем, где возможно предикативное сочетание двух признаков, является сочетание двух тождественных или отождествляемых признаков: в русском языке подобные коммуникации выражаются сочетанием двух названий признаков: *учение-мучение, забыто-потеряно, жениться-перемениваться*.

§ 9. Мы рассмотрели коммуникации, в которых субъект и предикат выражены или представлениями о предмете и признаке, или представлениями о признаке и признаке. Отметим тот вид коммуникации, где субъектом является представление о признаке, а предикатом представление об отношении. Отношениями называем те временные, пространственные, причинные соответствия, в которые могут стать те или иные признаки и субстанции. Представление о времени проявления того или иного признака, представление о месте, куда направлено движение, и т. п. представления являются представлениями самостоятельными и соотносительными: они предполагают наличие двух представлений, поставленных в соответствующее отношение; ввиду этого нельзя допустить законченности мысли при наличности в ней представления о признаке и представления об отношении; представление об отношении не может стать в предикативное отношение к другому представлению. В коммуникации, соответствующей предложению *морозит*, видим не сочетание признака (*мороз*) с представлением о времени, а, как указано, сочетание конкретного признака (*мороз*) с отвлеченным признаком (наличности, бытия); представление же о времени сопутствует представлению об этом отвлеченном признаке. Равным образом не могут быть предметами самостоятельного представления наши чувства и волевые акты: они сопутствуют представлениям о тех или иных признаках, но не могут стать в предикативные к ним отношения.

§ 10. Подводя итог сказанному о природе коммуникации и ее членов, видим, что в каждой коммуникации имеется субъект и предикат, господствующий и зависимый член мысли; субъектом коммуникации является представление о субстанции при наличности в предикате представления о признаке или комплексе признаков; субъектом коммуникации может быть представление и о конкретном признаке при наличности в предикате представления о признаке отвлеченном; наконец, в предложениях тождества субъектом и предикатом могут быть представления о субстанциях и о конкретных признаках. Наши заключения основываются на данных языка, на обнаружении коммуникации в слове. Предложение соответствует коммуникации, ни в коем случае, впрочем, не воспроизводя ее сколько-нибудь точно; это дает основание думать, что по существу не может быть противоречия между природой предложения и коммуникации, но конечно не в отношениях материальной природы первого к психологической природе второй, а в отношениях смысла, значения предложения и психологической природы коммуникации. Дальнейших заключений о коммуникации и ее членах мы не решаемся предложить на основании анализа предложения.

Существеннейшим различием их между собой являются конкретизм членов коммуникации и расчлененность предложения: предложению *испуганная нами ворона взлетела на высокую лину* соответствует коммуникация, субъектом которой является *испуганная нами ворона*, а предикатом *взлетела на высокую лину*; двум членам коммуникации противопоставляется семь слов, причем эти слова соответствуют шести членам предложения. Образование членов предложения основывается, несомненно, на психологических категориях, но образовались они путем длинного эволюционного процесса, настолько отдалившего их от их основания, что неосторожно было бы пытаться анализировать коммуникацию по данным языка слов. Если бы наука имела в своем распоряжении какую-нибудь другую систему знаков, кроме языка, стремящуюся обнаружить мысль, быть может, мы могли бы мечтать о достижении положительных результатов в анализе психологической природы коммуникации, но такой системы нет, так как язык жестов, употребляемых глухонемыми, так же как язык жестов некоторых первобытных по культуре племен, находится в сильнейшей зависимости от языка слов, является или прямо от него производным или в сильной степени от него зависимым¹. Кроме того всякая выработанная система отразила бы на себе этапы исторического развития, а они отдалили бы ее от основания — человеческой психики. Ввиду этого нам приходится ограничиваться анализом явлений самого языка и уже по ним делать те или иные заключения о некоторых психологических основаниях этих явлений.

§ 11. Прежде чем перейти к анализу членов предложения, отмечу, что из сказанного выше о природе коммуникации следует, что, сочетаясь между собой, представления могут становиться в предикативные отношения: предикативными отношениями называем, как указано, изъяснительные, т. е. содержащие утверждение или отрицание чего-либо. Кроме этих отношений, существующих между субъектом и предикатом, между представлениями могут быть отношения атрибутивных, т. е. такие отношения, которыми одни представления определяются как свойства или качества других представлений, входящими в состав одного сложного нерасчлененного представления, ибо расчленение ведет к выделению из него субъекта и предиката, стоящих между собой в предикативных отношениях. Такие сложные, нерасчлененные представления находят себе в языке выражение не в предложении, а в определенных словосочетаниях: ср. такие словосочетания, как *зеленая трава*, *больная мать*, *скудная книга*, *жаркий день*, противоположаемые предложениям, как *трава зелена* или *трава зеленеет*, *мать больна* или *мать болеет*, *книга скудна*, *день жаркий*. Наконец, между представлениями возможны отношения предикативно-атрибутивные: это такие отношения, которые существуют между частями одного общего неразложившегося представления, причем ими утверждается или отрицается связь одних сочетавшихся при

¹ Ср. между прочим в соответствующих отделах книги А. Л. Погодина, «Язык, как творчество» в IV томе Вопросов теории и психологии творчества, Харьков, 1913.

этом представлений с другими, но не расчлененных, не ставших между собой в отношения предикативные; наличие подобных отношений между представлениями вытекает из таких словосочетаний в составе предложения, в которых сочетавшееся с представлением о субстанции представление о признаке выражает утверждение или отрицание его связи с тем представлением: *добрый человек не мог бы так поступить, мальчики ленивые причиняют преподавателю немало огорчений, начальник нераспорядительный может легко запутать все дело, и т. п.*

§ 12. Предложение и его члены. Согласно предыдущему, предложение это словесное, облеченное в грамматическое целое (посредством согласования составных его частей или соответствующей интонации) выражение психологической коммуникации. Предложению можно дать и такое определение: это простейшая единица человеческой речи, которая в отношении формы является одним грамматическим целым, а в отношении значения соответствует двум вошедшим в нарочитое сочетание представлениям простым или сложным. Из предложенного определения видно, что между предложением и психологической коммуникацией наблюдается прямая связь, такая же связь, как между словом и его значением; предложение является воспроизведением коммуникации средствами языка. Отсюда, как мною уже указывалось, не следует, однако, чтобы предложение было сколь-нибудь точным отображением коммуникации. Мы видели, что коммуникация состоит из нарочитого сочетания двух представлений: соответствующее ей предложение может состоять и из одного слова, и из двух, и из трех и более слов; эти слова и образующиеся ими словосочетания по самому основному их значению должны быть таковы, чтобы они соответствовали коммуникации, т. е. сочетанию субъекта с предикатом; если же по своему основному значению они и не таковы, то особенное значение, нужное для соответствия их коммуникации, слова и словосочетания приобретают путем особого их произнесения в составе предложения; так одно слово *мороз*, составив предложение (*мороз!*), произносится так, что соответствует коммуникации, в которой представление о конкретном признаке (*мороз*) сочеталось с представлением об отвлеченном признаке (бытия, наличности). Элементы предложения, его части, его члены не могут быть отвлечены от членов коммуникации, но во всяком случае прямого соответствия между ними нет, и это в противоположность целому составу предложения, находящему себе прямое соответствие в коммуникации. Тем не менее расчленение предложения должно исходить из несомненной связи его с коммуникацией. В каждом предложении (насколько, впрочем, оно не является предложением сокращенным) должны быть члены, соответствующие основным элементам коммуникации, выражающие словесно сочетание психологического субъекта и предиката. Как увидим, предложения русского языка распадутся в этом отношении на две главные разновидности: к первой принадлежат предложения, в которых указанное сочетание субъекта и предиката находит себе соответствие в одном члене предложения (выраженном большею частью одним словом) — это предложения односоставные, ср. предложения, как *вчера морозило, прекратите разговор.*

прошу войти, где сочетание субъекта и предиката подлежащей коммуникации находит себе соответствие в словах *морозило, прекратите, прошу* (*морозило* соответствует сочетанию конкретного признака с отвлеченным признаком в прошедш. времени; *прекратите* соответствует сочетанию субъекта 2-го лица с активным признаком в повелит. накл. в предикате, *прошу* соответствует сочетанию субъекта 1-го лица единств. числа с активным признаком в настоящ. времени в предикате); член предложения, соответствующий по своему значению сочетанию субъекта с предикатом, мы назовем главным членом, главным членом односоставного предложения; в односоставных предложениях таким образом не нашло себе словесного выражения то расчленение, которое с несомненностью обнаруживается в самой коммуникации; двучленной коммуникации соответствует односоставное (нередко одночленное, односоставное) предложение. Ко второй разновидности принадлежат предложения, в которых субъект и предикат находят себе выражение каждый в особом члене (особом слове) предложения; это предложения двусоставные, причем главный член одного из обоих составов соответствует субъекту, а главный член другого состава предикату; как увидим ниже, в значительном числе случаев эти главные члены двусоставных предложений находятся между собой в грамматической связи; такие грамматически между собой связанные (согласованные) члены двусоставных предложений называются подлежащим и сказуемым, причем подлежащее это главный член господствующего, а сказуемое — главный член зависимого состава; но, как увидим, есть и такие виды двусоставных предложений, в которых оба состава грамматически не связаны, не согласованы между собою; их главные члены назовем главным членом господствующего состава и главным членом зависимого состава. Двусоставные предложения в противоположность односоставным представляются по своей форме более близкими к психологической природе коммуникации, так как в них обе расчленившиеся части коммуникации нашли себе особое словесное выражение. Примерами двусоставных предложений согласованных могут служить предложения, как *на дворе лает собака* (*собака* подлежащее, *лает* сказуемое), *дети вернулись из школы* (*дети* подлежащее, *вернулись* сказуемое); примерами двусоставных предложений несогласованных могут служить предложения, как: *у меня есть деньги* (*деньги* главный член господствующего состава, *есть* главный член зависимого состава), *в кошельке осталось пустяки* (*пустяки* главный член господствующего состава, *осталось* главный член зависимого состава).

§ 13. Прежде чем перейдем к рассмотрению других второстепенных членов предложения, мы должны несколькими дополнительными сообщениями разъяснить то, что сказано в предыдущем § о природе предложения и о распознавании главных его членов. Мы определили предложение, как одно грамматическое целое, отметив, что слова, словесные элементы, составляющие предложение, сливаются в нем в одно целое благодаря или согласованию их между собою или соответствующей интонации, являющейся, впрочем, и в первом случае неизменным объединяющим началом. Согласование двух или несколь-

ких сочетавшихся слов является средством выразить цельность сложного представления: *растущая на дворе зеленая трава* соответствует одному сложному представлению; мы выразили его расчленение несколькими словами, но его единство, его цельность обнаруживается между прочим в той грамматической связи, в которой находятся слова *трава, зеленая, растущая*; все они представляются формами именит. падежа, единств. числа, женск. рода; приведенное сочетание слов может быть названо благодаря этому грамматическим единством, причем к этому единству относится и *на дворе*, внешним образом несогласованное со словом *растущая*, но внутренне с ним связанное, грамматически от него зависящее. В каждом грамматическом единстве имеется одно господствующее слово; при нем может быть одно или несколько зависимых слов; в приведенном выше словосочетании господствующим является слово *трава*, зависимыми *зеленая* и *растущая на дворе*. Господствует то или иное слово в силу прежде всего своего значения: здесь так же как в отношениях между психологическими членами коммуникации обнаруживаются некоторые постоянные отношения: существительное (т. е. название субстанции и вообще носителя признаков) является всегда господствующим над прилагательным и глаголом; в данном примере *трава* господствует над прилагательным *зеленый* и причастием *растущий*; господство же глагола или прилагательного над существительным возможно только там, где глагол и прилагательное сочетались с представлением о субстанции (*трава растет на дворе, хожу в школу, мальчик потерял книгу*), или где слово, означающее конкретный признак, сочеталось с представлением об абстрактном признаке (*видно кулика по полету, отца ранило в ногу*)¹. Господствующее и зависимое положение слова обнаруживается несколькими способами: во-первых, морфологической формой слова, причем зависимое слово является в зависимой форме; во-вторых, относительным положением слова в словосочетании, причем зависимое слово занимает определенное место в отношении к господствующему; в-третьих, интонацией (более сильным или более слабым произношением слова); в-четвертых, ослабленным или измененным значением слова.

§ 14. Относительно морфологической формы слова отмечу прежде всего, что некоторые слова являются всегда только в господствующей форме, другие слова рядом с господствующей формой образуют зависимую, третьи являются только в зависимой форме, наконец, четвертые слова неизменяемы, почему не обнаруживают ни господствующей, ни зависимой формы. Оставив в стороне эти последние слова (сюда относятся наречия, союзы, предлоги, частицы и междометия), укажем, как на формы всегда господствующие, на спря-

¹ Ниже увидим кажущиеся исключения: существительное является в зависимом положении от числительного, напр., *пять рублей*, или от количественного наречия: *много народу*; родит. падеж в положении за числительными явился под влиянием существительных, означающих количество (в древнем языке *пять, шесть* и т. д. были существительными, ср. *платок, сотня*), и сохранился после них, несмотря на утрату ими значения существительных; в положении за количественными наречиями родит. падеж явился под влиянием оборотов с числительными, ставшими наречиями. Вот почему такие сочетания я признаю сочетаниями грамматически неразложимыми.

гаемые формы глагола в 1-м и 2-м лице единств. и множ. числа (эти формы означают сочетание субъекта с предикатом, субстанции с признаком). К словам, образующим рядом с господствующей формой форму зависимую, относятся имя существительное, местоимение-существительное, а также субстантивированные прилагательные, местоимения-прилагательные и числительные: господствующая форма их обнаруживается в именит. падеже (единств. и множ.), зависимая форма в косвенных падежах; форма 3-го лица множ. в одних соединениях имеет значение господствующего слова, означая сочетание неопределенного лица во множ. числе с глагольным признаком, в других — зависимого слова, а именно в сочетании с подлежащим; числительные имеют независимую форму в подлежащем и прямом дополнении, зависимую — в косвенных дополнениях. Словами, употребляющимися только в зависимой форме, являются прилагательные, причастия, местоимения-прилагательные, числительные-прилагательные, также в литературном языке только в зависимой форме употребляется 3-е лицо единств. спрягаемого глагола, как сочетающееся с подлежащим в качестве сказуемого (в древнем и областном языке 3-е лицо единств. употребляется и в независимой форме, означая сочетание неопределенного лица в единств. числе с глагольным признаком). Что касается 3-го лица единств. безличных глаголов, то их форма (в настоящем и будущем на *-т*, в прошедшем на *-ло*) является неизменяемой. Равным образом неизменяемы формы инфинитива и деепричастия. Зависимые формы указанных частей речи возникают под влиянием господствующих над ними слов или путем согласования с ними, или путем подчинения им. Путем согласования возникают зависимые формы прилагательных, местоимений-прилагательных, числительных-прилагательных и причастий, причем эти формы являются результатом уподобления формам определяемых ими существительных (позже именные формы склонения прилагательного заменены, благодаря сложению с членом, местоименными формами); равным образом путем согласования возникают зависимые формы спрягаемого глагола: формы 3-го лица единств. и множ. получают свои окончания, согласуясь с числом сочетающегося с ними подлежащего, причем формы прошедшего времени согласуются с подлежащим не только в числе, но и в роде. Путем подчинения возникают зависимые формы существительных и местоимений-существительных, причем падеж существительного определяется значением господствующего слова (глагола, прилагательного, существительного).

§ 15. Порядок слов в словосочетаниях определяется в большей части случаев взаимным отношением господствующих и зависимых слов. Сложный вопрос о порядке следования в предложении подлежащего и сказуемого рассмотрим ниже. Зависимые слова, заимствующие свою форму из уподобления господствующим, следовательно, прилагательные (местоимения и числительные) и причастия предшествуют определяемым ими существительным: *красивая картина, скверное перо, отчаянное предприятие, горячая молитва, проезжавшие по дороге телеги, исковерканные здания, дымящиеся развалины*; во всех этих сочетаниях обнаруживаются атрибутивные отношения; но там, где отношения атрибутивно-предикативные (§ 11), прила-

гательное и причастие может занимать и второе место, т. е. следовать за господствующим словом. Зависимые слова, возникающие в результате подчинения господствующим словам, следовательно, косвенные падежи существительных, следуют за управляющими ими словами: *дом отца, роспись книгам, потеря заработка, нос крючком, он любит сестру, он не встретил брата, он радуется моим успехам, они боятся грозы, она едет в город*; только при особом ударе на косвенном падеже существительного возможна постановка его перед управляющим словом: *он сестру любит, а не жену; он брата не встретил; моим успехам он радуется, а к своим равнодушен; волков бояться и в лес не ходить; пуганая ворона куста (т. е. даже куста) боится*. Косвенные падежи местоимений существительных предшествуют управляющему слову: *он меня любит; они никого не боятся; ты кому-нибудь это отдал; бог его знает*. Впрочем, повелит. наклонение требует после себя косвенного падежа как существительных, так и местоимений: *оставьте меня; дайте стакан чаю*. Косвенные падежи как существительных, так и местоимений-существительных предшествуют управляющему слову, когда оно выражено безличным глаголом: *отца ранило в голову; мальчику нездоровится; мне не спится; лодку унесло бурей*. Инфинитив следует за управляющим глаголом: *хочу есть; перестаньте сердиться; прошу войти*; также за управляющим прилагательным и существительным: *готовые услужить; охотники повздорить; любитель кататься*. Отсюда видно, что в русском языке порядок употребления зависимых и господствующих слов далеко не свободный; как видим, он может нарушаться; но нарушение вызывается определенными причинами и вносит особый смысл в соответствующее предложение; нарушение обычного порядка следования слов называется инверсией. Что до слов неизменяемых, то употребление предлогов и союзов строго определенное: предлоги за немногими исключениями (*ради, в областн. языке для*) предшествуют косвенному падежу существительного и местоимения-существительного, а также определяющему существительное прилагательному и причастию: *в этом году, на левом боку, с малых лет, на худой конец*; союзы *же* и вопросительное *ли* постпозитивны; все остальные союзы препозитивны, предшествуя непосредственно слову или предложению, к которому относятся, которое они вводят в речь: *отец и мать; не позволю; а мы ушли домой; скажите хоть вы; хотя мы и одни*; некоторые союзы предшествуют каждому из сочетавшихся слов или каждому из сочетавшихся предложений: *хоть говори, хоть нет; или вы, или я; и он и она*. Что до наречий, то обычно они предшествуют тому слову, к которому относятся: *он очень хорош собой; я сильно грущу; весьма своеобразный план; скоро проходящие ощущения; недавно прочитанная книга; она отлично владела собой*. Но при употреблении наречий постоянно встречаем и отклонения от этого общего порядка, ввиду особенного значения их в предложении, с одной стороны (они являются здесь обстоятельствами), их независимой формы, с другой: *она поет хорошо; мы гуляли повсюду*.

§ 16. Интонация, разумея под этим и ударение предложения, и словоударение, и темп речи, может дать ряд указаний на взаимные

грамматические отношения слов в предложении. Отмечу прежде всего неударяемость таких служебных частей речи, как союзы и предлоги; односложные союзы неударяемы совсем; двусложные могут быть также неударяемы в положении после ударяемого слога (*двух или трёх*), в другом положении они слабоударяемы: *брáтец или сестри́ца; корóва или лóшадь*. Предлоги вообще неударяемы, но в некоторых случаях на них переносится ударение с следующего за ними существительного: *на траву́, на мосту́, по улице́, от дру́га* (ср. *по носу́, из дому́, на воду́*); двусложные предлоги могут иметь слабое ударение: *из-под по́лы*. Местоимения *я, ты, мы, вы, он, они* как в именит. падеже, так и в косвенных являются слабоударяемыми; но они могут иметь на себе и полное ударение, когда этого требует смысл предлагаемого утверждения или отрицания: *он меня́ обиде́л; он меня́ не обижа́л; он меня́ не обижа́л*. Существительное как в именит. падеже, так и в косвенных имеет на себе полное ударение; некоторые существительные (в зависимости от акцентных условий древнего языка) переносят ударение на предшествующий предлог, о чем сказано выше; некоторые существительные в обращении (в древнем языке этому соответствовал бы звательный падеж) становятся слабоударяемыми и неударяемыми, когда такому обращению не придается особого значения, когда оно вводится в речь без прямого побуждения со стороны говорящего сделать такое обращение: *ну́, брат, ты́ горя́ч*; ср. появление *су* и далее *с* вместо *сударь*; некоторые существительные в приложении, т. е. в зависимой форме атрибутивной, являются также в положении слов, лишенных ударения и произносящихся с ударением второстепенным; ср. несклоняемое *князь* в *князь Пётр, князь Пётру* и т. д. Становясь наречиями или попадая в наречные выражения, существительные могут также терять свое ударение и подвергаться поэтому звуковым изменениям, но это касается уже интонации наречий (ср. *покамест* вместо *покаместа, спасибо, в ту пору*, *областн. сево́ году*). Спрягаемые глагольные формы в вводных предложениях могут терять свою полную значимость и становиться энклитиками, получая затем значение наречий и союзов. Ср. 3-е лицо единств. *говорит* (отсюда *грит, ыт*) при передаче чужих слов в областном языке; *ска* вместо *скаже, скажет*; *каэ* вместо *кажет*; *бог знает* изменилось в *бознать*; перешли в союзы повелительные наклонения *дѣи* (отсюда *де*), *молвь* (отсюда *мол*). Вспомогательный глагол *быти* является энклитикой, что объясняет нам и некоторые его древнерусские формы, напр., переход *есме, есте* в *есмя, естя*; ср. неударяемое *бы*, ставшее союзом; ср. также неударяемое *было* в сочетании с формами прош. времени (*сказал было*, что восходит к первоначальному *сказалъ быль*); возможно, что *ста* в *пожалуйста, спасибоста, здоровоста* восходит к форме 2-го лица двойств. *еста*, как предполагал Потебня («Из зап.», I—II, 251). Наречия склонны к энклизе; ср. слабоударяемые наречия односложные, как *здесь, там, тут, так* (при *та́к*); потерю ударения двусложных наречий видим в случаях, как *он таки́ ушел, всё-таки́*.

§ 17. Ослабленное или измененное значение слова может быть последствием его зависимого положения. Во многих случаях это ведет к переходу знаменательных частей речи в служебные. Ср. пере-

ход существительных в местоимения в случаях, как *друг друга* (областное *ду-друга*); ослабленное значение слова *человек* в сказуемых, как *он человек хороший*; ослабленное значение слова *люди* в сочетании со сказуемым в случаях, как *люди говорят, его здесь и не было; люди отпахались, а он все еще собирается*; ср. существительные в наречных выражениях, как *патошак* (вместо *на тоцах*), *намедни* (вместо *ономедни — ономь дьни*). Спрягаемые формы глагола *быть*, означавшего и продолжающего означать существование, бытие, ослабляя свое значение, получали уже в древнейших стадиях языка значение простой связки между подлежащим и сказуемым, а также служебной частицы, означающей формальные глагольные категории, как в указанном употреблении, так и в соединении с названиями пассивного признака (в односоставных предложениях, как *скучно, морозно*), равным образом в соединении с названиями активного признака (в односоставных предложениях, как *не видать, вам сдавать*; также при образовании сложных форм глагольных: *буду просить, он был убит*; древнее *есль былъ, еси былъ, есть былъ*, откуда современное *был*). Кроме глагола *быть*, в языке развивались и другие вспомогательные глаголы в результате ослабления основных значений; ср. вспомогательное значение глагола *стать* (как в междуименном положении: *он стал человеком*, так и при образовании сложных времен: *стану сказывать я сказки*), *сделаться, казаться* и др.

§ 18. Указав в предыдущих четырех §§ формы обнаружения зависимого положения слов, возвращаемся к словосочетаниям. Словосочетанием называем всякое грамматическое единство, грамматическим же единством является такое соединение слов, в котором они находятся в грамматической между собой связи; соединения слов, как *лисица свой, поле рожью, с возом горшки, сколько вы* не представляют грамматических единств (они выхвачены из таких предложений, как *всякая лисица свой хвост хвалит; красно поле рожью; хвалилась кобыла, что с возом горшки побила; сколько вы доставили мне радости*); но соединения *растущая на дворе, свой хвост, доставили мне, вчерашний мороз, белой бумаге* и т. п. должны быть признаны грамматическими единствами по той связи, какая существует между входящими в их состав словами. При этом обнаруживается, что одни из грамматических единств являются самостоятельными, другие несамостоятельными; самостоятельными называем такие грамматические единства, которые в своих формах не обнаруживают того, чтобы они были частями другого словосочетания; несамостоятельными — такие, которые обнаруживают это, которые в своих формах могут быть объяснены только из других словосочетаний: *растущая на дворе, белой бумаге* являются несамостоятельными единствами, ибо зависимые слова *растущая, бумаге* свидетельствуют, что такие единства извлечены из других словосочетаний, напр., *трава, растущая на дворе; белой бумаге недостает лоску*; напротив, грамматические единства, как *вчерашний мороз, зеленая трава* представляются единствами самостоятельными. Для того, чтобы единство было самостоятельно, необходимо, чтобы главное слово, господствующее над другими, являлось в форме независимой (ср. *мороз, трава*); но, кажется, существенно еще одно условие: между сочетавшимися словами могут

быть только атрибутивные, релятивные или объективные отношения, ибо предикативные отношения обнаруживают уже наличие предложения, а атрибутивно-предикативные показывают, что данное грамматическое единство неполно, а потому несамостоятельно: *растущая трава, страшный холод, ленивый ученик* — это самостоятельные грамматические единства, между тем как *холод страшный* — предложение; *трава растущая, ученик ленивый* обнаруживают в своей форме, что они выхвачены из соответствующих предложений. Как отдельное слово, так и самостоятельное грамматическое единство может быть членом предложения, но при известных условиях и при определенном значении может быть предложением: условием для перехода отдельного слова и словосочетания в предложение является законченность мысли и законченность соответствующего словесного выражения; законченность мысли предполагает наличие в таком словосочетании сочетавшихся предикативно субъекта и предиката, а законченность словесного выражения требует особой объединяющей члены словосочетания в одно целое интонации.

§ 19. Второстепенные члены предложения. Расчленение предложения приводит, как мы видели, к определению в нем, если оно состоит не из одного слова, одного или двух словосочетаний, которые мы называем частями предложения; расчленение словосочетаний приводит к обнаружению в них грамматических единств, каковыми могут быть и отдельные слова и соединение нескольких слов; расчленение неоднословных грамматических единств обнаруживает в них наличие одного господствующего, относительно независимого слова, и другого или нескольких других зависимых от господствующего слов. При этом окажется, что в составе словосочетания среди нескольких грамматических единств одно является господствующим, другие — зависимыми. Предложение: *в нашем саду на высоких деревьях ближе к пруду свили себе гнезда какие-то прелестные птички* расчленяется на два словосочетания: 1) *в нашем саду на высоких деревьях ближе к пруду свили себе гнезда* и 2) *какие-то прелестные птички*. Первое из этих словосочетаний расчленяется на четыре грамматических единства: 1) *в нашем саду*, 2) *на высоких деревьях*, 3) *ближе к пруду*, 4) *свили себе гнезда*; из них господствующим является последнее грамматическое единство, ибо предыдущие три оказываются зависимыми от него. Главными членами предложения оказываются господствующие слова в составе господствующих грамматических единств, составляющих словосочетание, равное предложению, или обоих словосочетаний, обоих членов предложения. Все остальные слова предложения, входящие в состав как господствующего, так и зависимых грамматических единств, являются второстепенными членами предложения.

§ 20. Согласно сделанным в § 11 указаниям, отношения между членами предложения могут быть предикативными, атрибутивными, атрибутивно-предикативными, объективными и релятивными. Предикативные отношения имеют место только между двумя главными членами предложения — подлежащим и сказуемым, главным членом господствующего состава и главным членом зависимого состава; эти отношения остаются невыраженными в односоставных предло-

жениях, главный член которых выражает сам собой сочетание субъекта с предикатом. Остальные указанные выше отношения имеют место между господствующими и зависимыми членами предложений; ими определяется характер, природа зависимости зависимых членов предложения от господствующих его членов. Прежде чем на основании указанных отношений выяснять природу отдельных членов предложения, я кратко повторю данные в § 11 указания на природу отмеченных выше отношений. Атрибутивными называются те отношения, которыми одни представления определяются, как свойства или качества других представлений, следовательно, отношения между пассивным признаком и его носителем. Атрибутивно-предикативные — те отношения, которыми нарочито утверждается или отрицается связь признака с его носителем, мыслимых притом перасчлененно в составе одного сложного представления. Объективные отношения — это те отношения, которые устанавливаются в результате зависимости одного носителя признака от другого, причем зависимость эта может быть или непосредственная, или осуществляемая через посредство признака как активного, так и пассивного; объективными являются и те отношения, в которые становится представление о носителе признака к субъекту, соответствующему представлению о признаке; следовательно, это вообще обнаружение зависимого состояния носителя признака. Релятивные отношения — это те, которые имеют место между признаками и представлениями об отношениях.

§ 21. Свойства и качества находят себе словесное выражение в прилагательном, означающем то или иное отдельное свойство или качество, а также в существительном, означающем носителя свойств и качеств и таким образом могущем выразить то или другое свойство-качество. Прилагательное, употребленное в качестве атрибута к господствующему над ним, управляющему им существительному, соответствует тому члену предложения, который называется определением: *хорошая погода благоприятствовала вылазке; на мужайке показались красивые цветы; надо взять железный молоток; стальные перья недоступно дороги*. Равным образом определениями являются местоимения-прилагательные и числительные-прилагательные: *чей это платок? мои родные вызвали меня из деревни; весь город в волнении; второй день как не стали выдавать хлеба; говорю вам это в сотый раз*. Существительное, употребленное в качестве атрибута к другому существительному, называется приложением: *князь Петр Иванович уехал за границу; женщина-врач принимает по вторникам; господина Белова нет дома*. Из приведенных примеров уже видно, что под качеством-свойством разумеем также состояние, должность, общественное положение лица; также родовые отношения, как, например, *дерево клеи имеет широкое распространение в России; рыба нескарь водится в нашем пруду*. Но, как увидим в особом отделе, посвященном приложению, нередко представляется затруднительным решить, которое из двух сочетавшихся для выражения одного представления слов является господствующим, и которое зависимым от него, т. е. приложением; ср., напр.: *напишите исправнику Сундукову; к нам подошел Иван Иванович Иванов*; признаем ли мы *исправнику*

приложением? Не соответствует ли это слово самостоятельному и господствующему в нас возникшему представлению, причем *Судукову* мы прибавили в виде разъяснения, для развития этого представления? Что является приложением: имя и отчество *Иван Иванович* к фамилии *Иванов* или фамилия *Иванов* к имени и отчеству *Иван Иванович*? Несомненно, возможна и та и другая точка зрения на эти сочетавшиеся между собой существительные. Ввиду этого приложение можно охарактеризовать как название существительного, определяющего другое существительное; решение того, которое из обоих существительных определяющее, которое определяемое, предоставляется говорящему и слушающему за исключением однако случаев, где определяющее существительное является действительно названием признака (ср. пример, как *дурак лакей, негодяйка Матрена, козырь девка, добряк Семенов, шалунишка Коля*).

§ 22. Как определение, так и приложение, оставаясь таковыми, не отделяясь от определяемого ими существительного, не становясь его сказуемыми, могут сопровождаться таким актом воли говорящего, которым утверждается или отрицается их связь с определяемым существительным; ставшие в атрибутивно-предикативные отношения к определяемому существительному определение и приложение должны быть охарактеризованы особым грамматическим термином. Останавливаясь на терминах предикативное определение и предикативное приложение, не находя удобным назвать их анпозицией, как называл их, напр., Потебня («Из зап.», I—II, 103, 104, 181, 505 и др.), ввиду того, что анпозиция — это латинское название для приложения, а также и того, что различая определение и приложение в атрибутивном их употреблении, у нас нет основания не различать их в употреблении атрибутивно-предикативном.

Примеры для предикативного определения: *Старый и одряхлевший князь перестал выезжать из дома и почти не выходил из кабинета. Жизнерадостный и веселый, он рассеял скверное расположение, в котором мы находились. Занятый этой мыслью, он вышел в поле.*

Примеры для предикативного приложения. *Петр, вечный работник на троне, проявил себя и в этом деле. Мы проехали Курск, важнейший пункт сынки хлеба. Это напомнило Париж, бесспорно столицу Европы.*

§ 23. Словесными знаками для представлений о носителях признаков (субстанций, но также и явлений) служат в языке существительные, местоимения-существительные, числительные-существительные и вообще все субстантивированные слова. Они обозначают не только субъект, но также и объект, т. е. носителя признака в его зависимом положении от субъекта. Зависимое слово, связанное с господствующим словом объективным отношением, называется в грамматике дополнением. Дополнение может зависеть от другого существительного непосредственно: *деньги сестры, ворота желтого дома, кусок хлеба, ростись книгам, торговля маслом*; оно может зависеть от него через посредство названия признака (глагола, прилагательного): *на столе стоял графин, полный водки; ученики, неспособные к учению, удаляются из школы; вошел красный от волнения Володя; я нашел свою тетрадь*;

Катя любит свою подружку; мы прочли эту книгу; я дам ему понять; я обласкан вами; дети обрадовались иррикам; мальчик попросил воды; школьники кидали друг в друга камушками; наконец, дополнение может зависеть от безличного глагола, следовательно, от субъекта, соответствующего признаку: его ранило осколком бомбы; бумажку унесло ветром; мне не спится; отцу нездоровится; также от других бесподлежащих выражений: мне скучно, нам ее жалко, города не видно. Подробнее о дополнении скажу в учении о словосочетаниях. Здесь замечу только, что дополнение, показывающее, что данное действие глагола перешло на зависимое представление во всей своей полноте, подчинив себе лицо, предмет или другого носителя признаков в полном их объеме, называется прямым дополнением, между тем как дополнение, отразившее действие глагола или свойство прилагательного лишь косвенно, равно как служащее орудием, посредством которого осуществляется или проявляется признак, называется косвенным дополнением. Прямое дополнение выражается винит. падежом и имеет место только после глаголов, называемых именно поэтому переходными, и частью после безглагольных бесподлежащих выражений; косвенное же дополнение выражается родит., дат. и творит. падежом, завися при этом как от глагола, так и от прилагательного, от наречия и от другого существительного.

§ 24. Кроме дополнений, непосредственно зависящих от существительного, прилагательного, глагола, наречия, в предложении могут быть и такие дополнения, которые присоединяются к господствующему слову при помощи названия отношения. Такие названия соответствуют наречиям; наречия, принявшие на себя функцию ближайшим образом определять дополнения, называются предлогами. В предлогах различаются, с одной стороны, такие, которые сохранили свое особенное значение выразителей отношений; с другой стороны, такие, которые настолько сливаются с зависящими существительными, что не сохраняют самостоятельного от них значения. Ср. с одной стороны: *он пробежал мимо него* (ср. *он шел мимо*), *они шли сзади него* (ср. *они стоят сзади*); с другой стороны: *едем в город, он взлез на крышу, крышка от коробки, отец с матерью, вход в аудиторию.* Наконец, возможно еще сочетание предлога с предшествующим ему наречием: *мы ехали вслед за ними, рядом с ним, вместе с ним.* Дополнения, сопровождающиеся предлогами, наречиями-предлогами или наречиями и предлогами, мы назовем дополнениями релятивными, или относительными.

§ 25. По происхождению своему инфинитив является косвенным падежом отглагольного существительного; следовательно, его исконная функция в предложении — это дополнение. Но с течением времени инфинитив окончательно оглаголился, потеряв возможность обозначать носителя признаков, т. е. быть существительным. Это объясняет те функции, какие инфинитив получил в предложении, где он может стать главным членом (в односоставных предложениях) и сказуемым; но вместе с тем инфинитив сохранил частью свою исконную природу — дополнение; это видно из того, что инфинитивом выражается зависимый глагольный признак. Подобно том, как косвенные падежи существительного выражают зависимость существи-

тельного от другого слова, так же точно инфинитив выражает зависимость глагола от другого слова. Дополнением мы инфинитив назвать не можем, так как присвоили этому названию значение зависимого представления о носителе признаков. В виду этого назовем инфинитив в указанной функции дополнительным глагольным членом. Примеры: *хочу пройтись, прошу сесть, он мастер поспорить, он способен выкинуть такую штуку, он ходит гулять, он бросился помогать брату, я взял посмотреть эту книгу*. Признавать инфинитив в таком употреблении сказуемым невозможно; правда, *хочу есть* можно истолковать, как *хочу, чтобы я ел, прошу сесть — прошу, чтобы вы сели*; но такое толкование основывается на том, что инфинитив, как название признака, способен вызывать представление о производителе признака, о соответствующем субъекте. В предложении *он мастер поспорить* едва ли даже возможно подобное толкование.

§ 26. В релятивных отношениях к названиям признаков, т. е. к глаголу и прилагательному, находится наречие, т. е. название отношений. Название зависимых отношений в предложении соответствует тому члену предложения, который называется обстоятельством. Обстоятельство зависит от глагола или от прилагательного. В отделе о словосочетаниях мы рассмотрим разные виды обстоятельств: сообразно с выражаемыми в них отношениями обстоятельства могут быть обстоятельствами времени, места, образа действия и др. Морфологически наречия сближаются с именем, представляя те или иные надежные формы, также с глаголом, включая в свой состав отдельные глагольные формы, напр. некоторые деепричастия, инфинитивы и также спрягаемые формы; вследствие этого возможно колебание при определении обстоятельства, в сопоставлении его с дополнением и дополнительным глагольным членом. Обстоятельством признаем только те словесные выражения, которые соответствуют наречию, дополнением те словесные выражения, которые представляются надежными существительного, не утратившими значения существительного: *он вбежал впопыхах, он ищет чего-то впотымах* представляют обстоятельства; но *он в волнении встретил нас, он сидит в темной комнате* представляют дополнения; *он кричит сверху* — обстоятельство, *он упал с верху сеновала* — дополнение.

§ 27. После предложенного определения второстепенных членов предложения, нам приходится вернуться еще раз к вопросу об отношении их к главным членам предложения, а в частности к вопросу об отношении их к сказуемому. Второстепенные члены предложения обнаруживаются в результате расчленения предложения, — предложения односоставного, или каждого из составов двусоставного предложения. В односоставном предложении все второстепенные члены тяготеют, если не друг к другу, то к одному главному члену предложения; отсюда следует, что в односоставном предложении бесподлежащем не может быть определения, разве только в сочетании с дополнением; напротив, в односоставном предложении без сказуемого не может быть обстоятельства; на основании этого, признавая *мороз* предложением односоставным, мы предложением *теперь мороз* должны признать двусоставным и допустить в нем пропуск сказуемого. В двусоставном предложении к подлежащему могут относиться непосред-

ственно определение, приложение, дополнение и в редких случаях дополнительный глагольный член (*к нам подошел какой-то охотник балагурить*); к сказуемому — дополнение, дополнительный глагольный член и обстоятельство; а в тех случаях, когда сказуемое выражено существительным, также — определение, приложение и приименное дополнение. Анализ зависимого состава двусоставных предложений показывает, что главным членом этого состава могут быть весьма различные части речи и формы слов; мы находим здесь не только спрягаемый глагол, имя существительное в именит. падеже, прилагательное, но также деепричастие, инфинитив, косвенные падежи существительного, наречие. Принимая во внимание грамматическое согласование подлежащего (т. е. главного члена господствующего состава) со сказуемым (т. е. главным членом зависимого состава), я считаю возможным признать подлежащими и сказуемыми только те главные члены двусоставных предложений, которые согласованы между собою, следовательно, сказуемыми могут быть только спрягаемые формы глагола, имена существительные в именит. падеже и прилагательные; неизменяемые части речи, равно и косвенные падежи существительного признаем главными членами зависимого состава несогласованных двусоставных предложений; ср. предложения, как *он выпивши, он бежать, он высокого росту, он теперь профессором, вол сильнее лошади*. Возникает однако вопрос, к какому из обоих типов двусоставных предложений, согласованному или несогласованному, отнесем те же предложения с выраженным в них глаголом вспомогательным: *она была выпивши, она была высокого росту, он был профессором, наш вол будет сильнее той лошади*; вспомогательный глагол согласуется с подлежащим; вопрос осложняется тем, что глагол *быть* потерял в подобных соединениях свое реальное значение и употребляется, как связка между подлежащим и сказуемым; вследствие этого казалось бы неправильным признать формы *был, будет* в приведенных предложениях сказуемыми. Думаю однако, что глагол *быть* стал простой связкой только там, где он не вызывает представления о времени; следовательно, только в формах *есть, суть*, которые как связки и исчезли в русском языке; формы же прошедшего и будущего времени сохранили свое глагольное значение, а потому должны быть признаны сказуемыми. Отсюда следует, что предложение *он высокого росту* относится к типу несогласованных двусоставных предложений, а предложение *она была высокого росту* к типу согласованных двусоставных предложений. Но что же в предложении *она была высокого росту* мы назовем сказуемым? Одно слово *была* или все сочетание *была высокого росту*? При том или другом решении этих вопросов возникает вопрос, какому же члену предложения соответствует *высокого росту* или *выпивши* в предложении *она была выпивши*? Обычно в грамматиках такие сложные сказуемые называются сказуемыми составными, а входящее в состав их имя, прилагательное, причастие, — предикативным именем. С такой терминологией можно было бы согласиться в том случае, если не признавать *высокого росту, профессором, выпивши* сказуемыми в предложениях *она высокого росту, он теперь профессором, она выпивши*, признавая их и здесь предикативными именами при опущенном сказуемом.

Но имеем ли мы основание признать предложения *он высокого росту* или *она выпивши* предложениями неполными, с опущенным сказуемым? Не подлежит сомнению, что предложения, как *он молодец*, *он добрый*, *он высок*, предложения полные; доказательства этому мы приведем ниже, когда будем говорить специально о способах выражения сказуемого. Но формально такие предложения отличаются от рассматриваемых именно тем, что подлежащие и сказуемые в них согласованы. Признав сказуемое зависимым членом предложения, мы в праве думать, что свою грамматическую форму оно должно согласовать с подлежащим, должно ему уподобиться; там, где такого уподобления нет, не было и настоящего сказуемого; насколько сильно начало уподобления сказуемого подлежащему, видно из того между прочим обстоятельства, что прилагательное в сказуемом стремится принять (или сохранить) именную форму, сближающую его с именем существительным. Ввиду указанных соображений, число полных предложений с несогласованными подлежащим и сказуемым представляется делесообразным, по крайней мере, сократить. Во-первых, одни из таких предложений могли возникать по аналогии предложений согласованных: сюда отнесем предложения, как *он высокого росту*, явившиеся, несомненно, по аналогии предложений, как *он высок*, *он высокий*, ср. возможность в качестве определения, с одной стороны, *высокий*, а с другой — *высокого росту* (*ко мне подошел мужчина высокого роста*, или *высокий мужчина*); далее сюда же относятся предложения со сравнительной степенью нарчия в сказуемом: наречия сравнительной степени заменили склоняемую форму прилагательных в сравнительной степени: *брат старше сестры* заменило предложение *братъ старѣи сестры*. Во-вторых, некоторые из подобных предложений могли утрачивать сказуемое по аналогии; предложения *он выпивши*, *он профессором* могли возникнуть на месте *он есть выпивши* (где налицо сложное сказуемое, состоящее из двух глагольных форм), *он состоит профессором*; эти последние предложения признаем поэтому неполными, а предложения вышеуказанного типа предложениями позднейшего происхождения. Поэтому при разрешении вопроса о составном сказуемом, о наличности в нем предикативного имени, можно оставить в стороне те предложения, где это предикативное имя является в качестве сказуемого. Предложения, как *он был высокого росту*, *она была выпивши*, надо оставить, прежде всего, с предложениями, как *он был болен*, *он стал слаб*, *она сделалась нездорова*, *он оказался неповоротлив* и т. п.; в этих предложениях видим согласование входящего в состав сказуемого прилагательного с подлежащим; но согласование идет еще дальше в том смысле, что прилагательное принимает ту форму, которая присваивается ему в сказуемом, и притом в современном русском языке только в сказуемом. Заключаю отсюда, что во всех подобных предложениях с так называемым составным сказуемым мы имеем дело с сочетанием двух сказуемых, с двойным сказуемым: одно из них глагольное, другое адъективное или именное. При этом оба сказуемых согласуются с подлежащим. Там, где адъективное или именное сказуемое не согласовано с подлежащим, приходится допустить позднейшее явление и нарушение старых отношений. О причине и развитии такого нарушения скажем позже

в отделе, посвященном сказуемому. Двойное сказуемое представляет несколько существенных разновидностей: в одной разновидности перевес принадлежит бесспорно именной или адъективной части двойного сказуемого; это имеет место там, где в первой части глагол *быть* с его бледным реальным содержанием; ко второй разновидности относятся те предложения, где в первой части двойного сказуемого стоят другие вспомогательные глаголы с менее бледным содержанием; вследствие этого адъективная или именная части уже не выступают с таким первенствующим значением; наконец, к третьей разновидности относятся те предложения, где в первой части находятся глаголы полного содержания, а во второй адъективная или именная части отступают уже на задний план: *он сидит мрачен и задумчив, он пал мертвый, он пришел пьяный* и т. д. Думаю, что именно в этом третьем типе второе сказуемое стало второстепенным, а его второстепенность вела к зависимости от главного сказуемого: в результате этой зависимости на месте именного сказуемого явилось именное дополнение в творит. падеже. Это именное дополнение мы назовем сказуемым именем (§ 194).

§ 28. В связи с только что указанным членом предложения стоит еще и другое употребление так называемых предикативных имен; мы находим их в односоставных предложениях в сочетании с глагольным сказуемым того же типа, которое требует при себе предикативного члена; ср. в определенно-личных предложениях: *хожу печальный, сижу задумчивый, будь здоров, будьте покойны, будь мой покровитель*. Такие прилагательные и существительные имеют именит. падеж и соответствующие родовые формы в силу согласования с субъектом коммуникации; следовательно, они относятся непосредственно к этому субъекту и связаны с ним предикативно; ввиду этого определяю их, как дополнительные сказуемые в бесподлежащих предложениях. Подобное дополнительное сказуемое известно также в неопределенно-личных предложениях: ср. *бывало, вернешья усталый и голодный*. И это сказуемое может перейти в силу указанных причин в зависимую форму дополнения; ср. творит. падеж в случаях, как *будь моим покровителем*.

§ 29. Двойное сказуемое развилось и там, где глагольное сказуемое имело при себе причастие, становившееся в предикативные отношения к подлежащему. В отличие от имен и прилагательных, могущих стать в такие отношения с подлежащим только при глаголах состояния и движения, причастия, в силу своей глагольности и означения ими активного признака, могли связываться предикативно с подлежащим при всяком вообще глаголе. Причастие получало значение второй части сказуемого. Ср. *идохомъ къ вамъ радующеся; и увидь и жена съдщи въ истъвь; и придуть къ вамъ глаголюще* и т. д. С течением времени причастие в таком положении потеряло возможность согласоваться с подлежащим и в результате перешло в деепричастие, т. е. в несклоняемое причастие. Этот переход, как кажется, возник на почве усиления предикативности причастия насчет его атрибутивности; он повел за собой переход деепричастия во второстепенное сказуемое. Как таковое, деепричастие означает время, соотносительное с временем, выраженным главным сказуемым.

Его сказуемость ясно обнаруживается в современном русском языке, в частности, именно в литературном, в том, что деепричастие употребляется только в предложениях двусоставных, где оно имеет прямое отношение к подлежащему. В языке областном, а также частью и в литературном, возможно употребление деепричастия и в односоставных предложениях. Само собой понятно, что оно является в бесподлежащих личных предложениях и притом как определенно-личных, так и неопределенно-личных: *хожу все, сообразая, что предпринять; отвечая мне, грубишь; увидев их, пожалеете; что имеем, не храним, потерявши плачем; на это, делая злостные намеки, нам говорят; живут там припеваючи*. Удобнее всего назвать деепричастие в таких предложениях дополнительным второстепенным сказуемым. Но такое же употребление деепричастия находит себе и в безличных предложениях, причем подобные обороты избегаются в литературном языке: *думая так, мне казалось; не выдав работы, не выдав вам и покоя; не выдав, девушке верится* (в счастье замужем), Даль, Посл., III, 143. И в этих предложениях назовем деепричастие дополнительным второстепенным сказуемым, имея в виду то, что оно относится к субъекту главного предложения, выраженному, правда, в форме дополнения. Потеря деепричастием предикативной связи с подлежащим (или субъектом) имеет последствием переход его в обстоятельство, деепричастие получает значение наречия: *не хочется сидеть спустя рукава, приходится стоять повесив голову* и т. п. Ввиду этого при наличности предикативной связи деепричастия с подлежащим мы не имеем основания сближать деепричастие с наречием и называть его глагольным наречием. Сочетаясь с формами глагола *быть*, причастия настоящего времени составляли в древнем языке одно сложное время: *бляху любяще, суть хитро сказующе*; в современном языке такое словоупотребление исчезло совсем. Но соединения деепричастий прошедшего времени с глаголом *быть* видим до сих пор, правда, преимущественно в областном употреблении; при этом деепричастие вместе с формами будущего и прошедшего времени составляет двойное сказуемое, а за пропуском форм настоящего времени переходит в главный член зависимого состава; ср. сказанное выше относительно оборотов: *он выпивши*, с одной стороны, *он был выпивши* — с другой.

§ 30. Нам остается сказать еще об одном члене предложения, о связке. Под связкой разумеется служебное слово, служащее для соединения в составе одного предложения членов его между собою, для разделения их и для противопоставления друг другу; кроме того, связка служит для сочетания слова с тем или другим сопутствующим представлением. При сцеплении нескольких предложений связка служит для их соединения, разделения и противопоставления. Значение связок будет рассмотрено в синтаксисе частей речи, в отделе о союзе, ибо союз является преимущественно выразителем связки. Здесь укажу на то, что к связкам относятся и вспомогательные глаголы; но большая часть их не утратила своей глагольности, своего конкретного, реального значения; перешли в связку только формы настоящ. времени глагола *быть*; это повело к окончательной утрате их, причем утрата их в значении связки повела и к утрате настоящ. времени глагола

быть в реальном его значении: существовать, находиться. Что до прошедшего времени *был*, будущего *буду*, то категория времени предохраняла от перехода их в простые связки, о чем сказано выше. Укажу здесь еще на предикативную связку: это сравнительный союз *как*; он служит как для соединения подлежащего со сказуемым, напр. *он как отец*, *он совсем как отец*, так и для соединения со вторым сказуемым: *он был как сумасшедший*. К связкам отношу и такие слова как *ыт* (говорит), *мол*, *де* при передаче слов чужой речи, ибо они связывают те слова, к которым присоединяются с представлением о том, что сказаны другим лицом и только повторены говорящим; также *с* в *да-с*, *так-с*, ибо ими вводится сопутствующее представление о желании говорящего быть вежливым и любезным в отношении к слушателю.

§ 31. Вне предложения, но часто в самом его составе, находится так называемое обращение. В современном русском языке обращение выражается формой именит. падежа, между тем как в древнем языке оно выражалось звательным падежом. Едва ли основательно мнение Потебни о том, что звательный падеж выражает подлежащее и что, следовательно, таким же подлежащим является в современном языке именит. падеж обращения. Согласно с этим (противоположением прямых падежей, именительного и звательного, косвенным падежам объекта), — говорит Потебня («Из зап.», I—II, 94), — звательный, как и именительный, имея определенную деятельность в предложении, стоит не вне его, а в нем. Не отрицая того, что рядом со «звательным обращением» можно допустить употребление звательного падежа вместо именительного с «окраскою чувством» (ср. Овс.-Кулик., 182—183), я думаю, что употребление обращения вне предложения не может вообще подлежать сомнению. Если сопоставить предложение *братец, мне хочется поест* с предложением *братец, дай мне поест*, едва ли получим основание утверждать, что *братец* во втором из этих предложений является подлежащим при сказуемом *дай*. Думаю, что в частности формы 2-го лица повелительного наклонения не нуждаются в подлежащем, самой формой своею вызывая соответствующее представление о сочетании сказуемого с подлежащим. Обращение может стоять вне предложения, как в данных примерах, но оно может входить и в его состав, как, напр., в предложениях: *дай, братец, покурить*; *мне, братец, есть хочется*.

§ 32. Вне предложения, но введенными в его состав оказываются так называемые вводные слова или вводные предложения. Они в большинстве случаев имеют значение связок, так как вводят в состав предложения то или иное сопутствующее представление. Поэтому, введенные в предложение, они нередко переходят здесь в простые связки. Таково происхождение связок, как *ыт* (говорит), *мол* (мольв) и др. Ср. не ставшие связками вводные предложения, как *кажется*, *думается*, *разумеется*, *видно*, *звать*, *может быть*, *то есть*, *так сказать* и т. п.

§ 33. Таким образом, предложенный анализ предложения дает нам основание различать в нем следующие члены: во-первых, основные или господствующие: главный член односоставного предложения; подлежащее двусоставного предложения; сказуемое двусоставного пред-

ложения; двойное сказуемое в некоторых двусоставных предложениях, второстепенное сказуемое в некоторых двусоставных предложениях, главный член господствующего состава несогласованных двусоставных предложений; главный член зависимого состава таких предложений; дополнительное сказуемое в некоторых односоставных предложениях; дополнительное второстепенное сказуемое в некоторых односоставных предложениях; во-вторых, зависимые члены: определение, предикативное определение, приложение, предикативное приложение, дополнение, релятивное дополнение, дополнительный глагольный член, обстоятельство; в-третьих, служебные члены: связки. Вне предложения стоят обращение и вводные слова.

В дальнейшем увидим, что как главный член односоставных предложений, так и главные члены двусоставных могут состоять из двух или нескольких однозначных слов, т. е. представлять соединение двух или нескольких главных членов. Мы будем называть их слитными главными членами, слитными подлежащими, слитными сказуемыми; вопрос о том, не свидетельствует ли наличие нескольких сказуемых о том, что налицо имеется несколько предложений, мы рассмотрим ниже, там, где встретимся со слитным сказуемым.

Как увидим ниже, возможен пропуск того или иного главного члена предложения. С уверенностью можно говорить о пропуске только там, где зависимая форма составляющих предложение слов свидетельствует о пропуске господствующего над ними слова: ср. такое предложение, как *входит*, которое зависимой формой составляющего его слова доказывает, что в предложении опущено очевидно известное, упомянутое раньше подлежащее; также предложения, как *бочку!* *чашку чаю!* *сахару!*, в которых косвенные падежи доказывают, что в предложении опущена господствующая над ними форма спрягаемого глагола (*подайте, дайте, отпустите*). Впрочем, вторым условием для признания пропуска главного члена предложения является наличие рядом с таким предложением другого, со словесно выраженным главным членом; на основании этого *входит, сахару* признаем неполными предложениями, но предложения, как *виноват, рады стараться*, считаем полными, ибо *я виноват, мы рады стараться* в своем употреблении не совпадают с предложениями без *я, мы*. Предложения с опущенными главными членами называем неполными, причем предложения с опущенным подлежащим назовем недостаточными, а с опущенным главным членом или сказуемым — *нарушенными*.

Сложными, в противоположность простым предложениям, называем те предложения, в которых имеется или двойное сказуемое, или второстепенное сказуемое, или дополнительное сказуемое, или дополнительное второстепенное сказуемое. Сочетание, или сцепление, предложений составляет предмет особого отдела синтаксиса.

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ К СИНТАКСИСУ ЧАСТЕЙ РЕЧИ¹.

(Из „Синтаксиса русского языка“, вып. II, стр. 1—15, Л., 1927.)

§ 489². Слово в его отношении к предложению или вообще к речи определяется в грамматике, как часть речи. Определение частей речи таким образом должно исходить из указанных отношений. Во многих языках, в частности и в русском, части речи могут различаться морфологически, т. е. слова, относящиеся к одной части речи, могут отличаться или самым своим строением, или способностью изменяться по грамматическим категориям от слов, относящихся к другим частям речи. Но морфологические признаки отнюдь не составляют сами по себе основания для различения частей речи; так, в литературном языке имеется немало несклоняемых слов, которые по своему значению относятся к существительным, напр. *депо, ампула, колибри*; таким образом существительное, как часть речи, не может быть определено, как слово склоняемое, изменяющееся по падежам. Морфологические изменения соответствуют, как сказано, грамматическим категориям; существенным признаком, отличающим части речи друг от друга, является связь каждой из них с этими грамматическими категориями, а так как категории грамматическая познается в синтаксисе, то синтаксическое определение частей речи должно принять во внимание и ту связь, которая имеется между отдельными частями речи и грамматическими категориями. Самое содержание учения о частях речи составляет между прочим определение грамматических категорий в их отношении к частям речи. Определив часть речи, как слово в его отношении к предложению, грамматическую категорию мы определим, как представление об отношении (к другим представлениям), сопутствующее основному значению, вызываемому словом; так обнаруживаем в слове *домá* сочетание основного значения (дом) с представлением о множественности, т. е. с представлением отношения между представлениями, мыслимыми в их совокупности; в слове *дом* обнаруживаем сочетание основного значения с представлением о мужеском роде, т. е. представлением относительным, предполагающим наличие у говорящего на данном языке представлений о других родах (женском, среднем). Представления об отношениях могут быть различаемы, как представления об отношениях самостоятельных или независимых и как представления об отношениях несамостоятельных или зависимых; к первым относятся те отношения, которые сопутствуют тому

¹ В «Синтаксисе» этот раздел особого заглавия не имеет. (Ред.)² Нумерация параграфов сохранена по «Синтаксису». (Ред.)

или иному основному представлению независимо от его сочетания с другими представлениями; ко вторым относятся те отношения, которые возникают между двумя сочетавшимися представлениями. Самостоятельными, независимыми являются, например, представления об единичности и множественности, или представления о лице, о времени, о наклонении, или представления о роде, о качестве: *дома, хожу, говорят, пройду, попросить, старостица, каблучек*. Несамостоятельными, зависимыми являются представления о надежах: *мальчику* получает определенное значение только в сочетаниях, как *я отдам мальчику, завидую мальчику, удивляюсь мальчику*. Грамматическими категориями определяется внутренняя связь отдельных слов между собой и отношение их к предложению; слова определяются, как части речи, именно постольку, поскольку они вызывают представление о грамматических категориях или, напротив, не вызывают такого представления. Но рядом с такими словами существуют и другие слова, которые не только не представляют в своем значении сочетания основного значения с сопутствующим, относящимся к той или иной грамматической категории, но сами означают определенную грамматическую категорию, самостоятельную или несамостоятельную. Сообразно с этим слова, как части речи, могут быть четырех различных видов: во-первых, слова, выражающие сочетания основных представлений с сопутствующими, отношение слова к грамматической категории; во-вторых, однородные с ними по значению слова, выражающие однако только основное представление вне сочетания его с сопутствующими; в-третьих, слова, служащие для выражения той или иной самостоятельной грамматической категории; в-четвертых, слова, служащие для выражения той или иной несамостоятельной грамматической категории; первый и второй виды слов, как частей речи, определим, как части речи *знаменательные* (сюда относятся, напр., существительные, прилагательные, глаголы); третий вид определим как части речи *незнаменательные* (сюда относятся местоимения); четвертый вид определим, как части речи *служебные* (предлоги, союзы, частицы).

Знаменательные части речи отличаются от незнаменательных и в их отношении к лежащим в основании их представлениям: представления наши распадаются на представления о субстанциях (предметах, лицах), качествах-свойствах, действиях-состояниях и отношениях. Знаменательные части речи означают субстанции, качества-свойства или действия-состояния (ср. существительные, прилагательные, глаголы, наречия); незнаменательные части речи означают отношения (местоимения, числительные, местоименные наречия). В составе как знаменательных, так и незнаменательных частей речи одни слова могут выражать своей формой (при данных условиях) полную мысль, т. е. стать словопредложениями (напр., именит. падежи существительных и местоимений-существительных, личные глагольные формы, за исключением, впрочем, формы 3-го лица единств.); другие — только один из членов предложения (прилагательные, местоимения-прилагательные, 3-е лицо единств. числа глаголов). Выяснение словопредложений, с одной стороны, членов предложений, с другой, необходимо предложить при обзоре частей речи.

§ 490. В русском языке синтаксически различаются следующие части речи: существительное, глагол, прилагательное, наречие (знаменательные части речи); местоимение-существительное, местоимение-прилагательное, числительное, местоименное наречие (незнаменательные части речи), предлог, связка, союз, префикс, частица (служебные части речи); междометие (как эквивалент слова). Подробное определение каждой из этих частей речи дадим ниже, а здесь ограничимся краткими определениями, исходящими из установленной выше связи слова с грамматической категорией.

Существительное означает ту часть речи, которая вызывает представление о сочетании основного знаменательного представления с грамматическими категориями числа, рода, падежа, а также субъективной оценки.

Глагол означает ту часть речи, которая вызывает представление о сочетании основного знаменательного представления с грамматическими категориями лица, времени, залога, склонения, вида.

Прилагательное определяется, как та часть речи, которая, означая знаменательное представление, мыслится неизменно в сочетании с существительным (заимствуя от него или от соответствующего ему представлению грамматические категории числа, рода, падежа, субъективной оценки), причем прилагательные качественные могут вызывать представление о степенях сравнения.

Наречие определяется, как та часть речи, которая, означая знаменательное представление, мыслится неизменно в сочетании с представлениями о действии-состоянии или качестве-свойстве, вызывает представление о бытии-состоянии, не обнаруживая в своей форме связи с грамматическими категориями; впрочем, наречия качественные могут вызывать представление о степенях сравнения.

Местоимение — это та незнаменательная часть речи, которая, означая отношение, соответствует или названию субстанции, или названию атрибута; местоимение-существительное вызывает сопутствующие представления о падеже, заимствуя в некоторых своих образованиях представление о роде от соответствующего представления о субстанции или о существительном; местоимение-прилагательное заимствует от сочетавшегося с ним существительного грамматические категории числа, рода и падежа.

Числительное — это та незнаменательная часть речи, которая, означая числовые отношения (с точки зрения говорящего лица или субъекта предложения), соответствует или названию субстанции, или названию атрибута, причем обнаруживающиеся при известных условиях грамматические категории рода и падежа заимствуются от сочетавшихся с числительными имен существительных.

Местоименное наречие означает ту незнаменательную часть речи, которая включает в себе слова, определяющие качественные, видовые, временные, пространственные, количественные отношения, сочетающиеся с представлениями об активных признаках (выражаемых глаголами) или пассивных (выражаемых как прилагательными, так и наречиями).

Предлог означает ту служебную часть речи, которая включает в себе слова, способствующие в сочетании с косвенными падежами

более точному и подробному определению отношений, выражаемых этими падежами.

Связка означает ту служебную часть речи, которая, соединяя главные члены предложения (подлежащее и сказуемое), может сочетаться с грамматическими категориями лица, времени, наклонения.

Союз означает ту служебную часть речи, которая включает в себе слова, соединяющие или разъединяющие сочетавшиеся слова, словосочетания и предложения и определяющие эти сочетания со стороны тех или иных отношений.

Префикс означает ту служебную часть речи, которая включает в себе слова, дополняющие в сочетании с глаголами, прилагательными, наречиями значение этих частей речи в пространственном, видовом или количественном отношении.

Частица означает ту служебную часть речи, которая включает в себе слова, усиливающие или оттеняющие в том или ином отношении сочетающиеся с ними предикативы.

Междометие означает слова, являющиеся выразителями внешних и внутренних ощущений, а также звукоподражаний и вызывающие представления о грамматических категориях только постольку, поскольку они употребляются как эквиваленты глаголов.

§ 491. Несомненно, что части речи представляются точно определенными и разграниченными между собой категориями; смешать одну часть речи с другой невозможно; усомниться, какая именно перед нами часть речи, также вообще не приходится за указываемым, впрочем, ниже исключением. Между тем разграничение это не соответствует морфологическим признакам, характерным для слов, входящих в состав той или другой части речи. Правда, в русском языке существительные, прилагательные, глаголы и др. имеют во всех своих формах характерные окончания, отличающие их как друг от друга, так и от других частей речи; при этом характеристичным для существительного является его склонение, т. е. изменение по числам и падежам, характеристичным для прилагательного его изменение по родам, характеристичным для личных форм глагола его спряжение, т. е. изменение по лицам, временам и наклонениям. Но рядом с существительными склоняемыми в русском литературном языке известны и несклоняемые существительные (*какао, бюро, визави, ампула*); по этому самому определить существительное, как склоняемую часть речи, было бы несогласно с создавшимся в языке отношениями; рядом со спрягаемыми глагольными формами имеются и неспрягаемые (инфинитив, деепричастие), а некоторые из неспрягаемых форм склоняются, т. е. изменяются по падежам (причастия наст. врем. действит. залога, прошедш. врем. действит. залога, прошедш. врем. страдат. залога и др.); неправильно было бы определить прилагательное, как часть речи, изменяющуюся по родам, ибо по родам изменяются и глагольные формы прошедш. времени на -л. Ввиду этого морфологический принцип деления частей речи не может выдержать критики, и нам остается обосновать это деление указанными выше синтаксическими условиями, характерными для каждой из определенных выше частей речи. Существительное отличается от других частей речи тем, что вызывает представление о сочетании основного предста-

вления с грамматическими категориями числа, рода, падежа; это не означает того, что существительное отличается от других частей речи тем, что изменяется по числам, родам, падежам; существительное *пальто* в русском литературном языке не склоняется, но оно вызывает представление о единств. или множ. числе, а также о падежах, как видно из того, что мы говорим: *мое пальто, зимние пальто, он вырос из этого пальто*. Прилагательное мыслится непременно в соединении с господствующим над ним существительным, причем замечает от существительного все то, что может сообщить существительное сочетавшемуся с ним прилагательному, т. е. родовые, числовые и падежные окончания. К глаголу относятся слова трех различных категорий: во-первых, слова спрягаемые: это личные формы глагола в условиях времени настоящего и будущего и в условиях наклонения изъявительного и повелительного; во-вторых, личные формы в условиях прошедшего времени изъявит. и сослагат. наклонения, которые изменяются не по лицам, а по числам и родовым признакам соответствующих им, как сказуемым, подлежащим; в-третьих, неспрягаемые и неличные формы глагола, вызывающие представление о виде, залоге и этим самым составляющие одно целое с личными формами глагола, которые также вызывают представление о виде и залоге (к таким формам относятся: инфинитив, причастия и деепричастия, причем инфинитив может вызывать и представление о 2-м лице повелит. наклон.). К местоимению относятся как местоимения-существительные, так и местоимения-прилагательные; те и другие объединяются в одной части речи, как слова, соответствующие не названиям самих субстанций или свойств субстанций, а отношениям говорящего или субъекта предложения к субстанциям. Тесно связано с местоимением и числительное, отличаясь от него однако тем, что означает исключительно числовые отношения. Существительное, прилагательное, местоимение-существительное и местоимение-прилагательное, числительное и глагол, ввиду всего выше сказанного, получают положительное синтаксическое определение. Отрицательное определение вызывает наречие, как часть речи, сама по себе не соответствующая какой-нибудь грамматической категории; но по существу своему наречие тождественно с прилагательным и отличается от него только тем, что прилагательное сочетается с существительным и замечает от него свои грамматические окончания, между тем как наречие сочетается с прилагательным, наречием и глаголом, не изменяя под влиянием этих господствующих над ним слов своих грамматических окончаний; прилагательное — это сочетавшееся с существительным и ему уподобившееся в своей форме наречие; общая природа наречия и прилагательного сказывается в том, что качественные прилагательные и наречия образуют степени сравнения. Сближение природы наречия и прилагательного естественно ведет к определению рядом с местоимениями-прилагательными местоимений-наречий; эти наречные местоимения отличаются от других наречий так же, как отличаются местоимения-прилагательные от прилагательных, что и вызывает необходимость выделить наречное местоимение в особую часть речи; быть может, последовательнее было бы признать в качестве особенных частей речи три местоименных класса: местоименное существительное,

местоименное прилагательное и местоименное наречие. Что до числительного, то оно включает в себе все эти три местоименных класса: числительным-существительным назовем слова как *двое, пятеро, пол*, равно также *десяток, сотня, дюжина, пара* и т. п.; числительным-наречием — слова как *два, три, пять* и в счете и в сочетаниях с родит. единств. или род. множ. существительных, также слова, как *пятью, дважды, вдвое, впятером*; числительным-прилагательным слова, как *двум, трех, пяти, сорока* и т. д. в сочетании с косвенными падежами существительных, а также числительные порядковые. Наречие является частью речи, переходящею при благоприятных условиях в служебные части речи, т. е. предлог и союз; оно занимает таким образом середину между прилагательным, с одной стороны, служебными частями речи, с другой: определяя существительное, являясь при нем выразителем атрибута, наречие становится прилагательным (*это особь статья*); занимая господствующее положение в отношении к следующему косвенному падежу существительного, наречие по своему значению становится близким к предлогу и переходит в предлог; наречие отличается в таком положении от предлога только в том случае, если имеет возможность употребляться и независимо от следующего существительного: *после* признаем наречием потому, что рядом с *после него, после обеда* возможно сказать *он придет после*; *до* признаем предлогом, так как вне соединения с родит. падежом существительного *до* не употребляется. Впрочем, наречия, сочетаясь с косвенными падежами существительных, настолько близки к предлогам, что образуют особую группу, которую можно определить или как предложные наречия, или как наречные предлоги. Сходны отношения наречия к союзу: функцию союзов, определенную выше в данном там определении, разделяют с союзами многие наречия, соединяющие или разъединяющие предложения и определяющие их со стороны тех или иных отношений; так, значение союзов присваивается наречиям *когда, где, откуда, куда, как* и др., поставленным во главу тех или иных предложений, определяющих их отношение к другим предложениям: *мы радуемся, когда его нет дома; куда бы он ни пошел, собака следует за ним; как видно из его письма, ему живется недурно*; впрочем, эти и подобные слова можно признать не собственно союзами, а союзными наречиями или наречными союзами, ввиду того, что они имеют и самостоятельную функцию в качестве вопросительных наречий; собственно союзами назовем те союзы, которые такой самостоятельной функции не имеют (например, *бы, же, но, а*); поэтому *ли* признаем не союзом, а союзным наречием; ср. *ли* в вопросе. Определение в составе наречия группы союзных наречий делает необходимым внести такое же разграничение в составе местоимения: рядом с собственными местоимениями (вопросительными) известны союзные местоимения; к таковым отнесем местоимения относительные (*который, какой, чей*, также *кто, что*); союзное местоимение *что* является также в функции настоящего союза, ибо при известных условиях теряет связь с существительным, переставая быть таким образом местоимением; ср. такое *что*, напр., во главе дополнительных придаточных предложений: *он думает, что вы ошиб-*

лись; также со значением относительным: *где книга, что лежала здесь?* Из предыдущего видно, что разграничение наречия от предлога и союза не так просто, ввиду возможности употребить наречие в качестве предлога и в качестве союза. Вместе с тем эта близость наречия к предлогу и союзу наводит на мысль, что последние по крайней мере отчасти могут быть возведены к наречиям; часть союзов представляется в своем происхождении исчезнувшими наречиями, и также первоначальными наречиями можно признать большую часть предлогов. Таким образом наречие в системе частей речи занимало центральное место: сочетаясь с существительным и угодбляясь ему, наречие переходит в прилагательное; сочетаясь с косвенным надежом существительного для выражения тех или иных отношений, наречие становится предлогом; употребляясь для выражения отношений между двумя словами или предложениями, наречие становится союзом. Центральное место наречие занимает в известном смысле и теперь: как увидим, наречием становится существительное в именительном и косвенных надежах, когда получает в предложении значение обстоятельства (*пора вставать, грех сказать, шутка сказать*); наречием становятся как личные, так и неличные формы глагола, когда не ассоциируются с категориями лица и времени (*он де болен; она ведь ушла; ее, чай, уже след простыл*); также на месте деепричастий: *разиня рот, спустя рукава, сломя голову, положя руку на сердце*; также на месте инфинитива: *он звать нездоров, областное он чать придет*); наречием становятся утратившие склонение прилагательные (*он сильнее меня; кто помоложе — выживет*).

§ 492. Только что указанные примеры убеждают нас в том, что между словом и принадлежностью его к той или другой части речи не только нет обязательной необходимости в данной форме слова, но также и в том, что одни части речи могут переходить в другие, не изменяя своей формы. Приведем еще некоторые примеры: прилагательное в форме как мужеск., так женск. и средн. рода переходит в существительное, как только мыслится вне сочетания с существительным; частью это может объясняться пропуском соответствующего существительного, но в значительном числе случаев, особенно при субстантивации прилагательного среди. рода, о пропуске не может быть речи (ср. *портной, городской, горчицная, духовная, жаркое, красное*). Существительное может перейти в числительное: ср. наши *пять, шесть, десять* и т. д., которые по происхождению являются существительными женск. рода. Перейдя в наречие, существительное может перейти дальше и в союз: напр., существительное *раз* является наречием при счете: *раз, два, три*, союзом в условных предложениях: *раз вы его не предупредили, он и не пришел*. Перейти в существительное может всякая часть речи, в функции подлежащего или дополнения: *это твое «перестань» меня раздражает; русское авось; далеке грянуло ура*. Субстантивированное слово легко приобретает возможность склоняться: *эти охи и ахи надоели нам всем; простонародное на уру; старинное в естях, в нетях*; повидному, слово *суть* является субстантивированной формой 3-го лица множ. Процессу перехода одной части речи в другую мы будем называть латинскими терминами, как субстантивация, адъективация,

вербализация, прономинализация, адвербиализация, конъюнкционализация и т. д.

Указанные процессы дают как будто указание на необходимость некоторых дополнительных определений синтаксической характеристики частей речи. Существительное — это часть речи, не употребляющаяся в качестве обстоятельства и определения. Прилагательное — это часть речи, которая употребляется в качестве определения или сказуемого, а в нечленной форме также в качестве главного члена односоставного предложения. Наречие — это часть речи, употребляющаяся в качестве главного члена односоставного предложения, а также в качестве обстоятельства.

§ 493. В предыдущем выяснены синтаксические основания различения частей речи. Но имеются и более глубокие основания для такого различия — основания семасиологические. Различию частей речи соответствует различная природа наших представлений. Все наши представления, как было указано в § 4, распадаются на представления о субстанциях (лицах или предметах), представления о качествах-свойствах, представления о действиях-состояниях и представления об отношениях. Прямого соответствия между нашими психологическими представлениями и частями речи установить нельзя: представлению о субстанции соответствует, правда, существительное, но существительное может соответствовать и представлению о качестве-свойстве (напр., с одной стороны, существительное в приложении, как *дурак, подлец*, с другой стороны, существительные отвлеченные, как *глупость, краснота*); существительное может соответствовать и представлению о действии-состоянии (напр., *поездка, езда, пение, отказ* и т. п.). Представления о качестве-свойстве выражаются не только прилагательным, но и существительным (ср. выше), а также наречием (*кто помоложе — выживет*). Представление о действии-состоянии выражается не только глаголом, но и существительным (напр., *ход, ходьба*). Наконец, представления об отношениях выражаются как местоимениями, так и существительными, а также наречиями и союзами. И несмотря на все эти несоответствия и несогласованности, нам необходимо определить отношения частей речи к нашим психологическим представлениям. Существительное — это часть речи, соответствующая, во-первых, представлению о субстанции, во-вторых — представлению о качестве-свойстве или действии-состоянии, мыслимых вне сочетания с носителями или производителями их; следовательно, существительное — это часть речи, соответствующая в своей независимой грамматической форме независимому представлению, представлению, не зависящему от другого господствующего над ним представления; при этом всякое независимое представление является в форме существительного или субстантивированного имени. Прилагательное — это часть речи, соответствующая представлению о качестве-свойстве (пассивном признаке), мыслимом в атрибутивной зависимости от другого господствующего над ним представления, представления субстанции. Глагол — это часть речи, соответствующая представлению о действии-состоянии (активном признаке), мыслимом в зависимости от другого господствующего над ним представления, пред-

ставления о субстанции. Наречие — это часть речи, соответствующая представлению о качестве-свойстве, мыслимом в сочетании с представленным о другом качестве-свойстве или с представленным о действии-состоянии. Местоимение — это часть речи, соответствующая представлению об отношениях, причем местоимение-существительное вызывается независимым представлением об отношении, соответствующим представлению о субстанции, местоимение-прилагательное вызывается представлением об отношении, зависящим от представления о субстанции, местоимение-наречие вызывается представлением об отношении, сочетавшимся с представлением о качестве-свойстве или действии-состоянии. Что касается служебных частей речи — предлога, союза, префикса и частицы, то они не находят соответствия в психологических наших представлениях и являются только средствами для обнаружения наших представлений в других словах. Совершенно отдельно стоит среди прочих частей речи междометие. Существительное, прилагательное, глагол, наречие, местоимение являются названиями соответствующих представлений о субстанции, качестве-свойстве, действии-состоянии, отношениях; междометие является выражением (а не названием) наших ощущений и волеизъявлений.

§ 494. Предложенное выше определение существительного потребовало особой оговорки: существительное только в своей независимой грамматической форме может быть определено как часть речи, соответствующая независимому представлению; определение других частей речи не требует различения в них тех или иных категорий. Следовательно, более точным определением существительного будет как будто следующее: существительное — это та часть речи, которая в своей независимой грамматической форме соответствует независимому представлению, а в зависимой соответствует независимому по существу своему представлению, ставшему однако зависимым в данных речью условиях. Все остальные части речи (кроме местоимения-существительного) по самому существу своему соответствуют зависимым представлениям, причем замена их независимыми ведет за собой замену этих других частей речи существительными (зависимое — *летать*, независимое — *лет*, *полет*). Ввиду этого можно определить существительное как часть речи, по своей природе соответствующую независимому представлению. И такое определение имеет еще то преимущество, что в приложении, относящемся к подлежащему, существительное сохраняет свою независимую форму (именит. надеж), несмотря на свое зависимое положение; равным образом именит. надеж существительного сохраняется и в сказуемом, которое является в зависимом положении от подлежащего.

§ 495. Глагол мы определили, как часть речи, соответствующую представлению о действии-состоянии, мыслимом в зависимости от представления о субстанции. Под это общее определение подойдут все вообще глагольные образования, следовательно, спрягаемые формы глагола, инфинитив и причастия. Но между этими образованиями замечаются серьезные различия, которые могут дать основание к различному их определению с точки зрения природы их, как

частей речи. Причастия — это глагольные формы, т. е. названия действий-состояний, мыслимых в атрибутивной зависимости от представления о субстанции. Деспричастия — это глагольные формы, мыслимые в предикативной зависимости от существительного, являющегося при этом по большей части в качестве подлежащего, почему деспричастие получает обычно значение второго сказуемого. Инфинитив — это глагольная форма, мыслимая в качестве сказуемого в непосредственной предикативной зависимости от субстанции (напр., *портной ну браниться, ну браниться*), в качестве же глагольного дополнения в посредственной зависимости от другого глагола, стоящего в предикативной зависимости от субстанции (*дети любят кататься; семья стала увеличиваться*); мыслимая далее в качестве главного члена односоставного неопределенно-личного предложения, в сочетании с субъектом при волеизъявлении (*молчать!*); мыслимая, наконец, в качестве главного члена односоставного безличного предложения, в сочетании с выраженным или невыраженным названием зависимой субстанции (*вам сдавать; заснуть бы на часок*). Что до спрягаемых глагольных форм, то они в предложениях личных являются выражением сочетания глагольного признака с лицом, иначе — выражением сочетания представления о действии-состоянии с представлением об отношении. Более подробное определение даем ниже, там, где говорим о глаголе.

§ 496. Анализ частей речи, как мы видели, приводит к установлению различия между независимыми представлениями, находящими себе выражение в существительных, и зависимыми, выражаемыми глаголом, прилагательным, наречием. Но ошибочно было бы заключать отсюда, что существительное в независимой своей форме выражает всегда только независимое представление: как мы видели, именит. падеж существительного выражает и приложение и сказуемое, т. е. зависимые представления; напротив, глагол, как в личных своих формах, так и в безличных, выражает только зависимое представление, причем способность соответствовать целой мысли, быть словопредложением или главным членом предложения зависит от того, что большая часть глагольных форм вызывают представление о сочетании глагольного признака с другим представлением, соответствующим или субъекту или предикату мысли; также и наречие в функции словопредложения или главного члена предложения вызывает представление о сочетании соответствующего признака с представлением о бытии или состоянии в предикате; прилагательное вообще не является в функции словопредложения или главного члена предложения, а если является, то только в нечленной форме, вызывая представление о сочетании признака с 1-м или 2-м лицом единств. или множ. числа.

§ 496¹. Необходимо указать здесь, что в живой речи имеется ряд слов, произносимых без ударения или в двусложных своих формах со слабым, второстепенным ударением. Неударяемыми являются все вообще частицы: *иди-ка, ну-тка, гля-ко*. Неударяемы все вообще предлоги, когда сочетавшиеся с ними постпозитивно пмя сохранило свое ударение: *от друзей, по словам, сквозь зубы, над нашими головами, на хлеб, на чай, от силы, на реку, по пръзвищу* и т. д.; но

при известных условиях предлог принимает на себя ударение, а следующее за ним слово остается неударяемым: *на воду, на веселе, за голову, по морю, из дому, на сторону, за нос, по уху* и т. д. Предлог очевидно сливается со следующим существительным в одно слово, и это является причиной в одних случаях утраты им ударения, а в других — утраты ударения существительным. Двусложные предлоги сохраняют на первом своем слоге слабое ударение, когда в силу известных условий не перетягивают на себя целиком ударения: *из-за леса, посреди обширного двора, надо мной, передо мной, между пустыми кустами, через порог, из-под навеса, из-под мокрой замасной рубашки*; также: *вслед за нею*. Предлог постпозитивный сохраняет ударение, напр., двусложное *ради*: *бога ради, Христа ради*. Союзы односложные являются неударяемыми: *не даст, боялись, как огня, ни на шаг, и мне навстречу, как вдруг, а по прозвищу Бирюк, по над нашими головами, да видишь, какая гроза, я не видел ни зги, и лепетали, ни на какую приманку, и лброк как бес*; двусложные союзы слабоударяемы: *или он, или я*. Местоимения-существительные вообще неударяемы, ударяемы же в случае особенной связанной с ними выразительности: *вот мы и дома, я поднял голову, мы тронулись, я подвигался, я ударил, я не голоден, мы вышли вместе, говорят — ты никому спуска не даешь, он достал, по их словам, снув ей в руку, стеснял мне дыхание, бог его знает, а там я вас провожусь, а ты кто сам? самовар бы я вам поставил, да чаю у меня нету; А, ты — Бирюк? он слегка уперся руками; редко мне случалось*. Местоимения-прилагательные: *мой проводник* (но: *ваша голова*), *к тому дому, в те ворота, в ту калитку*. Местоимения-наречия: *так ты Бирюк, вот как отзывались, ну, как знаете, как тебя зовут?* Числительные односложные слабоударяемы и неударяемы: *две сестры, два брата, сто рублей* [но возможно перенесение ударения на числительные: *два дня, три дня*]. В глаголах неударяемыми являются формы глагола *быть* в значении связки: *отец был нездоров, мы будем молиться, принужден был, далее было* в наречном употреблении: *он было шагнул вперед, он было закинулся*; затем ряд глаголов в вводных предложениях: *говорит (ыт), значит, вишь, областное каже, скажет, бает* (ср. также происшедшие из глаголов наречия: *мол, де, бишь* и др.). В существительных неударяемыми являются односложные приложения, как *князь, граф*, напр. *князь Голицын, к князю Петру, граф Сперанский*; далее некоторые существительные в обращении: *ну, брат; ну, братец ты мой*; ср. дальнейший переход их в частицы как *спаси-бо, да-с* (из старшего *да-су*); может быть *-ста*.

Из предыдущего видно, что неударяемость и слабоударяемость зависят прежде всего от принадлежности слова к служебным или незнаменательным частям речи: по общему правилу не с полным ударением являются частицы, союзы, предлоги, а также те местоимения-существительные, употребление которых в известном смысле дополняет словесное обнаружение сказуемого.

§ 497. О сопутствующих значениях и грамматических категориях. Грамматическое значение языковой формы противопоставляется реальному ее значению. Реальное значение слова

зависит от соответствия его как словесного знака тому или иному явлению внешнего мира; грамматическое значение слова это то его значение, какое оно имеет в отношении к другим словам. Реальное значение связывает слово непосредственно с внешним явлением, грамматическое значение связывает его прежде всего с другими словами, со значением других слов. Некоторые слова имеют исключительно грамматическое значение: это слова служебные; другие слова совмещают реальное значение с грамматическим: это слова знаменательные; наконец, третьи слова имеют только реальное значение: это междометия. Грамматические значения, совмещающиеся со значениями реальными, можно назвать *сопутствующими* значениями. Сопутствующие значения могут основываться частью на явлениях, данных в внешнем мире: напр., множ. число *птицы* зависит от того, что мы имеем в виду представляемое не об одной, а о нескольких птицах; женский род слова *кухарка* зависит от того, что это слово означает особу женского рода. Частью же сопутствующие значения основываются на субъективном отношении говорящего лица к определяемому им явлению: напр., *я ходил* означает то же действие, что *я хожу*, но имевшее место по сообщению говорящего в прошедшем времени; *полюби* означает то же действие, что *любишь*, но включает указание на волю говорящего, направленную к тому, чтобы это действие осуществилось, и притом не длительно, а результативно. Частью, наконец, сопутствующие значения основываются не на реальном явлении внешнего мира и не на субъективном к нему отношении говорящего, а на формальной, внешней причине, данной в самом слове; так женский род слова *книга* зависит только от того, что оно оканчивается на *-а*, причем это окончание именит. единств. влечет за собой неизменно представление о женск. роде, если этому не препятствует реальное значение слова, отношение его к явлению, данному во внешнем мире (ср. *голова*, *городской голова* — муж. рода, при *голова* — женск. рода). Необходимо заметить, что сопутствующее грамматическое значение может сопрягаться не только со словами, имеющими основное реальное знаменательное значение, но также и со словами, имеющими основное значение незнаменательное: ср. слово женск. рода *она*, слово множ. числа *они*, где сопутствующие значения женск. рода и множ. числа сочетались с основным значением этого слова, значением личного местоимения. Грамматические значения являются *сопутствующими* при одних частях речи, основными при других. Сопутствующими они являются при существительных, глаголах, прилагательных, наречиях, а также при местоимениях-существительных, местоимениях-прилагательных и числительных. Основными они являются для предлогов и союзов. С местоимениями-наречиями и числительными-наречиями они не сопрягаются совсем. С междометиями они сочетаются только постольку, поскольку междометие употребляется как эквивалент глагола, т. е. как название действия. Выяснение различных категорий грамматических значений принадлежит исследованию об отдельных частях речи. Здесь я наметчу только некоторые основные категории и укажу на отношение к ним отдельных частей речи.

Существительное вызывает категории числа, рода, одушевленности и неодушевленности, конкретности и абстрактности, субъективной оценки, а также в форме именит. надежа — бытия или наличности, — наконец, надежа (*птицы, книга, тьма, перышко, мороз!*). Прилагательное воспроизводит в своей форме те самые категории, которые вызывает существительное, кроме категории бытия или наличности; но кроме того в форме именит. надежа нечленное прилагательное может вызывать представление о бытии или наличности, о лице 1-м и 2-м единств. и множ.; прилагательные качественные вызывают представления о положительной и превосходной степени качества, противоположаемых сравнительной степени, нашедшей себе выражение в соответствующем наречии, а также категорию субъективной оценки (*веселенький ситец*). Глагол воспроизводит в спрягаемых своих формах следующие категории, вызываемые существительным, с глаголом сочетавшимся: число (*птицы поют*), а в прошедшем времени кроме того и род (*книга лежала на столе*); в причастии глагол воспроизводит под влиянием существительного категорию числа, рода и надежа; кроме того глагол во всех своих формах вызывает представление о виде, залоге; во всех формах, кроме инфинитива, глагол вызывает представление о времени и наклонении; спрягаемые формы глагола, а также инфинитив вызывают представление о лице; безличная спрягаемая форма 3-го лица единств. и инфинитив могут вызывать представление о бытии или наличности. Наречие вызывает категорию бытия или наличности; кроме того оно вызывает представление о субъективной оценке (*скоренько, маленько, прелного*), а также о сравнительной степени, противоположаемой положительной и превосходной (*низко, ниже, низжайше*). Местоимение-существительное вызывает категории лица, числа, рода, одушевленности и неодушевленности, вопроса, определенности и неопределенности, наконец, надежа, а в форме именит. над. не 1-го и не 2-го лица также бытия или наличности. Местоимение-прилагательное воспроизводит в своих формах те самые категории, которые вызываются местоимением-существительным, кроме категории бытия или наличности; оно вызывает представление о вопросе и об определенности и неопределенности. Местоимение-наречие вызывает представление о вопросе и об определенности и неопределенности.

Таким образом вызываются непосредственно нижеследующие грамматические категории. Категория числа — существительным и местоимением-существительным. Категория рода — существительным и местоимением-существительным. Категория одушевленности и неодушевленности — существительным и местоимением-существительным. Категория конкретности и абстрактности — существительным. Категория надежа — существительным и местоимением-существительным. Категория субъективной оценки — существительным, прилагательным и наречием. Категория бытия или наличности — существительным, безличными формами глагола, наречием и нечленным прилагательным. Категория сравнения — прилагательным и наречием. Категория времени — глаголом. Категория залога — глаголом. Категория наклоне-

ния — глаголом. Категория вида — глаголом. Категория лица — глаголом и нечленным прилагательным. Категория вопроса — местоимениями (существительным, прилагательным и наречием). Категория определенности и неопределенности — местоимением (существительным, прилагательным и наречием).

§ 498. Грамматические категории познаются в русском языке при помощи тех морфологических особенностей, в которых они обнаруживаются. Эти морфологические особенности могут быть положены в основание при определении грамматических категорий, причем однако необходимо заметить, что некоторые категории вообще не находят для себя морфологического обнаружения, а некоторые, обнаруживаясь в одних частях речи, не имеют внешнего обнаружения в других. Так категория бытия или наличности не имеет морфологического обнаружения ни в существительных (если не признавать таковую особую интонацию), ни в наречии, ни в прилагательном, ни в глаголе. Категория повелительного наклонения обнаруживается морфологически в спрягаемых формах глагола, но остается необнаруженной ни при инфинитиве (*молчать!*), ни при некоторых других глагольных формах (*пошел вот!*), ни также при междометии (*ууу! стоп!*). Как видно из предыдущего, ту или иную интонацию можно признать способом обнаружения грамматической категории. Так категория вопроса в местоимениях обнаруживается особым словообразованием, особыми корнями (*кто? какой? который? где? куда?*); та же категория при других частях речи обнаруживается соответствующей интонацией (*брат? вернулся? холодно?*). Ввиду того, что некоторые грамматические категории общи нескольким частям речи, а некоторые могут сопутствовать всякому вообще слову (категория вопроса), нам придется рассмотреть каждую из них отдельно вслед за обозрением частей речи.

§ 499. Здесь остановлюсь еще раз на некоторых определениях. Частью речи называем те группы слов, которые образуются отношениями основных значений слов к сопутствующим этим значениям грамматическим понятиям. Грамматическим понятием называем те сопутствующие основным значения, которые в данном языке находят себе морфологическое или синтаксическое выражение. Грамматическою формой называем морфологическое обнаружение грамматического понятия. Сопутствующими основным значениям являются представления об отношении того или иного реального значения к другому реальному значению, мыслимому в отвлечении; напр., отношение к лицу, к полу, к одушевленности или неодушевленности, ко времени, к качеству, к бытию или наличности, к числу, к волеизъявлению и т. д.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
<i>С. И. Бернштейн, А. А. Шахматов</i> как исследователь русского литературного языка	3
ОЧЕРК СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА	
Происхождение современного русского литературного языка	60
Глава I. Церковнославянские элементы	70
1. Сочетания <i>ор, ер, ол, ел</i>	71
2. Сочетания <i>ра, ла</i> в начале слова	74
3. Группа <i>жд</i> вместо <i>ж</i>	75
4. Африката <i>щ</i> вместо <i>ч</i>	76
5. Гласная <i>е</i> , не перешедшая в <i>о</i>	77
6. Начальное <i>ю</i> вместо <i>у</i>	80
7. Твердое <i>з</i> (из <i>ι</i>) вместо мягкого	—
8. Гласные <i>о, е</i> на месте слабых <i>ѣ, ъ</i>	—
9. Гласные <i>ы, и</i> на месте напряженных <i>ѣ, ъ</i>	84
10. Формы прилагательных в род. ед., в им.-виш. мн. и др.	85
11. Элементы церковнославянского словообразования	87
12. Церковнославянская лексика	89
Глава II. Южнорусское влияние	90
Глава III. О заимствованиях, проникших в литературный язык	92
Глава IV. Диалектические элементы в литературном языке	95
Глава V. Об архаическом и искусственном произношении	96
Глава VI. Звуковой состав русского литературного языка	97
1. Гласные	—
2. Согласные	102
Глава VII. Действующие в настоящее время в современном литературном языке звуковые законы	107
Глава VIII. О некоторых звуковых законах, действовавших в более древние эпохи и сказавшихся на московском наречии	113
Глава IX. О некоторых звуковых явлениях, проведенных в литературном современном языке не последовательно	119
Глава X. О некоторых явлениях аналогии, нарушивших звуковые отношения	120
Глава XI. Склонение	121
Глава XII. Имя существительное	123
1. Категория рода	—
2. Категория числа	125
3. Категория падежей	126
4. Категория одушевленности и неодушевленности	127
5. Категория лица и не лица	128
6. Категория отвлеченности и конкретности	129
7. Категория единичности и множественности	130
8. Категория собирательности	131
9. Категория вещественности	—
10. Категория умалительности, уничижительности и увеличительности	—
11. Общие замечания об основах имен существительных	132
12. Склонение ед. числа слов мужского рода на твердую и мягкую согласную	134
13. Склонение ед. числа слова <i>путь</i>	140
14. Склонение мн. числа слов мужского рода на твердую согласную, кроме <i>ш, ж</i> и на <i>-й</i> (окончание им. мн. <i>-ы, -ѣ, -ѧ</i>)	—

15. Склонение мн. числа слов мужского рода на мягкую согласную и на отвердевшие <i>ш, ж</i>	146
16. Склонение мн. числа слов, оканчивающихся в им. мн. на <i>-ья</i>	148
17. Склонение мн. числа слов, представляющих в ед. числе основу на <i>-ии</i>	150
18. Склонение слов женского рода на <i>ш, ж</i> и на мягкую согласную	151
19. Склонение слов женского и мужского рода на <i>-а</i>	154
20. Склонение слов на <i>-о</i>	158
21. Склонение слов среднего рода на <i>-а</i>	163
Глава XIII. Именное склонение прилагательных	164
Глава XIV. Местоимения	166
Глава XV. Прилагательные	169
Глава XVI. Числительные	172
Глава XVII. Спряжение	174
1. Категория времени	178
2. Категория наклонения	179
3. Категория вида	180
4. Категория залога	188
5. Прочие значения глагольных основ	190
6. Неспрягаемые глагольные формы	197
7. Обзор глагольных основ	201
8. Первое спряжение: 3-е лицо ед. и мн. <i>ет — ут</i>	203
9. Второе спряжение: 3-е лицо ед. и мн. <i>ит — ат</i>	213
10. Третье спряжение: 1-е лицо ед. числа на <i>и</i>	216
11. Неправильные глаголы	127

ПРИЛОЖЕНИЯ:

I. Русский язык, его особенности. Вопрос об образовании наречий. Очерк основных моментов развития литературного языка	223
II. Вводная часть к учению о предложении	245
III. Вводная часть к синтаксису частей речи	273

Редактор Ф. С. Кузьмин.

Тираж 10 000. Подписано в печати 13/1 1941 г. А 27767. Печ. л. 18. Уч.-изд. л. 21,46. Тип. зн. в 1 печ. л. 70 700. Цена без переплета 4 р. 25 к., переплет 1 р. 25 к. Заказ № 183.

Набрано и сматрицировано во 2-й тип. Опза РСФСР треста „Полиграфкига“ „Печатный Двор“ им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

Напечатано с матриц в 1-й тип. Машгаза НКГМ. Ленинград, ул. Монсеенко, 10.